ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В МАРТЕ 1957 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

В НОМЕРЕ:

Российская бюрократия в эпоху Петра I. ***Окончание***

Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XVIII – начале XX в.

Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX в.

Лорис-Меликов на посту генерал-губернатора в Астрахани и Харькове

Генерал-губернатор А.Д. Балашов

Социальный состав черносотенных партий в начале XX в.

Восточная Галиция в 1916–1920 годах. Этнополитическая ситуация в крае

Из истории взаимоотношений Торгсина и ОГПУ

Советский военный потенциал периода «холодной войны» в американских оценках

Неизвестные проекты русского «просвещенного абсолютизма» по делам религии

Новые публикации источников Белого движения

Американское россиеведение 90-х годов XX в.

НАУКА МОСКВА

март апрель 2004 * 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. ТЮТЮКИН (*главный редактор*),
А.И. АКСЕНОВ, В.Я. ГРОСУЛ, П.Н. ЗЫРЯНОВ, А.Е. ИВАНОВ, А.В. ИГНАТЬЕВ, А.П. КОРЕЛИН, Ю.С. КУКУШКИН, В.А. КУЧКИН, В.С. ЛЕЛЬЧУК, В.А. НЕВЕЖИН, Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, Ю.А. ПЕТРОВ, Е.И. ПИВОВАР, Ю.А. ПОЛЯКОВ, М.А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*), **А.Н. САХАРОВ, С.С. СЕКИРИНСКИЙ, В.В. ТРЕПАВЛОВ**

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 123-90-10; 123-90-41
Наша электронная почта:
otech_ist@mail.ru

Ответственный секретарь Ю.В. Мочалова
Тел. 123-90-10

EDITORIAL BOARD

S.V. TIUTIUKIN (*Editor-in-chief*),
A.I. AKSIONOV, V.Ya. GROSUL, P.N. ZYRIANOV, A.E. IVANOV, A.V. IGNATIEV, A.P. KORELIN, Yu.S. KUKUSHKIN, V.A. KUCHKIN, V.S. LEL'CHOUK, V.A. NEVEZHIN, L.N. NEZHINSKII, Yu.A. PETROV, E.I. PIVOVAR, Yu.A. POLYAKOV, M.A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*), **A.N. SAKHAROV, S.S. SEKIRINSKII, V.V. TREPAVLOV**

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 123-90-10; 123-90-41

Managing Editor Yu.V. Mochalova
Tel. 123-90-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКИХ ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА), А ТАКЖЕ В ЭЛЕКТРОННОМ ВАРИАНТЕ (ДИСКЕТА И РАСПЕЧАТКА НЕ БОЛЕЕ 1,5 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ МАТЕРИАЛА РУКОПИСИ И ДИСКЕТА НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

© Российская академия наук
Институт российской истории, 2004 г.

© 2004 г. Л. Ф. ПИСАРЬКОВА*

РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ В ЭПОХУ ПЕТРА I УСЛОВИЯ СЛУЖБЫ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Материальное обеспечение гражданских служащих

Оклады гражданских служащих и покупательная способность рубля. В XVII в. денежное жалованье было не единственным источником существования государственных служащих: его дополняли натуральные и поместный оклады. В первые годы правления Петра I продолжала действовать система оплаты труда приказных людей, введенная царем Алексеем Михайловичем. Так, в 1690 г. служащие Посольского приказа, помимо подьяческого денежного и хлебного окладов, получали праздничный и соляной оклады[72], величина которых не менялась в течение второй половины XVII в. В начале XVIII в. раздача поместных окладов была прекращена, и денежное жалованье стало главным источником существования приказных людей; дополнением к нему служило хлебное жалованье. На низкие оклады приказные люди жаловались еще в конце XVII в., но еще больше оснований для этого у них возникло в начале XVIII в.

По подсчетам Л.В. Милова, во второй половине XVII в. прожиточный минимум (только на питание) составлял 2–2.5 руб. в год на одного человека, тогда как 1 день малоквалифицированного труда стоил алтын (3 коп.) или примерно 7.5 руб. в год (при 5 рабочих днях в неделю). Иными словами, за 1 день работы поденщик получал плату, достаточную для того, чтобы жить в течение 3–5 дней[73].

В первой четверти XVIII в. ситуация изменилась. Монетная операция, которую проводило правительство начиная с 1700–1701 гг. (перечеканка старых серебряных монет, уменьшение их веса, выпуск медных денег и др.), приносила прибыль казне, но вела к обесцениванию рубля[74]. По свидетельству французского дипломата де Кампредона, в начале 1720-х гг. русский рубль приравнивался к 52 французским су, хотя не стоил и 38 банковских су, поэтому было выгодно привозить в Россию пиастры или немецкие талеры[75]. В.О. Ключевский, сопоставляя покупательную способность рубля XVII и XVIII вв. с современным ему рублем, пришел к выводу, что стоимость 1 руб. в 1651–1700 гг. равнялась 17 руб. 1882 г., тогда как в 1701–1730 гг. она не превышала 9 руб. Иными словами, в годы правления Петра I рубль подешевел почти в 2 раза, что привело к заметному росту цен и сказалось на материальном положении населения. Если во второй половине XVII в. в Москве и Новгороде за четверть овса платили в среднем 33 коп., то в первой четверти XVIII в. – соответственно 56 и 145 коп. Особенно быстро росли цены в 1720-е гг.[76], когда, по свидетельству И.Т. Посошкова, прожиточный минимум не обеспечивал уже и дневной заработок в 5 коп. «Дадут ему (русскому человеку. – *Л.П.*) на день по 5 коп. И таковым кормом и себя одного не прокормить, – замечает он, – а жену и детей чем ему кормить, только по миру ходить, поневоле научат воровать и в мастерстве своем неправду делать»[77]. Таким образом, на годовое жалованье в 18 руб. (из расчета 5 коп. в день) в то время мог прожить 1 человек, хотя и с трудом. Вероятно, не случайно содержание одного солдата обходилось в 28.5 руб. в год, или около 8 коп. в день, а учащиеся Навигацкой школы получали кормовых денег от 9 до 15 коп. в день (3–5 алтын), или от 33 до 54 руб. в год[78].

* Окончание. Начало см.: Отечественная история. 2004. № 1.

Несмотря на инфляцию и рост цен, жалованье приказных людей оставалось на прежнем уровне. К повышению окладов не привела и губернская реформа. Уже в марте 1708 г. дьяки и подьячие Ингерманландской губ. «били челом» о назначении им годового денежного и хлебного жалованья, так как «без того пропитаться им нечем». Однако просьба не была удовлетворена. Высочайшая резолюция предписывала «довольствоваться тем жалованьем, кому какое ныне есть, и к тому давать хлеба, что кому доведется, по рассмотрению, а о прибавке до будущего времени обождать»[79].

До 1715 г. в оплате труда приказных людей не было единообразия, так как оклады устанавливались по усмотрению начальников губерний и провинций или самими канцеляриями в зависимости от статей и степеней, на которые подразделялись подьячие. В начале XVIII в. денежные оклады подьячих, особенно местных учреждений, имели более дробную градацию, чем в XVII в. Представление о жалованье служащих местных учреждений дают оклады подьячих Тамбова и Воронежа. В 1710–1712 гг. в Тамбовской провинциальной канцелярии 7 подьячих 1-й статьи (старых) подразделялись на 6 степеней и получали соответственно: от 100 до 200 руб., от 50 до 100 руб., 30 руб., 25 руб., 20 руб. и двое – по 15 руб. в год; годовые оклады 12 подьячих 3-й статьи (молодых) распределялись по четырем степеням и колебались от 3 до 5 руб. В Воронежской канцелярии оклады были другими. Двое подьячих 1-й статьи получали 27 и 50 руб.; четыре человека 2-й статьи – 10, 12 и 25 руб.; десять подьячих 3-й статьи были разделены на четыре степени с окладами: 10 руб., 7 руб., двое – по 5 руб. и шестеро – по 2 руб. 50 коп.[80] Очевидно, что по сравнению с концом XVII в., когда годовое жалованье подьячих приказных изб составляло от 1 до 30 руб., денежные оклады выросли, хотя большая их часть не достигала прожиточного минимума.

При формировании сенатской канцелярии оклады ее служащих не отличались от губернских; в зависимости от статьи подьячие получали от 2 до 100 руб. в год, а 33 человека служили вообще без жалованья[81]. В конце 1711 г. оклады были повышены, особенно у молодых подьячих, для которых вводилось дополнительное деление на 3 статьи. В результате оклады 83 служащих сенатской канцелярии распределялись следующим образом: 11 старых подьячих получали по 100 руб., 12 средних – по 50, 20 молодых 1-й статьи – по 30 руб., 20 молодых 2-й статьи – по 20 руб. и 20 молодых 3-й статьи – по 15 руб.[82] Помимо повышенных окладов, сенатские дьяки и подьячие имели право беспошлинного прохода через городские ворота, а в 1713 г. они получили такую важную для того времени привилегию, как освобождение от воинского постоя[83].

В 1713 г. в связи с переездом Сената в Петербург его канцелярия разделилась на петербургскую и московскую, что привело, однако, не к увеличению, а к сокращению общей численности подьячих до 66 человек (из них 50 молодых). Изменения коснулись и жалованья молодых подьячих, минимальный размер которого сократился с 15 до 5 руб. в год, что увеличило разрыв в оплате труда опытных и начинающих служащих. В северной столице, где цены были выше московских, подьячим доплачивали от 1 до 3 руб. в зависимости от квалификации, так как на жалованье, по их свидетельству, «прокормиться было невозможно»[84].

Однако эти доплаты были явно недостаточными и не решали проблему материального обеспечения служащих. При низком казенном жалованье традиционным источником безбедного существования для приказных людей по-прежнему служило «кормление от дел». В 1713 г. подьячие канцелярии Сената жаловались, что до 1711 г., когда их взяли в секретный стол этой канцелярии, «давано им денежное и хлебное жалованье и сверх того и приказная дача», а в Сенате назначено им жалованье «с убавкой» и кормиться «с домашними невозможно, отчего пришли в великое оскудение и нищету». Свою просьбу о прибавке окладов они объясняли тем, что, в отличие от других подьячих, у которых бывают «челобитчиковы дела», у них нет другого прибытка, кроме жалованья. На этой челобитной Петр I написал резолюцию: «Вместо прибавочного жалованья ведать в секретном столе все иноземческие и Строгоновы дела, кроме городских товаров»[85]. Таким образом, при недостатке государственных средств Петр I был

вынужден официально признать право администрации на кормление от дел, что создавало условия для получения взяток.

Отношение правительства к оплате труда гражданских служащих. Повышения окладов приказным людям пришлось ждать долго. Причиной тому были как постоянный дефицит государственных средств, так и введенный с 1711 г. новый принцип их распределения между центральными и местными учреждениями. Если до этого из губерний в центр поступал чистый доход, т.е. разница между губернскими доходами и расходами, то с 1711 г. этот порядок расчета был заменен на прямо противоположный. Из общего дохода вначале вычитались средства, необходимые на содержание четырех главных приказов – Военного, Адмиралтейского, Посольского и Артиллерийского (так называемые табельные расходы), а остаток, на который и падал дефицит, шел на местные расходы. По пяти губерниям, переведенным на новый способ формирования бюджета (Московской, Смоленской, Архангелогородской, Казанской и Сибирской), общий дефицит местных расходов составил свыше 257 тыс. руб. За пределами табельных расходов оказалось и содержание губернской администрации, которое должное было обеспечиваться за счет местных «прибыльных» доходов. Однако не было гарантии, что эти деньги останутся в губернии, а не пойдут на удовлетворение общегосударственных нужд[86]. По крайней мере уже в 1713 г. по распоряжению царя Сенат ищет способы произвести «убавки» в расходах на содержание аппарата. В результате в начале 1714 г. из поступивших на жалованье служащих 318 тыс. руб. предусматривалось выдать «на прежних основаниях» только 162 тыс., а 112 тыс. руб. выдавать «по рассмотрению губернаторскому» или вовсе сократить. В частности, было принято решение не выдавать жалованье владельцам деревень. Однако эта мера позволила сэкономить только 1.5 тыс. руб.[87], что говорит о небольшом числе чиновников-помещиков.

В условиях военного времени и постоянной нехватки денег жалованье выплачивалось нерегулярно, иногда его не получали годами. При этом правительство нередко само облагало приказных людей многочисленными денежными поборами. Гражданская служба признавалась более легкой по сравнению с военной, поэтому участие приказных людей в расходах казны на военные нужды считалось вполне закономерным. В 1706–1713 гг. правительство особенно часто обращалось к этому источнику. Например, в июле 1706 г. специальным указом предписывалось взыскать и рекрутов, и деньги с владельцев имений, «которые были у дел на Москве и в посылках и на воеводствах и в домах», т.е. в отставке, причем «править неотложно», а если в срок не отдадут, то взять с них вдвое. В конце 1706 г. следует новый указ, касающийся приказных людей и духовенства. При этом годные к службе дьяки должны были платить от 20 до 40 руб., подьячие – от 1 до 25 руб., духовенство – по 1 руб.; не годные к службе также не остались в стороне: со старых и увечных, «которые в службу не годны, а работать могут», предписывалось взять по 8 гривен (80 коп.), с недорослей и малолетних – по 0.5 полтины (25 коп). На собранные деньги предусматривалось создать 3 полка: 2 драгунских и 1 пехотный[88]. За счет приказных людей правительство оказывало «подмогу» подьячим, которых забирали из приказов в военные канцелярии (по 50 руб. старым и по 30 средним и молодым). Источник финансирования был указан в законе: «Из тех приказов, где они взяты, собрав с их же братии оставшихся подьячих»[89]. Приказные люди платили в казну рекрутские деньги, причем размер сбора во время войны с Турцией был сильно увеличен. Указом 1713 г. предписывалось с дьяков и подьячих как центральных, так и губернских учреждений «против положенного на них оклада в Казенный приказ и в городах взять втрое. На дьяках <…> взять доведется с 711 по 714 гг., итого на три года по 1641 руб., а втрое 4923 руб.»[90]. Из-за тех же военных действий, или, как объяснялось в именном указе 3 декабря 1713 г. «для нынешней службы», следовало в приказах и губерниях жалованье на 1714 г. не выдавать никому, за исключением военных[91]. В 1715 г. вводится новый сбор с приказных людей, имевший военное назначение: при пожаловании в дьяки они должны были вносить в канцелярию Сената огромную по тем временам сумму – по 100 руб. с человека – на содержание лазаретов[92].

Таблица 7

Оклады служащих местного управления по штатам 1715 г.

№ п/п	Должность	Жалованье	
		Денежное (руб.)	Хлебное (четвериков)*
1	Губернатор	1200	600
	В С.-Петербургской губ.	2400	1200
2	Вице-губернатор	600	300
	В С.-Петербургской губ.	3000	300
3	Обер-инспектор		
	В С.-Петербургской и Рижской губ.	1200	–
4	Ландрихтер	300	150
	В С.-Петербургской губ.	600	150
5	Обер-провиантмейстер	400	150
6	Провиантмейстер	60	45
	В С.-Петербургской губ.	180	90
7	Дьяк (секретарь)**	120	60
8	Подьячий старый (1-й статьи)**	60	30
	средний (2-й статьи)**	40	20
	молодой (3-й статьи)**	15	10
9	В доле: Ландрат	120	120
	Комиссар	60	60
	Подьячий старый (1-й статьи)	30	30
	средний (2-й статьи)	20	20
	молодой (3-й статьи)	15	15
	Рассыльный (с лошадью)	12	12

Сост. по: ПСЗ-1. Т. 5. № 2879. 28 января 1715 г.

* Четверик – хлебная мера, равная 1/8 четверти, или около 15 кг (в XVIII в. четверть содержала 7 пудов и 10 фунтов, что составляло около 119 кг хлеба);

** В Петербурге, Ревеле, Выборге и Шлиссельбурге денежное и хлебное жалованье дьяков и подьячих было в 2 раза больше.

Расходы на губернскую администрацию по штатам 1715 г. Штатное расписание 1715 г. вводило новый принцип оплаты труда: оклады назначались всем категориям служащих, включая подьячих, их размер фиксировался законом и не зависел от воли начальника. По сравнению с прежней системой оплаты труда установление повсеместного и фиксированного жалованья было заметным шагом вперед.

Как следует из таблицы 7, новые оклады зависели только от должности и места службы. Губернатор получал в 10 раз больше дьяка и в 80 раз больше молодого подьячего. В С.-Петербургской губ. и на вновь присоединенных территориях оклады служащих были в 2 раза выше, чем в других губерниях, а в канцеляриях ландратов, управлявших долями, – в 2 раза ниже. Самым высокооплачиваемым чиновником был вице-губернатор С.-Петербургской губ., который фактически и управлял ею вместо А.Д. Меншикова, постоянно занятого другими делами. Жалованье канцелярских служителей устанавливалось в соответствии с их делением на 3 статьи (деление на степени отменялось) и уже не зависело от расположения начальника учреждения. Однако, как показала практика, в условиях хронического дефицита денег в казне введение новых штатов и новых принципов оплаты труда еще не служило гарантией своевременной выплаты жалованья.

По штатам 1715 г., на содержание всей губернской администрации расходовалось 173 тыс. руб., тогда как только управление Лифляндии до присоединения ее к России

обходилось шведскому бюджету более чем в 200 тыс. руб. в год. Таким образом, на одну губернию Швеция расходовала больше средств, чем огромная по территории Россия выделяла на все местное управление. «Шведские учреждения, если ввести их настоящим образом, – писал П.Н. Милюков, – были для тогдашней России *слишком дороги* и не соответствовали степени ее хозяйственного развития». Именно это обстоятельство являлось, по его мнению, одним из самых слабых мест при приспособлении шведских губернских учреждений к условиям российской жизни[93].

Стоимость центрального аппарата в 1721 г. Стремление получить дешевую администрацию сказалось и при разработке коллежской реформы. Разработчик административных реформ Г. Фик, ссылаясь на опыт европейских («христианских») государств, которые все «честно и по нужде» обеспечивают своих служителей, призывал Сенат не жалеть денег на содержание администрации. По его мнению, лучше дать 100 руб., «нежели допустить на 200 или 300 руб. подлогу», тем более что только «надеждой на хорошее жалованье и повышение чина можно привлечь способных людей»[94]. По смете конца 1718 г., расходы на новые центральные учреждения определялись в 105 тыс. руб., тогда как содержание старого аппарата обходилось в 109 тыс. Однако экономия в 4 тыс. руб. объяснялась лишь неполнотой сметных расходов, куда не вошли Сенат, Адмиралтейская и Иностранная коллегии, обходившиеся казне почти в 50 тыс. руб.[95] Несмотря на все старания законодателей, новая администрация стоила дороже.

При разработке коллежских штатов их чиновникам были действительно назначены хорошие оклады, особенно иностранцам. Русские служащие помимо денежных окладов получали хлебное жалованье. Чтобы составить представление о размере окладов в центральном управлении, обратимся к штатам одной из коллегий.

Как следует из таблицы 8, разрыв в размере денежных окладов высших и низших служащих коллегий был более значительным, чем в губернском управлении (см. табл. 7). Так, оклад президента коллегии, составлявший примерно 6 тыс. руб., в 25 раз превосходил жалованье секретаря (240 руб.) и в 200 – жалованье копииста (30 руб.) Величина коллежских окладов зависела не только от должности, но и от подданства служащего: иностранцы получали за свою работу в 2–3 раза больше, чем русские чиновники. Не последнюю роль в данном случае играло и то, что иностранцы, в отличие от русских чиновников, не владели поместьями. Но и среди русских служащих, особенно низших рангов, помещиков было немного. Неравенство в денежных окладах не мог компенсировать и хлебный оклад, который получали только русские.

Попытаемся определить денежную стоимость хлебного оклада. В 1716 г. в Петербурге четверть ржаной муки стоила в среднем 1 руб. 50 коп., а четверть овса – 1 руб.[96] Единицей измерения хлебного оклада служил четверик, равнявшийся $^1/_8$ четверти. Соответственно стоимость четверика муки и овса составляла 18 и 12.5 коп. Исходя из такого расчета, хлебный оклад увеличивал жалованье коллежского советника на 93 руб., секретаря – на 18, а копииста – на 3 руб. в год. В более выгодном положении находились служащие Иностранной коллегии, которым вместо хлебного оклада назначались кормовые деньги. За исключением высших чинов коллегии, их получали все служащие, причем у низших чинов эти выплаты часто превышали денежный оклад. Так, советник коллегии при окладе в 1000 руб. получал 300 руб. кормовых, секретарь канцелярии, соответственно, – 400 и 120 руб., канцелярист – 120 и 96 руб., подканцелярист – 58 и 72 руб., сторож – 14.5 и 18 руб. и т.д.[97]

В 1721 г. содержание 3101 служащего центрального аппарата потребовало из государственной казны 196 841 руб. (денежный оклад), не считая 16 895 руб. на канцелярские расходы (всего 213 736 руб.), и 47 758 четвериков муки, овса и круп (хлебный оклад)[98]. При таком раскладе на одного человека приходилось в среднем по 63 руб. и 15 четвериков хлеба. По сведениям, приведенным А.Н. Медушевским, в 1715 г. 1396 служащих центральных учреждений получали 96 622 руб. и 26 699 четвериков хлеба[99], т.е. по 69 руб. и 19 четвериков хлеба на человека. Сопоставление среднедушевых показателей позволяет заключить, что в результате проведения коллежской реформы материальное обеспечение служащих центрального управления ухудшилось.

Таблица 8

Жалованье служащих Камер-коллегии по штатам 1720 г.

Должность	Иностранцы		Русские			
	Чел.	Руб. (одному)	Чел.	Руб. (одному)	Мука (четвериков)	Овес (четвериков)
Президент			1	Еще нет*		
Вице-президент	1	2400				
Советник	1	1600	1	600	100	600
Асессор	2	600	2	Еще нет**		
Секретарь (дьяк)	1	600	9	240	60	60
Подьячие (старые)			4	120	30	30
Камерир	1	600				
Унтер-камерир	1	300				
Переводчик	1	300				
Актуариус	1	300				
Шрейбер (писец)	2	200				
Комиссар	1	400	1	120	30	30
Контролер	1	300				
Канцелярист			35	120	30	30
Подканцелярист			23	80	20	20
Копиист			68	30	10	10
Офицер			10	20–18	9–6	9–6
Солдат, вахмистр			160	17–5	5–2	5–2
Сторож			10	12–10	6–3	6–3
Мастера водочного и табачного дела	4	400–108	2	150–90		
Ученики			30	11		

Сост. по: РГАДА, ф. 248, оп. 11, кн. 606, л. 200–201.

* О размере денежного жалованья правителей коллегий можно судить по окладам, назначенным к тому времени президенту Берг-коллегии Я.В. Брюсу – 5616 руб. и вице-президенту Иностранной коллегии – 6600 руб.

** В коллегиях Иностранных дел и Юстиции русским асессорам было назначено по 500 руб., а в Москве, где оклады были ниже, чем в Петербурге, – по 400 руб. в год (РГАДА, ф. 248, оп. 11, кн. 606, л. 195–199, 204–205, 215).

При неукоснительном исполнении штатов 1715 и 1720 гг. ежегодный расход на содержание новой администрации должен был составить 387 тыс. руб. (173 тыс. руб. на местную и 214 тыс. на центральную). В 1720 г. при общем расходе государства в 5556 тыс. руб. удельный вес этой статьи составил бы почти 7%, а в 1724 г. при увеличении расходов до 6243 тыс. руб.[100] – 6%. Но такие затраты были непосильным бременем для скудного российского бюджета. Очень скоро правительство было вынуждено искать способы сокращения расходов на содержание государственного аппарата. Решению этих задач и было подчинено законодательство 1720-х гг.

Нарушение принципа оплаты труда служащих. Правительство постоянно нарушало принцип денежной оплаты труда служащих государственного аппарата, введенный в 1715 г. Недостаток средств был главной, хотя и не единственной тому причиной. Судя по многочисленным указам, в первой четверти XVIII в. еще не изжило себя старое понимание «жалованья», в котором законодатели по-прежнему видели не столько *плату* за

труд, сколько *награду* за службу. Достаточно в данном случае сослаться на указ 1716 г., запрещавший местной администрации («губернаторам, ландратам, ландрихтерам и приказным всяких чинов людям») брать себе жалованье «прежде отпуска расходов, положенных по табели». В 1720 г., когда была введена раздача денег по третям, следует новое напоминание администрации о том, чтобы брали жалованье лишь «перво исполня армейскую дачу каждой трети», т.е. из оставшихся денег[101]. В результате многие чиновники, в отличие от военных, не получали жалованья годами; некоторым же из них вообще не пришлось узнать, что такое казенное жалованье. Например, за 4 года службы (1709–1713) сибирский комендант Шокуров получил жалованье только 1 раз, а подьячий той же губернии вообще служил без жалованья «лет с десять и больше» и просил в 1716 г. назначить ему денежный, хлебный и соляной оклады. Как удовлетворялись такие просьбы можно судить по карьере другого канцелярского служителя, который за 27 лет службы (с 1711 по 1738 г.) не получал жалованья ни разу[102]. Интересно, что на годы его службы приходилось десятилетие 1715–1725 гг., когда по закону все гражданские служащие должны были получать казенное жалованье. Тем не менее независимо от законодательных предписаний, вводивших или отменявших казенные оклады, этот служащий оставался неокладным подьячим.

Формально принцип денежной оплаты труда гражданских служащих сохранялся до конца правления Петра I, но многочисленные факты указывают на то, что далеко не всегда он реализовывался на практике. Нередко жалованье не выплачивалось всей губернской администрации. В 1720 г. служащие Архангелогородской губ. жаловались, что не получали денег с 1717 г., а подьячие Вологодской провинции просили выплатить им жалованье за 1719 и 1720 гг., так как «пришли во всеконечную нищету и разорились без остатка» и «только запрещение закона удерживает их от прошения милостыни». Воевода, поддерживая ходатайство подчиненных, просил впредь выдавать жалованье аккуратно, так как за неимением средств к жизни подьячие могут «разбрестись врознь», тем более что один из них уже бежал из канцелярии[103]. Материальное обеспечение приказных людей не улучшилось и в последующие годы. Как следует из донесения в Сенат сибирского губернатора кн. М.В. Долгорукова, в 1726 г. канцелярских служителей держали «в земской конторе без выпуску», чтобы таким образом обеспечить управление необходимыми работниками, вынужденными служить без жалованья. Но от такого «принуждения и недачи жалованья многие канцеляристы разбежались, один зарезался ножом, а иные желают выйти в разные крестьянские и посадские тягла»[104].

Правительство далеко не всегда удовлетворяло просьбы докучливых чиновников. Показательна в данном случае реакция Сената на ходатайство управляющего Ярославской провинцией члена надворного суда Дашкова, просившего в 1721 г. о выплате жалованья подьячим провинциальной канцелярии (всего 11 человек). Он рисует бедственное положение служащих этой канцелярии, которые «после запрещения брать плату с просителей от приказных дел пищи не имеют», казенного жалованья не получают и так завалены делами, что вынуждены за свои деньги нанимать помощников. Сенаторы постановили: «Судье Дашкову <…> о жалованье отказать и впредь ему о том не бить челом, *понеже определение учинено будет при сочинении штатов генерально*»[105]. Напомним, что губернские и провинциальные штаты были утверждены только в 1725 г.[106] В том случае, если местные правители брали жалованье из неположенных для этого сборов, с них взыскивали эти деньги в двойном размере. Так, у воеводы Бахмутской провинции забрали в казну деревни за то, что в 1718–1724 гг. он платил жалованье своим подчиненным из соляного сбора.

В условиях хронического дефицита денежных средств правительство пользовалось жалованьем гражданских служащих как резервным фондом, из которого можно было в случае необходимости черпать дополнительные суммы. Особенно часто обращались к этому источнику в 1723 г., когда такая практика получила законодательное подтверждение. Специальным указом предписывалось в случае нужды в деньгах и невозможности изыскать другие способы для их получения «разложить оную сумму со всех чинов всего государства, которые жалованье получают». И уже в апреле такая нужда

возникла, в результате чего у служащих была вычтена четвертая часть денежного годового оклада и удержан весь хлебный оклад. Этот указ затронул даже военных: им была выдана половина рационов, а тем, кто получал тройной оклад, оставлен только один. В связи с отсутствием денег в казне приказным людям нередко выдавали жалованье натурой: сибирскими мехами и прочими казенными товарами. Но и получавшие жалованье не всегда могли его тратить, так как с чиновников брали подписку, что в случае государственной нужды они вернут эти деньги в казну по первому требованию[107]. В этой связи необходимо заметить, что задержка жалованья и выплата его в неполном объеме практиковались и в XVII в., особенно часто в первой половине столетия, когда после событий «смутного времени» страна была разорена, а ее финансы расстроены[108].

В ходе подготовки Табели о рангах была предпринята попытка поднять престиж гражданской службы. Именно так можно расценить указ 11 января 1722 г., по которому предполагалось уравнять оклады военных и гражданских служащих («чтобы жалованье учинить статским чинам против служивых равных рангов равное»). Однако в связи с недостатком средств законодателям вскоре пришлось отказаться от этого решения. В конце 1724 г. жалованье служащим коллегий и других центральных учреждений было установлено в размере половины армейских окладов и рационов, а в местных канцеляриях – «против сего вполы», т.е. только четверть жалованья, получаемого в армии. При этом бывшие военные, взятые на гражданскую службу, сохраняли свои прежние оклады[109]. Этот указ действовал в течение 40 лет и был отменен только при введении штатов 1763 г. Таким образом, правительство расписалось в собственном бессилии решить проблему материального обеспечения служащих. «Тот факт, – писал М.М. Богословский, – что государство, заведя сложную канцелярскую машину управления, не имело достаточных средств содержать ее, остается несомненным»[110]. Несмотря на то внимание, которое уделялось административным преобразованиям в последние 10 лет жизни Петра I, государственное управление финансировалось по остаточному принципу, так как львиную долю скудного бюджета поглощали армия и флот. На содержание администрации в 1724 г. было выделено 203.4 тыс. руб., что составило 3.2% (от 6243 тыс. руб.) всех расходов. Из этих денег свыше 20 тыс. выделялось на содержание школьников, геодезистов и мастеровых «разных художеств». Оставшиеся 183.4 тыс. руб. (2.9% всех государственных расходов) распределялись следующим образом: 144 тыс. руб. поступали «сенатским и коллежским иноземцам и русским», 7.7 тыс. – на содержание прокуроров и синодских служащих и около 32 тыс. руб. составляли долю местной администрации[111]. Политика последних лет правления Петра I, направленная на сокращение численности служащих и расходов на их содержание, находила поддержку у современников. «А судьям и приказным людям, – писал, например, И.Т. Посошков, – государево жалованье денежное и хлебное надлежит отставить, чтобы в том жалованье казна великого государя напрасно не тратилась. <…> потому что они не много делают даром, а аще бы и даром делали, то что в том великому государю прибыли?»[112]

Петровские указы 1720-х гг. вплотную подвели правительство к необходимости пересмотра штатов и отказу от принципа денежной оплаты труда гражданским служащим, что и было осуществлено сразу же после смерти преобразователя. При скудном и нерегулярно выплачиваемом жалованьи чиновникам не оставалось ничего другого, как искать дополнительные источники существования.

Взятки, казнокрадство и прочие злоупотребления

Причины и характер злоупотреблений. Взяточничество и прочие служебные злоупотребления не были изобретением чиновников первой четверти XVIII в. Наказания приказных людей за «лихоимство» и «воровство» предусматривались Соборным уложением 1649 г., и современники царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича хорошо знали, что для решения дел в приказах «надобно задаривать людей, которые пером ловят соболей»[113]. Но в годы правления царя-реформатора эта «закоренелая бо-

лезнь русского общества, воспитанного на *кормлении*»[114], достигла невиданных масштабов, поразив все этажи государственного управления, включая высший. Эта сторона жизни российской бюрократии, вызывавшая удивление иностранцев[115], получила достаточно подробное освещение в исторической литературе, а в работе историка Д.О. Серова стала предметом специального изучения[116]. Такое внимание к этой теме позволяет ограничиться общей характеристикой злоупотреблений, сосредоточившись на причинах этого явления.

Рассмотрев материальное положение служащих государственных учреждений, несложно установить и главную причину распространения должностных преступлений. Отсутствие жалованья толкало малообеспеченных чиновников на нарушение законов и служило оправданием для получения взяток и незаконных поборов с населения. Но нарушали присягу и те, кто имел поместья, был обеспечен казенным жалованьем и занимал высокое служебное положение. Не будет преувеличением сказать, что в период реформирования административной системы казнокрадство и взяточничество получили повсеместное распространение и отличались только масштабами. Французский посол де Кампредон удивлялся многообразию источников злоупотреблений в России и считал, что «глубину их так же трудно исследовать, как воды океана». По его свидетельству, для чиновников одним из распространенных способов получения неправедных доходов была проверка квитанций об уплате податей в тех селениях, где случались пожары в помещичьих усадьбах (в них и хранились квитанции). Такая проверка была своего рода наградой со стороны начальника, так как «подчиненный отправляется в указанные ему деревни в сопровождении множества слуг, которые все отлично при этом живут на счет населения, между тем как господин их приводит в трепет несчастных крестьян спешным требованием от них квитанций. Не могущие представить их тотчас принуждаются к вторичной уплате». Чиновники, собиравшие налоги, ассоциировались у Кампредона с хищными птицами. «Они только о том и думают, как бы разорить подданных, – замечает дипломат. – И они так хорошо достигают этой цели, что какой-нибудь мелкий чиновник, получающий всего 12 руб. жалованья и едва имевший носильное платье при вступлении на службу, в какие-нибудь 4–5 лет успевает выстроить себе каменные палаты в Петербурге, тогда как разоренные его грабительством крестьяне вынуждены бывают покидать свои жилища. Мелкие чиновники находят при этом поддержку в людях с весом, которые делят с ними их беззаконные барыши. <…> Вместо 6 или по крайней мере 7 руб. в год, которые крестьяне обязаны уплачивать казне, с них собирают до 14 и 15 руб.»[117]. О массовых злоупотреблениях петровской бюрократии писал в своих «Записках» и голштинский посол гр. Бассевич, пользуясь, судя по всему, тем же источником, что и его французский коллега. «Из собранных податных 100 руб., – дополняет он сведения Кампредона, – наверное, каких-нибудь 30 руб. поступают в казну его величества, остальные чиновники делят между собой за труды свои»[118]. Многочисленные факты о злоупотреблениях местной администрации приводит в своем исследовании М.М. Богословский. Из городов по всем губерниям и провинциям, отмечает историк, шли жалобы на «обиды и разорения» от гражданских правителей. Не меньше притеснений терпело от них и население уездов, у которого взятки выколачивались иногда даже «смертным правежом». Помимо незаконных поборов, население по традиции продолжало «кормить» местную администрацию. «Корм» только одного земского комиссара мог обходиться крестьянам до 5–6 руб. в неделю, но эти регулярные подношения продуктов взяткой никто не считал[119].

Представление о величине и характере незаконных сборов с населения дают материалы ревизии 1725 г. в Нижегородской губ. Результаты следствия, открытого против нижегородского губернатора, показали, что за 4 года (1720–1724 гг.) администрация этой губернии получила путем вымогательства или добровольных приносов 3632 руб. $69^1/_2$ коп. Среди получателей этих денег оказались председатель провинциального суда, секретарь губернской канцелярии, камерир, фискалы, но большинство составляли уездные комиссары и их подьячие. Значительно превосходили эту сумму так называемые приказные расходы (для покупки бумаги, чернил, сургуча, свечей,

дров и пр.), величина которых устанавливалась местной администрацией. Они собирались с населения и самим населением, так как казна не выделяла денег даже на эти цели. За 4 года канцелярские сборы составили 31 226 руб. (из расчета 29 коп. с двора). Еще более крупные злоупотребления открылись в 1726 г. в Московской губ. За расхищение казны ревизовавший губернию сенатор А.А. Матвеев велел повесить двух подьячих Суздальской провинции и еще пятерых бить кнутом[120].

Однако злоупотребления канцелярских чиновников, часто не имевших других средств к существованию, были ничтожными по сравнению с теми, которые допускали губернаторы и другие высшие чины. Можно сказать, что должностные преступления были прямо пропорциональны служебному положению, занимаемому должностным лицом. Характеризуя злоупотребления русских губернаторов и вельмож, неизвестный доноситель в феврале 1715 г. писал Петру I из Голландии: «Губернаторы радеют токмо о своих карманах: Киевская губерния истощена до конца, также Казанская; слышно, киевский губернатор высылает в свой московский дом деньги не мешками, но уже возами <…> Иностранные купцы высылают серебро и золото из России, что запрещено в чужих землях. Вельможи кладут деньги в чужестранные банки, Меншиков, Куракин, князь Львов»[121]. Действительно, только у Меншикова после его ссылки в Сибирь в 1727 г. обнаружили 9 млн руб., в банковских билетах Лондонского и Амстердамского банков, не считая 4 млн руб. наличных денег, драгоценностей на сумму свыше 1 млн руб. и 105 фунтов золота в слитках и сосудах. Что толкало на злоупотребления этих людей, нередко стоявших на самой вершине власти и владевших капиталами, значительно превышавшими государственный бюджет? Конкретного ответа на этот вопрос не существует. В данном случае на первый план выступают такие отрицательные свойства природы человека, как жадность, честолюбие, отсутствие нравственных начал и чувства собственного достоинства. Именно такие люди, обладая при этом умом, практической хваткой, трудолюбием и способностью быстро приспособиться к любым условиям, оказываются востребованными и достигают невиданных высот в те периоды истории, когда резко меняется привычный уклад жизни государства и общества.

Законодательство о должностных преступлениях. В связи с удаленностью Сибири ее администрация имела больше возможностей для обогащения, чем служащие центральных территорий. Не случайно уже в 1695–1697 гг. были приняты указы о злоупотреблениях сибирских правителей, обиравших не только население, но и казну. За воровство и «умаление» государевой казны указ 1695 г. грозил воеводам смертной казнью и лишением вотчин. В 1697 г. всем служилым людям Сибири, их женам и детям было запрещено носить богатое платье, так как те, кто имеет его, резонно замечает законодатель, делают его кражею казны или «с иноземцев грабежом те богатства себе наживают»[122].

При Петре I казнокрадство было отнесено к разряду преступлений. С 1711 г. раскрытие должностных преступлений входило в обязанности фискалов, а их расследование в 1713 г. было возложено на гвардейские «розыскные канцелярии», получившие функции чрезвычайных следственных органов[123]. Указом 1713 г. предписывалось «сказать во всем государстве (дабы неведением никто не отговаривался), что всех преступников и повредителей интересов государственных <…> без всякой пощады казнить смертью, деревни и животы брать, а ежели кто пощадит, тот сам той казнью казнен будет»[124].

Основные принципы политики Петра I по этому вопросу были сформулированы в указе 24 декабря 1714 г.[125]. К этому времени стало ясно, что введение новых начал в систему государственного управления не излечило аппарат от старой болезни, напротив, способствовало ее развитию. И это обстоятельство был вынужден признать законодатель, отмечая, что «многие лихоимства умножились, между которыми и подряды вымышлены и прочие подобные дела». Здесь впервые дано четкое определение преступлений по службе, которые трактовались с точки зрения государственного интереса: «Все то, что вред и убыток государству приключить может суть преступление». С этих позиций преступными признавались все источники доходов чиновников, кроме жало-

ванья. Нарушителей ожидали жестокие наказания «на теле», конфискация имущества, бесчестье и даже смертная казнь. Развивая эти положения, указ 25 января 1715 г. относил дела «о похищении казны» к разряду преступлений по «слову и делу», доносить о которых «словесно и письменно» должен был каждый «истинный христианин и верный слуга своему государю и Отечеству»[126]. Ввиду особого значения указа 24 декабря 1714 г. предписывалось распространить его среди народа («везде прибить печатные листы»), а главное «приложить руки» к нему всем служащим («дабы неведением никто не отговаривался»), и впредь под этим указом должны были подписываться все чиновники. Можно, однако, предположить, что эти ведомости стали поступать в Сенат далеко не сразу. По крайней мере в мае 1720 г., когда после пожара в здании Сената подписанные указы не были «сысканы» и последовало новое распоряжение об их присылке, никто не мог сказать существовали ли они вообще. В дальнейшем чиновники должны были подписываться на двух экземплярах указа, один из которых оставался на месте, а другой отправлялся в Сенат[127]. Последующее законодательство о злоупотреблениях должностных лиц, ссылаясь на указ 1714 г., лишь повторяло или развивало его положения.

Особый интерес в этом отношении представляет указ 23 февраля 1720 г., где в виде вопросов и ответов конкретизировалось и получало новое толкование само понятие «взятка». На вопрос: «Возвращать ли взятки, которые брали до указа 24 декабря 1714 г.?» законодатель отвечает: «Не возвращать», рассматривая указ 1714 г. как некий рубеж в подходе к этому явлению. Показателен ответ на вопрос, касавшийся главного источника материального благополучия гражданских служащих: «Приносы добровольные волостных старост взыскивать ли после этого указа?» Иными словами: «Является ли кормление взяткой и будут ли наказывать за него по новому указу?» Резолюция «Взыскивать»[128] подвела законодательную черту под многовековой системой взаимоотношений администрации и населения, приравняв кормление к взятке.

По оценке А.Г. Брикнера, последние годы правления Петра I после его возвращения в 1717 г. из-за границы «были эпохой террора, беспощадного преследования нарушителей "правды"». Именно в это время формируется список дел «о похищении казны», устанавливавший очередность их расследования, и создаются новые канцелярии из гвардейцев для «розыска» по этим делам[129]. Характеризуя настроения представителей высшей администрации Петербурга, де Лави писал 7 января 1718 г. в Париж: «[Царь] поручил дела знатнейших дворян разбирательству простых офицеров и военных чинов, не имеющих даже понятия о гражданских законах; большая часть их не умеет писать <…> Здесь никто не знает, обвинитель он или обвиняемый, что внушает царю мысль, что почти все виноваты, и потому он никому не оказывает доверия <…> Удивительно видеть, что члены Сената встают со своих мест перед лейтенантом и относятся к нему с подобострастием, чему был пример на днях, и что достоинство Империи до такой степени унижено». Но уже в следующем письме (14 февраля 1718 г.) дипломат восхищается мудростью царя, «который, как Соломон, умеет проникать в тайны беззакония, его окружающего, <…> и окажет правосудие всякому по заслугам, без малейшего лицеприятия»[130].

Воспитать честного чиновника и отвратить его от «лакомства» Петр I пытался не только суровыми наказаниями виновных; во многих указах он обращается к христианской и гражданской совести служащего. Показательны в данном случае рассуждения о вреде «сребролюбия», т.е. жадности, являвшейся по мнению законодателя, главным корнем лихоимства. В 1722 г. он призывает служащих Штатс-контор-коллегии «блюсти» от этого зла не только себя, «но и других от оного жестоко унимать и довольствоваться определенным, ибо многие интересы империи Российской чрез сие зло потеряны бывают». По его мнению, еще более страшные последствия для государства могут иметь злоупотребления начальника учреждения. Его перестанут бояться подчиненные и сами в «роспуск впадут», так как «начальнику страстному уже наказывать подчиненных нельзя». В результате постепенно «все в бесстрашие придут, людей в государстве разорят, Божий гнев подвигнут и тако паче партикулярной измены может быть госу-

дарству не точию бедство, но и конечное падение»[131]. Устрашению подчиненных Петр придавал особое значение, считая, что таким путем можно удержать их от преступлений и не дать разориться государству. Количество законов, предусматривавших суровые наказания за должностные преступления, принятых в годы его правления, намного превосходило как предыдущий, так и последующий периоды. Вместе с тем уже современники Петра I признавали его деятельность по борьбе с казнокрадами и взяточниками малоэффективной.

Наказание за должностные преступления. При Петре I многие чиновники печально кончали свою карьеру, будучи замешанными в казнокрадстве, взяточничестве и прочих злоупотреблениях. Среди громких дел этого царствования выделяется «дело о подрядах» 1714 г., по которому были обвинены начальники ряда ведущих учреждений и другие крупные чиновники (через подставных лиц они брали подряды и поставляли казне хлеб по цене в 2 раза дороже, чем покупали его у населения). По этому делу в 1715 г. была учреждена специальная следственная комиссия под председательством кн. В.В. Долгорукова, установившая, что в мошенничестве были замешаны многие вельможи. В числе главных обвиняемых оказались: кн. А.Д. Меншиков, адмирал Ф.М. Апраксин, петербургский вице-губернатор Я.Н. Римский-Корсаков, начальник Адмиралтейства А.В. Кикин, главный комиссар Адмиралтейства И.А. Синявин, начальник артиллерии Р.В. Брюс, сенаторы кн. Г.И. Волконский, В.И. Апухтин и многие другие, менее знатные лица. За исключением Меншикова, Апраксина и Брюса, которые внесли крупные денежные суммы и были помилованы, все остальные подверглись суровым наказаниям. В 1717 г. стали известны крупные мошенничества на бахмутских соляных копях, за которые, как сообщает Кампредон, «бывший казанский губернатор кн. Кольцов-Масальский поплатился головой, несмотря на протекцию участвовавшего в воровстве адмирала гр. Ф.М. Апраксина»[132].

В 1718 г. разоблачения злоупотреблений высокопоставленных лиц следовало одно за другим. Они давали иностранным послам «ежедневно новый материал для сообщений» и вызывали чувство страха и неуверенности у русских людей, потому что виновные, по свидетельству де Лави, «всячески стараются запутать и невинных, надеясь таким образом отделаться меньшей степенью наказания»[133]. Несколько лет тянулось следствие по делу сибирского губернатора кн. М.П. Гагарина, уличенного в крупных злоупотреблениях и многолетнем казнокрадстве, которое закончилось в 1721 г. его казнью[134]. Как писал в конце 1722 г. де Кампредон своему парижскому корреспонденту, бывший сибирский губернатор «награбил такое огромное количество богатств, что с тех пор и поныне продают одни лишь недвижимые имущества, и сибирские, и китайские товары и все еще остались непроданными столько, что ими полны несколько домов. Драгоценных же камней, золота и серебра отобрано, говорят, более чем на три миллиона рублей»[135]. Можно предположить, что еще и в 1723 г. именно эти «сибирские» товары выдавались чиновникам вместо денежного жалованья.

После казни кн. Гагарина, попавшего на виселицу во многом благодаря доносам обер-фискала А.Я. Нестерова, следствие о злоупотреблениях этого знаменитого разоблачителя чиновников, закончившееся в 1724 г. колесованием самого Нестерова, было одним из наиболее громких дел последних лет правления Петра I. Не исключено, что только смерть императора избавила от такой участи многих его соратников, в том числе и Меншикова.

Условия службы и характер бюрократии

Служебный быт при Петре I. Административные реформы первой четверти XVIII в. не внесли значительных изменений во внутреннюю обстановку новых учреждений. Первое правительственное здание в Петербурге на Троицкой площади, где при Петре располагались Сенат и коллежские канцелярии, представляло собой длинное мазанковое сооружение, повторявшее схему размещения приказов в Кремле (новые помещения пристраивались к торцовой стене здания по мере необходимости). По этому плану

было построено и здание Двенадцати коллегий[136]. Открывшиеся в 1722 г. в Москве сенатская и коллежские конторы заняли помещения старых приказов[137]. Губернские и провинциальные канцелярии размещались или в бывших приказных палатах, или в помещениях, построенных на собранные с крестьян деньги. Эти деревянные постройки отличались друг от друга только количеством комнат. Канцелярия воеводы и контора камерира находились, как правило, в одной избе, разделенной на две половины сенями, где ждали своей очереди просители. Такая близость этих учреждений вместо плодотворной совместной деятельности на практике нередко приводила к открытой войне между их начальниками. Обязательной принадлежностью каждой канцелярии была судейская камера. В центре ее помещались покрытые красным или зеленым сукном столы для судьи-воеводы и секретаря. На столах – чернильницы и зерцала с указами 1724 г. «о введении законов и о почтении судейского места», на стене – полки с книгами законов для руководства: Соборным уложением, регламентами (генеральным и камер-коллегии), воеводским наказом и др. Интерьер местных учреждений дополняли обитые сукном лавки, стоявшие вдоль стен, и стул воеводы с кожаным или суконным тюфяком (подушкой). Судя по этому описанию, внутренняя обстановка учреждений первой четверти XVIII в. мало чем отличалась от приказных интерьеров XVII в. По оценке Ю.В. Готье, это сходство сохранялось долго, так как «реформа почти не затронула высшей обстановки приказной жизни и изо всех углов губернских и других областных канцелярий царствования Анны, Елизаветы и даже Екатерины II смотрела старина XVII столетия»[138].

Довольно значительные изменения касались непосредственной деятельности служащих. Законодательство первой четверти XVIII в. было направлено на регламентацию и унификацию не только делопроизводства новых учреждений, но и поведения их служащих. Для учреждений и должностей существовали многочисленные регламенты, наказы, различного рода инструкции и предписания, которые устанавливали порядок и последовательность действий, определяли обязанности служащих и суровыми наказаниями грозили за их нарушение. С 1720 г. всеобщим служебным уставом стал Генеральный регламент[139].

По указам 1710–1720-х гг., быт реформированных учреждений рисуется следующим образом. При вступлении в должность все чиновники присягали на верность службе; секретари местных канцелярий давали присягу в письменной и устной форме[140]. Рабочий день в учреждениях начинался зимой в 6 часов утра, а летом в 8 и продолжался для сенаторов и членов коллегий 5 часов, причем сенаторы заседали 3 дня в неделю. Остальные служащие могли уходить с работы только после отъезда президента и членов коллегии. Губернаторам и воеводам предписывалось быть в канцеляриях 2 раза в неделю по 5 часов для приема челобитчиков, тогда как секретари и приказные должны были находиться на службе ежедневно[141]. Очевидно, что чиновники, занимавшие высшие должности в центральном и местном управлениях, были поставлены в привилегированное положение по отношению не только к подчиненным, но и к своим предшественникам, заседавшим в Думе и приказах.

В 1717 г. было запрещено принимать посетителей вне канцелярий и вести дела на дому, так как такая деятельность создавала условия для получения взяток и прочих неправедных доходов. Единственным местом для решения дел должна была стать канцелярия государственного учреждения. В 1718 г. был принят указ, которым в обязанность населения («разночинцам, посадским и поселянам») вменялось ходить в праздничные дни в церковь и регулярно исповедоваться. При этом штрафам подвергались как не бывшие у исповеди, так и священник, не донесший о таких прихожанах. У неисповедовавшихся могли возникнуть и служебные неприятности. По крайней мере предписывалось избирать на все должности, включая бурмистерскую, только тех, кто ежегодно исповедовался[142].

Все служащие учреждений обязаны были строго соблюдать положения Генерального регламента, а чтобы «неведением не отговаривались», в 1724 г. двумя специальными указами предписывалось каждому делать из него выписки о своей должности

и зачитывать их членам и канцелярским служителям[143]. Постоянным напоминанием чиновникам служили и стоявшие на столах зерцала. На их трех сторонах помещались указы, устанавливающие правила, которыми они должны были руководствоваться при исполнении должности.

Все указы, регламентировавшие деятельность и поведение служащих, включая сенаторов, кончались угрозой денежных штрафов, побоев, потери имущества и даже смертной казни. Различные виды наказаний грозили за не представленную в срок бумагу (от штрафа до ареста губернатора), неявку на исповедь, прогул рабочего дня, опоздание или преждевременный уход из учреждения, за решение дел не в присутственном месте (в последнем случае штраф достигал 100 руб., которые шли на содержание госпиталей). За мелкие проступки и прегрешения всех служащих, кроме членов присутствия, судили и, в зависимости от вины, штрафовали или наказывали «на теле» в тех же коллегиях и учреждениях, где они служили[144]. Таким образом, законодательство Петра I, направленное на формирование новой администрации, было основано на устрашении и не щадило лиц и званий.

«Администрация недоверия». Отличительной чертой правительственной политики по отношению к бюрократии было также создание разветвленной сети органов надзора и контроля за ее деятельностью, неизвестных в XVII в. При этом правительство широко пользовалось системой доносительства, возведенной в ранг государственной политики. «Эпохой доносов»[145] назвал Богословский годы правления Петра I, когда откровенно прослеживалось стремление законодателей превратить в фискалов все население России. Показателен в этом отношении указ 1722 г. «Об оскорбителях чести государя императора и нарушителях общего спокойствия и о взыскании с тех, которые по доносам о сих злодеях не производят следствия», где подробно описан конкретный случай из жизни г. Пензы, а его участники самим законодателем определены в «герои» и «антигерои». К первым отнесен посадский человек, который донес на человека, кричавшего «всенародно злые слова, касающиеся до превысокой чести его императорского пресветлого величества», за что получил очень щедрое вознаграждение (300 руб., право беспошлинной торговли до конца жизни и гарантированную защиту администрации от всяких обид). Ко вторым – множество других жителей Пензы, слышавших крамольные речи, но не схвативших злодея. За такое бездействие законодатель грозил смертной казнью и конфискацией всего имущества в пользу государя[146].

Вполне закономерно, что в таких условиях механизм взаимодействия высшей власти с исполнительными органами стал другим. По мнению А.Д. Градовского, характерная для XVII в. «система полного доверия к служащему сословию в совокупности и отдельному чиновнику в частности» в первой четверти XVIII в. «превратилась в организованное недоверие учреждений Петра I»[147]. Развивая эту мысль в другой своей работе, он отмечает, что «администрация не может быть организованной системой недоверия», так как «ни один администратор не будет иметь мужества усердно служить правительству, предполагающему в нем преступника», а в такой ситуации малоэффективной будет любая система контроля[148]. Точку зрения Градовского разделяли и другие историки. В частности, М.М. Богословский считал, что новое устройство администрации проникнуто «недоверием к подданному». Мрочек-Дроздовский характеризовал отношение правительства того времени к исполнителям его предписаний как «обычное недоверие», которое «доходило до крайностей: над одним посланником для надзора посылался другой…». При этом, установив систему «крайне сложного надзора, правительство не стеснялось рангами: за офицерами надзор поручался простым солдатам…»[149]. В этой связи следует заметить, что под неусыпным контролем различных лиц находились все учреждения, не исключая и Сенат, осуществлявший высший надзор за всеми сферами управления. С конца 1715 г. надзор за его деятельностью осуществлял «генеральный ревизор, или надзиратель указов» В.Н. Зотов, ставший затем обер-секретарем Сената. Помимо права штрафовать нерадивых губернаторов за неисполнение указов Сената, в его обязанности входило доносить царю на сенаторов, если «станут тянуть время». С учреждением в 1720 г. должности обер-секретаря Сената к нему

перешла обязанность следить, «дабы в Сенате все было делано порядочно и суетных разговоров, крика и прочего не было», обеспечивать скорое обсуждение дел сенаторами, а в случае нарушения этого указа секретарь должен был, «все покинув», доносить о том самому царю[150]. В 1721 г. обер-секретаря сменили помесячно дежурившие в Сенате гвардейские офицеры Преображенского полка, которые получили еще больше прав, чем их предшественник: дежурный офицер мог арестовать и отправить сенатора в крепость, если тот бранился и вел себя невежливо. Кроме того, он должен был с каждой почтой сообщать царю о том, что происходило в собраниях Сената. При этом и самому офицеру закон грозил лишением чести, имущества и даже жизни в случае небрежного исполнения своих обязанностей. С 1722 г. главным начальником в Сенате становится генерал-прокурор, обязанный постоянно присутствовать на заседаниях, заведовать канцелярией Сената и следить, чтобы все делалось по правилам и закону[151].

Надзор за местной администрацией, наряду с фискалами, осуществляли гвардейские офицеры и солдаты, которым в 1713 г. был поручен «розыск» по делам о злоупотреблениях местных чиновников, а с 1719 г. и контроль за их деятельностью. Не предусмотренный никакими регламентами этот надзор существовал до конца правления Петра I. В задачи гвардейцев входило «непрестанно докучать» губернаторам и «понуждать» их к исполнению предписаний Сената и коллегий. Гвардейцы получили широкие полномочия вплоть до того, что им предписывалось сажать на цепь губернских чиновников («ковать за ноги и на шеи положить цепи»)[152]. В конце 1720 г. по распоряжению унтер-офицера Пустошкина под арестом оказалась вся администрация Московской губ., включая вице-губернатора Воейкова, за то, что не могла представить ведомости о доходах губернии за 1710 г. По свидетельству проезжавшего через Москву гр. А.А. Матвеева, этот унтер-офицер «жестокую передрягу учинил и все канцелярии опустошил, и всем здешним правителям, кроме Военной коллегии и Юстиции, не только ноги, но и шею смирил цепью». К 1724 г. было 87 гвардейцев, командированных в области, причем из них только 16 человек были офицерами, а остальные имели нижние чины[153]. С 1722 г. надзорные функции за губернской администрацией стали осуществлять и переписные канцелярии[154], созданные для проверки результатов ревизии и строительства квартир для размещения полков. По поручению коллегий и Сената, наряду с гвардейцами, они «понуждали» администрацию к действию: сажали под арест воевод и камериров, нередко, «сковав в железа <…> будто злодеев», взыскивали с них штрафы, отстраняли от должности нерадивых чиновников. Появление в 1724 г. полковых дворов, также связанных с введением подушной подати, привело к новому сокращению сферы деятельности административных учреждений и дальнейшей дискредитации гражданской власти, так как начальникам полков были переданы и сбор налогов, и полиция, и в конечном итоге надзор за губернаторами и воеводами. «Кроме приставленного к ней гвардейца, надзор которого тяготел над ней, – писал М.М. Богословский, – сверху ее давил властный и требовательный переписчик, с боков ее сжимали полковые командиры»[155]. По сути дела администрация получила военный характер.

* * *

Бюрократия, сформировавшаяся в ходе административных реформ первой четверти XVIII в., была далека от первоначального замысла Петра. Создав общую для всей страны систему центральных и областных учреждений, действовавших по одним и тем же инструкциям и одинаковых по составу служащих, законодатели добились лишь внешнего сходства с европейскими образцами. Труднее было решить другую задачу: создать условия для нормальной работы новой системы управления, обеспечив ее необходимым количеством хорошо подготовленных служащих. Преобразования первой четверти XVIII в., направленные на формирование новой бюрократии, явно не отвечали ни уровню развития русского общества, ни экономическим возможностям государства. В результате на протяжении всего исследуемого периода постоянно ощущался дефицит исполнителей и средств на их содержание. Поставив «кормление» вне закона, но

не будучи способным обеспечить прожиточный минимум основной массы служащих, правительство безуспешно пыталось добиться торжества закона с помощью разветвленной системы органов надзора. Другой, не менее характерной чертой заимствованных в Швеции учреждений был бюрократический характер новой системы управления. Однако эта черта последовательно проведенная в проектах и инструкциях 1719 г. в местном управлении оказалась «тотчас же нарушенной практикой жизни»[156]. Попытки правительства обойтись без привлечения выборных людей, подчинив административному контролю все области управления, не увенчались успехом.

Примечания

[72] ПСЗ-1. Т. 3. № 1392. 1690. (без точной даты).

[73] Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 487–488.

[74] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 149–150; ПСЗ-1. Т. 4. № 1776 и № 1855. 11 марта 1700 г. и 18 мая 1701 г.

[75] Сборник РИО. Т. 40. С. 436, 440.

[76] Ключевский В.О. Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему // Сочинения в 9 т. Т. 8. М., 1990. С. 110, 114, 119.

[77] Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве. М., 1937. С. 221.

[78] Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 266; Князьков С.А. Указ. соч. С. 477–478.

[79] ПСЗ-1. Т. 4. № 2194. 21 марта 1708 г.

[80] Мрочек-Дроздовский П.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 94–95.

[81] Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 253–258.

[82] ПСЗ-1. Т. 4. № 2453. 27 ноября 1711 г.

[83] Там же. № 2463. 21 декабря 1711 г.; Т. 5. № 2717. 30 сентября 1713 г.

[84] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 1. С. 279–280, 549; История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 1. С. 149, 152, 333; ПСЗ-1. Т. 4. № 2463. 21 декабря 1711 г.

[85] ПСЗ-1. Т. 5. № 2683. 29 мая. 1713 г.; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 8. С. 464; История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 1. С. 141.

[86] Мрочек-Дроздовский П.Н. Указ. соч. С. 281–283; Милюков П.Н. Указ. соч. С. 285–286, 376.

[87] ПСЗ-1. Т. 5. № 2673. 24 апреля 1713 г., № 2758. 10 января 1714 г.; Милюков П.Н. Указ. соч. С. 376–377.

[88] ПСЗ-1. Т. 4. № 2113. 25 июля 1706; № 2130. 30 декабря 1706 г.

[89] Там же. № 2457. 11 декабря 1711 г.

[90] Там же. Т. 5. № 2680. 18 мая 1713 г.

[91] Мрочек-Дроздовский П.Н. Указ. соч. С. 70.

[92] ПСЗ-1. Т. 5. № 2911. 23 мая 1715 г.

[93] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 460.

[94] Цит. по: Милюков П.Н. Указ. соч. С. 462.

[95] Там же. С. 441.

[96] Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 266.

[97] РГАДА, ф. 248, оп. 11, д. 606, л. 195–199.

[98] Там же, л. 252.

[99] Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 269.

[100] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 493, 495.

[101] ПСЗ-1. Т. 5. № 3034. 27 июля 1716 г.; Т. 6. № 3578. 5 мая 1720 г.

[102] Мрочек-Дроздовский П.Н. Указ. соч. С. 69; Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 106.

[103] Богословский М.М. Указ. соч. С. 266.

[104] Цит. по: Акишин М.О. Указ. соч. С. 106.

[105] Цит. по: Богословский М.М. Указ. соч. С. 265.

[106] ПСЗ-1. Т. 7. № 4671. 2 марта 1725 г.

[107] Там же. № 4161 и 4163. 9 февраля 1723 г.; № 4193. 13 апреля 1723 г.; № 4281. 5 августа 1723 г.; Богословский М.М. Указ. соч. С. 264–265.

[108] Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 135–136.

[109] ПСЗ-1. Т. 6. № 3876. 11 января 1722 г.; Т. 7. № 4613. 14 декабря 1724 г.; № 4659. 19 февраля 1725 г.; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (формирование бюрократии). М., 1974. С. 254.

[110] Богословский М.М. Указ. соч. С. 266.

[111] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 494–496, 675–678.

[112] Посошков И.Т. Указ. соч. С. 166–167.

[113] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 7. С. 171.

[114] Там же. Кн. 8. С. 464.

[115] См., например, «Записки графа Бассевича», голштинского посла в России в 1721–1725 гг. (Русский архив. 1865. Вып. 3), донесения французских дипломатов де Лави и де Кампредона (Сб. РИО. Т. 34 и 40).

[116] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 8; Богословский М.М. Указ. соч.; Акишин М.О. Указ. соч.; Серов Д.О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.

[117] Сборник РИО. Т. 40. С. 461–462.

[118] Там же. С. 463–464; Бассевич Г.Ф. фон. Указ. соч. Вып. 3. Стб. 1136.

[119] Богословский М.М. Указ. соч. С. 288–289, 291.

[120] Там же. С. 266–269, 288–289.

[121] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 8. С. 575; Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. М., 2000. С. 168 (приводит дату этого документа).

[122] ПСЗ-1. Т. 3. № 1511 и 1526. 24 апреля и 26 декабря 1695 г.; № 1598. 28 октября 1697 г.; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 7. С. 572–573.

[123] Акишин М.О. Указ. соч. С. 147.

[124] ПСЗ-1. Т. 5. № 2673. 24 апреля 1713 г.

[125] Там же. № 2871. 24 декабря 1714 г.

[126] Там же. № 2877. 25 января 1715 г.

[127] Там же. Т. 6. № 3586. 21 мая 1720 г.; № 4077. 24 августа 1722 г.

[128] Там же. № 3531. 23 февраля 1720 г.

[129] Брикнер А.Г. История Петра Великого. СПб. 1882. С. 602; Акишин М.О. Указ. соч. С. 148.

[130] Сборник РИО. Т. 34. С. 288–289, 307.

[131] РГАДА, ф. 248, оп. 11, кн. 606, л. 2; ПСЗ-1. Т. 7. № 4460. 5 февраля 1724 г.

[132] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 8. С. 469–485; Сборник РИО. Т. 40. С. 456–457; История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 1. С. 123; Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 601.

[133] Сборник РИО. Т. 34. С. 306–307.

[134] Подробно см.: Акишин М.О. Указ. соч. С. 142–204.

[135] Сборник РИО. Т. 40. С. 444–445.

[136] Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 243. В здании Двенадцати коллегии 10 помещений занимали коллегии (Иностранных дел, Военная, Адмиралтейская, Юстиц, Камер- и Штатс-контор-, Коммерц-, Берг-, Мануфактур-коллегия, Главный магистрат и Синод), еще в двух находились «Аудиенц-камора» (зал для торжественных приемов) и Сенат.

[137] ПСЗ-1. Т. 7. № 3887. 19 января 1722 г.

[138] Мрочек-Дроздовский П.Н. Указ. соч. С. 82; Готье Ю.В. Указ. соч. Т. 1. С. 170–171.

[139] ПСЗ-1. Т. 6. № 3534. 28 февраля 1720 г.

[140] Там же. Т. 5. № 3393. 19 июня 1719 г.; Т. 6. № 3571. 20 апреля 1720 г.

[141] Там же. Т. 5. № 3373. 12 мая 1719 г.; Т. 6. № 3534 и № 3571. 28 февраля и 20 апреля 1720 г.

[142] Там же. Т. 5. № 3131. 13 декабря 1717 г.; № 3169. 17 февраля 1718 г.

[143] Там же. Т. 7. № 4422. 20 января 1724 г.; № 4572. 25 сентября 1724 г.

[144] Там же. Т. 6. № 3849. 10 ноября 1721 г.

[145] Богословский М.М. Указ. соч. С. 296–297.

[146] ПСЗ-1. Т. 6. № 3984. 28 апреля 1722 г.

[147] Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры // Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 77.

[148] Его же. История местного управления в России // Там же. Т. 2. СПб., 1899. С. 18.

[149] Богословский М.М. Указ. соч. С. 62; Мрочек-Дроздовский П.Н. Указ. соч. С. 177.

[150] Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 594, 597; ПСЗ-1. Т. 5. № 2957. 27 ноября 1715 г.; Т. 6. № 3519. 13 февраля 1720 г.

[151] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Кн. 2. С. 476–477; Сборник РИО. Т. 40. С. 244; ПСЗ-1. Т. 6. № 3721. 28 января 1721 г.; № 3877. 12 января 1722 г.

[152] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 445; ПСЗ-1. Т. 5. № 3333 и 3341. 19 и 24 марта 1719 г.

[153] Цит. по: Богословский М.М. Указ. соч. С. 316, 313.

[154] Подробно о переписных канцеляриях см.: Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982.

[155] Богословский М.М. Указ. соч. С. 403.

[156] Там же. С. 59.

© 2004 г. С. А. КОЗЛОВ*

АГРАРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ)

Сложный и противоречивый процесс модернизации социально-экономической жизни Центральной России в XVIII – начале XX в., неразрывно связанный с постепенным переходом традиционного феодального общества к обществу буржуазному, привлекает в последние годы пристальное внимание исследователей[1]. Повышенный интерес российских ученых к этой теме в значительной степени обусловлен глубокими изменениями в жизни нашей страны: ряд, казалось бы, чисто теоретических проблем, связанных с внедрением инноваций в традиционный социально-хозяйственный уклад, приобрел конкретную практическую значимость в новых, «рыночных» реалиях постсоветского пространства. Перед обществом вновь встал нелегкий вопрос: в какой степени традиционные национальные формы хозяйственной жизни сохранили способность эффективно взаимодействовать с различными новациями? Однозначный ответ на него получить невозможно, но в любом случае целесообразно и полезно обратиться к опыту российской модернизации XVIII – начала XX в.

В развитии рационализации основных отраслей сельского хозяйства Центрального Нечерноземья** последней трети XVIII – начала XX в. можно условно выделить семь этапов. При этом в центре внимания окажутся основные субъекты аграрной рационализации: отдельные рационализаторы и ученые, экономические и сельскохозяйственные общества, и, наконец, государственная власть.

Первый этап следует датировать периодом с 1765 г., когда было учреждено Вольное экономическое общество (ВЭО), до 1820 г., когда началась практическая деятельность еще одного крупнейшего центра российской дореформенной рационализации – Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). Создание ВЭО позволило объединить разрозненные усилия отечественных рационализаторов отдельных губерний средней полосы и начать планомерную работу, направленную на подъем производительных сил в области сельского хозяйства. В этот период подавляющую массу рационализаторов региона составляли помещики. Несмотря на то, что некоторые крестьяне начали постепенно втягиваться в орбиту аграрной рационализации, основная масса крестьянского населения находилась еще в стороне от преобразования: с одной стороны, внедрение новаций нередко носило принудительный характер и осуществлялось под нажимом помещика; с другой – в глазах самих земледельцев «барские затеи» (часто сопровождавшиеся отказом от испытанной временем традиционной практики природопользования) неминуемо должны были привести к разорению хозяйства, а потому крестьяне относились к ним с явной опаской.

Тем не менее благодаря деятельности А.Т. Болотова, Д.М. Полторацкого, И.М. Комова и других отечественных рационализаторов и ученых, успешно соединявших многовековое агрономическое наследие, зарубежные технические новшества и результаты собственных экспериментов и долголетнего хозяйствования, земледельческий опыт постепенно превращается в важнейший источник развития сельскохозяйственных знаний, а землевладельцы России получают возможность эффективно использовать в своих хозяйствах новейшие методы агрокультуры[2]. В то же время масштабы

* **Козлов Сергей Алексеевич,** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Работа написана при поддержке РГНФ. Грант № 01-01-00082а.

** Московская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Тверская, Смоленская, Нижегородская, Вологодская губ.

распространения новых знаний и практических навыков оставались ограниченными. Мощным фактором, сдерживающим внедрение новаций, была сила многолетней инерции, неизбежной в условиях натурального хозяйства. Она проявлялась прежде всего в традиционном жизненном укладе как большинства крестьян, так и их владельцев: и те и другие, как правило, подозрительно относились ко всему, что выходило за рамки традиционного мировосприятия и повседневного жизненного опыта. Тормозящее влияние на развитие аграрного строя оказывали традиции общинного коллективизма, так как крестьянская община часто отвергала индивидуальные начинания, не проверенные многолетней коллективной практикой хозяйствования.

Тем не менее новые рациональные элементы хозяйствования медленно, но неуклонно включались в уже существующую экономическую и социокультурную систему русской крепостной деревни, постепенно занимая в ней все более заметное положение. Этому способствовала и конъюнктура европейского рынка, стимулировавшая рост российского хлебного экспорта. На усовершенствование сельского хозяйства были направлены и усилия государственной власти. Так, Екатерина II умело учитывала не только природно-хозяйственные условия России, но и социокультурные особенности различных слоев населения, небезуспешно преодолевая упорное сопротивление новациям со стороны в массе своей достаточно инертного дворянского сословия[3]. Экономическая политика императрицы оказала положительное воздействие на процессы как поступательного развития производительных сил российской деревни, так и постепенного раскрепощения частной инициативы, что было огромным шагом вперед по сравнению с предшествующим периодом. Не случайно именно в эти годы начинается мучительный и долгий путь изменения бытового поведения провинциального дворянства: «обломовский» жизненный уклад очень медленно вытесняется укладом «европейским». Усиливается стремление дворянства к самостоятельной хозяйственной деятельности (чему во многом способствовала и отмена обязательной государственной службы «благородного сословия» согласно манифесту 18 февраля 1762 г.).

В начале XIX в. Александр I также предпринял ряд мер, направленных в конечном итоге на создание предпосылок для модернизации сельского хозяйства страны. К ним относится прежде всего указ «О вольных хлебопашцах» 1803 г. Однако одной из главных причин неудачи этой ограниченной и робкой попытки освобождения крестьян «сверху» стал социокультурный фактор, а именно полнейшая несовместимость в условиях крепостничества личной хозяйственной деятельности крестьянина-собственника с архаичным и самодостаточным общинным укладом. По тем же причинам провалилась и попытка введения элементов рационального хозяйства среди удельных крестьян.

Тем не менее практические результаты первого этапа рационализации оказались довольно весомыми. Были выработаны методы совершенствования местного хозяйства, прежде всего в области восстановления естественного плодородия почв и введения в хозяйственный оборот новых сельскохозяйственных культур. Постепенно внедрялось травосеяние. Так, например, многолетнюю работу по развитию этой важнейшей в условиях Центрального Нечерноземья отрасли хозяйства успешно проводил помещик Звенигородского уезда Московской губ. Е.И. Бланкеннагель, который стремился к тому же одновременно внедрять травосеяние не только в помещичьем, но и в крестьянском хозяйстве[4].

Несмотря на путы крепостничества и преобладание традиционных форм и методов хозяйствования, идеи аграрной рационализации становятся все более популярными среди землевладельцев рассматриваемого региона, стремившихся использовать их как реальное средство повышения рентабельности хозяйств и увеличения их доходности. Однако в силу ряда причин (включая и отсутствие средств на проведение аграрных начинаний и силу инерции) масштабы рационализации оставались крайне ограниченными; выделялись лишь отдельные «культурно-хозяйственные гнезда» в помещичьих имениях региона, ставшие образцами высокодоходного рационального хозяйствования. К таким «гнездам» относилось известное имение помещика И.И. Самарина в Романово-Борисоглебском уезде Ярославской губ. (где уже с 1803 г. было введено трово-

сеяние), подмосковные имения Румянцева («Кагул») и Апраксина («Ольгово») и др. Несмотря на ограниченность этих рационализаторских начинаний, их значение в постепенной модернизации аграрного строя Центрального Нечерноземья дореформенной эпохи трудно переоценить. Эти очаги не только являлись ориентирами для многих помещиков и крестьян, но и местами, где в течение десятилетий путем долгих и трудных поисков вырабатывалась близкая к оптимальной модель ведения местного хозяйства.

Второй этап в развитии рационализаторского движения Центрально-Нечерноземной России продолжался с 1820 до середины 1850-х гг. В 1820 г. начинается практическая деятельность МОСХ, объединившего постепенно лучшие аграрные силы страны: помещиков-рационализаторов, выдающихся ученых М.Г. Павлова, К.Ф. Рулье, Я.А. Линовского, А.Т. Болотова и др., чиновников и представителей торгово-промышленных кругов.

Деятельность МОСХ внесла значительный вклад в процесс аграрной рационализации Центрального Нечерноземья[5]. Прежде всего отметим ярко выраженный всесословный характер деятельности общества в эти годы, что выразилось в постоянном стремлении его членов решать не только свои личные и дворянско-корпоративные задачи, в основном связанные с увеличением доходности имений, но и насущные аграрные проблемы региона в целом, включая меры по развитию крестьянских хозяйств. Последнее обстоятельство приобретало в условиях разложения и кризиса крепостничества особое значение: антагонизм между крестьянством и помещиками, сопровождавшийся коррозией патриархальных традиций деревенского патернализма и мощным крестьянским движением за землю и волю, грозил окончательно расшатать не только архаичные устои деревенского и усадебного культурно-хозяйственного бытия, но и все здание Российской империи. Поэтому деятельность помещиков-рационализаторов, направленная на сближение двух основных сословий сельской России на почве созидательного труда и общей материальной заинтересованности в его конечных результатах, представляла собой один из оптимальных вариантов выхода из кризиса.

Какими же путями решалась эта сложнейшая задача? Во-первых, выделим весьма значительные хозяйственные начинания рационализаторов Центральной России: введение травосеяния и многопольных севооборотов, использование новых видов удобрений и усовершенствованной земледельческой техники и др. Эти меры позволили быстро и весьма эффективно повысить рентабельность и доходность частно-владельческих и крестьянских хозяйств, что имело огромное значение в условиях рыночных отношений. Вместе с тем подобная работа способствовала формированию предприимчивости и умения рационально использовать все хозяйственные ресурсы – качеств, которых не хватало как подавляющему большинству помещиков, так и основной массе крестьян. Внедрение аграрных новаций нередко сопровождалось коренными сдвигами в хозяйственной психологии общинников: так, введение травосеяния приводило к повышению плодородия почвы крестьянских наделов и объективно вынуждало отказываться от традиционной практики ежегодных переделов земли, что в итоге подтачивало корни деревенской общины. Во-вторых, отметим ряд просветительских мероприятий 20–50-х гг. XIX в., проводившихся помещиками-рационализаторами региона. Особенно важное значение имела организация и деятельность Земледельческой школы МОСХ, а также целого ряда земледельческих школ и училищ, созданных в имениях Е.С. Карновича, А.И. Коренева и др. В этих учебных заведениях крестьяне не только обучались грамоте, но и получали передовые практические знания и навыки[6]. На развитие просвещения в государственной, удельной и помещичьей деревне были направлены и комплексные мероприятия Министерства государственных имуществ[7]. Значительный вклад в развитие начального крестьянского образования дореформенной эпохи внесли известные рационализаторы и ученые Н.С. Мордвинов, А.П. Заблоцкий-Десятовский, Е.С. Карнович и С.А. Маслов. Обращает на себя внимание также деятельность Комитета грамотности при МОСХ, учрежденного в 1845 г.

По существу, хозяйственные и просветительские начинания рационализаторов и ученых Центрального Нечерноземья в 20–50-х гг. XIX в. являлись первой в истории крепостнической России попыткой диалога так называемого образованного меньшин-

ства с крестьянским общинным «миром»[8]. В последние предреформенные десятилетия налицо были заметные сдвиги в массовом сознании крестьянства региона: одновременно с ростом товарно-денежных отношений увеличилось количество так называемых капиталистых крестьян, повысился статус таких качеств, как «переимчивость», «оборотистость», хозяйственная инициатива. Выделились отдельные селения и микрорегионы с преобладанием подобных пассионарных качеств у крестьянского населения – в Ростовском уезде Ярославской губ.[9], в Нижегородской губ. Однако в целом огромный созидательный потенциал крестьянина Центрального Нечерноземья оставался нереализованным. На противоположном социальном полюсе аграрного мира Центральной России также отсутствовали устойчивые социокультурные предпосылки для внедрения аграрных новаций. «Обломовский» образ жизни вошел в плоть и кровь провинциального дворянства, что нашло отражение во многих источниках дореформенной эпохи[10].

В этих условиях деятельность рационализаторов и ученых, заметно активизировавшаяся в последние предреформенные десятилетия, стала едва ли не единственным выходом из глубокого экономического, социального и нравственного тупика как отживающей крепостной деревни, так и помещичьей усадьбы. В 1843 г. началась работа Ярославского, а в 1854 г. – Юрьевского обществ сельского хозяйства во Владимирской губ. Их деятельность, наряду с работой МОСХ и ВЭО, внесла заметный вклад в решение ряда важнейших экономических, социальных и культурных задач Центрального Нечерноземья в первой половине XIX в., а труды членов этих обществ стали заметным явлением научной и экономической мысли России.

Ключевым принципом деятельности указанных сельскохозяйственных обществ являлся синтез отечественных аграрных традиций и западноевропейских новаций. Подобная стратегия оказалась оптимальной. С одной стороны, преобразование архаичного земледельческого уклада неизбежно вынуждало использовать его элементы, успешно зарекомендовавшие себя в течение многих десятилетий; с другой – учитывались общие черты, связывавшие помещиков и крестьян (особенности национального менталитета, традиции деревенского патернализма, единая православная вера и др.); Наконец, подобный подход, как показали исследования последних лет, был вполне оправдан с экономической и оранизационной точек зрения[11].

Вместе с тем даже среди помещиков-рационализаторов случаи сознательного сокращения огромной социальной дистанции между ними и крепостным крестьянином были крайне редким явлением. В то же время хозяйственная необходимость подобных шагов землевладельцев навстречу деревенскому «миру» была уже в те годы очевидной для наиболее дальновидных и рачительных сельских хозяев[12].

Создание предпосылок для эффективной аграрной модернизации региона накануне крестьянской реформы 1861 г. проходило в условиях, когда процессы обновления в социальной, политической и духовной сферах развивались крайне медленно. Крепостная Россия еще не знала личной независимости, основанной на эквивалентном товарном обмене. Отсюда и слабая общественная активность сельского населения, и его социальная замкнутость. Большинство аграрных новаций наталкивалось на жесткое сопротивление как со стороны крестьян, не желавших изменять привычные устои архаичного культурно-хозяйственного быта и идти на уступки помещикам, так и со стороны крепостников[13]. Центральная власть также не была заинтересована в хозяйственной рационализации, стремясь реанимировать разрушающиеся опоры феодализма. В результате основная часть крестьян и помещиков фактически оказалась отрезана от новейшей аграрно-промышленной технологии. «Считается, что главной чертой модернизации является освоение передовых технологий, совершенствование социальных отношений, развитие культуры, – подчеркивает А.Н. Сахаров. – Это все справедливо. Но думается, что сердцевиной тех процессов, которые развивались в западном мире (да и в восточном) в противовес средневековым канонам жизни, стала поэтапная демократизация общества…»[14] Как показала практика, именно отсутствие реальных возможностей для хозяйственной и социальной самореализации крестьянина стало главным

препятствием на пути внедрения аграрных новаций в традиционный деревенский уклад региона.

Отмеченные особенности аграрной рационализации Нечерноземного Центра России в дореформенную эпоху во многом обусловили еще одну ее характерную черту. Стремление к синтезу зарубежных новаций с национальными аграрно-культурными традициями закономерно привело к тому, что в отечественных аграрных преобразованиях преобладала тенденция усовершенствования, при которой новые формы и методы хозяйствования творчески и умело приспосабливались к природно-климатическим, хозяйственным и ментальным характеристикам русской нечерноземной полосы. Таким образом, здесь имела место отнюдь не модернизация в том узком смысле этого слова, который обычно подразумевается большинством российских исследователей, т.е. копирование неких внешне рациональных проявлений передовой западноевропейской цивилизации. Уместнее говорить о самобытном российском варианте аграрной рационализации, творцы и исполнители которой, наряду с национальным, глубоко изучали и перенимали новейший зарубежный хозяйственный опыт[15].

Огромное значение в деле пропаганды сельскохозяйственных новаций имели отечественные экономические издания, особенно выходившая с 1834 г. «Земледельческая газета». В 1848 г. газету получали уже сотни читателей Центрального Нечерноземья, в том числе 148 человек – в Московской губ., 130 – в Нижегородской, 128 – в Тверской, 105 – в Ярославской, 102 – в Костромской и 101 – в Смоленской губ.[16] Разумеется, этого было недостаточно, однако благодаря «Земледельческой газете» и другим изданиям экономических и сельскохозяйственных обществ (в основном МОСХ и ВЭО) землевладельцы региона получили возможность сравнить конкретные условия хозяйствования в том или ином уезде, понять механизмы внедрения аграрных новаций – травосеяния, многополья, винокурения из картофеля. Пробуждался интерес к рационализации и у крестьян: «Чтение газеты, – отмечала пресса, – привлекает даже крестьян следовать сделанным опытам»[17]. Традиционный хозяйственный менталитет хотя и медленно, но все же менялся, а благодаря экономической печати в российском обществе утвердилась мысль о «необходимости науки для успеха в земледелии».

Что касается роли государства в развитии аграрной рационализации, то приходится констатировать, что в этот период власть не оказывала серьезной финансовой и организационной помощи сельскохозяйственным и экономическим обществам. Напротив, проводилась политика жесткой опеки и контроля (включая строжайшую цензуру), что серьезно затрудняло деятельность обществ[18]. Причины столь недальновидной политики коренились и в общем правительственном курсе этих лет с присущим ему изоляционизмом, и в недооценке созидательных возможностей российских рационализаторов и ученых, и в опасениях правящих кругов, что члены обществ выйдут за рамки экономических проблем и перейдут к решению задач социальных. Сказывались и особенности личности императора Николая I[19]. Приходится констатировать, что подобная государственная политика способствовала сохранению и укреплению не только самых архаичных форм и методов ведения сельского хозяйства, включая рутинную технологию, но и основ феодального менталитета с массой сословных предрассудков и стереотипов. Резко сужались и возможности широкой пропаганды аграрных новаций в крестьянской и помещичьей среде.

Третий этап аграрной рационализации региона приходится на короткий период с середины 50-х гг. XIX в. до реформы 1861 г. Правомерность выделения этого сравнительно небольшого отрезка времени в отдельный этап обусловлена прежде всего заметными изменениями в менталитете сельского населения Центрального Нечерноземья, активизацией хозяйственной и социокультурной деятельности, а также повышением роли сельскохозяйственной техники в экономике региона. После тяжелого поражения страны в Крымской войне потребность в глубоких социально-экономических преобразованиях стала особенно очевидной. Кроме того, на процесс модернизации аграрного строя региона в эти годы оказывали мощное воздействие как товарно-денежные отношения в целом, так и процессы, происходящие в промышленности и

торговле. Отметим и стремительное нарастание социальных противоречий в российской нечерноземной деревне, ярко отразившееся в массовом антикрепостническом крестьянском движении[20].

Накануне крестьянской реформы заметно ускорились темпы внедрения усовершенствованных орудий и земледельческих машин не только в помещичьих имениях, но и в хозяйствах зажиточных крестьян. Необходимость использования новаций и их эффективность уже не вызывают сомнений у большинства сельского населения. «Все наши сельские хозяева начинают сознавать, что машинная работа отчетистее, успешнее и, при некоторых условиях, дешевле ручной», – отмечала «Земледельческая газета» в 1860 г.[21] Происходили значительные изменения и в области крестьянского массового сознания: новые черты буржуазной предприимчивости постепенно вытесняли элементы традиционного общинного коллективизма[22].

С 1858 г. в Центральном Черноземье начинает действовать еще одно сельскохозяйственное общество – в Смоленске, развернувшее активную рационализаторскую работу[23]. В условиях надвигавшейся реформы менялся и характер деятельности МОСХ. На передний план выдвигались практические вопросы, связанные с использованием в помещичьих хозяйствах вольнонаемного труда, а также передовой зарубежной техники и аграрной технологии. Заметно менялись и ценностные ориентации многих помещиков региона, превращавшихся в активных дельцов-предпринимателей буржуазного типа. Возрастала и общественная активность помещиков-реформаторов. Наиболее отчетливо она проявилась в их активном участии в подготовке реформы 1861 г. в качестве членов губернских комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян[24]. Предложения, выдвинутые ярославскими, тверскими и владимирскими рационализаторами, не только защищали корпоративные помещичьи интересы, но и были направлены на решение всесословных хозяйственно-социальных задач, что приводило к ухудшению отношений помещиков-предпринимателей и правящих кругов.

Важное значение для осознания особенностей менталитета сельского населения Центральной России имела широкая дискуссия об исторической роли крестьянской общины, проходившая в конце 1850-х гг. Общинное начало, наряду с активными противниками (в основном, экономистами и помещиками-рационализаторами), нашло немало и горячих сторонников. Обычаи многовекового народного коллективизма оценивались отнюдь не однозначно отрицательно[25]. Многие современники выражали надежду, что община «много новых сил… принесет русскому обществу, крепко свяжет его разрозненные члены: она создаст самое живое и деятельное общество с полным уважением и к личности, и к прогрессу»[26]. Однако подавляющее большинство участников дискуссии, хорошо знавших и крестьянскую психологию, и обычаи народного землепользования, подобных иллюзий отнюдь не разделяло.

Таким образом, в дореформенный период были сделаны заметные успехи на пути аграрной рационализации Центрального Нечерноземья. Особое значение для интенсификации сельского хозяйства региона имели практические находки московских, ярославских, тверских и других рационализаторов, связанные с восстановлением естественного плодородия почв, переходом к многополью, выработкой оптимальной формулы травопольного хозяйства, а также с умелым приспособлением усовершенствованной традиционной земледельческой техники к экономическим нуждам и потребностям наступающей эпохи рыночных отношений.

Четвертый этап сельскохозяйственной рационализации Центрального Нечерноземья охватывает 1861–1894 гг. Его начало (до рубежа 60–70-х гг. XIX в.) отмечено глубоким упадком помещичьего и крестьянского хозяйства в результате неумения, а зачастую и нежелания основной массы сельского населения приспособиться к новым условиям рыночного хозяйствования. Эйфория, охватившая все российское общество и связанная с надеждами на скорый прогресс после освобождения от тягостных пут крепостничества, быстро сменилась глубоким разочарованием и апатией. Значительная часть помещиков либо разорялась, либо продавала за бесценок свои имения и переезжала в город. Оставшиеся в своих поместьях сталкивались с огромными трудностями:

отсутствием навыков и знаний для ведения рационального хозяйства, недостатком средств, массовым воровством со стороны крестьян, потравами полей и порчей помещичьего инвентаря, дороговизной вольнонаемного труда и неумением наладить взаимовыгодные отношения с наемными работниками. Исследуя этот период, специалисты позже отмечали: «…Доходы уменьшились, а привычка жить известным образом осталась; изменить образ жизни, применяясь к изменившимся обстоятельствам, было тяжело, между тем под руками были выкупные, которые и стали расходоваться безрасчетно – одними на прямые расходы для жизни, другими – на приобретение дорогостоящих орудий и устройство разных агрономических затей, без всякого основательного знакомства с агрономией и вообще с рациональным хозяйством»[27].

Как же в этой ситуации проявили себя отдельные рационализаторы и сельскохозяйственные общества региона? Несколько лет ушло на то, чтобы как-то приспособиться к реалиям наступающей буржуазной эры. Лишь к середине 1860-х гг. возобновилась планомерная работа в области аграрной рационализации. В 1864 г. был утвержден новый устав МОСХ, согласно которому повышенное внимание уделялось обмену передовым опытом (как российским, так и зарубежным), внедрению новейшей техники и технологии, а также широкой пропаганде рациональных знаний и навыков в области сельского хозяйства. Общество развернуло активную работу по повышению культуры земледелия, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства. Важная роль отводилась изучению традиционного менталитета сельского населения региона и использованию его особенностей в процессе аграрной рационализации[28]. При этом отмечалось ключевое значение самосознания сельского работника в решении насущных аграрных проблем (что было практически немыслимо в условиях крепостнической цензуры): «Душа фактора, наиболее производящего в сельском хозяйстве, лежит в достоинстве рабочего человека, – подчеркивал в 1868 г. известный ученый-аграрник М. Неручев, – все, что ни будем мы делать для почвы, для скотоводства и проч., не будет… достигать своей цели, пока не будет обращено внимания на тот элемент, о котором до сих пор думали чуть ли не менее всего: об образовании рабочего. Сельский хозяин всего более заинтересован в этом… Ведь не пустые же фразы – эти жалобы на неуменье и неловкость работника, на его незнание?"[29] Поэтому развитию сельскохозяйственного образования уделялось в 60 – первой половине 90-х гг. XIX в. особое внимание. Среди серии мероприятий необходимо выделить организацию в губерниях региона школьных ферм, образцовых пасек и хуторов, а также земских сельскохозяйственных школ[30]. Важное значение имела также деятельность МОСХ, направленная на объединение всех сил отечественных рационализаторов и ученых и поиск новых путей развития аграрной экономики. Отметим деятельность Главного депо и комиссионерства для сельских хозяев, существовавшего при МОСХ и постепенно превратившегося в ключевой центр обмена хозяйственной информацией и трудоустройства российских и иностранных управляющих, землемеров, фермеров и сельских рабочих. Проводились и первые в России собрания, «беседы» и съезды сельских хозяев, сыгравшие важную роль в консолидации землевладельцев Центральной России.

Быстрыми темпами развивалось в эти годы кооперативное движение. Особенно необходимо отметить деятельность известного специалиста-аграрника члена МОСХ с 1865 г. Н.В. Верещагина по организации в Центральном Нечерноземье массового сыро- и маслоделия на артельных началах[31]. 20 февраля 1869 г. МОСХ наградило его золотой медалью, отметив, что он открыл «тяжелым трудом и постоянным изучением путь к улучшению нашего отечественного скотоводства в массе мелких крестьян-собственников». Несмотря на некоторые неудачи, связанные с отсутствием квалифицированных кадров, плохим кормлением животных и разногласиями среди крестьян, в губерниях региона постепенно утверждались кооперативные принципы хозяйствования, а вместе с ними и рациональные приемы ведения молочного хозяйства. Налаживалась и подготовка российских специалистов в области сыро- и маслоделия. Важнейшее практическое значение для развития аграрной кооперации в России имела разносторонняя деятельность организованного в 1871 г. при МОСХ Комитета о сельских ссудо-сбере-

гательных и промышленных товариществах. Фактически в тот период это был единственный центр, координировавший всю деятельность в области отечественной аграрной кооперации. Однако масштабы этих начинаний все еще оставались достаточно скромными. У крестьянина, как правило, не было реальных возможностей для получения необходимых знаний и навыков. Так, на заседании ВЭО 12 января 1868 г. отмечалось, что, несмотря на значительную просветительскую деятельность общества, оно все еще «мало имеет влияния на улучшение сельского хозяйства земледельцев; потому что наши земледельцы, при настоящем их положении, не могут пользоваться трудами Общества. У нас нет земледельческих училищ, в которых земледельцы могли бы ознакомиться с лучшими способами обрабатывания земли известной местности… У нас мало образцовых ферм… У нас нет сочинений по сельскому хозяйству, доступных грамотному земледельцу; популярными же сочинениями, обнимающими целую науку, не может пользоваться наш крестьянин, едва выучившийся грамоте»[32]. Как справедливо отмечал американский исследователь М. Левин, после реформы 1861 г. крестьяне «были впряжены в тройное ярмо: сельского общества, государственного чиновничества и обязанностей, налагаемых патриархальной семьей»[33].

Могло ли быть эффективным соединение аграрной модернизации с традициями крестьянской общины? Вряд ли. Не вызывает сомнения, что многие дореформенные общинные традиции, связанные с патриархальностью и преобладанием экстенсивных методов аграрного развития, благополучно перекочевали и в пореформенную эпоху, по-прежнему определяя поведение и мышление крестьянина, его культурно-хозяйственный быт[34]. Об этом свидетельствуют, в частности, опубликованные в 1873 г. материалы Комиссии для исследования сложившегося положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Примечательно, что большинство опрошенных комиссией лиц отмечали «вредное влияние» традиций общинного землепользования на развитие как крестьянского, так и помещичьего хозяйства[35]. «Общинное владение землей и неизбежные при нем чрезполосица и узкополосица делают невозможными не только рациональные улучшения хозяйства, но и правильное ведение его по старому обычаю, – подчеркивал председатель земской управы Смоленской губ., – …привязанность к собственности и желание улучшить ее не существуют», – заключал он[36]. Вместе с тем значительная часть россиян в этот период поддерживала общинные формы землевладения и землепользования. Как отмечал позже К.А. Кофод, «их оценка общинной формы владения была больше из области чувств, чем реальной и сознательной оценкой ее характера. Для них было достаточно, что община была истинно русским явлением, поэтому она была вне всяких дискуссий, чем-то святым. Но какою она сложилась… – она была существеннейшей помехой в проведении такого распределения земельных владений, когда каждый отдельный крестьянин получил бы причитающуюся ему часть в форме собранного, легко обозримого и удобного для обработки участка. Община была абсолютно несовместима с таким распределением земли»[37].

Однако уже с середины 70-х гг. XIX в. ситуация в Центральном Нечерноземье начала меняться к лучшему. Вслед за крестьянскими хозяйствами Тверской губ., где впервые травосеяние распространилось на общинных надельных землях, началось развитие травополья в других губерниях региона[38]. При этом содействие земства указанному процессу, имевшему важнейшее хозяйственное значение, наблюдалось лишь в Московской губ.[39] Усиливалась и роль общины во внедрении аграрных новаций. Однако, по признанию современников, это происходило исключительно тогда, когда «гнетущие условия пребывания при старой системе» становились невыносимыми для крестьянского хозяйства, а сама община не испытывала острого недостатка земли[40]. В целом же за период с 1881 по 1901 гг. площадь под посевом трав у крестьян в губерниях Европейской России выросла в 10 раз – с 49 800 до 499 000 дес., а у частных землевладельцев – лишь в 2 раза – с 491 600 до 1 000 046 дес.[41] Поэтому можно согласиться с высказанным в печати начала XX в. мнением о том, что главной причиной нерационального ведения крестьянского хозяйства являлась отнюдь не косность сельского труженика, а малоземелье, вынуждавшее отказываться от связанных с риском нововведений[42].

Вместе с тем традиции общинного менталитета, характерные для феодального «самодостаточного» общества, включая слабое уважение к праву собственности на природные богатства, по-прежнему оставались серьезным тормозом на пути аграрной модернизации[43].

Медленно менялся и традиционный менталитет российского помещика. Отдельные землевладельцы, начиная долгую и трудную рационализаторскую работу на свой страх и риск, зачастую рассчитывали только на себя[44]. Безусловно, существовала авторитетная и влиятельная группа сельских хозяев-практиков, успешно соединявшая отечественные традиции и зарубежные новации, однако возможности пропагандировать этот ценнейший хозяйственный опыт у них были крайне ограниченными. В этих условиях следует отметить деятельность ряда российских периодических изданий второй половины XIX в. («Земледельческой газеты», журналов «Русское сельское хозяйство», «Сельский хозяин» и др.), которая внесла существенный вклад в научно-практическое решение ключевых проблем аграрного развития Центральной России. Выделим лишь один, но достаточно значимый момент: именно благодаря этой просветительской работе изменилось отношение всего российского общества к вопросам преобразования сельского хозяйства, которые к концу XIX в. становились уже одними из приоритетных[45]. Важную роль сыграла в рассматриваемый период деятельность российских ученых-аграрников – А.С. Ермолова, П.А. Костычева, Н.В. Верещагина, А.В. Советова, А.П. Людоговского и др., многие из которых активно сотрудничали с МОСХ и ВЭО в решении аграрных проблем. Особенно хочется отметить многолетнюю практическую и научную работу выдающегося отечественного рационализатора, агронома и общественного деятеля А.Н. Энгельгардта[46]. Значение ценнейших наблюдений этого помещика-новатора над особенностями крестьянского менталитета, а также опыта его подвижнической работы по преобразованию рутинного уклада деревенской и усадебной жизни в Смоленской губ. трудно переоценить.

Огромное влияние на процесс аграрной модернизации региона оказал мировой сельскохозяйственный кризис 80-х гг. XIX в. Исследователи отмечали его глубокое воздействие на хозяйственную жизнь России, включая развитие внутреннего и внешнего рынков[47]. Отметим в связи с этим резкое и весьма болезненное для отечественных землевладельцев изменение экономической конъюнктуры, сопровождавшееся обострением конкуренции между российскими и зарубежными хлебными экспортерами. Не менее ощутимы оказались последствия аграрного кризиса для самих сельских жителей. Среди землевладельцев началась паника; стали появляться разнообразные проекты оптимального выхода из этой тяжелейшей ситуации, включая жесткую работу с деревенскими «кулаками»[48]. В этих условиях положительное значение имели публикации видных специалистов-аграрников на страницах журнала "Сельский хозяин". В них содержался подробный анализ мер по преодолению аграрного кризиса и обращалось внимание на необходимость объединения усилий правительства, сельскохозяйственных обществ и самих землевладельцев в решении этой сложнейшей задачи[49]. Характерно и увеличение числа подписчиков журнала в центрально-нечерноземных губерниях: так, уже на второй год издания (1887) его получали 225 подписчиков из 28 мест Московской губ., 108 – из Смоленской, 89 – из Тверской. Всего же в регионе насчитывалось 624 подписчика журнала из 204 мест[50].

Влияние государственной политики на процесс аграрной модернизации в течение 60 – первой половины 90-х гг. XIX в. усиливалось, однако оставалось недостаточным для действенного решения ее проблем. Можно отметить здесь такой важный шаг, направленный на оживление деятельности местных сельскохозяйственных обществ и координацию их работы с правительственными учреждениями, как учреждение в 1880 г. окружных и общего сельскохозяйственных съездов. В Европейской России учреждалось 12 подобных окружных съездов, деятельность которых осуществлялась под эгидой Министерства государственного имущества[51].

В то же время ощутимая государственная поддержка рационализаторам по-прежнему отсутствовала. В этой связи (а также с учетом приведенного выше материала о

чрезвычайно медленном и болезненном процессе эволюции традиционного крестьянского и помещичьего менталитета) трудно согласиться с мнением, согласно которому вплоть до начала XX в. все российское частное предпринимательство пользовалось мощной поддержкой и покровительством государства, а так называемая этика служения обеспечивала интеграцию государственного, индивидуального и общинного начал в российской социокультурной системе[52].

Незначительной оставалась роль земств. Причинами этого были самоустранение большинства помещиков от любой новаторской деятельности, а также нужда и массовая неграмотность крестьянства, справиться с которыми земства самостоятельно не могли. Не случайно видный аграрник В.В. Корсаков, подвергнув в 1891 г. резкой критике существующую в России практику земельного кредита, отмечал: «…Разве земледельческая страна, имеющая *одну школу на 2 332 и один кабак на 762 жителя* (здесь и далее выделено в источнике. – *С.К.*), – доросла до земельного кредита!.. Мы точно забыли, что земля только тогда может представлять собою ценность, когда к ней приложимы три могучих фактора: *труд, знание и капитал*. При наличности первых двух факторов земельный кредит действительно возможен, но не следует забывать, что в большинстве наших хозяйств оба эти фактора блистают своим отсутствием…»[53] Негативное влияние на процесс аграрной рационализации региона оказывали и такие факторы, как неблагоприятные погодные условия, отсутствие удобных средств сообщения, слабое развитие местного самоуправления и др.

Пятый этап в аграрной рационализации Центрального Нечерноземья конца XVIII – начала XX в. продолжался с 1894 г. до начала осуществления столыпинской аграрной реформы. В 1894 г. было учреждено Министерство земледелия во главе с А.С. Ермоловым, начавшее планомерную работу по подъему сельского хозяйства России. На протяжении этого этапа происходили важные положительные сдвиги в области модернизации сельского хозяйства. Усиливается координация работы земств, экономических и сельскохозяйственных обществ и государственных учреждений. Одновременно растет и инициатива самих крестьян, что находит отражение в осознании ими значимости сельскохозяйственного образования и в возрастании запросов на действенную агрономическую помощь. Бурными темпами развивается пропаганда передовых аграрных знаний и навыков. В то же время Россия серьезно отставала от ведущих европейских держав в развитии системы сельскохозяйственного образования.

Центр деятельности сельскохозяйственных обществ постепенно перемещался из городов в губернии, уезды и волости. По инициативе местных агрономов возникают «сельскохозяйственные общества малого района действий». Если к концу 1860-х гг. по всей России их было лишь около 30, то к 1898 г. – уже до 300[54]. Одновременно усиливается и регулирующая роль государства в развитии основных отраслей сельского хозяйства[55]. В решении проблем сельскохозяйственной модернизации участвуют различные слои общества, включая не только помещиков, но и представителей интеллигенции. Во многом этому способствовали трагические обстоятельства, связанные с неурожаями и голодом 1890-х гг.: обострение крестьянского вопроса вынудило и правительство, и общество всесторонне изучить нужды деревни, которые стали предметом постоянных обсуждений в земских собраниях и сельскохозяйственных обществах[56]. Немало было сделано и по части организации сельскохозяйственных выставок и съездов, а также по непосредственной агрономической помощи населению[57]. Характерно, что именно вопросам практического вовлечения всех слоев сельского населения в работу по модернизации отечественного сельского хозяйства уделялось при этом повышенное внимание[58]. Успешно развивалось и кооперативное движение[59]. Выделим здесь такие мероприятия, как разработка деятелями МОСХ первого образцового устава кредитных кооперативов и помощь их возникновению, первый всероссийский съезд представителей ссудо-сберегательных товариществ и попытка реализации первого проекта банка кооперативного кредита[60]. Безусловно, все эти начинания преображали хозяйственную жизнь и социокультурный климат как крестьянской деревни, так и помещичьей усадьбы Центрального Нечерноземья.

Практические результаты аграрной модернизации региона также были налицо: помещичьи и крестьянские хозяйства переходили к многополью, все активнее вводились усовершенствованные орудия и машины, улучшалась агротехника полевого хозяйства, что вело к росту рентабельности аграрной экономики Центрального Нечерноземья.

В то же время главные задачи аграрной рационализации были далеки от своего решения. Архаичная техника, отсталая аграрная технология, отсутствие знаний и передовых навыков, отчужденность отдельных слоев населения друг от друга, неблагоприятное изменение природных условий ведения сельского хозяйства (тесно связанное с ухудшением экологического состояния природной среды в результате экстенсивных методов хозяйствования) – все это по-прежнему являлось отличительными чертами хозяйственно-культурного быта Центрального Нечерноземья к моменту начала столыпинских реформ. Кроме того, в обществе на протяжении всего рассматриваемого периода стойко удерживались такие специфические черты отечественной ментальности, как осуждение частного предпринимательства и рационального начала жизнедеятельности в целом, представление о «греховности» капитала и ряд других, – черты, тесно связанные с национальными и конфессиональными традициями и выступавшие в качестве мощного барьера на пути аграрной модернизации.

Шестой этап в истории аграрной рационализации Центрального Нечерноземья охватывает время с начала столыпинских преобразований в ноябре 1906 г. до вступления России в Первую мировую войну. Вначале в результате столыпинской реформы в губерниях региона наиболее предприимчивая часть крестьянства вышла из общины, но затем этот процесс стал затухать. Активизировалась деятельность Крестьянского банка, интенсивное развитие получила сельская кооперация. Следует отметить и деятельность губернских и уездных землеустроительных комиссий, а также Комитета по землеустроительным делам: постепенно ликвидировалась чересполосица, выделялись и разграничивались земельные владения. Налицо были и серьезные сдвиги в развитии сельскохозяйственного образования. В 1908 г. в Москве создаются Голицынские женские сельскохозяйственные курсы с правами высшего учебного заведения. Если вначале их посещали только 56 слушательниц, то в 1912 г. – уже 539. МОСХ передало курсам Богородицкую ферму. Ранее высшие женские сельскохозяйственные курсы существовали лишь в Санкт-Петербурге (с 1904 г.). Большой вклад в развитие женского сельскохозяйственного образования внес выдающийся ученый-аграрник профессор И.А. Стебут. В июне 1911 г. был открыт Вологодский молочно-сельскохозяйственный институт, имевший, по признанию современников, особое значение «как первое высшее молочно-хозяйственное учебное заведение» в России. Именно Вологодская губ. благодаря местной крестьянской кооперации стала к этому времени крупнейшим в империи районом маслоделия, поставляя продукцию на мировой рынок. При институте возникла опытная станция, школа молочного хозяйства и скотоводства, а также машиноиспытательная станция и «рассадник кормовых растений». Благодаря деятельности этих учебных заведений, а также более мелких школ и училищ, действовавших в регионе, были подготовлены квалифицированные кадры, специально обученные методам ведения рационального рыночного хозяйства.

К 1913 г. в губерниях Центрального Нечерноземья создается разветвленная сеть участковой агрономии, оказывавшая эффективную агрономическую помощь крестьянским хозяйствам. Вместе с тем, как отмечают исследователи, в общественной агрономии выделяется два течения: «северное» (охватывающее и губернии Центрального Нечерноземья), выступающее за оказание агрономической помощи всему населению и кооперирующееся с общиной, и «южное», более ориентированное на хуторское хозяйство[61]. Налицо было и все более тесное соединение общественно-агрономической и кооперативной работы. Огромная заслуга в создании участковой агрономии принадлежала местным земствам[62]. Отмеченная тенденция характерна и для других направлений аграрных преобразований, включая создание сети опытных станций. Из действовавших в губерниях региона выделим Энгельгардтскую станцию в имении Батищево Смоленской губ., Владимирскую и Московскую селекционную станции Д.Л. Рудзин-

ского при Сельскохозяйственном институте. Особенно активизировалась эта работа с 1910 г., в условиях быстрых темпов развития рыночных отношений в сельском хозяйстве. Стремительно прогрессировавшая российская кооперация накануне Первой мировой войны вышла уже на международный рынок, чему во многом способствовала деятельность Народного банка в Москве и его зарубежных агентств и отделов[63].

В 1909–1914 гг. впервые в истории Центрального Нечерноземья была организована широкомасштабная и достаточно эффективная агрономическая помощь сельскому населению, учитывающая специфику крестьянского производства в отдельных уездах[64]. Создается слой зажиточных крестьян, которые после выхода из общины, как правило, смогли значительно улучшить и усовершенствовать свои хозяйства[65]. Прежде всего это выразилось в рационализации производства – переходе к четырехполью, экономии рабочего времени в результате ликвидации земельных полосок, внесении удобрений, введении раннего черного пара. В 1910 г. многополье применялось уже почти в каждом третьем земельном обществе Московской губ., а агрокультурные улучшения «приобрели достаточно внушительный размах»[66]. Качественно улучшились условия землепользования. Большинство крестьянских хозяйств региона вышло из общин не на хутора, а на отруба, оставив при этом коллективное пользование пастбищами и сохранив традиционный деревенский культурно-хозяйственный уклад. Вместе с тем и хуторские хозяйства, создаваемые в центрально-нечерноземных губерниях, несмотря на ряд хозяйственных проблем, показали высокий производственный потенциал[67].

Сельскохозяйственные общества и прежде всего МОСХ в эти годы заметно активизировали свою работу, сотрудничая с органами кооперации. На ряде съездов (включая Всероссийский кооперативный съезд 1911 г.) была сформулирована новая программа развития отечественной научной мысли в области сельского хозяйства, придававшая огромное значение организации крестьянских хозяйств, кооперативного движения и развития массового крестьянского образования. Важное место в решении всех этих задач отводилось использованию передового зарубежного опыта.

В результате проведенных преобразований были достигнуты серьезные успехи в области интенсификации и рационализации сельскохозяйственного производства Центрального Нечерноземья. Так, Вологодская губ., уступавшая по количеству сельского населения большинству губерний Европейской России, становилась вплоть до 1917 г. крупнейшим производителем и экспортером продукции молочного животноводства. В целом период 1907–1914 гг. был благоприятен для развития крестьянского хозяйства. Тем не менее, по мнению П.Н. Зырянова, агротехнический прогресс в годы столыпинской реформы насаждался лишь «сверху», в то время как большинство крестьянских начинаний безжалостно пресекалось[68]. Слабую активность в аграрной рационализации по-прежнему проявляли местные дворяне-землевладельцы.

Последний, седьмой этап в развитии аграрной рационализации Центрального Нечерноземья продолжался с начала Первой мировой войны до Февральской революции 1917 г. В условиях военного времени возможности для реализации многих культурно-хозяйственных начинаний резко сократились. Значительная часть наиболее трудоспособного и инициативного сельского населения региона ушла на фронт. Экономику деревни подрывали частые мобилизации лошадей, резкое уменьшение производства сельхозинвентаря. Разумеется, все это приводило к снижению культуры земледелия и резкому падению товарности крестьянского хозяйства[69]. Ослабевает и государственная поддержка процесса аграрной рационализации. Вместе с тем наблюдаются и некоторые положительные тенденции. Как отмечает Т.М. Китанина, существенно расширилась деятельность земств, которые начали переходить от решения местных административно-хозяйственных задач к выполнению задач общегосударственных (продовольственная помощь тылу и фронту и др.)[70]. Земства все теснее сближаются с крестьянской кооперацией: с лета 1915 г. на экстренных съездах земств и кооперативов успешно решаются вопросы совместной закупки сельскохозяйственной техники для помощи деревне, широкой агрономической и агротехнической поддержки хозяйств призывников и запасных и т.д. Усиливает свое влияние крестьянская коопера-

ция. Например, согласно подсчетам В.М. Андреева, число кредитных товариществ в Московской губ. с 1913 по 1917 г. выросло с 93 до 183, ссудо-сберегательных – с 35 до 49. При этом в сельскохозяйственной кооперации, объединявшей прежде всего зажиточных крестьян, доминировали молочные товарищества[71].

В годы Первой мировой войны заметно усилилось влияние все более накаляющейся общественно-политической обстановки в стране на теорию и практику аграрной рационализации. С одной стороны, как писал в 1918 г. Б.Д. Бруцкус, «ожесточенная политическая борьба, завязавшаяся вокруг аграрного вопроса, не создала надлежащей атмосферы для спокойного обсуждения аграрных реформ»[72]. С другой – обострялся процесс имущественной и идейной поляризации в губерниях региона: крупные землевладельцы сколачивали состояния, спекулируя лесом и поставляя в армию продукты; зажиточные крестьяне занимались кабальным ростовщичеством и забирали земельные наделы бедноты и луга. Отмеченные тенденции отнюдь не способствовали консолидации сельского населения для совместного решения насущных аграрных проблем.

Рассмотренный материал свидетельствует, что, наряду с экономическими, весьма заметную роль на всех этапах истории аграрной рационализации региона конца XVIII – начала XX в. играли социокультурные факторы. Примечательно, что если роль личных, индивидуальных усилий отдельных рационализаторов и ученых на всех этапах была стабильно велика, то роль государства – стабильно мала (за исключением первого и шестого этапов). Особенно заметно это отставание проявлялось в сравнении со странами Западной Европы, где роль государственной поддержки была неизмеримо более весомой[73]. Наконец, значение хозяйственной и просветительной деятельности сельскохозяйственных и экономических обществ медленно, но неуклонно возрастало.

Крайне медленные темпы развития указанного процесса, а в ряде случаев – и «движение вспять» (первое пореформенное десятилетие) в значительной степени были обусловлены как несогласованностью в действиях этих трех тесно взаимосвязанных субъектов аграрного строя, так и отсутствием реальной государственной поддержки на протяжении почти полутора столетий[74]. Вместе с тем именно благодаря постоянному учету социокультурных факторов рационализаторами региона были выработаны близкие к оптимальным конкретные формы и методы хозяйствования на основе творческого синтеза лучших черт аграрно-культурной национальной традиции и западноевропейской новации. Этот опыт оказался очень важным для развития не только Центрального Нечерноземья, но и России в целом, позволив лучше понять как механизм действия универсальных принципов становления и эволюции рыночной экономики, так и специфику отечественной модели хозяйствования в соответствии с особенностями отдельных губерний и уездов.

В современной отечественной историографии нередко отмечается, что одной из особенностей российской модернизации является внешний импульс ее развития, связанный с использованием зарубежного опыта[75]. Признавая важное значение теории и практики западноевропейской аграрной модернизации для процесса рационализации сельского хозяйства Центральной России конца XVIII – начала XX вв., необходимо подчеркнуть, что усовершенствование аграрного строя региона было прежде всего результатом его внутренней эволюции, постепенного втягивания как крестьянского, так и помещичьего хозяйства в товарно-денежные, буржуазные отношения и утверждения инициативных начал в сознании и повседневной практике сельского населения.

Полуторавековая история аграрной модернизации Центрального Нечерноземья наглядно показала усиление роли самобытной хозяйственной культуры сельского населения региона, необходимость творческого использования могучей силы многолетней традиции. В ходе модернизационного процесса шла решительная борьба с издержками «закрытости» феодального общества, причем исключительно важную роль в решении последней задачи сыграла многосторонняя деятельность рационализаторов, направленная на изменение традиционного менталитета сельского населения, включая борьбу с пережитками общинной психологии и постепенное вытеснение «обломовского» хозяйственно-бытового уклада помещичьей жизни. Однако основная масса

провинциального дворянства средней полосы России оказалась не готовой к рутинной, будничной работе по рационализации своих хозяйств, не смогла отказаться от архаичных сословных привычек и предрассудков, что во многом предопределило как половинчатость и незавершенность аграрной модернизации дореволюционной России, так и грядущие социально-экономические, политические и духовно-нравственные катаклизмы первой трети XX столетия.

Примечания

[1] См., напр.: Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизационного процесса / Под ред. В.В. Ильина. М., 1996; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. СПб., 1999; История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. / Отв. ред. А.В. Семенова. М., 2000; Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Отв. ред. ак. В.В. Алексеев. М., 2000; и др.

[2] Подробнее см.: Бердышев А.П. Сто пятьдесят лет служения Отечеству (Из истории Вольного экономического общества). Т. 1. М., 1992; его же. Андрей Тимофеевич Болотов – выдающийся деятель науки и культуры. 1738–1833. М., 1988.

[3] Введенский Р.М. Государственное законодательство и развитие российской деревни во второй половине XVIII в. // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Сб. ст. М., 1995. С. 67, 69, и др. См. также: Рахматуллин М.А. Непоколебимая Екатерина // Отечественная история 1997. № 1. С. 22–25; Титков Е.П. Образовательная политика Екатерины Великой. М., 1999.

[4] Захаров Х. Усадьбы, или Новый способ селить крестьян и собирать с них помещичий доход. СПб., 1801. С. 5–29, и др.; Рознотовский А.В. Новое земледелие, основанное на правилах тайного советника И.Х. Шубарта фон Клеефельда. М., 1800. С. 346–358.

[5] Подробнее см.: Маслов С.А. Историческое обозрение действий и трудов императорского Московского общества сельского хозяйства со времени его основания до 1846 г. Изд. 2. М., 1850; Перепелкин А.П. Историческая записка об учреждении Императорского Московского общества сельского хозяйства и воспоминания о действиях и деятелях общества за истекшее 75-летие, с 20 декабря 1820 г. по 20 декабря 1895 г. М., 1895.

[6] Перепелкин А.П. Краткий исторический очерк Московской земледельческой школы. М., 1895; О всенародном распространении грамотности в России на религиозно-нравственном основании. Кн. I–IV. Изд. 2. М., 1849; См. также: Ясман З.Д. Первая сельскохозяйственная школа в России // Вопросы истории. 1976. № 11. С. 203–209; ее же. Русские агрономы из крестьян в XIX в. // Там же. 1985. № 12. С. 168–173; Курмачева М.Д. Школы для крестьян // История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. М., 1993. С. 534–542.

[7] История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 2. СПб., 1901. С. 204–207; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946. С. 364–376.

[8] См.: Redfield R. Peasant society and culture // Redfield R. The Little community and Peasant society and culture. Chicago; London, 1973. P. 41–42.

[9] См.: Колесников В.А. Огородничество в селе Поречье Ростовского уезда Ярославской губернии. Ярославль, 1897; Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1974. С. 66–70, и др.

[10] Захаров А. О кортоме, или найме земель, в отношении чресполосности // Земледельческая газета. 1839. № 32 (21 апреля). С. 251; Думской. Общие причины медленности улучшений в сельском хозяйстве // Там же. 1840. № 54 (5 июля). С. 425–426; См. также: Опочинин Е.М. «Рыдающие души»: (Поэты-помещики 1840-х годов) // Голос минувшего. 1916. № 12. С. 218–226.

[11] См.: Conze W. Tradition und Innovation / Von Reinhart Koselleck // Historische Zeitschrift. 1987. Bd. 245. H. 3. S. 529–543; Hofstede G. Cultures and Organisations: Software of the Mind. London, 1991.

[12] Майер Ф. Опыт сельского благоустройства, или полиции. М., 1835. С. X–XIII; Шелехов Д.П. Старые и новые понятия о сельском хозяйстве. СПб., 1842. С. 3–6; Боде А. Средство заслужить уважение, любовь и доверенность крестьян // Эконом. 1846. № 47. С. 371–372.

[13] Об этом убедительно свидетельствует история работы отдельных губернских комитетов по подготовке крестьянской реформы. См.: Маркова М. Губернские комитеты // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911. С. 305–308; и др.; Ширяев Н. Ярославский губернский комитет 1858–1859 гг. и составленный им проект положения об устройстве быта помещичьих крестьян // Труды Ярославской

губернской ученой архивной комиссии. Кн. 6. Вып. 2. Ярославль, 1912. С. 20–55, и др. См. также: Попов И.П. «Соображения» А.М. Унковского и либеральное движение в период подготовки крестьянской реформы // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Т. IX. М., 1986. С. 139–142.

[14] Сахаров А.Н. История все расставляет по местам // Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. 1995. № 4. С. 25.

[15] «Россия есть сторона столь отменная во всех ее отношениях, что иноземный смысл земледелия к ней не подлаживается, – отмечал помещик Н. Муравьев. – России надобно тут свое особое, как это в ней истари велось; в земледелии это неотрицаемо, ибо оно первее всего зависит от климата и почвы земли… К ним-то и по необходимости остается русскому смыслу приноравливаться, а не слепо схватывать от иностранного земледелия и его затей в России бесполезное, ненужное и даже неисполнимое». – Муравьев Н. В редакцию «Земледельческой газеты» // Земледельческая газета. 1838. № 9. (1 февраля). С. 69.

[16] К читателям «Земледельческой газеты» // Там же. 1848. № 105 (31 декабря). С. 839.

[17] Пономарев А.З. Опыт устройства имения // Там же. 1844. № 6 (21 января). С. 41.

[18] Турчинович Ф. История сельского хозяйства России, от времен исторических до 1850 г. СПб., 1854. С. 37–92; Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет, с 1844 по 1854 гг. СПб., 1855. Введение. С. XXX.; Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.) / Сост. Г.К. Гинс и П.А. Шафранов. Пг., 1914. С. 3–9, 215–216.

[19] См. также: Тарле Е.В. Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным документам французских дипломатов 1842–1847 гг. // Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 4. М., 1958. С. 567–587; Апогей самодержавия? Нехрестоматийные размышления об императоре Николае I // Родина. 1997. № 2. С. 51–56; Киняпина Н.С. Николай I: личность и политика // Вестник МГУ. Сер. 8. «История». 2000. № 6. С. 8–40.

[20] Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990. С. 122–204; и др.; Федоров В.А. О крестьянских настроениях в период подготовки реформы 1861 г. // Освободительное движение в России. Вып. 5. Саратов, 1975. С. 3–18.

[21] Преображенский В.А. Механический завод хозяйственных машин и орудий в Твери // Земледельческая газета. 1860. № 25 (18 июня). С. 392.

[22] См. также: Мирошниченко П.Я. Социальное сознание и культура патриархального крестьянства эпохи разложения крепостничества в России. Донецк, 1985. Деп. В ИНИОН АН СССР 25.–7. 1985, № 2178.

[23] См.: Краткий очерк деятельности Смоленского общества сельского хозяйства за 1858–1912 гг. / Сост. В.И. Иванов. Смоленск, 1912. С. 5–12, и др.

[24] См.: Маркова М. Указ. соч. С. 306–315.

[25] Беляев И.Д. О круговой поруке на Руси // Русская беседа. 1860. Т. II. Отд. II. «Науки». С. 100; Б. Деревня // Там же. 1858. Т. II. Кн. 10. Смесь. С. 200–202; и др. См. также: Дружинин Н.М. Крестьянская община в оценке А. Гакстгаузена и его русских современников // Ежегодник германской истории: Сб. ст. М., 1969. С. 28–50.

[26] Беляев И.Д. Указ. соч.

[27] Савельев А. О причинах современного экономического положения крестьян // Хозяин. 1903. № 32–36 (11 сентября). Стб. 1574.

[28] См., напр.: Неручев М. К вопросу о сельскохозяйственном образовании // Земледельческая газета. 1867. № 14 (8 апреля). С. 209–212; Писарев Н. По поводу улучшения наших хозяйств // Там же. 1875. № 28 (12 июня). С. 434–437; и др.

[29] Неручев М. Слабые стороны нашего хозяйства // Там же. 1868. № 13 (30 марта). С. 200.

[30] См. также: Ефременко А.В. Сельскохозяйственное образование в России (конец XVIII – начало XX в.). Ярославль, 1997.

[31] Подробнее см.: Гутерц А.В. Императорское Вольное экономическое общество и Николай Васильевич Верещагин // Науч. тр. Межд. союза экономистов и Вольного экономического общества России. Т. 3. М.; СПб., 1996. С. 223–231; Ольховский Е.Р. Н.В. Верещагин // Кооперация. Страницы истории. Вып. 8 / Отв. ред. Н.К. Фигуровская. М., 1999. С. 82–96.

[32] Центральный исторический архив г. Москвы (далее – ЦИАМ), ф. 419, оп. 1, д. 1752, л. 5.

[33] Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997 / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина, М., 1997. С. 111. При этом обращается внимание на жесткий административный надзор, осуществляемый по отношению к крестьянству начиная с 1880-х гг. земскими начальниками и местными чиновниками. – Там же. С. 86.

[34] См., напр.: Двенадцатое заседание Петербургского собрания сельских хозяев «О влиянии праздничных и прогульных дней на сельское хозяйство и сельский быт» // Земледельческая газета. 1865. № 7 (13 февраля). С. 106–107; Крестьянский правопорядок / Под. ред. А.А. Риттиха. СПб., 1904. См. также: Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы межд. конференции. М., 1996.

[35] Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложения. Т. I. СПб., 1873. С. 162–165, и др.

[36] Там же. С. 164.

[37] Кофод К.А. 50 лет в России (1878–1920). М., 1997. С. 39. См. также: Головин К. Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 134–143, 256–257.

[38] См.: Бажаев В.Г. Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России. М., 1990. С. 296–297, и др.; Травосеяние на крестьянских землях Ярославской губернии до 1904 г. Ярославль, 1904. См. также: Каблуков Н. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. Очерки по экономии землевладения и земледелия. Изд. 2. М., 1908.

[39] Каблуков Н. Указ. соч. С. 340–341.

[40] Там же. Об активном участии общины в процессе сельскохозяйственных улучшений см. также: В.В. [Воронцов В.П.]. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892. С. 160–217.

[41] См.: Каблуков Н. Указ. соч. С. 346.

[42] Там же. С. 347. См. также: Маслов П. Условия развития сельского хозяйства в России. СПб., 1903. С. 73–74, и др. Вызывает интерес ряд выводов В.П. Воронцова, относящихся к роли общины в процессе внедрения аграрных новаций. Признавая и ее тормозящее влияние в этом процессе («стеснение индивидуальной деятельности»), он, тем не менее, подчеркивал: «Если эта организация и представляет некоторые стеснения для лиц, обладающих сильной инициативой…, зато она обеспечивает распространение высшей культуры на полях массы заурядного крестьянства, которое составляет громадное большинство населения. Людей с большой инициативой немного; общественное их значение… ввиду невежества среды, из которой будут выделяться эти лица, не может быть велико». – В.В. Указ. соч. С. 259–260.

[43] См. также: Шаткovская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX в. // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 96–105; ее же. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д., 2000. С. 54–90, 101, 210, и др. Историки отмечают, что к концу XIX в. обычное право уже выступает тормозом буржуазного развития русской деревни. – Зырянов П.Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 100, 101. На инерционный характер общинных традиций в этот период обращают внимание и зарубежные исследователи. – См.: Фрэнк С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 // История ментальностей и историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и реформах. М., 1996. С. 238; Левин М. Указ. соч. С. 87–92.

[44] -ъ-ъ-ъ. Как иногда можно сделаться сельским хозяином // Сельский хозяин. 1898. № 20 (13 марта). С. 311–313.

[45] Агрикола. Из дневника неунывающего хозяина // Сельский хозяин. 1892. № 52 (23 окт.). С. 956; Лазарев В. К вопросу о современных нуждах русского сельского хозяйства // Вестник русского сельского хозяйства. 1890. № 8 (15 апреля). С. 583–587; и др. См. также: Герасимов И.В. Все влияние «знающим людям»: новая генерация российской интеллигенции как модернизаторы // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. Материалы межд. научного коллоквиума. СПб., 2003. С7 283–284.

[46] См.: Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1960; Есафов В.И. Александр Николаевич Энгельгардт (1832–1893). Екатеринбург, 2001.

[47] См., напр.: Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959; Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978; ее же. Мировой аграрный кризис 1870–1890-х годов и государственное регулирование сельскохозяйственного производства в России // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. С. 150–159; и др.

[48] Скворцов А. О покровительстве сельскому хозяйству // Сельский хозяин. 1885. № 4 (22 ноября). С. 77–78.

[49] Герман В. Организация мелких хозяйств в средней России // Там же. 1886. № 7 (12 декабря). С. 101–103; № 8 (19 декабря). С. 117–118; Главнейшие причины сельскохозяйственного кризиса и меры к его прекращению // Там же. 1888. № 19 (4 марта). С. 314–317; и др.

[50] Список подписчиков журнала «Сельский хозяин» за 1887 г. // Сельский хозяин. 1887. Год второй (С 1 ноября 1886 по 1 ноября 1887 г.). СПб., 1887. Разд. паг. С. XIII–XVIII.

[51] ЦИАМ, ф. 419, оп. 1, д. 1989, лл. 1–13.

[52] См. в связи с этим: Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998; ее же. Хозяйственная культура как фактор модернизации. М., 2000. Деп. в ИНИОН РАН 27.04.2000, № 55606. С. 251–253. См. также: Гордон А.В. Формирование хозяйствующей личности в пореформенной российской деревне и отражение этого процесса в современной литературе // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 230–240.

[53] К – в В. Нужды деревни (Голос из захолустья) // Сельский хозяин. 1891. № 5 (29 ноября). С. 66.

[54] Фортунатов А. Формы взаимного общения русских агрономов // Хозяин. 1903. № 51. Стб. 2366; Шумков И.В. О сельскохозяйственных обществах малого района действий // Труды съезда деятелей Агрономической помощи местному хозяйству. М., 1901. Ч. 1. № 4. С. 1–9.

[55] См., напр.: Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой русской революции. М., 1987; Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988; его же. С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX – начале XX века // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 524–546. См. также: Елина О.Ю. Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 1. С. 40–61.

[56] См. также: Твардовская В.А. Аграрный вопрос в консервативной мысли России в 80-е гг. XIX в. // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 509–523.

[57] См. также: Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 34–35. Деятельности хозяйственных выставок в пореформенной России посвящен ряд содержательных работ М.Ю. Лачаевой.

[58] Крыштафович Ф. Крестьянская община и улучшение народного здравия // Сельский хозяин. 1902. № 6 (6 декабря). С. 103–103. См. также материалы сельскохозяйственного съезда в Москве 1895 г. (особенно доклад кн. А.Г. Щербатова). – ЦИАМ, ф. 419, оп. 1, д. 3736, л. 17–18, и др.

[59] Фигуровская Н.К. Некоторые исторические уроки развития кооперации в России конца XIX – начала XX в. // Кооперация. Страницы истории. Вып. III. М., 1993. С. 2–4, и др.

[60] Дударев М.И. Ход всероссийского съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ 1898 г. и его решения // Кооперация. Страницы истории. Вып. 8 / Отв. ред. Н.К. Фигуровская. М., 1999. С. 145–179.

[61] Рогалина Н.Л., Телицын В.Л. Крестьянское хозяйство, кооперация и общественная агрономия в начале XX в. // Аграрные технологии в России IX–XX вв. XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1996. С. 109.

[62] См. также: Бобович И.М. Земство и его воздействие на уровень крестьянского хозяйствования в годы столыпинской аграрной реформы // Там же. С. 105–108.

[63] Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Рынок и кооперация // Аграрный рынок в его историческом развитии. XVIII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Свердловск, 24–27 сентября 1991 г. М., 1991. С. 68. Отметим также важное значение деятельности Крестьянского поземельного банка в эти годы.

[64] См. также: Мацузато К. Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. № 6. С. 192–200.

[65] Подробнее см.: Тюкавкин В.Г. Зажиточное русское крестьянство Европейской России в период столыпинской аграрной реформы: новые условия развития и типичные черты // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 183–189; Щагин Э.М. Столыпинская аграрная реформа: ее результаты и судьба // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. С. 134–137.

[66] См.: Ковалев Д.В. Закон 14 июня 1910 года и агротехнический прогресс в крестьянском хозяйстве столичных губерний России // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2002. С. 103.

[67] См., напр.: Там же. С. 103–104; его же. Крестьянское хуторское хозяйство и его судьба в первой четверти XX в. (по материалам Московской губернии) // Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе. С. 216–223.

[68] Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 220.

[69] См., напр.: Андреев В.М. Эволюция крестьянского хозяйства Подмосковья в годы Первой мировой войны // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. XXII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. М., 1989. С. 82–83.

[70] Китанина Т.М. Земство, кооперация и агротехническая помощь российской деревне в годы Первой мировой войны // Аграрные технологии в России IX–XX вв. XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. С. 111. Подробнее см.: ее же. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 гг.). Л., 1985.

[71] Андреев В.М. Указ. соч. С. 83.

[72] Брусцкус Б.Д. Очерк аграрной политики иностранных государств и России. Пг., 1918. С. 64.

[73] См., напр.: Обзор сельскохозяйственных учреждений в Англии, Бельгии, Голландии, Германии и Италии // Сост. В. Вешняковым. СПб., 1866. См. также мнение по этому вопросу кн. А.Г. Щербатова. – ЦИАМ, ф. 419, оп. 1, д. 3736, л. 17 об.-18.

[74] «Мы отстали от Европы на целое столетие, несмотря на нашу прославленную мощь, предприимчивость, громадные естественные богатства, – подчеркивала российская печать в 1894 г., отмечая значи-

мость учреждения Министерства земледелия. – Мы можем ускорить наше хозяйственное устройство лишь **дружными, общими** усилиями **всех** учреждений», а для этого необходимо объединить действия отдельных рационализаторов, сельскохозяйственных обществ, земств и государственной власти. – 1 апреля 1894 г. // Хозяин. 1894. № 13 (1 апреля). С. 245–248.

[75] См., например, мнение В.В. Алексеева и И.В. Побережникова. – Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. С. 53. Исследователи условно определяют подобный тип модернизации как «феодальный», отмечая в качестве инициатора и своего рода «верховного покровителя» модернизационных процессов российское государство. Как мы убедились, материалы, относящиеся к аграрной рационализации Центрального Нечерноземья, подобный вывод не подтверждают.

© 2004 г. **А. Ю. АНДРЕЕВ***

«ГУМБОЛЬДТ В РОССИИ»: МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И НЕМЕЦКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Широко распространенное суждение о том, что российская университетская система была образована под европейским влиянием, нуждается в уточнении и конкретизации. В современной историографии эта тема кажется общеизвестной и именно поэтому, как это ни парадоксально, недостаточно разработанной. Еще в знаменитом письме М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову об основании Московского университета прозвучала фраза о намерении учредить университет «по примеру иностранных». Однако историки прежде не задавались вопросом о сути этого «примера», иными словами, о том, в какой степени российские университеты отражали иностранные образцы, а в чем, напротив, выражались национальные особенности высшего образования; какие именно европейские университетские модели влияли на русское просвещение и с помощью каких механизмов это влияние передавалось, и вообще, насколько глубоко оно могло быть усвоено в России. В историографии не учитывалось и то принципиальное обстоятельство, что в период становления российских университетов происходило изменение самих иностранных образцов. Это по сути означает, что под «европейским влиянием» в разные эпохи следует понимать совершенно разные исторические тенденции.

Особую актуальность эти проблемы приобретают в свете современных исследований по истории российских университетов, в которых ставится вопрос об истоках национальной университетской системы[1]. Крупные труды по этой теме, например, продолжающие выходить до настоящего времени книги Ф.А. Петрова[2], обладают при всех своих неоспоримых достоинствах тем недостатком, что в них совершенно отсутствует контекст, в котором находилось развитие отечественных университетов в свете общей их истории в Европе того времени. Между тем, восстановить такой внешний контекст русской университетской истории представляется очень важным, и в особенности для первой половины XIX в. – эпохи, когда закладывались основные принципы, формировавшие облик собственно российского университета.

Именно этот период явился решающим не только для русского, но и для всего европейского высшего образования, где в начале XIX в. произошел сдвиг в представлениях о содержании и задачах университетов. Из средневековых корпораций они были преобразованы в государственные учреждения, занимающиеся как образовательной,

* **Андреев Андрей Юрьевич,** кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Спенсера, программа «Социальные исследования в области высшего образования», и фонда Gerda Henkel Stiftung, проект № AZ 07.Sr.02.

так и научной деятельностью. Этот переход оказался решающим для будущей судьбы университетов, поскольку позволил им вернуть значение ведущих научных центров, потерянное ими в XVII–XVIII вв., и преодолеть главный недостаток, тормозивший их развитие, – корпоративную замкнутость, основывающуюся на «академических свободах» (автономии), природа которых была аналогична цеховым привилегиям, некогда игравшим положительную роль, но к началу Нового времени давно отжившим свой век.

Сбросить средневековые пережитки университетам помогло энергичное вмешательство государства, в наиболее четкой форме проявившееся на территории Германии, где в начале XIX в. возникла так называемая модель «немецкого классического университета». Крупным достижением современной зарубежной историографии является демонстрация того, насколько сильно эта модель смогла повлиять на развитие университетского образования во всем мире, во многом определив его облик вплоть до нынешнего дня[3]. Главным же идеологом, сформулировавшим новые университетские принципы, признан выдающийся государственный и общественный деятель, ученый-филолог, основатель Берлинского университета Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835)[4].

Именно Гумбольдту удалось превратить средневековую автономию в современные принципы «ученых свобод», для полной реализации которых необходима была поддержка государства, бравшего на себя заботу о развитии университетской науки и образования. В то же время государство не должно было вмешиваться в научную жизнь, понимая, что само оно не является движущей силой этого процесса, зато способно стать для него помехой, не предоставив ему достаточно простора[5].

Основными принципами, определявшими облик университета в «модели Гумбольдта», стали, во-первых, *свобода преподавания и обучения*, открывавшая широкие возможности для развития творческого потенциала профессоров и студентов; во-вторых, *единство преподавания и исследовательской деятельности*, которое зиждилось на представлении, что университеты должны не только передавать, но и умножать знания, а кафедры могут занимать только те ученые, которые сами ведут активную научную работу; наконец, в-третьих, *единство научного знания*, что требовало от университета энциклопедически обнимать весь круг наук, а также развивать их во взаимной связи, способствуя созданию единой научной картины мира.

Конечно, рождение «немецкого классического университета» состоялось не только потому, что Гумбольдт смог сформулировать его задачи и особенности, оно вызревало еще в XVIII в. в таких немецких университетах, как Галлеский, Иенский, Геттингенский, где уже были озвучены многие новые, принципиально важные идеи. Но именно в XIX в. эти принципы воплотились в многочисленные конкретные образцы, прежде всего внутри самой Германии – в Берлине, Мюнхене, Бонне и других университетах, что привело их к выдающимся успехам (настолько, что немецкие университеты конца XIX – начала XX в. даже стали называть «кузницей нобелевских лауреатов»), а также смогло утвердить наивысший статус университетского образования в системе общественных ценностей.

Россия имела возможность пристально изучать эти кардинальные изменения облика университетов Европы, стремясь эффективно использовать их в ходе построения собственной системы высшего образования. В данной статье будет проанализирована проблема отношения к немецким университетам (их прежнему опыту и новым чертам в их развитии) в ходе университетских реформ в России первой половины XIX в. Решающую роль в этом контексте играет изучение политики Министерства народного просвещения, которое руководило всеми российскими университетами, определяя их внутреннее и внешнее устройство в ходе создания университетской системы в начале XIX в., а затем задавая основные направления их дальнейшего развития. Отношение министерства к немецким университетам сводилось к двум основным моментам: во-первых, в них видели образец для подражания, а иногда и прямого заимствования в ходе строительства собственной университетской системы, и, во-вторых, немецкие университеты должны были помогать наполнению этой системы профессурой, сначала путем прямо-

го приглашения ученых, затем с помощью обучения в Германии будущих русских профессоров.

В позиции министерства по этому вопросу в первой половине XIX в. можно выделить несколько периодов, граница каждого из которых означала резкое изменение его отношения к немецким университетам – от максимально благожелательного в начале 1800-х гг., когда в только что основанные или преобразованные университеты России хлынул поток немецких ученых и начались активные командировки русских университетских воспитанников в Германию, до резко негативного после 1818 г., в период министерства кн. А.Н. Голицына, который видел в немецких университетах очаг «революционной заразы». В первые десятилетия царствования Николая I рядом мер (в том числе открытием Профессорского института (1828) для подготовки будущих преподавателей высшей школы с помощью заграничных командировок), в результате которых в Германии было образовано целое поколение молодой российской профессуры, министерство вновь признало за немецкими университетами значение двигателя русской науки и образования. Однако после 1848 г., с началом «мрачного семилетия», не только прекратились заграничные командировки, но и самые основы уже достигнутых российскими университетами успехов были поставлены под сомнение. Немецкое влияние, безусловно, отразилось, хотя в неодинаковой степени, и в университетских уставах 1804 и 1835 г.

«Университетский вопрос» в Главном правлении училищ

Анализ первого периода необходимо начать уже с первых месяцев деятельности Министерства народного просвещения. 23 января 1803 г. были утверждены Предварительные правила народного просвещения, регламентировавшие создание системы университетов в Российской империи. К существовавшему Московскому добавлялся утвержденный Александром I в 1802 г. университет в Дерпте, а также готовившиеся к открытию – в Вильне, Казани, Харькове и Санкт-Петербурге. Университетам в новой системе образования отводилась ключевая роль центров учебных округов, призванных контролировать и развивать училища низших степеней. Кроме того, они наделялись правом производства в ученые степени (кандидата, магистра и доктора) во всех областях наук.

На первый взгляд, эти реформы идеально соответствовали духу «европеизации России», столь характерному для начала царствования Александра I. Однако если взглянуть на реформу 1803 г. в контексте истории университетов Европы того времени, то возникает немало серьезных вопросов.

Как уже говорилось, на рубеже XVIII–XIX вв. европейские университеты переживали кризис, причем настолько глубокий, что вполне могли бы вообще исчезнуть с исторической сцены. Еще в начале XVIII в. они стали подвергаться резкой критике с позиций идей Просвещения. Просветители видели в них «гнилой на корню плод средневековья» – замкнутые, корпоративные учреждения, занятые лишь борьбой внутренних группировок и совершенно не способные к развитию науки. Так, во время Французской революции вместе с ликвидацией других пережитков «старого режима» все университеты Франции были закрыты; та же участь вскоре постигла и университеты тех государств, на которые перекинулась революционная волна. В ходе наполеоновских войн этот процесс затронул почти всю Германию, где университеты гибли частично по политическим обстоятельствам (например, в областях, завоеванных французами), частично из-за экономических неурядиц, окончательно подорвавших положение тех из них, финансы которых и без того слабели. Всего же за это время в немецких землях было закрыто 22 высших школы, в том числе, например, такие старейшие и некогда уважаемые университеты как Кельнский, Эрфуртский и Виттенбергский[6].

Закрыв свои университеты, Франция приступила к строительству новой системы высшего образования. В ее основу был положен принцип организации специализированных школ, каждая из которых ведет преподавание в определенной области знаний.

Яркий пример учебного заведения такого рода – Политехническая школа в Париже, где углубленно изучались точные науки и инженерное дело, – возник в 1793 г. и оказал немалое влияние на умы современников, в том числе за пределами Франции, демонстрируя успешность новой образовательной модели. Уже на рубеже XVIII–XIX вв. деятели высшего образования Пруссии воспринимали французскую систему образования как реальную и даже предпочтительную альтернативу университетам[7].

Возвращаясь к реформе народного просвещения в России в 1803 г., естественно задаться вопросом: почему в тот момент, когда по всей Европе университеты закрывались, в России они, наоборот, открывались, и притом в немалом количестве? Из этого парадоксального вопроса вытекают следующие – а какие же, собственно, представления об университетах имели деятели российского народного просвещения начала XIX в.? Видели ли они в университетах те же самые черты, которые критиковались в Европе как пережиток средневековья, или вкладывали в это понятие какое-то новое содержание?

Помочь ответить на эти вопросы может обращение к взглядам на университетское образование, высказывавшимся в Главном правлении училищ – коллегиальном органе управления Министерства народного просвещения, через который проходили все проекты реформ. В целом, есть основания утверждать, что существовавшее в Европе критическое отношение к прежним университетам разделялось многими членами Правления. Так, гр. П.А. Строганов (чье якобинское прошлое определяло его симпатии к революционной Франции) полагал, что в России университеты не нужны и предлагал строить систему высших училищ по типу специализированных школ[8]. Кн. А. Чарторыйский также симпатизировал французской системе, в которой его привлекала строгая иерархичность и соподчиненность низших училищ высшим: именно так организовывала народное образование в Польше 1780-е гг. так называемая Эдукационная комиссия, опыт которой был Чарторыйскому ближе всего. По плану комиссии, польские высшие школы (академии) должны были руководить всеми низшими училищами своего округа. Благодаря усилиям князя этот принцип был положен в основу системы управления учебными округами в России. Что же касается внутреннего устройства высшей школы, то представленный Чарторыйским проект Виленского университета (1803), по мнению современного исследователя, был дальше всего от прообразов немецких университетов, так как его автор стремился воплотить «идеальную модель польско-католического высшего учебного заведения»[9]. В частности, традиционное (и даже единственно возможное) для прежних университетов деление факультетов на богословский, юридический, медицинский и философский в проекте Чарторыйского было заменено заимствованной из Франции структурой, в которой помимо медицинского полагались факультеты физико-математических, нравственно-политических и словесных наук (именно так впервые были поделены научные отрасли при организации французского Национального института в 1795 г.). Таких же взглядов на систему преподавания придерживался и другой член Главного правления училищ, академик Н.И. Фус, предлагавший в посвященной университетам главе своего «Плана организации народных училищ» (1802) деление на факультеты именно по примеру Национального института[10]. А поскольку в 1803 г. Правление поручило Фусу разработку статей университетского устава, касающихся внутренней структуры университета, то закономерно, что эти же факультеты в конце концов вошли и в окончательный текст устава 1804 г.

Особую позицию при обсуждении «университетского вопроса» в 1802–1804 гг. занимал В.Н. Каразин. Предложенный им проект, предназначенный для открывающегося университета в Харькове, отличался смелостью и самостоятельностью до такой степени, что не мог быть соотнесен с каким-либо существовавшим прообразом. Университет Каразина, с одной стороны, сочетал в себе среднее и высшее образование (в виде обязательных для всех учащихся подготовительных отделений «общих познаний» и «приятных искусств»), а с другой – предусматривал специальные высшие факультеты «военных познаний», «гражданских искусств» (архитектуры, механики, геодезии и др.), «изящных художеств». Управление университетом планировалось совершенно отлич-

ным от корпоративного – его должен был возглавить особый комитет, куда включались несколько профессоров по выбору общего собрания, но председательствовать в нем, как предполагалось, будет директор, назначаемый дворянством Харьковской губ. Назначением профессоров и учебными делами должна была ведать специальная комиссия, также контролируемая представителями губернского дворянства, которое, по мысли Каразина, и будет содержать университет из собственных средств, не обращаясь за помощью к государству[11].

На мой взгляд, все эти изменения в структуре университета, а по сути – новое содержание, которое Каразин вкладывал в это понятие, свидетельствовали о его отрицательном отношении к существовавшему типу немецкого университета, как, впрочем, и к системе образования революционной Франции. Первый ректор Дерптского университета, профессор Г.Ф. Паррот, в письме Каразину замечал, что тот сумел «освободиться от всех предрассудков, под влиянием которых составляли уставы других университетов, не исключая и нашего (Дерптского. – *А.А.*), самого новейшего», и что в отличие от Дерпта опыт немецких университетов не должен довлеть над Харьковом как «более отдаленным от Германии и не имеющим с ней таких связей»[12]. Тем не менее будущее показало нежизнеспособность и утопичность чересчур масштабного проекта Каразина, который, как представляется, слабо повлиял на окончательный вид устава 1804 г.

Критика средневековых традиций в облике университетов высказывалась и на страницах «Периодического сочинения о народном просвещении» (издатель – Н.И. Фус). В 1804 г. здесь была опубликована статья «О начале Парижского университета», где на примере средневековой Франции формулировались главные направления критики университетов с позиций Просвещения, и прежде всего критика их корпоративного устройства, т.е. неподконтрольного государству права распоряжаться учеными степенями и профессорскими кафедрами, при котором процветала «торговля дипломами», а профессорские звания получала «толпа пронырливых невежд». Следствием этого являлись, по мнению автора, низкое качество образования, даваемого университетом, его схоластический характер, неспособность профессоров к научной деятельности[13].

Итак, убедившись, что европейская «антиуниверситетская» риторика была известна в России, и что многие деятели Главного правления училищ в своих рассуждениях об университетах не только не опирались, а наоборот, отталкивались от их средневековых прототипов, правомерно задаться вопросом, а почему же тогда за высшими школами России по реформе 1803 г. сохранялось название университетов? Одной из главных причин было наличие собственной, пусть и недолгой традиции университетского образования. Неудачная попытка утвердить российский университет в Петербурге (под именем Академического), внутри Академии наук, а затем 50-летний опыт существования Московского университета (хотя и критически оцениваемый в начале XIX в.) все-таки позволяли «легитимировать» университет, и с этой точки зрения важно было, например, что в Утвердительной грамоте, дарованной Московскому университету Александром I в 1804 г., ему от высочайшего имени выражалась благодарность за «столь великое участие в образовании людей способных для Государственной службы».

Наследие несколько иного рода оставило и предшествовавшее царствование Павла I – именно тогда, запретив российским подданным обучение за границей, император пообещал прибалтийскому дворянству открыть университет в Дерпте. Решение это должен был выполнять уже Александр I, и появление в конце 1802 г. второго университета Российской империи также содействовало дальнейшему «усвоению» этого понятия. Значение Дерпта в контексте обсуждаемой темы особенно велико, поскольку это был университет, открытие которого непосредственно предшествовало университетской реформе 1803 г., и в то же время – первый «правильный» университет в России, т.е. университет, устройство которого полностью отвечало содержанию этого понятия в Европе, и прежде всего в Германии. В приведенной цитате из письма Г.Ф. Паррота тот упрекал создателей устава Дерптского университета в следовании «предрассудкам», но если вдуматься, то многие из этих предрассудков как раз и подразумевали утверждение университета в России. Так, именно Дерпская Alma mater первой в России

получила 12 декабря 1802 г. Утвердительную грамоту с обозначением своих привилегий, прообраз которой – грамоты (Urkunde) императоров Священной Римской империи – были обязательным условием основания университета в Средневековье и раннем Новом времени. По этому примеру 5 ноября 1804 г. свои Утвердительные грамоты получили и новые университеты в Харькове и Казани, а также уже существующий (но ранее ее не имевший) Московский – это были одни из самых поздних Утвердительных грамот в Европе. «Правильность» университета в Дерпте проявилась также в том, что он первым в России был наделен главным для университета правом присвоения ученых степеней во всех областях наук (Московский университет при своем основании был лишен такого права, и только в 1791 г. получил его в области медицины). При этом вновь проявилось характерное запаздывание – уже в конце XVIII в. в немецких университетах наблюдался упадок института ученых степеней, в результате которого только одна из них – степень доктора – смогла утвердиться в XIX в., тогда как в уставе Дерптского университета, а затем и в общем уставе 1804 г. еще фигурировали три степени – кандидата, магистра и доктора, сохранявшиеся в России в течение всего XIX в., что и послужило исходной причиной известных до сих пор отличий системы ученых степеней России и Европы[14].

Таким образом, вводя в устав Дерптского университета «правильные черты» немецких университетов, его создатели трактовали их не с точки зрения содержания, т.е. как средневековые пережитки, но как уже сложившуюся форму университета, потенциал развития которой еще не исчерпан. Такая двойственность в восприятии университета, не отрицающая его критики, но подразумевавшая уверенность в возможности сочетания прежних форм с современным научным содержанием, указывает на то, что помимо ориентации на Францию, в Главном правлении училищ существовало и иное мнение, связывавшее будущее отечественных университетов с их модернизацией, подобно той, которая произошла в XVIII в. в нескольких университетах Германии, прежде всего в Иене и Геттингене, опыт которых был хорошо известен в России.

Геттинген и Иена в конце XVIII в. представляли собой уникальное явление среди немецких университетов. Науки здесь преподавались на высочайшем в Европе уровне (в особенности медицина, науки о государстве и классическая филология – в Геттингене, история и философия – в Иене, где преподавали Шиллер, Фихте и Шеллинг). В Геттингене столь высокий научный уровень был заложен изначально с момента его открытия в 1737 г. и обеспечивался в дальнейшем за счет мощной финансовой поддержки ганноверского курфюрста, позволившей создавать всю необходимую для ученых инфраструктуру и условия работы, близкие к идеальным. В Иене с ее укорененным с XVI в. и слабо поддающимся изменению корпоративным строем модернизация шла за счет приглашения находившихся вне корпорации экстраординарных профессоров, на плечи которых ложилось чтение наиболее важных курсов[15]. Подбором и приглашением профессоров в Иену на рубеже XVIII–XIX вв. занимался советник Веймарского двора И.В. Гете, тогда же там находился и В. фон Гумбольдт, для которого обновленный облик Иенского университета послужил важным звеном при формулировании собственного идеала «университета науки»[16]. В 1806 г., когда после занятия Иены наполеоновскими войсками над университетом нависла угроза закрытия, Гете обратился к французскому интенданту с докладной запиской, содержащей пространное «оправдание университета» и стремящейся доказать, что он хотя и сохранил традиционную корпоративную форму, но, «по свидетельству немецкой и иностранной публики, в нем в течение последних тридцати лет особенно культивируются науки и искусства», а университет «окружен научными обществами и другими полезными учреждениями, почитаемыми в ученом мире»[17].

Опыт модернизированных немецких университетов способствовал их «оправданию» не только, как в случае с Гете, в глазах Наполеона (не ставшего, кстати, закрывать и Геттингенский университет при оккупации Ганновера), но и в России. Независимо от конкретного пути модернизации, была решена основная проблема – повысить «усердие профессоров», т.е. качество образования, причем в роли регулирующего ме-

ханизма везде выступало государство, поскольку именно государство, а не университетская корпорация, могло обеспечить необходимый для этого подбор ученых, а также закупку научного оборудования, книг и т.д.

Все эти мысли находили отклик в Главном правлении училищ. Проводником влияния обновленных немецких университетов здесь выступал товарищ министра народного просвещения М.Н. Муравьев. Назначенный в 1803 г. попечителем Московского университета, он занимался приглашением сюда новых профессоров, ориентируясь именно на облик Геттингена. При этом важен был сам выбор Муравьевым иностранных корреспондентов на роль посредников между Главным правлением училищ и немецкими университетами. Один из них, К. Мейнерс являлся не только ведущим профессором Геттингенского университета, но и теоретиком университетского образования, на чьи идеи опирался В. фон Гумбольдт (так, в частности, Мейнерс доказывал неэффективность, с точки зрения развития науки, выборности профессуры внутри ее же корпорации, где господствуют партии и интриги, и настаивал на назначении профессоров государством, что и вошло в модель Гумбольдта). Другой корреспондент Муравьева, профессор красноречия в Иене К.Г. Шиц (Schütz) в конце XVIII в. издавал вместе с Ф. Шиллером выходившую при университете «Литературную газету», а в своих работах также выдвигал новые подходы к университетскому образованию[18].

Среди других членов Правления, близких по взглядам к Муравьеву, следует назвать С.О. Потоцкого – попечителя Харьковского университета. В речи на его открытии Потоцкий особо выделил значение для России устройства университетов «наподобие Геттингенского, Иенского и других, куда курфюрсты и владетельные князья не поставляют за стыд посылать своих детей»[19]. Поскольку и Потоцкий, и Муравьев одну из целей своей университетской политики видели в привлечении дворянства к высшему образованию, то и в этом смысле модернизированные немецкие университеты давали им важный пример – именно в Геттингене, как и в Иене конца XVIII в., изменился состав студенчества, приобретавшего все более «благородный» характер благодаря изменению духа преподавания от прежней схоластики к идеям Просвещения.

Опыт реформ в Иене должен был быть близок и Ф.И. Клингеру – попечителю Дерптского университета, писателю и другу Гете (отметим также, что именно через посредничество дерптских кураторов Муравьев впервые установил связи с К. Мейнерсом). Даже Фус, выступавший сторонником французской системы преподавания наук, в 1803 г. опубликовал в «Периодическом сочинении» изложение брошюры советника ганноверского двора Брандеса «О современном состоянии Геттингенского университета» с собственным сочувственным комментарием[20]. В брошюре, в частности, выражались идеи о том, что университет должен быть не только хранителем знаний, но и «распространять и передавать оные потомству, если возможно, с приумножением оных», а также, что «если университет будет одною только школою, то учение может сделаться некоторым родом ремесла, к великому вреду наук и цели самого учения». Оба эти положения – научное значение университетов и их противопоставление школам – были затем развиты В. фон Гумбольдтом. Фус также подробно излагал критику Брандесом «новейших мнений» о создании университетов «для некоторых отраслей человеческих знаний» (явно направленную против французских специализированных высших школ) и его слова о том, что «все науки имеют взаимную связь, которая между ними гораздо теснее, нежели как обыкновенно думают» и что «Геттингенский университет может представить нам многие сему доказательства», а «профессора получают великую пользу от соединения своего в одно место, и сие полезнее еще для молодых людей». Подчеркну, что высказанная здесь идея происходящего в университете синтеза наук, новая для того времени, над философским содержанием которой в конце XVIII – начале XIX в. трудились Кант, Фихте и Шеллинг, станет краеугольным камнем в здании «гумбольдтовского университета».

Идея организации будущего российского университета по образцу обновленного немецкого яснее всего выразилась в проекте университетского устава, представленном в начале 1804 г. в Главное правление училищ М.Н. Муравьевым[21]. Многие из поло-

жений этого документа войдут затем в окончательный текст устава 1804 г., однако в проекте они были сформулированы более четко и последовательно. Так, впервые на российском образовательном пространстве выдвигался принцип свободы преподавания и мнений внутри университетов (возникший в Германии XVIII в. как раз в ходе их модернизации): «Мнения в науках не должны служить поводом гонений… Взаимное уважение профессоров друг к другу долженствует облегчить им способ общего советования в рассуждении ученых трудов,.. почему и может каждый из них при начатии Академического года представить свой образ учения и книги, которым в преподавании намеревается последовать, для сочинения потом общего обозрения лекций». Подобно тому, как это было в Геттингене и Иене, при университете предусматривались ученые общества (что вошло в § 11 устава 1804 г.). И действительно за период попечительства Муравьева в Московском университете таких обществ было открыто три, и еще два не получили развития. Также Муравьев предполагал законодательно закрепить издание при университете «Ученых ведомостей, содержащих рассмотрение всех новых книг и откровений в науках как в России, так и в чужих краях» (по образцу «Göttinger Gelehrte Anzeigen»): такая газета выходила в Москве в 1805–1807 гг. при поддержке попечителя, но после его смерти ее выпуск прекратился, а в окончательном тексте устава такое издание отражено не было.

В проекте Муравьева обращалось серьезное внимание на научную деятельность университета, на то, что ему «должно прилагать к тому свои старания, чтоб быть всегда наравне с состоянием науки в других странах Европы и приобщать к курсу учения все новые откровения, получившие одобрения ученых». Сопоставляя это с § 60–62 устава 1804 г., требовавшими от желающих занять должности профессоров и адъюнктов представить свои сочинения, можно увидеть, что тем самым впервые в России были намечены научные требования к занятию профессорских должностей, означавшие, что эффективность преподавания в университете оценивалась именно с точки зрения участия профессоров в научном процессе, как это и было позднее закреплено в принципах Гумбольдта.

На практике именно этим критериям при наборе новых профессоров следовали первые попечители: М.Н. Муравьев – в Московском, С.О. Потоцкий – в Харьковском, С.Я. Румовский – в Казанском университетах. Что же касается возможности пополнения состава профессоров через выборы, то прежняя корпоративная замкнутость этой процедуры нарушалась, и Муравьев в своем проекте предлагал ставить их под контроль попечителя, который мог принимать или отвергать выбор профессуры. В более мягкой форме тот же принцип был введен и в окончательный текст устава (§ 61): «Совет об избранном предварительно представляет Попечителю и ожидает утверждения министра народного просвещения».

С другой стороны, в проекте Муравьева, как и в уставе 1804 г., сохранялись такие рудименты корпоративного устройства, как университетский суд (а в проекте – даже университетская темница). Объяснить это достаточно легко, если вновь обратиться к особенностям обновления немецких университетов XVIII в. – хотя облик Геттингенского и Иенского университетов значительно изменился, но в основе обоих (даже более молодого Геттингенского) еще лежали статуты, даровавшие им все обыкновенные корпоративные привилегии, в том числе и «академическую свободу» в средневековом понимании, т.е. право собственного суда. Другое дело, что именно благодаря менявшемуся облику университетов эти корпоративные привилегии отступали на второй план и в них не вкладывали прежнего значения когда, например, в средние века университетский суд мог выносить даже смертные приговоры. Поэтому, опираясь на устройство модернизированных немецких университетов, в Россию были перенесены и некоторые пережитки, коренившиеся в более раннем времени.

Итак, из проведенного анализа можно заключить, что устав российских университетов, окончательно утвержденный Александром I 5 ноября 1804 г., носил до некоторой степени противоречивый характер. Из Польши и Франции в него вошло представление о высшей школе, управляющей низшими народными училищами; разделение на-

ук по примеру французского Национального института. С другой стороны, в уставе отразился новый облик немецкого университета – собрания профессоров, ведущих «благородный образ» жизни, занимающихся собственными научными исследованиями, участвующих в деятельности разнообразных ученых обществ, исследующих весь круг наук в его единстве. Возможно, именно дававший основу для этого идеала опыт Геттингена и способствовал тому, что университеты все-таки были включены в систему народного образования России, несмотря на их массовый упадок в Европе. Тем самым в образовательной политике России уже в начале XIX в. возникли многие принципы, достигнутые в обновленных германских университетах, которые десятилетием позже станут идейной основой деятельности В. фон Гумбольдта в той же степени, в какой Геттингенский и Иенский университеты рубежа XVIII–XIX вв. вообще были предшественниками «немецкого классического университета».

Следует отметить также, что в России в процессе университетского строительства с самого начала превалировала роль государства, а центральной фигурой, определявшей развитие каждого университета, становился его попечитель. От него требовалось непрерывное деятельное участие в жизни университета, без чего развитие последнего замедлялось (так, к сожалению, М.Н. Муравьев успел пробыть на своем посту лишь 4 года, а сменившие его люди проводили совершенно иную политику). Такой остановке развития способствовали и пережитки корпоративной автономии, за что авторы устава 1804 г. получали, например от В.Н. Каразина, упреки в том, что русские университеты создаются «на манер германских XV века»[22]. Все это предвещало новую стадию университетских реформ в России, которой, однако, предшествовал период отхода назад и попыток существенной ревизии университетских принципов, установленных в начале XIX в.

Министерство А.Н. Голицина: эпоха «запретов» немецких университетов

В первое десятилетие XIX в. заложенная реформами тесная связь российских и немецких университетов сохранялась. Более полусотни профессоров, преподававших прежде в Германии, заняли кафедры в России – Московском, Харьковском и Казанском университетах (не считая Дерптского, который практически полностью был составлен из немецких ученых). Большая часть этих профессоров представляла реформированные немецкие университеты. Особо значительной в развитии российского высшего образования в 1800-е гг. оставалась роль Геттингенского университета (только в Казань прибыли 9 его представителей). О том же красноречиво свидетельствует и составленная в 1808 г. попечителем Петербургского учебного округа, президентом Академии наук Н.Н. Новосильцевым инструкция для обучения за границей 12 будущих профессоров Петербургского университета: практически по всем наукам попечитель хотел направить их к геттингенским наставникам (это была самая многочисленная единовременная командировка туда русских студентов)[23].

Однако уже накануне Отечественной войны начало ощущаться и определенное неудовлетворение результатами реформ. Главной проблемой являлось слабое наполнение новой системы российских университетов студентами, годными для дальнейшей государственной службы. С одной стороны, к университетскому образованию тянулось мало представителей дворянства, с другой – некоторые из них предпочитали обращение к первоисточнику и ехали учиться в немецкие университеты (особенно это относилось к прибалтийским провинциям). В 1811 г. Н.М. Карамзин писал: «Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. В Лейпциге, в Геттингене надобно профессору только стать на кафедру – зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук»[24]. Эта нехватка отражалась не только на недостаточном числе студентов, но и на составе профессоров. В 1810–1820-е гг. сами по себе профессорские корпорации не могли обеспечить воспроизводство своего состава на тех критериях научного отбора, которым следовали в начале XIX в. Характерным показателем являлось количество защищен-

ных диссертаций на высшую ученую степень доктора. Так, в Московском университете за период с 1820 по 1830 г. была защищена всего одна диссертация по нравственно-политическому отделению, три – по словесному и ни одной по физико-математическому[25]. Обновление корпорации в это десятилетие шло очень медленно, что объективно приводило к ее «старению» и снижению научного уровня. К сожалению, в целом изменился и вклад попечителей, первое поколение которых, участвовавшее в разработке реформ, ушло, а заступившие на их место (П.И. Голенищев-Кутузов в Москве, З.Я. и Е.В. Карнеевы в Харькове и др.) думали не о помощи университету, а об укреплении своей личной власти в нем, активно участвуя в интригах, борьбе профессорских партий и стараясь «замещать кафедры людьми, удовлетворявшими требованиям благонамеренности, а не научного ценза»[26].

Наблюдался упадок и такого важного для роста университетского научного уровня института как заграничные командировки молодых ученых, готовящихся стать профессорами, из-за нехватки финансовых средств в связи с резким падением курса рубля в первом десятилетии XIX в. Между тем в конце 1810-х гг. вообще была поставлена под вопрос целесообразность обучения русских студентов в немецких университетах. Свидетельством изменения правительственного курса явилось назначение кн. А.Н. Голицына на пост министра духовных дел и народного просвещения. Начало же этого поворота произошло в 1818 г., как непосредственный ответ на подъем студенческого движения в Германии, что показывает, насколько близкой была среда немецких университетов к образовательной политике России. События в Германии, особенно наиболее громкое из них – студенческий праздник в Вартбурге в октябре 1817 г., на котором представители всех университетов отвергли политику реставрации и провозгласили идею немецкого единства, были восприняты как часть новой революционной волны, захлестывающей Европу и представляющей опасность для России.

Восприятие немецких проблем в контексте российской политики было характерно для члена Главного правления училищ, дипломата, лично близкого к императору, А.С. Стурдзы. В наиболее известной из своих программных записок того времени он, анализируя современное состояние Германии, возлагал всю вину за «брожение умов» на университеты, а точнее – на их старое корпоративное устройство. Другая его записка, содержавшая план преобразования Дерптского университета, также ставила целью избавить его от недостатков, унаследованных из Германии. Тем самым одна и та же проблема – пережитки корпоративности – по мысли Стурдзы объединяла неизбежные университетские реформы и Германии, и России.

Характеризуя традиционный немецкий университетский строй, Стурдза писал: «Что они сейчас такое, сии университеты? Обветшалые руины средневековья, объединения без смысла и цели, оживлены надменным корпоративным духом, который сбивает юношей с истинного пути и пагубно влияет на общее настроение». Университеты «всякий день могли бы исчезнуть», но их поддерживала, с одной стороны, «соблазнительность так называемых академических свобод» (т.е. старых университетских привилегий), а с другой – взгляд некоторых немецких правителей на них как на источники финансирования[27].

Как видим, былая просветительская критика университетов обретала под пером Стурдзы новую силу. Задачей реформ он считал «разрушить, наконец, корпоративный академический дух, который поистине является источником всех зол»[28]. Для этого нужно прежде всего отменить все академические привилегии, «смысл которых исчез вместе со средневековьем», уничтожить университетский суд, а студентов, как и профессоров, передать в ведение городской полиции с тем, чтобы они подчинялись всем законам государства, а не составляли в нем «изолированную часть». Интересно, что в своей критике Стурдза как бы не замечал позитивных изменений, произошедших в обновленных немецких университетах, но, видимо, именно потому, что по форме своей они сохранили черты прежних корпораций. Тем не менее советы по изменению университетского управления, которые он давал, согласовывались с практикой модернизации XVIII в. Так, подчеркивая, что единственной обязанностью профессоров должно

быть обучение студентов, Стурдза предлагал хозяйственную часть вручить находящемуся под контролем попечителя Комитету, а формирование профессуры проводить выбором из трех кандидатов, представленных факультетом, который производил бы сам попечитель (именно такая практика сложилась в Геттингене XVIII в. и находила одобрение у К. Мейнерса).

Если Стурдза в своей критике высказывал ряд идей, близких к направлению реформ, заданному В. фон Гумбольдтом в Пруссии (недаром в первой из цитированных записок Стурдза ссылался на применение аналогичных принципов при основании Боннского университета), а впоследствии С.С. Уваровым в России, то при этом он в целом все же вкладывал в них охранительное содержание, продиктованное боязнью революции. Другой член Главного правления училищ М.Л. Магницкий был лишен подобной двойственности, сразу провозгласив себя врагом всех немецких университетов. Так, подавая в 1820 г. мнение о приглашении новых профессоров в Казанский университет после его знаменитого «разгрома», Магницкий писал, что «следовало бы обратиться, как доселе бывало, к Германии, но в настоящее время по существующему там духу не предвидится в том пользы»[29]. Изгоняя из России ненавистный ему «дух философизма», Магницкий в то же время не скрывал своих симпатий к учебным заведениям Франции периода реставрации[30]. И в этом неприятии немецкой университетской среды в целом глава министерства кн. А.Н. Голицын был един с Магницким, а не со Стурдзой (характерно, что проекты последнего одобрения не получили, а сам он вскоре оставил Правление).

Конкретные действия министерства начались с Дерптского университета как наиболее тесно связанного с Германией. В июле 1818 г. его попечитель К.А. Ливен обратился в министерство с представлением о том, что студенты, учившиеся за границей, вредят его университету, ибо «привозят с собою худые нравы и злоупотребления и… тем дают повод к великим беспорядкам и неустройствам»[31]. Характеристики эти имели первоначально, по-видимому, чисто дисциплинарный оттенок, но последующее обсуждение сразу перевело их в политическую плоскость, причем Голицын высказался за полный запрет принимать в российские училища студентов, побывавших за границей. Спустя полтора года к обсуждению этой темы вернулись, теперь уже по инициативе самого Александра I, обратившего внимание на большое число своих подданных из остзейских провинций, обучающихся в Германии, особенно в Гейдельбергском университете (около 30 человек), который «известен по вольнодумству и мятежным правилам наставников и по буйству и развращению питомцев» (последняя фраза из уст императора интересна тем, что показывает эволюцию его взглядов: ведь еще в 1815 г. Александр I с благосклонностью посетил Гейдельбергский университет, старейший в немецких землях, и был торжественно принят там профессорской корпорацией[32]).

Вопрос, как спасти «юношество от окружающей его заразы и предохранить подданных от пагубного ее влияния», был поставлен в Комитете министров 20 апреля 1820 г. Мнение Комитета определил А.Н. Голицын, опять обобщивший проблему: «Удаление из Гейдельберга тех, кто теперь там находится, не положит предела в будущем, а известно, что и в тех германских университетах, в которых наставники не осмеливаются явно преподавать слушателям своим правил мятежа, втайне внушают то же, и нельзя ручаться, что при общем духе, господствующем в германских университетах, те же самые обстоятельства, которые ныне встречались в Гейдельберге, не повторились бы в другом университете, и потому в какой бы из тамошних университетов ни были перемещены русские студенты, везде должно ожидать одинаковых последствий»[33]. Поэтому Комитет предложил отозвать российских подданных из всех германских университетов, а в качестве «предлога, довольно благовидного», объявить, что отечественные университеты «достигли уже той степени совершенства, при которой нет никакой нужды русскому юношеству обучаться в иностранных училищах».

Мнение Комитета не было сразу утверждено Александром I, испугавшимся его радикализма и неизбежной негативной реакции европейского общественного мнения. В декабре 1820 г. был принят негласный запрет на обучение выходцев из Прибалтики

в Вюрцбургском, Иенском, Гейдельбергском и Гиссенском университетах. В министерстве духовных дел и народного просвещения об этом решении узнали только в июле 1822 г., и тогда Голицын не преминул превратить его в постановление, которое вышло 22 февраля 1823 г. и запрещало всем российским подданным учебу в указанных университетах. Важно отметить, что Александр, подписывая этот указ, сказал, что «не имеет намерения заграждать юношеству вход во все университеты германские», и не считает опасными университеты Пруссии и Ганновера. Тем самым, симпатии императора оказывались на стороне Геттингена, а также только что основанных «мудрой попечительностью своих правительств» Берлинского и Боннского университетов, т.е. непосредственных детищ Гумбольдта.

Последний отзвук запретов на поездки в немецкие университеты в 1820-е гг. мы находим в деле о командировании магистра Московского университета М.П. Погодина, рассматривавшемся в Комитете министров в начале 1826 г. В деле упоминается список из находящихся под запретом четырех университетов, а также еще один, составленный вел. кн. Константином обширный перечень университетов и училищ Германии и Швейцарии, в которые тот «с высочайшего дозволения предписал также воспретить отправлять для обучения юношество»[34]. В последний список были занесены даже прусские Бреслау и Галле, а также Геттинген, Лейпциг, Тюбинген, Базель, все учебные заведения Песталоцци и др. Несмотря на это, большинство членов Комитета склонны были согласиться командировать Погодина, но и здесь выступил Голицын (уже смещенный с поста министра и занимавший должность управляющего почт) с мнением, что «нет пользы посылать сего магистра в чужие края для окончания наук по нынешним обстоятельствам, а удобнее в университете можно дать то образование, которое правительству угодно будет». К последнему мнению присоединился Николай I и командировка была отклонена.

Черта под периодом «отторжения» немецких университетов была довольно неожиданно подведена уже в следующем году, и притом самим же Николаем I. Веское слово в этом сказал профессор Дерпского университета Г.Ф. Паррот, к мнению которого прислушивались как прежний, так и новый император. В октябре 1827 г. Паррот представил записку о российских университетах, в которой он доказывал их во всех смыслах недостаточное состояние и предлагал широкую программу подготовки будущих русских профессоров за границей. «Целью является дать русской нации подлинно национальные университеты. Образование должно, наконец, стать врожденным. Чтобы достичь этого, нужно взрастить множество обученных людей, которым можно было бы доверить просвещение нации, не привлекая иностранцев. Однако иностранцы должны стать фундаментом»[35]. Итогом обсуждения проекта Паррота явилось создание Профессорского института в Дерпте как подготовительного звена перед отправкой в европейские университеты, а на журнале с результатами обсуждения Николай I написал резолюцию, как бы еще раз соглашаясь с Парротом и подводя итог предшествующей эпохе в политике Министерства народного просвещения: «Профессора есть достойные, но их немного и нет им наследников, их должно готовить, и для сего лучших студентов человек двадцать послать на два года в Дерпт, и потом в Берлин или Париж»[36].

Исполнение задачи создания «национальных университетов», прозвучавшей в записке Паррота и поддержанной Николаем I, легло на плечи С.С. Уварова.

С.С. Уваров и В. фон Гумбольдт

Новый период во взаимоотношениях немецких и русских университетов начался на рубеже 1820–1830-х гг. массовыми командировками будущих русских профессоров в Берлин, который стал играть для университетского образования в России такую же роль, какую прежде играл Геттинген. Открывшийся в 1810 г. Берлинский университет уже через несколько лет завоевал славу лучшего в немецких землях, к тому же расположенного ближе других к границам России. Однако причины такого перехода лежали

не только в этом. Геттингенский университет, представляя собой «рай для ученых», принадлежал (как сказал, по преданию, Наполеон) «не Ганноверу, и даже не Германии, но целому миру»; иностранцы составляли в нем две трети студентов, а цитировавшийся выше Брандес указывал на благодетельное действие «распространяющегося между учеными духа космополитизма». Берлинский же университет был основан на иных началах: перед ним с самого начала была поставлена задача строительства национального университета. Легендарные слова прусского короля, сказанные после поражения от Наполеона в 1806 г., о том, что его государство должно теперь «духовными силами возместить то, что оно потеряло физически», легли в основу всех проектов основания в столице Пруссии «высшего ученого заведения» (höhere Lehranstalt). И именно В. фон Гумбольдт смог добиться того, что это заведение получило форму университета, который Гумбольдт понимал как «вершину, к которой сходится все, что делается непосредственно ради нравственного усовершенствования нации».

Такое различие Геттингена и Берлина помогает лучше понять характерные особенности двух этапов университетского строительства в России – в 1800-е и в 1830-е гг. Если в начале XIX в., руководствуясь образцом Геттингена, российская образовательная система наполнялась иностранцами, хотя и высокого научного класса, и приобретала «космополитичный» оттенок (известна фраза М.Н. Муравьева, что когда-нибудь «приедут и шведы учиться в Москву», но разве такая задача стояла перед русским образованием?), то в царствование Николая I четко была осознана необходимость построения именно национальной науки из ее российских представителей, не уступающих в то же время европейскому уровню, и как раз такую задачу помогало решить обращение к опыту Гумбольдта в Берлинском университете.

Сопоставление в контексте последнего имен Гумбольдта и Уварова напрашивается само собой, и уже встречалось в историографии[37]. Действительно, в их политике и даже в этапах биографии можно проследить много общего. Оба они были аристократами по рождению, воспитанию и привычкам, оба получили прекрасное образование дома (при этом Уваров никогда не садился на скамьи университета, а Гумбольдт побывал студентом в Геттингене, но всего три семестра). Университетскую среду они знали, имея друзей и учителей среди ученых, сами с молодости занимались наукой, но не ради профессорской карьеры (такая мысль ни Гумбольдту, ни Уварову не могла прийти в голову), а ради «науки как таковой». Общим научным интересом обоих была классическая филология. Вступив на службу, и тот, и другой избрали дипломатическое поприще, более того, в ходе наполеоновских войн Гумбольдт выполнял ряд миссий в Вене, где в это время в российском посольстве служил Уваров, и, по всей видимости, именно там в 1807–1808 гг. они имели возможность познакомиться. Впоследствии внимание Гумбольдта, углублявшегося в сравнительное языкознание и изучавшего санскрит, привлек составленный Уваровым проект «Азиатской академии», на который он откликнулся сочувственным письмом (1811). Их переписка, затрагивавшая исключительно научные темы, длилась до 1821 г.[38] В январе 1809 г. Гумбольдт возглавил департамент образования в Министерстве внутренних дел Пруссии, а год спустя Уваров получил назначение на пост попечителя Петербургского учебного округа.

Оценим сходство задач обоих деятелей просвещения: и тот, и другой дали жизнь столичным университетам. Для Германии это было тем более ново, что никогда раньше университеты не открывались в столицах крупных государств, и даже просвещеннейший барон Г.Ф. Штейн, один из виднейших прусских государственных деятелей того времени, высказывал сомнения, стоит ли наводнять столицу «толпами необузданных студентов». Непросто оказалось открыть университет и в столице России, но по другим, бюрократическим причинам: чиновники министерства не могли так легко смириться с тем, что руководство столичными училищами переходит к университету, составленному отчасти из иностранной профессуры и к тому же корпоративно управляемому.

Решение, найденное Гумбольдтом, оказалось универсальным: сохранив имя, он полностью поменял содержание «автономии». В докладе королю, поданном в мае 1809 г.,

Гумбольдт подчеркивал, что в Берлине основывается именно государственное учреждение, а название «университет» лишь указывает, что «никакие науки не пропущены, и что ученое заведение будет присваивать академические степени; все же устаревшее и являвшееся недостатком, естественно, удалено»[39]. «Автономия» по Гумбольдту – это автономия науки и ради науки, т.е. внутренняя свобода научной деятельности в университете при внешнем контроле и управлении им государства, которое между тем само ограничивает свое вмешательство в дела ученых, чтобы не мешать научному процессу. Такие идеи были выношены не только Гумбольдтом, но движением немецкого неогуманизма в целом, отразившись в трудах Канта, Фихте, Шеллинга, Шлейермахера и др. Вполне вероятно знакомство с ними и Уварова в период пребывания того в Европе, тем более что в историографии уже давно подмечена взаимосвязь его мировоззрения с немецкой философией[40].

Открыв в 1819 г. Петербургский университет, Уваров использовал опыт существовавшего здесь прежде Главного педагогического института. Вместе с тем некоторые идеи, реализованные им тогда, если не были напрямую заимствованы у Берлинского университета, то по крайней мере перекликались с образовательными реформами в Пруссии. В специально составленном для министра «Кратком изъяснении о Петербургском университете», Уваров объяснял отличия его от устава 1804 г., подчеркивая свое желание избежать «неудобств, так тесно сопряженных с старыми готическими формами университетов» (что почти совпадает с приведенными выше словами Гумбольдта)[41]. Так, в новом университете не предусматривался собственный суд, а хозяйственное управление было отделено им от учебного через введение отдельной должности директора, назначаемого правительством, причем Уваров ссылался на прусский пример университета в Галле (первого из немецких университетов, который был основан под контролем государства), где «доказали справедливость этой меры». Решение дел учебного округа было перенесено в особое правление, находившееся, под непосредственным руководством самого попечителя, по сути освобождая ученых от контроля над народными училищами (здесь можно вспомнить, вероятно, известные Уварову слова Карамзина о том, что у нас «лучшие профессора, коих время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свеч и дров…, сверх того обязаны ежегодно ездить по губерниям для обозрения школ… Смешно и жалко видеть сих бедных профессоров, которые всякую осень трясутся в кибитках по дорогах»[42]).

Интересна не получившая одобрения в министерстве попытка Уварова ввести в Петербургском университете институт приват-доцентуры. Именно в уставе Берлинского университета (1816) приват-доценты, т.е. ученые, имеющие степень доктора и читающие курсы по своему выбору, не получая штатных мест, впервые были «конституированы» как важная часть университета. Уваров же в 1819 г. писал о необходимости приглашения для чтения лекций «докторов без кафедр» (§ 27 проекта устава)[43]. Хотел Уваров и усилить роль попечителя в подборе профессуры, давая ему право предлагать Совету университета кандидата на открывающуюся вакансию, но и это положение натолкнулось на демагогические возражения Магницкого и не нашло поддержки[44].

Наиболее полно свои идеи реформирования отечественной университетской системы Уваров смог раскрыть после его назначения в 1833 г. министром народного просвещения. Разработанный при его непосредственном участии новый университетский устав 1835 г. включал некоторые положения, уже опробованные им в Петербургском университете, а в целом стал шагом вперед на пути дальнейшей модернизации российских университетов, заложив основу их «национальной модели», приспособленной к особенностям России и в то же время отразившей изменения функций университетов XIX в. в масштабах всей Европы.

Некоторые принципы реформ были зафиксированы Уваровым уже в первых докладных записках 1832 г., составленных еще в должности товарища министра народного просвещения. Присоединяясь к многократно высказанной критике текущего состояния русских университетов, Уваров полагал, что они «составлены будучи по единой для всех форме, по образцу иностранных по ровной выкройке, еще не принесли жела-

емой пользы и увядали везде как растения иноземные, не пустившие корней и не обещающие плодов». Между тем «преобразование университетов должно быть полное в отношении к преподаванию и к духу, коим они наполнены», причем под этой переменой Уваров понимал вовсе не очередное изгнание «духа философизма», как в эпоху Голицына, а наоборот, рост внимания к науке и уровню преподавания. Указывая на недостаток этого в предшествующую эпоху, он писал: «Когда преподающие должны довольствоваться скудным жалованьем в 2 тыс. руб., когда начальство не находит средства, удалив недостойных, заменить их достойными, тогда университеты должны упадать более и более». Теперь же «преобразование столичных университетов состоит гораздо менее в написании уставов, нежели в разборе людей»[45]. Именно такой «разбор» был продемонстрирован Уваровым осенью 1832 г. во время ревизии Московского университета, где у многих профессоров он отметил «какой-то упадок духа, какую-то лень думать и идти вперед», при этом в основу оценки профессоров была положена их способность «стоять на степени желаемого образования по своей науке и передавать свои познания»[46]. Таким образом, в формирование профессорского состава вновь возвращались почти утраченные в предыдущие десятилетия научные критерии.

Окончательному утверждению устава 1835 г. предшествовал разбор многочисленных проектов, в которых критика устройства университетов в России соединялась с желанием лучше приспособить их к нуждам русского образования. Их анализ в современной историографии подробно проделан О.В. Поповым и Ф.А. Петровым[47], поэтому ограничусь указанием того, в чем именно этот устав соответствовал типу университета, разработанному Гумбольдтом и уже приносившему плоды в Европе.

Прежде всего, новый устав устранил черты, не соответствующие функциям «классического университета»: от него было отделено управление учебным округом, теперь окончательно перешедшее к попечителю; исчез университетский суд как пережиток корпоративного строя (собственно с правом студенческой независимости от городских властей было покончено еще раньше, указом от 1 сентября 1827 г., подчинившим своекоштных студентов надзору городской полиции и сопровождавшимся резолюцией Николая I, что «сему иначе и быть не может»[48]). Не оправдавшей себя сочтена была прежняя структура факультетов, особенно существование нравственно-политического отделения, которое, возникнув в революционной Франции, к 1830-м гг. потеряло научную значимость. Устав 1835 г. возвращался, казалось бы, к традиционной структуре из юридического, медицинского и философского факультетов, которая, однако, сохранялась и в немецком классическом университете. При этом новый юридический факультет был специально приспособлен к нуждам российского правоведения, а философский получал совершенно иной смысл, чем раньше, становясь главным факультетом, на котором сосредотачивалось преподавание всего круга «чистых наук», правда, разделенных на два отделения, на одном из которых были сосредоточены гуманитарные, а на другом – естественные предметы. Именно такое видение философского факультета, представлявшего науку в целом, было свойственно гумбольдтовской модели и реализовано в Берлинском университете. Характерным моментом здесь было перенесение преподавания политической экономии и статистики (так называемых камеральных наук, возникших в XVIII в. в составе юриспруденции) с нравственно-политического отделения не на юридический, а на I отделение философского факультета, что также, как представляется, было прямым заимствованием из Берлина.

Устав 1835 г. повышал научные требования к занятию кафедр, предписывая профессорам обязательно иметь степень доктора, а адъюнктам – магистра (§ 76). Обращает на себя внимание Уварова к самому процессу защиты диссертации, чтобы избежать ее профанации: министр требовал заблаговременной публикации и рассылки текстов, чтения перед защитой поступивших отзывов и т.д.[49] Стремился Уваров и к регулярной ротации преподавательских кадров, чтобы избежать «старения» университета: еще летом 1833 г. им было разработано и утверждено вошедшее затем в § 83 устава положение о статусе «заслуженного профессора» (после 25 лет пребывания в должности), который увольнялся на пенсию с возможностью продолжать преподавание только в слу-

чае отсутствия подходящей замены. Одновременно были значительно увеличены оклады профессоров. Это избавляло их от бедности и необходимости совмещения нескольких должностей, что было характерно для 1820-х гг.

Повышены были требования и к желающим поступить в университет. Уваров, как и Гумбольдт, предлагал допускать сюда студентов, полностью готовых для восприятия высших наук, для чего были проведены реформы гимназий и ужесточение требований к их аттестату (в Пруссии Гумбольдт осуществил сходные меры по упорядочению преподавания в гимназии, а также введению единого гимназического экзамена). Другой схожей реформой оказалось преобразование Академии наук, президентом которой Уваров являлся с 1818 г. § 8 нового устава Академии (1836) предписывал ей «быть в сношении со всеми университетами в империи». Такая осуществлявшаяся Уваровым и ранее тесная связь Академии наук с университетами для Гумбольдта была одним из важных звеньев его модели, поддерживающим научную деятельность университета.

Наконец, вызывавший много нареканий в историографии § 80 устава допускал не только выборы профессора или адъюнкта на вакантное место, но и прямое назначение туда министром «людей, отличных ученостью и даром преподавания, с требуемыми для сих знаний учеными степенями». Излишне повторять, что именно прямое назначение профессоров правительством практиковалось в немецких университетах XIX в. и приносило превосходные результаты. Эффективность этой меры в России сам Уваров доказал, занимаясь распределением на университетские кафедры молодых ученых, прошедших заграничные стажировки, и тем значительно обновив и придав новый импульс развитию всех российских университетов.

Из 120 человек, отправленных в 1830–1840-е гг. за границу по ведомству народного просвещения, около 90 будущих отечественных профессоров учились или проходили стажировку в Берлинском университете; кроме того, они посещали все крупные немецкие университеты[50]. Можно даже сказать, что русские ученые сами отчасти участвовали в становлении «немецкого классического университета»: так, химик Н.Э. Лясковский изучал свойства белков и протеинов в Гиссенском университете в знаменитой лаборатории Ю. Либиха – первой университетской научной лаборатории в Германии – и даже получал от Либиха настоятельные просьбы остаться там для продолжения научной работы. Командировки проводились как за счет Министерства народного просвещения, так и отдельных российских университетов, но в обоих случаях инициатором командировок часто выступал сам Уваров. Характерен в этом смысле его циркуляр от 18 декабря 1842 г., в котором министр, указывая на значительное количество еще остающихся праздными кафедр в отечественных университетах, предписывал «избрать желающих из окончивших с отличными успехами университетский курс» для отправления «в чужие края для усовершенствования по разным частям университетского преподавания» за счет экономических сумм университетов[51]. Попечители откликнулись на это предложение, в результате чего в немецкие университеты была отправлена группа из 11 молодых ученых – самая многочисленная в 1840-е гг.

Возвращаясь на родину, будущие профессора, образованные «под руководством первых знаменитостей века, напитанные учением основательным, глубоким и современным, знакомые с духом новейшей философии», вносили в русские университеты «совершенно новый элемент»[52] – то представление о цельности знаний, основанной на единой научной методологии, которое и было главным завоеванием немецкого классического университета. Поэтому «молодая наука», представителями которой были Грановский, Кавелин, Куторга, Рулье, Зинин и многие другие, определила облик российских университетов 1840-х гг., оказала значительное влияние на студентов и привела к рождению первых отечественных научных школ.

Пропагандистом новых представлений об университетском образовании в эпоху Уварова явился основанный им в 1834 г. «Журнал Министерства народного просвещения». Тема немецких университетов в первые годы звучала почти в каждой его части: это были отчеты русских ученых, касающиеся Германии обзоры систем преподавания или даже совсем короткие статьи, свидетельствующие о подъеме там высшего образо-

вания (как, например, заметка «О лекциях в Мюнхенском университете», в которой упоминалось, что там преподаются 162 предмета 77 профессорами, в числе которых был знаменитый Шеллинг, имевший постоянно на лекциях до 500 слушателей[53]). Особенно интересен обзор неизвестным автором (инициалы М.Б.) юридического преподавания в Германии, в котором впервые в русской печати выделены в качестве основополагающих черт немецких университетов свобода преподавания и обучения, при этом подчеркнуто, что именно благодаря им эти университеты «почитаются ныне лучшими в Европе»[54]. Поэтому, хотя устав 1835 г. и не вводил в России свободу обучения, а сохранял курсовую систему, переход к новой системе, возможно, был задуман в дальнейшем[55].

Наступление «мрачного семилетия» положило конец этим планам. 11 марта 1848 г. Уваров был вынужден издать циркуляр, запрещавший заграничные командировки по ведомству народного просвещения, фиксируя не только окончание своей политики, но и приход новой эпохи в отношении к немецким университетам, словно повторявшей черты «голицынской» реакции и ее иррациональной боязни якобы исходящих из-за границы революционных идей. Здесь сыграла свою роль и другая сторона реформ: историки отмечали в модели Гумбольдта существование неизбежных «напряжений» между университетами и государством, и в России это проявлялось куда сильнее, чем в Германии. С самого начала своей деятельности на посту министра Уварову приходилось лавировать между задачами развития науки в университетах, без чего он не мыслил становления их национальной системы, и необходимостью доказывать их «благонадежность» (т.е. ненужность излишнего контролирующего вмешательства в их жизнь). В конце 1840-х гг. такое равновесие нарушилось, что закономерно привело к отставке Уварова.

Таким образом, образовательные реформы в России в течение первой половины XIX в. дважды имели возможность соотносить свое университетское строительство с немецкими образцами – в 1800-х и в 1830-х гг. Эти периоды соответствовали различным этапам развития самих немецких университетов, отразившимся в смене Геттингена Берлином в качестве «образцового» университета: принадлежащая «всему миру» идеальная корпорация ученых сменилась в Германии «национальным» университетом как государственным учреждением. В соответствии с этим, реформы начала XIX в. ориентировались на приглашение немецких профессоров для наполнения российских университетов, а преобразования эпохи Уварова – на воспитание национальных ученых за границей, в той же немецкой университетской среде, которая стала эталоном представлений о науке XIX в. и из которой эти представления перешли и на российскую почву.

Характерные различия двух указанных периодов отразились в уставах 1804 и 1835 гг. Первый из них еще имел противоречивый характер и его противоречия были обусловлены не только конкуренцией образовательных систем Франции и Германии на рубеже XVIII–XIX вв., но и тем, что сама модернизация немецких университетов XVIII в. носила не революционный, а эволюционный характер, сочетая в себе элементы старого и нового, в частности, сохраняя многие пережитки корпоративной автономии. Устав 1835 г. уже был свободен от этих пережитков, ставя главной задачей повышение уровня университетской науки и преподавания. Автономия университета в духе Гумбольдта понималась в нем именно в отношении науки, а такие черты, как создание единого для гуманитарных и естественных наук философского факультета можно считать непосредственным влиянием структуры Берлинского университета. Созданный Уваровым отечественный тип университета был приспособлен к условиям России и в то же время отвечал определению Гумбольдта (быть «вершиной, к которой сходятся все умственные и нравственные усилия нации»).

С другой стороны, несомненной особенностью России по сравнению с Германией была возможность гораздо более глубокого вмешательства Министерства народного просвещения (через попечителей или непосредственно) в развитие университетов. В первой половине XIX в. это дважды приводило к свертыванию политики повышения

преподавательского и научного уровня в сторону реакции, продиктованной страхом перед событиями в Европе. Тем не менее и в 1830-х гг., и впоследствии, в конце 1850-х гг. Россия должна была возвращаться к политике активного взаимодействия с западным ученым миром. Новый этап восприятия здесь «модели Гумбольдта» должен быть соотнесен уже с эпохой Великих реформ, в ходе которых «университетский вопрос» вновь стал играть первостепенную роль в развитии российского общества и государства.

Примечания

[1] См.: Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX – начале XX века. Сб. статей. Вып. 2. Воронеж, 1996. С. 3–28; Лаптева Л.П. История российских университетов XVIII – начала XX века в новейшей отечественной литературе // Российские университеты в XVIII – начале XX века. Сб. статей. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 3–27.

[2] Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования в России. Кн. 1–4. М., 1998–2001.

[3] Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert / Hrg. Rainer Ch. Schwinges. Basel, 2001.

[4]Подробнее о «модели Гумбольдта» и ее роли в развитии университетского образования в мире см.: Андреев А.Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 46–58.

[5]Humboldt W. von. Schriften zur Politik und zum Bildungswesen. Bd. 4, Darmstadt, 1982. S. 257–258.

[6] Müller R.A. Geschichte der Universität. Von mittelalterlichen Universitas zur deutschen Hochschule. München, 1990. S. 70.

[7] Boockmann H. Wissen und Widerstand. Geschichte der deutschen Universität. Berlin, 1999. S. 185–186.

[8] Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в 1-й четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 179.

[9] Петров Ф.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 330.

[10] Рождественский С.В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX в. СПб., 1910. С. 383.

[11] Каразин В.Н. Сочинения, бумаги и письма. Харьков, 1910. С. 523–534.

[12] Харьковский государственный университет им. Горького за 150 лет. Харьков, 1955. С. 10.

[13] Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1804. № 6. С. 85–90.

[14] Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994. С. 41.

[15] Die Universität Jena. Tradition und Innovation um 1800/ Hrg. von G. Müller, K. Ries und P. Ziche. Stuttgart, 2001.

[16] Ziolkovski T. Das Amt des Poeten. Die deutsche Romantik und ihre Instituten, Stuttgart, 1992; Walther H.G. Reform vor der Reform. Die Erfahrungen Wilhelm von Humboldts in Jena 1794 bis 1797 // Humboldt International… S. 33–52.

[17] Goethe J.-W. Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens. München, 1982. S. 899–915.

[18] Walther H.G. Op. Cit. S. 47.

[19] Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1806. № 16. С. 451.

[20] Там же. 1803. № 2. С. 177–192.

[21] Опубликован в кн.: Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000. С. 271–283.

[22] Русская старина. 1875. Т. 13. С. 77.

[23] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. С. 530–536; см. также: РГИА, ф. 733, оп. 20, д. 61.

[24] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 66.

[25] Петров Ф.А. Указ. соч. Кн. 2. Ч. 1. С. 282.

[26] Там же. Ч. 2. С. 189.

[27] Стурдза А.С. О нынешнем положении Германии (перевод и публикация Е. Ляминой) // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия XVIII – начала XX в. [Россия–Russia. Вып. 3]. М., 1999. С. 152–153.

[28] ОПИ ГИМ, ф. 404, ед. хр. 21, л. 60 об.

[29] Сборник постановлений… Т. 1. С. 1357.

[30] Сухомлинов М.И. Исследования по русской литературе и просвещению. Т. 1, СПб., 1889. С. 188.

[31] Сборник постановлений… Т. 1. С. 1190.

[32] Dittenberg Fr. Die Kaiser in Heidelberg. Heidelberg, 1815. S. 60.

[33] РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 205, л. 197 об.

[34] Там же, ф. 733, оп. 29, д. 84, л. 2 об.

[35] Тамул В. «Профессора есть достойные...» (Профессорский институт в 1828–38 гг.) // Таллинн. 1991. № 1. С. 119.

[36] Сборник постановлений... Т. 2. Ч. 1. СПб., 1875. С. 96.

[37] Виттекер Ц. Граф С.С. Уваров и его время. СПб., 1999. С. 11.

[38] Сохранилось 6 писем В. фон Гумбольдта Уварову: ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 85, л. 208–218; ед. хр. 82, л. 146.

[39] Humboldt W. von. Gesammelte Schriften/ Hg. von B. Gebhardt. Bd. 10. S. 139.

[40] См. подробнее: Зорин А.Л. Идеология «православия–самодержавия–народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996.

[41] ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 35, л. 190.

[42] Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 67.

[43] Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835/ Под ред. С.В. Рождественского. Пг., 1919. С. 74.

[44] Там же. С. 84, 101–102.

[45] ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 38, л. 94–105. Записка С.С. Уварова «О средствах сделать общее воспитание специальным» (1832). Ее более поздний вариант опубликован в кн.: Шевченко М.М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 231–237.

[46] Сборник постановлений... Т. 2. Ч. 1. С. 503.

[47] Попов О.В. Из истории подготовки Общего устава российских университетов 1835 г. // Российские университеты в XVIII–XX вв. Сб. статей. Вып. 3. Воронеж, 1998. С. 42–56; Петров Ф.А. Указ. соч. Кн. 3. С. 78–187.

[48] Сборник постановлений... Т. 2. Ч. 1. С. 71.

[49] Петров Ф.А. Указ. соч. Кн. 3. С. 233.

[50] О лицах, командированных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к званию профессоров и преподавателей // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. № 2. С. 335–350.

[51] Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1866. С. 647.

[52] Московский наблюдатель. 1838. № 5. С. 250.

[53] Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 1. № 3. С. 607.

[54] Там же. 1834. Ч. 3. № 8. С. 316–330.

[55] По наблюдению Ц. Виттекер, принципы Lehrfreiheit и Lernfreiheit отразились в новом уставе университета св. Владимира, принятом в 1842 г., а в 1847 г. Уваров предпринял попытку распространить их на все российские университеты, см.: Виттекер Ц. Указ. соч. С. 202.

М.Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВ: ПУТЬ К ВЛАСТИ*

© 2004 г. В. А. ТВАРДОВСКАЯ**

НА ПОСТУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА В АСТРАХАНИ И ХАРЬКОВЕ: ПОБЕДА НАД ЧУМОЙ И УСМИРЕНИЕ КРАМОЛЫ

После окончания войны М.Т. Лорис-Меликов, увенчанный наградами, возведенный в графское достоинство, в марте 1878 г. увольняется в долгосрочный отпуск для лечения за границей: здоровье его было серьезно подорвано. Михаил Тариелович к этому

---

* Окончание. Начало см.: Отечественная история. 2004. № 1.

** **Твардовская Валентина Александровна,** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 02-01-00005 а.

времени глава большой семьи: у него пятеро детей – один ребенок умер в младенчестве. Старшим дочерям, находившимся «на выданьи», Марии и Софье, было 20 и 16 лет, младшей – 7, сыновьям Тариелу и Захарию, воспитанникам Пажеского корпуса, – 15 и 12. Новоявленному графу, в октябре 1878 г. отметившему свое 54-летие, уже хотелось более спокойной и размеренной жизни. Владелец вполне солидного состояния – родового и пожалованного имений – в отставку он уходить не думал: мечтал перебраться в столицу на достаточно престижную, но не слишком обременительную должность, жить в семье, своим домом в цивилизованных условиях. Он уже во время войны начал неспешные переговоры о новом месте службы: на Кавказе под началом вел. кн. Михаила Николаевича оставаться не хотелось, как не хотелось отправляться и в Туркестанский край, где война за завоевание Средней Азии еще не затухала. О содействии в поисках нового назначения Лорис-Меликов просил товарища по службе на Кавказе, влиятельного военного министра Д.А. Милютина, контакты с которым не прерывались и в 1870-е гг.

Летние месяцы Михаил Тариелович, как и перед войной, проводит на водах в Эмсе – престижном европейском курорте, который посещали и коронованные особы. Целебные источники в сталактитовых пещерах Эмса использовались для лечения дыхательных путей, а также заболеваний печени. Лорис-Меликову надо было лечить и то, и другое. Лечение вряд ли было завершено, когда он осенью 1878 г. появился в Петербурге, рассчитывая вплотную заняться хлопотами о новой должности и жизнеустройстве семьи. Михаил Тариелович с женой Ниной Ивановной поначалу остановились на Б. Конюшенной, в доме А.А. Абазы, знакомого еще по Кавказу, а в эту пору председателя Департамента государственной экономии Государственного совета. Вскоре была снята квартира на Кирочной – здесь думали обосноваться на длительное время.

В конце декабря 1878 г. в прессе появились первые сообщения об эпидемии в Поволжье. Симптомы ее дали знать о себе в Енотаевском уезде Астраханской губ. еще в начале октября. Похожая на тиф непонятная болезнь, охватившая жителей станицы Ветлянка и окрестные селения, уже в первый месяц унесла сотни жизней станичников. Но местные власти не спешили сообщать в центр неприятные известия, думая справиться с бедой своими словами. При этом чиновники по-своему исходили из интересов края, опасаясь нанести ущерб его рыболовным промыслам и торговле.

Между тем вести о смертоносной эпидемии уже распространялись: прошел слух о появлении чумы в Царицыне. Это заставило Саратовского губернатора М.Н. Галкина-Врасского 17 декабря телеграфировать в МВД об эпидемии в низовьях Волги и просить о помощи. Министр Л.С. Маков предписывал саратовскому губернатору учредить карантин и направил в Саратов партию врачей. В ответ губернатор сообщил, что эпидемия затухает[1]. Позднее будет установлено, что «ветлянская эпидемия почти всецело предоставлена была естественному ходу ее развития. Только 18 декабря, когда эпидемия вступила уже в период ослабления, приняты были ограничительные меры к ее прекращению: Ветлянка была окружена кордоном»[2].

Лишь 22 декабря в «Правительственном вестнике» появилось сообщение о вспыхнувшей в станице Ветлянка эпидемии, которая с наступлением холодов пошла на убыль. Болезнь не определялась как чума, она отождествлялась с тифом, дающим осложнения на легкие. Столь же успокоительными были и последующие известия в казенной печати. Они, впрочем, не остановили распространявшейся паники: слухи о чуме в самых разных районах то и дело появлялись в неофициальной прессе.

И все же правительство до поры не очень тревожил очаг заразной, неопознанной болезни, вспыхнувшей вдалеке от столицы. В Петербурге в разгаре был зимний сезон: балы, парадные обеды, приемы и рауты нескончаемой чередой шли в Зимнем и Аничковом дворцах, как и во дворцах великих князей. Однако позиция власти изменилась в связи с международной обстановкой: Австро-Венгрия, Германия и Румыния установили на границах с Россией карантин. Сведения об этом появились в газетах 10–12 января 1879 г. Мощные кордоны преградили доступ в Европу русским товарам и путешественникам. Ограждения карантинным кордоном, установленные Румынией по Пруту и нижнему Дунаю, прерывали сообщения с русскими войсками, остававшимися еще за

Дунаем. Эти акции не только осложняли завершающую стадию переговоров о мире с Турцией, нанося урон престижу империи, но и грозили огромным материальным ущербом. Они-то и заставили правительство по-иному взглянуть на бедствие в низовьях Волги, унесшее к этому времени 370 жизней.

16 января по представлению Макова эти проблемы обсуждались в Комитете министров с участием медицинских экспертов. Доктор С.П. Боткин и лейб-медик Н.Ф. Здекауер определяли эпидемическую болезнь в Астраханской губ. как чуму. Меры по локализации заразы и предотвращению ее распространения признали недостаточными и постановили «послать на места доверенное лицо, с обширными полномочиями». В кулуарах называли трех кандидатов: бывшего градоначальника С.-Петербурга генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова, а также героев русско-турецкой войны генерал-адъютантов И.В. Гурко и графа М.Т. Лорис-Меликова. 17 января этот вопрос обсуждался на совещании у Александра II. Сам император высказался в пользу Трепова, но остальные участники совещания – Д.А. Милютин, Л.С. Маков и шеф жандармов А.Р. Дрентельн – единодушно «подали голос» за Лорис-Меликова, склонив на свою сторону Александра II. В тот же день граф был вызван во дворец для объявления высочайшего повеления[3].

Царским указом 25 января «в видах безотлагательного принятия мер к прекращению обнаружившейся в Астраханской губернии заразы и предупреждения дальнейшего ее распространения на другие местности» учреждалась должность временного Астраханского генерал-губернатора и сопредельных с нею губерний. Губернаторы Астраханской, Саратовской, Самарской и Ставропольской губ., а также начальники соседних областей подчинялись генерал- губернатору[4]. Этим же указом Александр II назначил генерала от кавалерии, генерал-адъютанта графа М.Т. Лорис-Меликова на пост астраханского генерал-губернатора.

Полномочия генерал-губернатора были огромны – ему предоставлялось право «делать распоряжения именем его императорского величества», непосредственно обращаться к императору, объявлять подвластную ему территорию или ее части на военном положении. Генерал-губернатору присваивались права командира корпуса в военное время, ему подчинялись войска, расквартированные в подведомственных губерниях. Все министерства и ведомства должны были оказывать ему содействие[5]. «Единство распоряжений лучше всего может обеспечить быстроту их исполнения», – приветствовала влиятельная консервативная газета «Московские ведомости» решение о временном генерал-губернаторстве в низовьях Волги[6]. Либеральная пресса с неменьшим одобрением встретила назначение Лорис-Меликова генерал-губернатором в край, где гнездилась общая для всех опасность.

От этого назначения, продиктованного волею царя, Лорис-Меликов мог отказаться, сославшись на состояние здоровья. Михаил Тариелович пытался, отговориться тем, что Поволжье вовсе не знает, но в ответ, как рассказал, услышал: «Нет! Поезжай!»[7] Человек чести и долга, он безропотно подчинился приказу «усмирить чуму», хотя новое назначение перечеркивало его надежды на размеренную, спокойную жизнь, к которой он потянулся после войны.

Сообщая, что назначение Лорис-Меликова генерал-губернатором встречено всеобщим сочувствием, консервативные «Московские ведомости» привели отрывок из заметки в либеральных «Санкт-Петербургских ведомостях» некоего г. Львова, не раз встречавшегося с ним в Терской обл. Вспоминая, как в ту пору всем «очевидно было, что в области есть хозяин, есть душа в деле», Львов не сомневался в успехе миссии Михаила Тариеловича и в Астраханской губ. Перед отправлением графа к месту нового назначения Львов посетил его, чтобы сказать, что «вся Россия смотрит на него с доверием». «Сердцем чувствую это, – ответил Лорис-Меликов, – я глубоко тронут». На вопрос, сожжет ли он Ветлянку, последовал ответ: «Сожгу братец, все что нужно сжечь, ни одной хаты более, ни одной менее… А прежде всего расстреляю двух-трех должностных за мерзости, которые там делаются…»[8] Вот это-то намерение генерал-губернатора кое-кого «расстрелять» столь пришлось по душе редактору-издателю «Московских ведомостей» М.Н. Каткову, что его газета даже воспроизвела (в фельетоне

Б. Маркевича) рассказ Львова со страниц идейно чуждого издания. Репрессии Катков считал самым надежным средством наведения порядка и в Лорис-Меликове видел единомышленника.

Но и либеральная интеллигенция в такой экстремальной ситуации была не против крайних мер. К тому же обнадеживало стремление генерал-губернатора взглянуть на положение дел шире, чем принято было в официальной печати. «Болезнь болезнью, – высказался Лорис-Меликов перед отъездом в Астрахань, – а меня озабочивают экономические вопросы, политические…»[9] Это звучало многообещающе…

Лорис-Меликов выехал из Петербурга 26 января экстренным поездом, а 27 января прибыл в Царицын. Он ехал вместе с огромной свитой, в которую входили генералы и флигель-адъютанты, камергеры и профессора академий и университетов. Вместе с ним в Поволжье прибывали и члены санитарно-совещательной комиссии, сформированной из медиков, военных и административных лиц, а также представители Красного креста. Помимо адъютантов, нового генерал-губернатора сопровождали также полевой штаб и интендантство, чины полевой жандармерии и полевой суд. В район эпидемии ехали 70 врачей и корреспонденты влиятельных столичных газет. Одновременно к границе Астраханской губ. двигались несколько пехотных и казачьих полков, пограничная и карантинная стража для содержания карантинного кордона протяженностью 1500 верст.

Свою временную штаб-квартиру Лорис-Меликов учредил в Царицыне. К его приезду сюда съехались и подчиненные ему самарский, астраханский и ставропольский губернаторы, каждый со своей свитой. Встречавшие его толпы народа, по сообщению столичных газет, несколько дней не отходили от подъезда скромного домика, где поместился генерал-губернатор. «Выезжал граф – толпа крестилась и желала ему доброго пути, веруя, что "покоритель Карса" едет … на поле сражения с врагами жизни»[10].

Лорис-Меликов, не теряя времени, принялся за работу по своему плану и в определенном им самим темпе. На другой день по приезде состоялся его первый официальный прием. Он предстал на нем уже во всеоружии первых впечатлений от Царицына. Начав осмотр городских учреждений с тюрем, он был потрясен их теснотой и грязью, но свое возмущение адресовал не только коронным, но и выборным властям, присутствовавшим на приеме: уездному предводителю дворянства и царицынскому городскому голове. Их граф пообещал «немедленно выслать из Царицына», если в ближайшее время порядок не будет наведен, а тюремному начальству пригрозил смертной казнью[11].

Забегая вперед, следует сказать, что Лорис-Меликов не воспользовался доброй половиной своих полномочий: никого не выслал и никого, несмотря на обещания, не расстрелял, не объявлял в крае и военного положения. Предоставленные ему права он использовал прежде всего для того, чтобы заставить всех работать с полной отдачей. Учитывая опыт своей деятельности на Кавказе, генерал-губернатор стремился опереться на местное общество. Санитарной комиссии было предоставлено широкое право «по приглашению всевозможных сведущих людей», хорошо знакомых с условиями и особенностями края[12].

Михаил Тариелович быстро понял всю серьезность угрозы возобновления и распространения эпидемии чумы на Волге, несмотря на ее очевидное затухание с наступлением холодов. Обстановка в Поволжье и особенно в низовьях реки благоприятствовала возникновению эпидемий (жаркий климат при заболоченной местности). Здесь были привычны вспышки тифа, малярии, проказы. Неоднократно возникала и чума: в последний раз ее эпидемия бушевала в 1807–1808 гг. В период пребывания Лорис-Меликова в Поволжье здесь наблюдалось распространение оспы и кори. Неблагоприятные климатические условия усугублялись поистине чудовищной антисанитарией, мало чем отличавшейся от времен средневековья. Особую опасность таил и основной для края рыбный промысел. Рыбные рассолы (тузлуки), из-за экономии соли сохранявшиеся в нечищенных ларях в течении 4–5 лет, застаивались, становясь благоприятной средой для болезнетворных бактерий. Нужно учитывать также, что на рыбные промыслы

в горячую пору – с весны до осени – стекались массы пришлого населения, в межсезонье возвращавшегося в свои родные места. Эти «промысловые рабы», по свидетельству столичного журналиста, не смели иметь «не только дома, семьи, но даже лишнего кафтана» и вели в полном смысле слова «жизнь зверей»[13]. Здесь среди русских, малороссов, татар, грузин, армян, персов были и сотни тысяч кочевников – калмыков и киргизов, также способных стать разносчиками заразы.

Крестьянское население в губерниях Поволжья бедствовало от периодических неурожаев. Недоимки (особенно по Самарской губ.) достигали громадных размеров. У всех в краю еще в памяти был самарский голод 1873 г., когда вымирали целыми селами после засухи и неурожая. Засуха в Астраханской губ. вызвала неурожаи в 1877–1879 гг., что привело к истощению продовольственных запасов[14]. Не случайно Поволжье стало одним из главных районов действий революционеров-народников, о чем Лорис-Меликов, конечно же, не мог не знать. В Царицыне он пробыл около двух недель, но успел сделать многое. «Граф обнаруживал деятельность изумительную, – рассказывал его секретарь А.А. Скальковский, – с раннего утра и до поздней ночи, не отдыхая ни минуты, он то встречал и провожал приходившие войска, то принимал командированных в его распоряжение лиц, то выслушивал доклады по разнообразным предметам, то присутствовал в учрежденном при нем санитарном комитете, то объезжал различные городские учреждения и заведения и проч., и проч.»[15]

Со 2 февраля стала функционировать высочайше утвержденная совещательно-санитарная комиссия при генерал-губернаторе, сформированная еще в Петербурге. (Скальковский называет ее санитарным комитетом.) Лорис-Меликов привлек в нее и местных деятелей (городского голову Царицына, уездного предводителя дворянства, председателя уездной земской управы, начальника дистанции Грязе-Царицынской железной дороги, а также местных врачей и провизоров). Председательство возложил на саратовского губернатора М.Н. Галкина-Врасского, поскольку сам не предполагал осесть в Царицыне. Представленную местными врачами и одобренную городским управлением инструкцию по санитарному оздоровлению Царицына генерал-губернатор забраковал. Меры, ею предусматриваемые, были частью неэффективны, частью неисполнимы. Так, рекомендовалось ежедневное проветривание помещений через форточки и частое хождение в баню. Но дома в Царицыне (даже лучшие, как тот, в котором остановился граф) не имели форточек, а единственная городская баня была разрушена по решению того же городского управления[16].

2 февраля генерал-губернатор подписал циркуляр, направленный в подчиненные ему губернии и требовавший исполнения ряда общих неотложных мер по санации края. Предписывалось очищение городов и селений от нечистот, вывоз которых должен был производиться в указанные полицией места. Обязательным становилось приведение в опрятность помойных ям при частных и общественных зданиях. Согласно циркуляру надлежало ежедневно очищать бойни и рыбные лавки, рынки и базары. Средства дезинфекции на местах должны были находиться в достатке. Особый надзор устанавливался за чистотой воды и съестных припасов. Генерал-губернатор объявлял, что «лица, назначенные высочайшим повелением» в его распоряжение, «будут постоянно командированы для проверки на местах указанных мер»[17]. Проверка исполнения распоряжений генерал-губернатора была неотъемлемой частью деятельности по наведению порядка в крае. Виновные наказывались не только высокими штрафами, но и морально: списки домовладельцев и предпринимателей, нарушивших установленные правила, печатались в неофициальной газете «Саратовский дневник».

По наблюдению корреспондента «Нового времени» санитарная комиссия дел в крае не решала: они творились в кабинете Лорис-Меликова. 6 февраля генерал-губернатор встретился с купцами и рыбопромышленниками из Астрахани. Разговор за чайным столом оказался настолько доверительным, что гости графа «откровенно сознали вину своего промысла и не скрыли тех коммерческих мотивов, которые заставили забывать гигиену». Сам же Лорис-Меликов старался больше узнать о местных нуждах, с пониманием вникая в них. По словам корреспондента петербургской газеты, купцы,

«совсем было опустившие руки и головы, вышли от графа значительно ободренные», благодарные за прием, «непохожий нисколько на сухую, малополезную официальную беседу»[18].

Одной из первоочередных проблем, которые пришлось решать Лорис-Меликову, была транспортировка рыбных грузов из Царицына. Доставленную сюда с низовья Волги рыбу отправляли по железной дороге во все края империи. При первых же слухах об эпидемии грузы из Царицына перестали принимать в пунктах их назначения, что наносило громадный ущерб рыбным промыслам и торговле Поволжья. Лорис-Меликов обратился за содействием в Министерство внутренних дел. Под его ответственность рыбные грузы стали снабжаться удостоверением о санитарном осмотре, что снимало препятствие к их движению по стране.

Отдав необходимые распоряжения и наладив проверку их исполнения, 16 февраля Лорис-Меликов покидает Царицын, направляясь в Астрахань. Почтовый тракт в Астраханскую губ. пролегал через зараженную местность, находившуюся в карантине. Поэтому генерал-губернатор, которому в то время явно нездоровилось, поехал обходным путем – через калмыцкую степь. В зараженную губернию Лорис-Меликов ехал без свиты, частью оставленной в Царицыне, частью уже разъехавшейся. Были снаряжены лишь два тарантаса: в одном генерал-губернатор и делопроизводитель его канцелярии А.А. Скальковский, в другом – доктор и ординарец. Поездка оказалась тяжелой: трое суток ехали по голой степи, без горячей пищи, без какого-либо пристанища для отдыха[19].

19 февраля Лорис-Меликов прибыл в Астрахань. В Астраханской губ., где находился главный очаг эпидемии, к приезду генерал-губернатора готовились с еще большим волнением, чем в Саратовской. Даже столица не встречала героев русско-турецкой войны так, как встречала Астрахань генерал-губернатора. «Буквально все население, от мало до велика, высыпало на встречу. Все улицы, окна, балконы, даже деревья были усеяны тысячами голов, ревевшими ура!». Толпа повсюду сопровождала Лорис-Меликова в его передвижениях по городу и не отходила от губернаторского дома, в котором он остановился[20].

По прибытии в Астрахань Лорис-Меликов дал телеграмму императору, в которой поздравлял его «с достопамятным для всего русского народа днем восшествия на престол» и всеподданнейше доносил, что больных во вверенном ему крае нет[21]. Александр II в ответной телеграмме Лорис-Меликову благодарил «за прекращение болезни на низовьях Волги» и выражал надежду, «что принятыми мерами грозившее бедствие окончательно устранено»[22].

Между тем сам «победитель чумы» еще не был уверен в ее окончательном устранении: тогда же, в конце февраля, был зафиксирован в Ветлянке еще один случай заболевания, что задерживало снятие карантина. В Астрахань, поближе к Ветлянке, Черному Яру и другим пораженным чумой селениям, генерал-губернатор перебрался в ожидании международных экспертов, уже съезжавшихся в Царицын во главе с известным немецким профессором-эпидемиологом Августом Гиршем. Лорис-Меликов рассчитывал, что они найдут в Астраханской губ. уже вполне благополучную обстановку и престиж России будет спасен. Он был расстроен и встревожен новым проявлением болезни, портившим результаты его усилий. Европейские же врачи посчитали большой удачей, что еще застали случай заболевания – эпидемия действительно прекратилась, и материала для экспертизы у них могло и не быть. Эксперты определили, что болезнь, напавшая на Ветлянку, – азиатская чума, хотя способ ее занесения в низовья Волги остался нераскрытым. Так был положен конец дискуссии, в которой ряд авторитетных российских врачей оспаривал мнение своих коллег о чуме на Волге, утверждая, что там свирепствует особый тиф.

А. Гирш по следам своего пребывания в Астраханской губ. написал исследование о чуме в Ветлянке, в котором отдавал должное принятым властями мерам по локализации и искоренению болезни[23]. В советской же литературе высказывалось мнение, что деятельность Лорис-Меликова в низовьях Волги была показушной, а результаты ее раздуты им в карьерных целях. По мнению М.И. Хейфеца, «видимость решительной и

энергичной деятельности, которую придал Лорис-Меликов своему пребыванию на Волге, стяжала ему славу умелого администратора крупного масштаба». В доказательство исследователь ссылается на письмо А. Скальковского отцу, где он писал, что «чумы нет и в помине»[24]. Но и сам граф из Царицына и из Астрахани периодически посылал в Министерство внутренних дел телеграммы о том, что новых случаев заболеваний не обнаружилось, подчеркивая, что обстановка в крае спокойная. Смысл его действий состоял в том, чтобы не допустить рецидива болезни, прекратившейся только с наступлением холодов и грозившей вспыхнуть по весне.

В Астрахани, как и в Царицыне, Лорис-Меликов развивает «деятельность изумительную». Прежде всего он занялся проверкой исполнения обязательных для всего Среднего и Нижнего Поволжья мер по предотвращению эпидемии, предусмотренных его циркуляром 2 февраля. Осмотр рыбных промыслов выявил «безусловно вредное в санитарном отношении» состояние чанов для соления рыбы. Совещательно-санитарная комиссия признала их «подлежащими уничтожению». Понимая, какой урон нанесет это местному хозяйству, Лорис-Меликов разрешил вывести ватаги за черту селений и разместить в специально отведенных местах[25]. Были приняты меры по дезинфекции захоронений погибших от чумы и сожжению их жилищ. Для этого Лорис-Меликов сам побывал в эпицентре заразы – в Ветлянке. По его распоряжению было сожжено свыше 50 домов столицы, признанных «зачумленными». Как не затронутые эпидемией были оставлены 173[26].

Н.Г. Вучетич – помощник делопроизводителя Лорис-Меликова, – назначенный им из местных чиновников, наблюдая, как экономно расходует граф отпущенные ему на борьбу с эпидемией средства – 500 тыс. руб., – отмечает, что значительная часть их была отнесена к вознаграждению пострадавших от чумы. Лорис-Меликов учредил особую комиссию по оценке подлежащей уничтожению собственности домовладельцев в Ветлянке и других станицах (всего 83 строения). Генерал-губернатор держал работу комиссии под контролем, настаивая «на возможно более справедливом возмещении убытков потерпевшим». Вучетич, занимавшийся делопроизводством, свидетельствовал, что «нигде в населении не проявлялось ни малейших неудовольствий»[27].

По наблюдениям Вучетича, рабочий день генерал-губернатора начинался в 7–8 часов утра и заканчивался около часа ночи. Работал граф, не считаясь со своим здоровьем, нуждавшимся совсем в ином режиме. Вучетич вспоминает, как заработавшийся до поздней ночи Михаил Тариелович упал в обморок прямо на пол головою, и, если бы не ковер в его кабинете, последствия падения могли бы быть самые тяжелые[28]. Для местных чиновников стиль жизни графа был непривычен и непонятен: они сталкивались с начальством, которое раздавало приказы, но само бездействовало в ожидании их исполнения.

Лорис-Меликов едва ли не впервые в российской провинции предстал в Астрахани образцом неутомимого, во все вникающего, требовательного к себе и к другим деятеля. Он и окружающих заставил трудиться, не покладая рук, напоминая им, что «на нас смотрит вся Европа». Учитывая свой кавказский опыт, граф действовал, опираясь на местное общество и в первую очередь на городское самоуправление и на земство Саратовской и Самарской губ. (в Астраханской земство не вводилось). Еще в своей речи по прибытии в Астрахань перед встречавшими его на площади у губернаторского дома он выразил надежду, что общество «окажет ему самое энергичное содействие к исполнению возложенной на него обязанности по оздоровлению края»[29].

Органы самоуправления едва ли не со времени своего установления почувствовали себя нужными не только населению, но и власти, уже не оттеснявшей их от дела, но в лице генерал-губернатора прямо и открыто высказавшей свою заинтересованность в их содействии. Данные Лорис-Меликову полномочия вполне позволяли бы решить стоявшие перед ним задачи в области здравоохранения и коммунального хозяйства и без санкции городской думы. Однако Лорис-Меликов в обход городской думы не пошел, предпочитая сотрудничать с ней в деле народного здравия. В силу особенностей сословного состава населения губернии, где дворян-помещиков был незначительный

процент, астраханская городская дума была преимущественно купеческой. Страдавшим от карантина купцам и предпринимателям генерал-губернатор доказывал, что предлагаемые им меры нужны не только для ликвидации опасности эпидемии, но и для успешного развития торговли и промыслов, угрозой которым всегда будет антисанитарная обстановка в крае.

Энергия и инициатива Лорис-Меликова как бы встряхнули местное самоуправление. Городская дума Астрахани в период его генерал-губернаторства развила невиданную дотоле активность. Почти в каждом номере «Астраханских губернских ведомостей» (выходили 2 раза в неделю) сообщалось об очередных заседаниях думы, вынесенных здесь решениях, проведенных обследованиях. Астраханская дума приняла постановления о бесплатных лекарствах для бедных, об улучшении и расширении помещений для больных, о разрушении старых боен и постройке новых, о мерах по благоустройству города, мощению улиц и т.д. Многие постановления думы явились результатом обсуждения рекомендаций генерал-губернатора. В частности, именно Лорис-Меликов представил думе план мощения улиц в Астрахани сроком на три года.

Активизировались действия и уездных городских дум. В Цареве, куда был проведен телеграф, кроме постановления «об очистке улиц от навоза», обязательной по циркуляру генерал-губернатора, дума уже по своей инициативе постановила построить новые бойни и выделить специальные помещения для прививки оспы. Как ни парадоксально, но нельзя не согласиться с жителем Астрахани Н. Вучетичем в том, что ветлянская чума, «наделавшая большой тревоги, хотя и стоила значительных затрат и жертв, но все же принесла немало пользы. И город Астрахань и вся губерния сильно подтянулись и почистились, что быстро отразилось на санитарном благополучии»[30].

Следившие за событиями в районе эпидемии представители администрации и самоуправления по всей России во многом по-новому взглянули на свои местные условия и попытались использовать у себя опыт борьбы Лорис-Меликова с «грязью и запустением». «Нет худа без добра, благодаря чуме Москва и другие наши города, наконец умоются», – замечал М.Н. Катков[31] «Страх перед чумой, – по наблюдению корреспондента "Нового времени" в Поволжье, – заставил понять преступление против гигиены и санитарной азбуки»[32]. А.Н. Энгельгардт из Смоленской губ. рассказывал, что и здесь, как «проявилась чума – налегли на чистоту: избы студить, рубашки менять, рыбу тухлую не есть. Донимали чистотой. Мы уже боялись как бы нам не запретили навоз не дворах копить». Правда, народнический публицист обращает внимание, что борьба за чистоту была кратковременной – отступила чума и «насчет чистоты легче стало»: как и прежде «ели солонину с душком и тронувшуюся рыбу, и тухлую астраханскую сельдь-ратник». Да и «в чуму», когда запрещалось есть «несвежие припасы», рыбу, признанную тухлой, дезинфицировали керосином и закапывали в землю, а потом ее откапывали и, отмыв, съедали. Астраханская сельдь-ратник была самой распространенной закуской в сельских кабаках[33].

Наверняка и в Поволжье население также нарушало санитарные правила, установленные генерал-губернатором, а с его отъездом и вовсе перешло к прежней антисанитарии. И все же деятельность Лорис-Меликова оставила достаточно глубокий след – ведь она не свелась только к «ассенизации» зараженного района. Знакомясь с краем, он все глубже постигал связь антисанитарных условий жизни его населения с социально-экономическими и попытался многое сделать для их улучшения. Лорис-Меликов оставил после себя мощеные улицы, телеграф, проведенный от Царицына до Ветлянки, начавшееся шоссирование степных дорог. Устраивая телеграфные станции во всех пунктах, охваченных эпидемией, Михаил Тариелович объяснял центральной власти, что затраты на телеграф себя оправдают, так как он «будет служить местным хозяйственным нуждам».

Лорис-Меликов обнаружил серьезное знание местных нужд. Он прямо и твердо коснулся одной из «болевых точек» экономики края. На упомянутой беседе с рыбопромышленниками и купцами 6 февраля, заверив, что приехал на Волгу не для того, чтобы «гнуть и ломать», а чтобы помочь, он заявил: «Я понимаю весь вред соляного налога и

употреблю все усилия избавить Россию от этого вреда»[34]. Соль для Волжского низовья была не только предметом первой необходимости, как и повсюду, но и условием существования и развития рыбных промыслов – главной статьи дохода в крае. Рядом с огромными рыбными богатствами находились и основные в стране источники добычи соли – озера Эльтон и Баскунчак. Но население Астраханской губ., снабжавшей солью всю Россию, как и все в стране, испытывало соляной дефицит из-за ее дороговизны.

Лорис-Меликов не первый ставил вопрос об отмене соляного налога на очередь дня. С 1860-х гг. вопрос этот обсуждался и в экономической науке, и в журналистике. Уже тогда будущий соратник графа, а в 1860-е гг. профессор Н.Х. Бунге доказывал вред акциза на соль и называл соляной сбор самым обременительным для населения[35]. С той поры проблема соляного налога периодически возникала на страницах народнической и либеральной печати. Лорис-Меликов знал, что сторонники отмены налога на соль были и в «верхах».

Эпидемия в низовьях Волги дала возможность поставить вопрос о соляном сборе предельно остро и генерал-губернатор от этой возможности не уклонился. Дороговизна соли заставляла крестьян покупать тузлуки и выпаривать ее из них. А тузлуки были признаны одним из каналов распространения заразы. Возможно, либеральная пресса заговорила об этом не без подсказки генерал-губернатора: корреспонденты ведущих газет находились при нем в продолжении всей его командировки. Но не исключено, что Лорис-Меликов сам выступил под влиянием либеральных газет, уже в конце января в связи с положением в Поволжье поставивших вопрос о необходимости «уничтожения соляного налога»[36]. Лорис-Меликов был первым представителем власти, открыто, гласно, публично признавшим вред соляного налога и высказавшимся за его отмену. Симптоматично, что «Астраханские губернские ведомости» это его выступление не опубликовали: видимо, губернатор Н.Н. Биппен не был уверен, что оно будет положительно воспринято центральной властью. Но неофициальный «Астраханский справочный листок», прибегнув к распространенному приему провинциальной журналистики, перепечатал из петербургского «Нового времени» корреспонденцию А. Молчанова из Царицына, воспроизводившую речь Лорис-Меликова перед купцами и рыбопромышленниками Астрахани[37]. Она же была напечатана и в «Отголосках» – газете, негласным редактором и основным автором которой был министр государственных имуществ П.А. Валуев, состоявший с Лорис-Меликовым в переписке. В своих письмах Валуев явно призывал Лорис-Меликова не ограничиваться задачей борьбы с эпидемией. «Будет ли выставлено на вид государственное, а не медицинское значение Вашей поездки?» – вопрошал он, побуждая генерал-губернатора выйти за пределы предписанных ему обязанностей[38]. Скорее всего Лорис-Меликов достаточно прощупал почву для весьма ответственного заявления о необходимости отмены налога на соль, поскольку оно касалось изменений в законодательстве. Во всяком случае прямота и твердость этого заявления немало способствовали оживившемуся обсуждению соляной проблемы в центральной и местной печати[39].

К марту 1879 г. положение дел в губернии в основном нормализовалось. Правда, цены на основные продукты (в том числе и хлеб) из-за временной изоляции края оставались сравнительно высокими. Но признаком начавшейся стабилизации уже в феврале явилось оживление культурной жизни Астрахани. В зале Благородного собрания устраивались концерты приезжих музыкантов, в городском театре веселил астраханцев спектакль «Ревнивый муж и храбрый любовник».

Лорис-Меликов поразил воображение жителей края не только своей деловитостью и энергией, но и поведением в быту. Образ жизни его был, по определению городского головы Царицына Н. Мельникова, спартанский, более простой и скромный, чем у многих членов его свиты. На приемах у генерал-губернатора не было излишеств – самый простой обед лишь с неизменным кахетинским вином, которое граф всегда возил с собой. Сам облик генерал-губернатора был необычным и запоминающимся: Михаил Тариелович носил партикулярное платье – простой длиннополый драповый сюртук, с шашкой (черкесской) наперевес, мягкие кавказские чувяки. Хорошо продуманный об-

раз генерал-губернатора сочетал в себе черты военного и гражданского начальника. Генерал-губернатор стал в крае личностью популярной. Он сделался отнюдь не только «идолом русских торговцев»[40], но и приобрел добрую славу среди самых широких слоев местного населения. По-своему переиначив непривычное для русского слуха отчество, здесь его называли так же, как и его солдаты на войне – Михаил Тарелкович.

Для самого графа командировка в низовья Волги расширила представления о российской действительности. Пребывание здесь было для него, человека военного, хорошо знавшего Кавказ, первым знакомством со среднерусской «глубинкой». За два месяца он узнал о российской провинции больше, чем за все предыдущие годы: эпидемия обнажила и обострила множество социально-экономических проблем, самым тесным образом связанных с политикой. Ранее он задумывался о них несколько отвлеченно, узнавая об их существовании из печати, разговоров с людьми, более осведомленными: П.А. Валуевым, А.И. Кошелевым, Д.А. Милютиным, А.А. Абазой и др. Теперь он воочию, на практике убеждался в необходимости многое в русской жизни изменить и перестроить. Он видел в действии органы самоуправления. Из 70 врачей, присланных в край, около 50 были земскими врачами-добровольцами, приехавшими на эпидемию из разных губерний. Он убедился, что на местах, в глухой провинции немало «сведущих» – опытных и энергичных деятелей из дворян, купцов и крестьян, способных поддержать любое здравое дело, идущее на пользу родному краю. Вряд ли мысль о привлечении их к управлению уже утвердилась в нем, но он несомненно опирался и на эти свои астраханско-царицынские впечатления, когда вплотную стал ее обдумывать.

30 марта Лорис-Меликов выехал из Астрахани в Петербург. Ему предстояло еще вернуться в низовья Волги, чтобы закончить дела: не было завершено снятие карантина, происходившее по частям, предстояло проследить за выводом войск из края и отправкой их к местам назначения, осуществить санитарный контроль при весеннем перекочевье калмыков и «киргизской орды». Михаил Тариелович и не предполагал, что 30 марта прощался с Волжским низовьем навсегда*. Однако за неделю до его отъезда из края, находившегося под его управлением, в столицу выехал человек, которому суждено было не только нарушить ближайшие планы графа, но и во многом определить его дальнейшую судьбу.

Землеволец А.К. Соловьев покинул саратовское поселение, изверившись в деятельности в деревне и будучи одержимым идеей цареубийства. На собрании землевольцев в Петербурге 20 марта 1879 г. было решено не препятствовать покушению на царя. 2 апреля Соловьев стрелял в Александра II во время его утренней прогулки, но промахнулся и был схвачен. Власть была поставлена перед необходимостью принятия чрезвычайных мер.

2 апреля 1879 г. у Александра II состоялось совещание с участием министра государственных имуществ П.А. Валуева, военного министра Д.А. Милютина, шефа жандармов А.Р. Дрентельна и министра внутренних дел Л.С. Макова. Император приказал им «составить предложение о назначении в обеих столицах и других больших городах временных военных генерал-губернаторов, с применением правил военного положения»[41]. В 2 часа дня на совещании этих же лиц с привлечением военного прокурора В.Д. Философова был в главных чертах намечен проект указа Сенату об учреждении временных генерал-губернаторств в Петербурге, Харькове и Одессе и расширении полномочий генерал-губернаторов в Москве, Киеве и Варшаве. В основу его легла записка П.А. Валуева, представленная им на совещании. Указ был подписан 5 апреля. Он предоставлял генерал-губернаторам право административной высылки, арестов любых лиц («несмотря на звание и состояние»), приостановления и запрещения периодических изданий и вообще принятия тех мер, которые «они признают необходимыми для охранения спокойствия во вверенном им крае»[42].

---

* 10 апреля – уже без Лорис-Меликова – в Астрахани был окончательно снят карантин. Телеграммы губернатора Н.Н. Биппена сообщали в МВД, что «состояние здоровья населения астраханского края вполне благополучно».

3 и 4 апреля состоялись совещания у царя по поводу предстоящих назначений на должности временных генерал-губернаторов. В Петербург назначался И.В. Гурко, в Одессу – Э.И. Тотлебен, в Харьков – М.Т. Лорис-Меликов. К осуществлению чрезвычайных мер по борьбе с революционным движением и террором призывались популярные герои недавней русско-турецкой войны. В те же дни Михаил Тариелович узнал о новом повороте на своем жизненном пути, хотя приказ о назначении временных генерал-губернаторов был подписан только 7 апреля[43].

Либеральная печать встретила указ об учреждении генерал-губернаторств весьма сдержанно. Лишенная возможности высказать свои тревоги и опасения, она отказывалась его приветствовать. Зато М.Н. Катков выражал сожаление, что генерал-губернаторства не охватывают всех регионов, где растет революционное движение. Считая эту меру явно недостаточной, он подталкивал власть к дальнейшим шагам: «Может быть, для вполне успешной борьбы и желательно быстрой расправы со злом окажется потребность в центральном, специально на тот предмет уполномоченном правительственном лице, которое сосредоточило бы в своих руках все нити дела, восполняло бы генерал-губернаторов в тех местностях, на которые не простирается их власть, и, ни в чем не стесняя их распоряжений, способствовало бы их взаимному соглашению»[44]. «Как они все примутся за дело? – тревожился по поводу генерал-губернаторов К.П. Победоносцев. – Сумеют ли начать, организовать, вести его? Если сумеют быть строгими, то сумеют ли быть умными? Ничего, ничего не знаю. Знаю только, что не вижу цельных людей»[45].

На эти вопросы Лорис-Меликов даст ответы уже через несколько месяцев пребывания на новом посту. 20 апреля он прибыл в Харьков – крупный промышленный и торговый город со стотысячным населением, являвшийся важным железнодорожным узлом на юге страны. Здесь функционировали университет, ветеринарный институт, духовная семинария, четыре гимназии и реальное училище. Интеллигенция составляла весьма значительную часть местного общества и играла более значительную роль, чем в тех районах, где до сих пор проходила деятельность Лорис-Меликова. Харьковское земство, в котором сильны были либеральные традиции, проявило себя как одно из самых передовых.

Торжественной встречи генерал-губернатора местным населением, подобной той, что случилась в Царицыне и в Астрахани, в Харькове не произошло. На Волгу Лорис-Меликов явился спасителем от угрожавшей всем беды. В Харькове, куда Михаил Тариелович прибыл для искоренения крамолы чрезвычайными мерами, он сам воспринимался как олицетворение опасности и угрозы привычному укладу жизни. Враждебно следили за первыми действиями генерал-губернатора и местные власти, ожидая неизбежных перестановок и смещений. Однако его первые распоряжения не отличались особой оригинальностью. Владельцы домов, содержатели гостиниц, меблированных комнат, постоялых дворов должны были сообщать в полицию сведения о проживающих, предъявляя их виды на жительство. За нарушение устава о паспортах с виновных взыскивался штраф от 50 до 500 руб. О квартирантах, не имевших вида, следовало осведомлять полицию. Только в этом случае с квартирохозяев снималась ответственность за беспаспортных жильцов[46]. Если в первых постановлениях срок для сообщения сведений о приезжающих и отъезжающих лицах устанавливался трехдневный, то затем генерал-губернатор грозил подвергнуть взысканиям домовладельцев и хозяев квартир, не представивших видов на жительство своих постояльцев в течение 24 часов[47].

Занимаясь перемещениями и новыми назначениями в администрации, Лорис-Меликов особое внимание уделил городской и уездной полиции и жандармерии. Он мыслил и ту, и другую «правильно устроенной, хорошо оплаченной и количественно достаточной». Прежде всего граф озаботился «изысканием способов к увеличению личных и материальных средств» для этих органов. До вступления Лорис-Меликова на пост генерал-губернатора в штате харьковского губернского жандармского управления состояло 5 офицеров, 25 унтер-офицеров и 5 писарей. По ходатайству генерал-губернатора в Харьков были командированы (из Ковенского губернского жандармского управления)

1 офицер и 24 унтер-офицера[48]. Генерал-губернатор счел состояние политической полиции неудовлетворительным, потребовав отозвать от должности начальника Харьковского губернского жандармского управления генерала Д.М. Ковалинского[49]. В полицейской части также произошли увольнения «не соответствующих должности», пополнение рядов и повышение окладов. Увеличена была городская конная стража. Укрепили и уездную полицию – на 40 человек увеличилось число конных урядников.

Приступив к обязанностям Лорис-Меликов, по его признанию, убедился, что «полиция в г. Харькове утратила всякое нравственное значение». Чтобы поднять ее авторитет, генерал-губернатор «признавал необходимым, особенно на первых порах, с одинаковой строгостью относиться как к частным лицам, оказавшим неуважение представителям власти, так и к полицейским чинам, которые во многих случаях своими незаконными поступками и неумелыми приемами подавали населению повод к справедливым нареканиям, неудовольствию и даже противодействию…»[50] По свидетельству А.А. Скальковского, генерал-губернатор, разобрав несколько дошедших до него случаев столкновения полиции с публикою, «строго наказал виновных, не различая были ли то частные лица, или полицейские чины, после чего подобные столкновения более не возобновились»[51].

В обосновании Лорис-Меликовым необходимости преобразования полиции (в августе 1880 г.) сказались, по-видимому, и его наблюдения периода харьковского генерал-губернаторства. Полицейская служба, замечает он со знанием дела, «представляет массу соблазна для полицейских чинов к увлечениям, побуждающим их ради ожидаемого успеха упускать из вида требования закона. Устранение этого недостатка, возможного также и в губернских властях, достижимо только при постоянном внимании центрального управления к глубокому упрочнению между всеми полицейскими органами чувства законности…»[52].

Особое внимание вновь назначенного генерал-губернатора не могла не привлечь местная учащаяся молодежь. Студенчество да и часть гимназистов, являлись постоянным резервом пополнения рядов революционеров. В конце 1878 г. в харьковском университете произошли студенческие волнения, вызванные избиением казаками нагайками молодежи, собравшейся около университета. Последовали многочисленные аресты и высылки студентов. Объясняя причины убийства харьковского губернатора кн. Д.Н. Кропоткина, революционеры в специальной прокламации напоминали и об этой жестокой расправе со студентами. О том, что революционно-народнические настроения в среде учащейся молодежи оставались сильными, Лорис-Меликов знал и от харьковского губернатора В.В. фон Валя, сообщавшего графу об участившихся сходках студентов и распространении в университете нелегальных изданий[53].

Политика в области высшего и среднего образования неизбежно становилась важной составляющей генерал-губернаторской программы по искоренению крамолы. Он намечает план первоочередных действий в этой области и, по настойчивому приглашению П.А. Валуева, с которым находится в постоянной переписке, участвует в заседаниях Особого совещания 17 и 19 июля. Судя по отчетному докладу председателя Особого совещания, харьковский генерал-губернатор обращал внимание на «недостатки внутреннего строя учебных заведений, недостаток надзора, недостаток ответственности, недостаток всякой дисциплины и недостаток правильного исполнения обязанностей, лежащих на преподавателях». О тех же недостатках речь идет и во всеподданнейшем докладе генерал-губернатора царю (2 февраля 1880 г.). Главной мерой для их устранения Лорис-Меликов мыслил ликвидацию в университетах выборного начала. Он выступал за назначение, а не выборы ректоров и инспекторов. Граф считал также нужным ввести обязательную форму для студентов. Военный человек, он был уверен, что эта мера не только облегчила бы наблюдение за студентами, но и дисциплинировала бы их. Касаясь состояния средних учебных заведений, Лорис-Меликов предлагал «обсудить вопрос, не способствуют ли гимназические приуготовительные классы привлечению к гимназиям неудобного контингента учеников, а затем переполнению ими сначала гимназий, а потом университетов»[54]. Предусматривал генерал-губернатор и уси-

ление контроля за народными школами. Некоторые мероприятия более частного характера из предложенных Лорис-Меликовым также сводились к усилению роли администрации в учебном процессе.

Анализируя предложения Лорис-Меликова в области народного образования, исследователи обращают внимание на то, что его программа во многом предвосхитила университетскую контрреформу 1884 г., резко ограничившую университетскую автономию[55]. Однако говорить о предвосхищении харьковским генерал-губернатором принципов устава 1884 г. можно лишь условно, поскольку идеи университетской контрреформы активно развивались с начала 1870-х гг. в консервативной печати. М.Н. Катков уже тогда предпринял ревизию устава 1863 г., на протяжении 1870-х гг. публикуя в «Московских ведомостях» свои передовые с его критикой. Он предлагал ликвидировать университетскую автономию с ее выборным началом и самоуправлением, превратив университеты в часть учебного ведомства во главе с министром, власть которого расширялась одновременно с ограничением прав университетского совета. Все это должно было усилить надзор не только за студенчеством, но и за благонадежностью профессуры. Под непосредственным руководством Каткова его ближайший соратник профессор Н.А. Любимов с начала 1870-х гг. занимался разработкой нового устава университетов[56]. Принципы его полностью разделял министр народного просвещения Д.А. Толстой. Особое совещание не случайно одобрило предложения Лорис-Меликова: мысли харьковского генерал-губернатора «по предметам, относящимся до охранения порядка и спокойствия» в учебных заведениях, вполне соответствовали проекту нового устава, который в 1879 г. был уже готов в Министерстве народного просвещения.

В заявлениях Лорис-Меликова об ответственности профессоров за «неблагонадежное поведение» учащейся молодежи, в его уверенности, что «при более строгом отношении профессоров к своим обязанностям, не только научным, но и нравственным, многие из совершившихся прискорбных явлений вовсе не могли бы иметь места», отчетливо слышны отголоски высказываний инициаторов университетской контрреформы[57]. «Большая ошибка думать, что волнение возникают между студентами в их среде или заносятся в нее какими-то посторонними агитаторами..., – писал Катков. – Эти явления происходят единственно из профессорской среды, откуда возбуждаются, и здесь надо искать их корни»[58].

В литературе высказывалось мнение, что именно предложения Лорис-Меликова легли в основу подготовленных осенью 1879 г. «Правил для студентов императорских российских университетов» и «Временной инструкции для инспекции за студентами университета» – документов, резко усиливавших надзор за студентами и вводивших ряд запретов на коллективные действия (сходки, подача адресов, жалоб, прошений, посылка депутаций и т.д.)[59]. Правильнее было бы сказать, что в основе этих документов лежали принципы уже разработанного проекта нового университетского устава, сторонником которых, но отнюдь не родоначальником, являлся Лорис-Меликов. Однако практическая политика, в которой он привычно руководствовался собственными наблюдениями и здравым смыслом, ему свойственным, все сильнее побуждала его к пересмотру первоначальных установок. Вскоре он поймет, что именно запреты вызывали протест даже у студентов, поначалу сторонившихся политики. Уже первое обращение Лорис-Меликова к министру народного просвещения по кадровым вопросам по-своему противоречит его же предложениям, обсуждавшимся на Особом совещании. Доказывая министру необходимость сместить с должности попечителя Харьковского учебного округа П.К. Жерве, начальник губернии обращал особое внимание на то, что, не имея влияния в среде профессоров, попечитель «не сумел приобрести его и между студентами»[60]. В первые же дни своего генерал-губернаторства он пригласил к себе попечителя, ректора, профессоров университета и, вступив с ними в беседу, черпал нужную ему информацию. Граф интересовался числом исключенных и высланных за беспорядки студентов. Он предупредил собравшихся, что отвечать за события в университете будут не только бунтующие студенты, но и их наставники[61].

Удаление Жерве и наметившееся на этой почве расхождение с министром просвещения, о котором быстро узнали в университете, уже снискали графу определенный кредит доверия. К концу 1879 г. авторитет Лорис-Меликова весьма возрос, став стабилизирующим фактором не только в университетской среде. Неслучайно после введения в ноябре 1879 г. «Временной инструкции для университетской инспекции» и «Правил для студентов» в Харьковском университете не было беспорядков, которые сопровождали введение в действие этих документов в Петербургском, Киевском и Новороссийском университетах[62].

Одновременно Лорис-Меликов ужесточил репрессивные меры против революционеров. Как известно, Харьков, как Одесса и Киев, являлся в конце 1870-х гг. не менее важным центром революционного движения, чем Петербург. Здесь действовала организация, называвшая себя Исполнительным комитетом социально-революционной партии. Именно ИК во главе с В.А. Осинским и Д.А. Лизогубом с помощью харьковских революционеров подготовил убийство губернатора Кропоткина, совершенное 9 февраля 1879 г. Г.Д. Гольденбергом. Тогда же, в феврале в Харькове возник кружок Е.Н. Ковальской – Д.Т. Буцинского, придерживавшийся землевольческого направления. Периодически в Харьков посылались землевольцы из центра (С.Л. Перовская, М.Ф. Фроленко и др.). Однако с приездом в Харьков генерал-губернатора действия укрепленных им полиции и жандармерии резко активизировались. В апреле–мае прошли обыски и аресты, и сходки революционеров прервались: те из них, кто не был арестован, затаились или разъехались[63]. Кружок Ковальской – Буцинского прекратил существование, а вместе с ним, казалось, были искоренены и последние революционные элементы в городе.

Но в революционном подполье города работа не прервалась. В Харькове до августа оставалась С.Л. Перовская, отличавшаяся незаурядными организаторскими способностями. А. Сыцянко доставлял со своего склада запретную литературу оставшимся в Харькове товарищам, продолжавшим вести пропаганду. В августе в город стали съезжаться студенты и учащаяся молодежь. Тогда же прибыл и П.А. Теллалов – член ИК возникшей после раскола «Земли и воли» организации «Народная воля». Он начал агитацию за ее программу, выдвинувшую в качестве первоочередной задачи завоевание демократических свобод. Из канцелярии временного генерал-губернатора в III отделение сообщалось, что во второй половине сентября среди учащейся молодежи, служащих Курско-Харьковско-Азовской железной дороги и «некоторых личностей, проживающих в Харькове», проявляется заметное оживление, «усилились их сношения с неблагонадежными людьми, проживающими в Киеве, Одессе и других городах»[64]. Теллалов и местные революционеры основали новый кружок. Они распространяли среди студентов университета газету «Народная воля». Библиотекой кружка пользовались рабочие и студенты. Кассу пополняли местные либерально настроенные помещики и предприниматели. Было налажено изготовление паспортов и разного рода документов для революционеров, переходивших на нелегальное положение. Харьковчане установили связи с полтавскими и киевскими революционерами[65].

В сентябре 1879 г. в связи с планами покушений на императора по пути его следования из Крыма в Петербург в Харьков приехала группа народовольцев во главе с А.И. Желябовым, который увлек харьковских революционеров, еще остававшихся в большинстве на землевольческих позициях, идеей борьбы за гражданские права, необходимые для работы в народе.

Казалось бы, открыв войну против революционеров, Лорис-Меликов с его огромным военным опытом предусмотрел все до мелочей. Силы полиции и жандармерии были как никогда укреплены и дисциплинированы. Поголовная регистрация населения города (вплоть до переписи ночлежных приютов), полная регистрации наемных экипажей и извозчиков, которым были присвоены номерные знаки, – все это призвано было гарантировать невозможность существования в Харькове сколько-нибудь значительной группы нелегалов. Но и при всесильном генерал-губернаторе с его чрезвычайными полномочиями продолжалась интенсивная подпольная работа, прошел съезд

иногородних революционеров (заметим, что съезд землевольцев прошел в июне 1879 г. в Воронеже – центре губернии, также подчиненной Лорис-Меликову).

Харьковскому кружку отводилась значительная роль в террористической деятельности «Народной воли». Это привело к оформлению в октябре 1879 г. местной народовольческой группы, подчиненной ИК и через Теллалова осуществлявшей связь с центром[66]. В октябре–ноябре 1879 г. Харьков стал важным пунктом, где шла подготовка к покушению на Александра II.

Но в ноябре в Харькове произошли многочисленные обыски и аресты среди лиц, подозреваемых в распространении запрещенной литературы. 6 ноября была арестована группа студентов университета и ветеринарного института[67]. 27 ноября на чердаке недостроенного дома доцента университета О. Сыцянко (отца революционера) были обнаружены оружие, взрывчатые вещества и запрещенные издания, а через несколько дней в жилом доме Сыцянко нашли гальваническую батарею и другие приспособления для взрыва. В тот же день последовало постановление генерал-губернатора о воспрещении частным лицам хранения, изготовления и продажи всякого рода взрывчатых веществ[68]. Аресты продолжались и в декабре. В конце 1879 г. местная организация «Народной воли», казалось, была окончательно разгромлена.

Проведя сравнительный анализ деятельности временных генерал-губернаторов, П.А. Зайончковский справедливо заключил, что у Лорис-Меликова она была наименее репрессивной. Из 575 сосланных генерал-губернаторами с апреля 1879 г. по июль 1880 г. Лорис-Меликов (оставивший этот пост в феврале 1880 г.) отправил в ссылку по политическим мотивам 37 человек, при нем не было вынесено ни одного смертного приговора (у одесского генерал-губернатора Э.И. Тотлебена их было 8)[69]. Стоит, однако, обратить внимание на то, что карательная политика Лорис-Меликова по своим принципам была тождественна той, что проводилась в других генерал-губернаторствах, как и в империи в целом. Это была политика авторитарного режима, нетерпимого (как и тоталитарный) к инакомыслию. При неограниченной монархии, как и при диктатуре пролетариата, личность преследовалась не только за противоправные действия, но и за образ мысли, не соответствующий официальной идеологии. Последовательный просмотр дел канцелярий Харьковского губернатора и генерал-губернатора за 1878–1881 гг. показывает, что и при Лорис-Меликове, как до и после него, под арест и высылку попадали не только за антиправительственную деятельность или пропаганду, распространение или хранение запрещенной литературы, укрывательство, недоносительство, жительство по фальшивому виду и т.д., но и за «вредный образ мысли», «вредное влияние на окружающих», «неблагонадежное поведение», «сомнительные знакомства», «сомнительное поведение», «сомнительную благонадежность», «принадлежность к вредному семейству» (кто-то из членов которого разыскивался полицией), за подозрение «в сочувствии преступной пропаганде». О противодействии людям "неблагонадежного образа мысли" упоминал и сам генерал-губернатор в отчетном докладе царю.

Лорис-Меликов, впервые вплотную соприкоснувшись с практикой политического сыска в своем генерал-губернаторстве, почувствовал ненормальность существующих порядков, хотя переломить их не смог. Но позднее, вступив на новый пост, он явно использовал в своих планах преобразования полиции и харьковские впечатления. Лорис-Меликов со знанием дела писал, что к обыскам у «заподозренных в политической неблагонадежности лиц» приступают часто «без достаточных к тому оснований». Он призывал к осторожности и неторопливости в таких действиях[70]. По его инициативе был поставлен вопрос о «несовершенстве существующей теперь системы определения политической неблагонадежности» и необходимости «строгого разбора виновности и степени неблагонадежности» при определении наказания[71].

Но Лорис-Меликова беспокоили не только революционеры. В Харьковской деревне было неспокойно, как неспокойно было и в деревнях Воронежской, Орловской, Курской, Черниговской и Полтавской губ., с ноября 1879 г. подчиненных Лорис-Меликову как харьковскому генерал-губернатору. Местные газеты сообщали об участив-

шихся преступлениях против помещичьей собственности – порубках и потравах, кражах и поджогах копен пшеницы и сена. В отчетном докладе Лорис-Меликов отметил, что число случаев умышленного поджога чужого имущества, по представленным ему губернаторами сведениям, «заметно увеличиваясь, достигло, наконец, в течение июля, августа и сентября (1879 г. – *В.Т.*) общего итога 166»[72]. Особым циркуляром генерал-губернатор предписывал дела о поджогах передавать военному суду[73]. В итоговом докладе царю он сообщал о трех делах против крестьян по обвинению в поджогах, переданных в военный суд: два из них еще не были рассмотрены, а одно завершилось приговором к ссылке в каторжные работы. Любопытно его признание в докладе, что он, «ожидая от этой меры благоприятных результатов», «еще не в состоянии судить о принесенной ею пользе, хотя случаи умышленного поджога в последнюю треть истекшего года заметно уменьшились».

Как и везде, в Харьковском крае широко распространялись слухи о переделе помещичьих земель в пользу крестьян. Это вызвало циркуляр министра внутренних дел Л.С. Макова (5 июня 1879 г.), разъяснявший, что никакой нарезки к наделу не последует. Опубликованный в харьковской печати, он сопровождался распоряжением генерал-губернатора, согласно которому «лица, изобличенные в распространении ложных слухов относительно передела помещичьих земель, также будут предаваться военному суду». Характерно при этом замечание Лорис-Меликова, что крестьянская среда представляет собой «весьма удобную почву для преступной агитации»[74]. Сведения о военных судах над «злоумышленниками» – распространителями слухов о переделе земли в Харьковской губ. попали в литературу, по-видимому, из воспоминаний Скальковского, но их нет ни в докладе Лорис-Меликова, ни в местных архивах. Генерал-губернатор считал, что сама по себе угроза военного суда послужила к успокоению крестьянского населения, заверяя царя, что слухи о земельном переделе «почти прекратились».

На рубеже 1870–1880-х гг. крестьянский вопрос привлекал все большее внимание харьковского земства. В речи при открытии губернского земского собрания 6 декабря 1879 г. Лорис-Меликов признал, что, познакомившись с деятельностью учреждений местного самоуправления, он вынес убеждение в глубокой преданности земцев своему делу и в их «постоянной заботливости об интересах населения». «...Я считаю излишним делать земскому собранию какие-либо указания», – заявил Лорис-Меликов. Признавая самостоятельность земства, он обещал ему поддержку[75].

Но, отказавшись давать земским деятелям указания, генерал-губернатор высказывал им свои рекомендации. В преддверии надвигавшегося вследствие неурожая голода 1880 г. он обратил внимание на важность создания продовольственных запасов и семенного фонда. Граф отвел земству серьезную роль в борьбе с пожарами. Высказал он и пожелание, чтобы местное общественное управление большее внимание уделило вопросам народного здравия: в губернии летом и осенью 1879 г. свирепствовал дифтерит. Вооруженный астраханским опытом, Лорис-Меликов и сам принял ряд централизованных санитарных мер по предотвращению болезней и эпидемий[76]. Генерал-губернатор в речи перед харьковскими земцами заверил, что администрация будет содействовать их деятельности[77]. Думается, в отчетном докладе царю харьковской генерал-губернатор имел основания заявить, что ему удалось «привлечь к себе деятелей земства»[78].

Не меньшее внимание уделил генерал-губернатор и городскому самоуправлению. В борьбе с крамолой Лорис-Меликов не упускал из поля зрения городское хозяйство с его сложными проблемами. Благоустройством Харькова он занимался в тесном сотрудничестве с думой. И здесь, как и в Астрахани, его присутствие в городе оставило ощутимые следы. При Лорис-Меликове в Харькове был пущен водопровод: его открытие и освящение состоялось 23 июня 1879 г. Резко возросло при нем и число мощеных улиц. По постановлению городской думы и при активной поддержке генерал-губернатора была открыта 2-я женская гимназия. Лорис-Меликов явил себя приверженцем просвещения, поддержав создание ряда уездных и сельских библиотек[79]. Именно он принял решение от открытии в Харькове Технологического института. Здание

для него уже было построено, но местные власти, доказывая ненужность института для края, хотели приспособить его под казармы. Лорис-Меликов после совещаний с думцами, земцами, профессорами и инженерами-путейцами решил вопрос в пользу нового учебного заведения[80]. Используя свои связи в «верхах», генерал-губернатор (и командующий войсками Харьковского военного округа) выхлопотал для Харькова заем 350 тыс. руб. на постройку лазаретов и казарм, обеспечив решение «квартирного вопроса» для военных[81].

В октябре 1879 г. начальник Харьковского жандармского управления имел все основания сообщать в центр о популярности генерал-губернатора среди местного населения и «сочувственном расположении» к нему в самых разных слоях общества. В то же время отмечалось, что авторитет генерал-губернатора держится и на страхе перед его властью, строго карающей нарушителей закона[82]. «Сочувственное расположение» особенно чувствовалось в дворянской среде, увидевшей в Лорис-Меликове охранителя основ порядка и собственности. В адресе, поднесенном ему в феврале 1880 г. за подписью предводителя харьковского дворянства и 30 наиболее именитых и крупнопоместных его представителей, воздавалась хвала мудрости и справедливости генерал-губернатора, его «многополезной деятельности». Как и предсказывалось в адресе, пребывание Лорис-Меликова в Харьковском крае осталось в дворянстве «навсегда одним из лучших воспоминаний»[83]. О нем как образце государственного деятеля вспоминали поместные дворяне в 1905–1906 гг., когда земля горела у них под ногами. Призывая власти к решительным мерам против крестьянского движения, они указывали на пример Лорис-Меликова, циркуляром о поджогах сумевшего пресечь преступления против помещичьей собственности угрозой военного суда[84].

Кажется, единственным сословием, оставшимся равнодушным к новому правителю, было крестьянство. Для деревни генерал-губернатор не сделал ничего, хотя, как уже говорилось, ее нужды, уже попали в поле его зрения. Однако, забегая вперед, стоит сказать, что и в последующую пору Лорис-Меликов так и не сумел осознать первостепенной важности крестьянского вопроса для земледельческой страны, необходимости его безотлагательного решения. Он так и не понял, что именно в бедственном положении деревни корни того социального и политического расстройства, которое он стремился ликвидировать.

Пребывая в Харькове, Михаил Тариелович не только не терял, но и старался укрепить связи с Петербургом. Он находился в постоянной переписке с П.А. Валуевым, опекая его непутевого сына, доставлявшего отцу немало забот, поддерживал отношения с А.А. Абазой и Д.А. Милютиным. А в ноябре на территории Харьковского генерал-губернаторства Лорис-Меликов встречался и с Александром II, возвращавшимся из Крыма. «Ты вполне понимаешь мои намерения», – было сказано ему императором[85].

Необычного генерал-губернатора уже приметили и за рубежом. Корреспондент влиятельной британской газеты «Таймс» сообщал из России, что количество арестов у Лорис-Меликова значительно меньше, чем у киевского и одесского правителей, поскольку он избрал «единственно верный в нынешней напряженной обстановке путь – привлекать на сторону власти оппозиционно настроенную общественность, а не отпугивать ее, ставя на одну доску либералов и бомбометателей»[86].

Обсуждение вопроса о компетенции и правах генерал-губернаторов в Комитете министров в декабре 1879 г. выявило далеко не однозначное отношение к ним высшей бюрократии. В представлении, внесенном шефом жандармов и министром внутренних дел, утверждалось, что полномочия генерал-губернаторов, оставаясь широкими в сфере борьбы с противоправительственными элементами, не должны касаться «круга деятельности местных городских, земских и сословных учреждений», которая должна направляться «местными властями и установлениями, указанным в законе порядком»[87]. Вел. кн. Константин Николаевич доказывал, что необходимо права генерал-губернаторов согласовать с «существующими узаконениями». Как доносил редактору «Московских ведомостей» Е.М. Феоктистов, вел. кн. Константин Николаевич «вопит, что

при военном положении жить нельзя, что никто не огражден от произвола генерал-губернаторов»[88].

Лорис-Меликов, несомненно, получил информацию о борьбе мнений в верхах вокруг института генерал-губернаторства, высказав свое понимание его компетенции и полномочий. Он ведь рассчитывал оставаться на своем посту еще достаточно длительное время. Однако взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., организованный народовольцами, вызвал крутой поворот в судьбе графа, как и всей страны в целом.

Многое ожидал генерал-губернатор от восприятия своего отчетного доклада, с которым в начале 1880 г. отправился в столицу. Подводя в конце 1879 г. итоги своему правлению в крае, Лорис-Меликов уже в полной мере осознал, что сила и значение карательных мер «велики только до тех пор, пока общество не успело с ними свыкнуться; продолжительное же применение этих мер, не достигая положенного в основание их спасительного устрашения, перестает оказывать ожидаемое от них полезное влияние». В ходе своей деятельности он все более приближался к мысли о том, что «преобладающее значение должно иметь не только преследование обнаруженного уже зла, но стремление своевременно предупредить его…» А именно этого не достичь только с помощью полиции и жандармерии, тюрем, военных судов и виселиц. Усмиритель края начинает видеть свою задачу в том, чтобы прийти в соприкосновение «с местными интересами в лице их представителей и, узнавая этим путем об их нуждах», дать движение «предпринятым ими законным ходатайствам и вообще оказывать требуемую обстоятельствами поддержку»[89]. Эти раздумья – едва ли не самый важный итог пребывания на посту временного Харьковского генерал-губернатора.

Примечания

[1] Пик эпидемии падает на 10–16 декабря, она стала угасать лишь в январе. (Щепотьев Н.К. Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии. Казань. 1884. С. 42).

[2] Там же. С. 45.

[3] Дневник Д.А. Милютина. 1878–1880. Т. 3. М., 1950. С. 113.

[4] РГИА, ф. 866, оп. 1, д. 5, л. 2–5.

[5] Там же.

[6] Московские ведомости. 1879, 23 января.

[7] Кони А.Ф. Граф Лорис-Меликов // Кони А.Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 5. М., 1968. С. 195.

[8] С.-Петербургские ведомости. 1879, 30 января; Иногородний обыватель [Б.М. Маркевич]. Письма с берегов Невы // Московские ведомости. 1879, 8 февраля.

[9] Там же.

[10] Молчанов А. Путевые письма. Царицын // Новое время. 1879, 5 февраля.

[11] Мельников Н. Ветлянская чума в 1878 и 1879 гг. Воспоминания бывшего городского головы в Царицыне // Русская старина. 1889. № 10. С. 151; Молчанов А. Путевые письма. Царицын // Новое время. 1879, 1 февраля.

[12] Новое время. 1879, 9 февраля.

[13] Молчанов А. Путевые письма. Царицын // Новое время. 1879, 8 февраля.

[14] Всеподданнейший отчет начальника Астраханской губернии за 1880 год. Астрахань, 1881.

[15] Скальковский А. Воспоминания о графе Лорис-Меликове // Новое время. 1889, 10 января.

[16] Там же.

[17] Астраханские губернские ведомости. 1879, 21 февраля.

[18] Молчанов А. Письмо из Царицына // Новое время. 1879, 9 февраля. Перепечатано в «Астраханском справочном листке» (1879, 27 февраля).

[19] Скальковский А. Указ. соч. Н.Г. Вучетич ошибочно сообщает о прибытии Лорис-Меликова в Астрахань 18 февраля на пароходе – мемуариста, по-видимому, подвела память. (Вучетич Н. Воспоминания о графе М.Т. Лорис-Меликове // Исторический вестник. 1909. № 12. С. 961).

[20] Скальковский А. Указ. соч.

[21] Астраханские губернские ведомости. 1879, 21 февраля.

[22] Там же.

[23] Hirsch A. Mittheilungen über die Pest-epidemie im Winter 1878–79 im russischen Gouvernement Astrachan. Berlin, 1880.

[24] Хейфец М.И. Вторая революционная ситуация в России. М., 1963. С. 102.

[25] Астраханские губернские ведомости. 1879, 24 марта.

[26] М и н х Г.Н. Отчет об Астраханской эпидемии. Отд. 1. Ветлянская эпидемия. М. 1881.

[27] В у ч е т и ч Н. Указ. соч. С. 969.

[28] Там же. С. 968.

[29] Астраханские губернские ведомости. 1979, 21 февраля.

[30] В у ч е т и ч Н. Указ. соч. С. 969.

[31] Московские ведомости. 1879, 23 января.

[32] М о л ч а н о в А. Путевые письма. Царицын // Новое время. 1879, 27 января.

[33] Э н г е л ь г а р д т А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1965. С. 342, 344, 345. Цитируемое письмо написано в ноябре 1879 г., но задержанное цензурой, появилось в «Отечественных записках» в марте 1880 г.

[34] Новое время. 1879, 9 февраля; Отголоски. 1879, 18 февраля. № 7; Астраханский справочный листок. 1879, 27 февраля.

[35] См.: С т е п а н о в В.Л. Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 79.

[36] С.-Петербургские ведомости. 1879, 31 января. Корреспондент газеты рассказывал, сколь опасно употребление тузлуков в быту, делая вывод о необходимости отмены соляного сбора.

[37] Новое время. 1879, 9 января; Астраханский справочный листок. 1879, 27 января.

[38] П.А. Валуев. Письма к М.Т. Лорис-Меликову (1878–1880) / Публикация А.В. Мамонова // Россия и реформы. Вып. 3. М., 1995. С. 100.

[39] Т р и р о г о в В. Соль в народном хозяйстве // Голос. 1879, 20 февраля. «Астраханский справочный листок» публикует в марте 1879 г. серию статьей о местных (Чипчанских) соляных промыслах.

[40] V o g u e E. Spectales contemprains. Paris, 1891. P. 234.

[41] Дневник Д.А. Милютина. Т. 3. С. 135. Скальковский рассказывает, что по прибытии в столицу 2 апреля – через 2 часа после покушения на царя, Лорис-Меликов прямо с вокзала отправился в Зимний дворец и в тот же день узнал о своем новом назначении. (С к а л ь к о в с к и й А. Указ. соч.). Однако Д.А. Милютин, который провел во дворце большую часть дня, отметил в дневнике вечерний визит к нему графа, «только что приехавшего сегодня с низовьев Волги», как их первую встречу. Дата появления Лорис-Меликова в Петербурге 2 апреля все же представляется сомнительной: вряд ли граф не рассчитал время своего приезда так, чтобы встретить Светлое воскресенье Христово, праздновавшееся в 1879 г. 1 апреля, с семьей, а не в дороге.

[42] ПСЗ-2, Т. LIV, № 59476.

[43] Сообщение А. Скальковского, что Лорис-Меликов узнал о назначении в Харьков 2 апреля, представляется недостоверным.

[44] Московские ведомости. 1879, 7 апреля.

[45] Письмо К.П. Победоносцева Е.Ф. Тютчевой 6 апреля 1879 г. // ОР РПБ, ф. 230, к. 4409, д. 1, л. 20 об.

[46] Харьковские губернские ведомости. 1879, 26 и 27 апреля, 18 мая.

[47] Там же, 18 мая.

[48] Государственный архив Харьковской области (ГА ХО), ф. 5, оп. 2, д. 5, л. 3–9.

[49] ГА РФ, ф. 569, оп. 1, д. 28, л. 3.

[50] Там же, д. 16, л. 4–5.

[51] С к а л ь к о в с к и й А. Указ. соч.

[52] ГА РФ, ф. 569, оп. 1, д. 65, л. 7. Отрывки из записки опубликованы в кн.: Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2001. С. 98–104.

[53] ГА РФ, ф. 569, оп. 1, д. 156.

[54] РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 395, л. 36–37; ф. 733, оп. 194, д. 52, л. 2–3. Основные из выдвигаемых им задач в области просвещения Лорис-Меликов повторил в отчетном докладе Александру II. (ГА РФ, ф. 569, оп. 1, д. 16, л. 2–3, 7).

[55] З а й о н ч к о в с к и й П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. М., 1964. С. 119; Щ е т и н и н а Г.И. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976. С. 81–82.

[56] Л ю б и м о в Н.А. По поводу предстоящего пересмотра университетского устава // Русский вестник. 1873. № 2. Основы будущей контрреформы университетов развивались Н. Любимовым в цикле статей «Университетские письма», печатавшихся в «Московских ведомостях» в 1874 г. См. также: Л ю б и м о в Н.А. Мой вклад // Университетский вопрос. Т. 1. М., 1881.

[57] ГА РФ, ф. 569, оп. 1, д. 26, л. 3–6.

[58] ОР ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 9097, д. L1б 105, л. 9.

[59] З а й о н ч к о в с к и й П.А. Указ. соч. С. 120; Щ е т и н и н а Г.И. Указ. соч. С. 82.

[60] ГА РФ, ф. 569, оп. 1, д. 26, л. 3–6.

[61] С к а л ь к о в с к и й А. Указ. соч.

[62] В литературе Харьковский университет неправомерно называют одним из очагов студенческих волнений осенью 1879 г. (Щ е т и н и н а Г.И.Указ. соч. С. 84; Россия во второй революционной ситуации. М., 1983. С. 327, 329). Сведений о студенческих волнениях осенью 1879 г. нет ни в харьковских архивах, ни в отчетном докладе Временного харьковского генерал-губернатора Александру II.

[63] См. хронику арестов в Харькове в газете «Народная воля» 1 октября 1879 г. (Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 16, 18).

[64] ГА ХО, ф. 5, оп. 2, д. 107, л. 21–22.

[65] ГА РФ, ф. 112, оп. 1, д. 534, л. 45–47.

[66] См. подробнее: Ш и р о к о в а В.В. Возникновение народовольческой организации в Харькове // Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Сб. статей. Саратов. 1964. С. 89.

[67] Литература партии «Народная воля». С. 16, 18.

[68] Харьковские губернские ведомости. 1879, 27 ноября.

[69] З а й о н ч к о в с к и й П.А. Указ. соч. С. 92–96. Минимальными называют репрессии в Харьковском генерал-губернаторстве и позднейший исследователь (М а м о н о в А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. № 5. С. 36.)

[70] Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сб. документов. М., 2001. С. 97–98.

[71] Там же. С. 70.

[72] ГА РФ, ф. 569, оп. 1, д. 16, л. 12.

[73] Харьковские губернские ведомости. 1879, 5 октября.

[74] ГА РФ, ф. 569, оп. 1, д. 16. л. 12.

[75] Харьковские губернские ведомости. 1879, 9 декабря.

[76] Там же. 16 октября.

[77] Там же, 7 декабря.

[78] ГА РФ, ф. 569, оп. 1, д. 16, л. 12.

[79] Сведения и отчеты харьковского Общества распространения в народе грамотности о сельских и городских библиотеках // ГА ХО, ф. 200, оп. 1, д. 5, 56. Здесь отмечено, что библиотеки при больницах в Харькове (одном из главных центров по размещению раненых из действующей армии) с апреля 1879 г. за ненадобностью стали превращаться в народные читальни. (Там же, д. 56, л. 17).

[80] С к а л ь к о в с к и й А. Указ. соч.

[81] Из журнала Харьковской городской думы // Харьковские губернские ведомости. 1879, 22 декабря.

[82] ГА РФ, ф. 109, Секретный архив, оп. 3д. 163, л. 3–4.

[83] РГИА, ф. 866, оп. 1, д. 6, л. 12.

[84] Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1. 1906–1908. Кн. 2. М., 2001. С. 265, 270.

[85] Скальковский А.А. Указ. соч.

[86] The Times. 1879, 15 July. P. 9.

[87] З а й о н ч к о в с к и й П.А. Указ. соч. С. 115.

[88] ГА РФ, ф. 569, оп. 1, д. 16, л. 27–29.

[89] ОР РПБ, ф. 120, кн. 38, л. 65–67.

2004 г. Н. А. Р А З М А Н О В А*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КРУГОВ РОССИИ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОММЕРЧЕСКИХ УЧИЛИЩ

Опыт содержания учебных заведений в России XIX – начала XX в. привлекает в последнее время серьезное внимание исследователей. Обращаясь, в частности, к изучению различных аспектов становления отечественного отраслевого образования, они рассматривают и вопросы его финансирования. Большинство образовательных учреждений, вошедших в орбиту исторических исследований, являлись казенными и обеспечивались в соответствии со статьями государственного бюджета по Министер-

* **Разманова Наталия Александровна,** доктор исторических наук, доцент Финансовой академии при Правительстве РФ.

ству народного просвещения, ведомству императрицы Марии Федоровны, а также некоторых других министерств, имевших в своем подчинении соответствующие их профилю училища и институты. Наиболее полное освещение в литературе получил порядок содержания отечественных университетов и некоторых казенных отраслевых учебных заведений[1].

Вместе с тем отечественная система образования, особенно во второй половине XIX – начале XX в., включала значительное число общественных и частных учебных заведений, не получавших бюджетных ассигнований. Среди них были и коммерческие училища. Несмотря на то, что в последние годы негосударственные коммерческие учебные заведения активно исследуются, специфика организации их содержания изучена недостаточно[2].

Коммерческое образование неизменно находилось не только в сфере образовательной политики государства, но и в области интересов торгово-промышленных кругов. Подобная двойная заинтересованность в развитии коммерческого образования привела к формированию прочных основ материальной базы коммерческих учебных заведений[3].

В настоящей статье рассматриваются особенности материального обеспечения коммерческих училищ, влияния этого фактора на становление системы управления ими, а также роль торгово-промышленных кругов в формировании механизма финансирования. Особый интерес представляет мотивация широких пожертвований на образование.

Формирование источников поступлений и организация содержания коммерческих училищ получили отражение в комплексе документов. В первую очередь, это правительственные акты, регулировавшие систему отношений учебных заведений и власти, а также уставы училищ, где фиксировались принципы их деятельности[4]. Обширные данные о создании и функционировании механизма финансирования содержатся в отчетах попечительных Советов и администрации столичных и провинциальных коммерческих учебных заведений[5]. Социальные итоги становления материальной базы коммерческого образования отражены в отчетах учебных отделов Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности[6].

Власть и купечество: первые опыты финансирования учебных заведений

Создание первого коммерческого учебного заведения стало возможным после того, как богатейший промышленник П.А. Демидов выделил в 1770 г. капитал в 205 тыс. руб. на содержание и обучение мальчиков из купеческих семей. Это училище, открытое в Москве в 1773 г., до конца XVIII столетия содержалось на проценты с капитала Демидова, а также за счет платы за обучение. Перевод его в 1799 г. в Петербург привел к передаче училища в ведомство императрицы Марии Федоровны с присвоением статуса императорского. Утверждение Александром I в 1804 г. нового устава окончательно закрепило его в ведении государства[7]. Отныне и до национализации капиталов училища в 1918 г. оно наряду с платой за обучение получало в необходимые денежные средства из казны.

Изменение порядка содержания привело к тому, что торговое сословие утратило право участвовать в управлении училищем. Однако не прекращалось предоставление значительных пожертвований, направлявшихся на формирование основного капитала училища, выплату стипендий и пособий учащимся, благоустройство училища, приобретение оборудования, научной и учебной литературы. Участвуя в содержании императорского коммерческого училища, пользовавшегося высочайшим покровительством, петербургские предприниматели получали возможность приблизиться к царской фамилии и сановной бюрократии, что чрезвычайно повышало их личный престиж, помогало получать поддержку казны их коммерческим и промышленным предприятиям. С учетом этих соображений в конце XIX в. немалые средства предоставил училищу Волжско-Камский коммерческий банк[8].

Правительство активно поощряло подобную деятельность предпринимателей, награждая их орденами и медалями, предоставляя им социальные привилегии. В итоге затраты на содержание Петербургского императорского коммерческого училища покрывались из трех источников: государственного бюджета, платы за обучение и средств, предоставленных представителями делового мира столицы. Одновременно с источниками поступлений сложился механизм их использования. Казенные суммы шли на выплаты жалованья преподавателям и администрации, расширение структуры учебного заведения в зависимости от совершенствования учебных программ и планов. Так, в 1806 г. в соответствии с новой задачей – готовить кадры чиновников для финансовых органов – было организовано бухгалтерское отделение[9]. Особую роль играли пожертвованные целевые капиталы, на проценты с которых содержались учащиеся из бедных семей. Это позволило зафиксировать в уставе, что из общего числа в 100 учащихся 55 человек содержатся и обучаются за счет училища[10].

Примеру Петербургского коммерческого училища последовали и в старой столице. Правительство, предоставив созданному в 1803 г. Московскому коммерческому училищу статус императорского, не имело достаточно средств на его содержание, поэтому финансирование училища было возложено на Московское Купеческое общество, которое выказывало большую заинтересованность в дальнейшем развитии училища. На ежегодные расходы выделялось 15 тыс. руб. из средств Купеческого общества. Около 150 тыс. руб. было ассигновано на постройку здания[11].

В 1820–1830-х гг. известные московские купцы К.А. и А.А. Куманины пожертвовали около 100 тыс. руб. на библиотеку и учебные кабинеты.

Вместе с правом содержать училище за москвичами осталось право участвовать в управлении им, т.е. контролировать расходы, влиять на формирование администрации и преподавательского состава. С середины 1820-х гг. правительство предприняло попытку регламентировать хозяйственно-управленческую деятельность торгового сословия. Противостояние городского главы, представлявшего корпоративную купеческую организацию, и директора, выступавшего от имени власти, было разрешено административными мерами. В новом уставе, принятом в 1851 г., главная роль в управлении была закреплена за попечителем, который утверждался в должности императором[12]. Но поскольку финансирование оставалось за московским купечеством, в помощь попечителю избирался Совет училища в составе городского главы и пяти членов из купцов первой гильдии, осуществлявших «попечение» о содержании училища. При этом права Совета ограничивались. Он мог самостоятельно заведовать капиталами и имуществом в размере до 5 тыс. руб. серебром. Операции с более значительными суммами подлежали высочайшему утверждению. Распоряжение материальной частью сосредоточивалось в руках директора. Вопрос о том, власть или общественность возглавит управление коммерческим училищем, фактически оставался открытым.

В Москве имелся и другой образец отношений государства и купечества на поприще коммерческого образования. Одновременно с созданием Московского коммерческого училища обрусевший прусский коммерсант, крупный теоретик и практик в области счетных наук К.И. Арнольд учредил Московскую Практическую академию. При этом он заручился обещанием финансовой помощи со стороны влиятельных московских купцов А. Куманина, И. Козлова, В. Просвирнина и С. Вепринцева. Торгово-промышленный мир Москвы принял решение содержать ее, не обращаясь за субсидиями из казны. В результате академия приобрела значительную свободу в определении своих целей, формировании учебных программ и планов, найме преподавателей. В 1810 г. в процессе утверждения устава представители торгового сословия обратились за поддержкой в Министерство финансов. Это решило дальнейшую судьбу академии. Под эгидой финансового ведомства она не превратилась в казенное училище, ее статус частного учебного заведения изменился на общественный. Министерство финансов утверждало лишь уставы и учебные планы, остальные вопросы, в том числе содержания и управления, решались руководством Практической академии автономно.

Долгое время она оставалась единственным коммерческим учебным заведением в России, существовавшим на собственные средства. С этой целью было создано Общество любителей коммерческих знаний. Единовременно оно пожертвовало 11.5 тыс. руб. в качестве основного капитала. Кроме процентов с неприкосновенного капитала, Практическая академия жила за счет взносов членов Общества и пожертвований членов Совета Общества. Совет Общества осуществлял попечение о содержании Практической академии на протяжении всей ее истории и выполнял те же функции, что и попечительный Совет Московского коммерческого училища[13]. Важным источником поступлений в бюджет Практической академии была плата за обучение и содержание учащихся в пансионе. На протяжении первой половины XIX в. наиболее крупные поступления давали пансионеры из провинции, сыновья купцов из Астрахани, Вологды, Воронежа, Вятки, Кишинева, Костромы, Одессы.

Однако независимость давалась нелегко. В течение первых 40 лет основным видом затрат были капитальные вложения – трижды приобретались новые здания. Кроме того, хроническая нехватка денежных средств была обусловлена амортизацией оборудования, включая ремонт и неоднократно сооружавшиеся пристройки. От дефицита бюджета академию не спасала даже плата за обучение – одна из самых высоких в стране, поскольку численность учащихся росла неравномерно. Она находилась в зависимости от многих факторов, в том числе от возобновившихся в николаевское царствование гонений на старообрядцев, а также от оживления или спада в хозяйственной жизни.

Беспроцентная ссуда в 100 тыс. руб., предоставленная правительством Практической академии в начале 1840-х гг., стимулировала московских купцов и фабрикантов к расширению пожертвований. Немалые суммы в это время предоставили К.С. Бубнов (24.5 тыс. руб.), А.С. Ширяев (15 тыс.), Д.Л. Тулупов (12 тыс.), П.А. Бронников (11.5 тыс.), И.М. Михайлов (10 тыс.). В результате основной капитал академии в конце 1840-х гг. превысил 100 тыс. руб.[14]. Однако в середине 1850-х гг. значительное сокращение числа учеников в условиях нараставшего экономического кризиса привело к ухудшению финансового положения Практической академии.

Предприниматели готовы финансировать коммерческие училища

Успешное разрешение проблемы материального обеспечения академии пришлось на эпоху реформ. В 1868 г. В.С. Марецкий на заседании Совета Общества любителей коммерческих знаний предложил его членам – В.И. Якунчикову, М.А. Горбову, К.А. Попову, А.И. Абрикосову и В.Г. Сапожникову – учредить «Академический общественный банк». Главными пайщиками должны были стать члены Общества и Московская Практическая академия коммерческих наук. В выработке основных принципов деятельности банка принял участие старшина московского купечества В.М. Бостанжогло. Он выдвинул идею создать в Москве Общество взаимного кредита и ежегодно отчислять из 10% чистой прибыли, предназначенной на «общественные пользы», 5% на счет этого учебного заведения. Влиятельных московских предпринимателей активно поддержал богатейший откупщик той эпохи В.А. Кокорев[15].

В 1869 г. Общество взаимного кредита после утверждения устава в Министерстве финансов открыло свои операции. Пятипроцентные отчисления в пользу академии стали поступать с 1872 г. Первая субсидия составила около 18 тыс. руб. Настойчивые поиски способов формирования бездефицитного бюджета Практической академии увенчались успехом. Это учебное заведение в последующие десятилетия не испытывало финансовых затруднений и вошло в число самых богатых училищ России. Вслед за Московским коммерческим училищем, получавшим бюджетные ассигнования, академия на собственные средства смогла нанимать профессоров Московского университета.

Опыт столичных коммерческих учебных заведений перенимался торгово-промышленными кругами российской провинции, в первую очередь в университетских городах. В 1853 г. купечество Казани приняло решение организовать коммерческое училище и открыло сбор средств на его создание. К началу 1870-х гг. было собрано 117 тыс. руб.,

но Министерство народного просвещения не откликнулось на ходатайство казанских предпринимателей, и проект пролежал «под сукном» до начала XX в.[16] Сходной была судьба другого учебного заведения. В 1868 г. на собрании городского общества Харькова по инициативе купечества было решено создать коммерческое училище. В качестве основного капитала собрали 50 тыс. руб., из которых 40 тыс. предоставил городской Купеческий банк. Преодолеть бюрократическую волокиту удалось только в 1893 г., когда наконец, коммерческое училище было открыто[17].

Усилия провинциальных предпринимателей в организации училищ не ограничивались соображениями престижа. Выделение денежных сумм на коммерческое образование можно рассматривать как своеобразную форму долгосрочного вложения капитала в условиях развивавшихся рыночных отношений. Готовность финансировать коммерческие училища свидетельствовала также о культурной неоднородности купечества. Специальное образование в этой среде стало признаваться фактором, способствующим качественным изменениям в управлении торговыми и промышленными предприятиями.

В пореформенной России основным тормозом в учреждении новых коммерческих училищ являлось Министерство народного просвещения. Сложившееся противоречие между потребностями экономики и консервативной образовательной политикой проявилось в ходе создания Александровского коммерческого училища Московского биржевого общества. Еще в середине 1870-х гг. Биржевое общество заявило о готовности финансировать это училище. Однако на получение разрешения в Министерстве народного просвещения ушло почти 10 лет. Пример Александровского училища интересен тем, что, испытав на стадии организации сильную зависимость от власти, оно полностью освободилось от нее благодаря материальной обеспеченности за счет торгово-промышленного сословия старой столицы.

«Отцом-основателем» училища стал известный благотворитель, председатель Московского биржевого комитета, член правления Московского Купеческого банка Н.А. Найденов. Его инициатива была поддержана богатейшими промышленниками и финансистами Москвы – И.Н. Коншиным, И.А. Ляминым, И.С. Мальцевым, Т.С. Морозовым, К.Т. Солдатенковым. В число жертвователей вошли крупные торговые дома – «В. Алексеев», «Л. Кноп», «П. и С. Братья Третьяковы и В. Коншин», «Вогау и К°», «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», ряд мануфактур, Московский Купеческий банк. Основной капитал училища первоначально превышал 70 тыс., а к началу XX в. достиг почти 800 тыс. руб. Несмотря на то, что оно являлось самым богатым коммерческим училищем в России, сохранялся и такой источник финансовых поступлений, как плата за обучение[18].

Имея в своем распоряжении столь значительные денежные средства, Александровское училище вслед за Практической академией широко привлекало к преподаванию университетскую профессуру[19]. Благодаря этому в названных учебных заведениях, имевших в соответствии со своим статусом коммерческих училищ, общеобразовательную программу на уровне средней ступени, постановка преподавания специальных дисциплин приблизилась к уровню высшего образования. Несмотря на то, что попечительные Советы и администрация Александровского училища и Практической академии настойчиво поднимали вопрос о преобразовании этих учебных заведений в институты, их предложения оставались без внимания в условиях консервативной образовательной политики в царствование Александра III[20].

Министерство финансов и деловой мир: сотрудничество на поприще коммерческого образования

Коллизия разрешилась в 1894–1896 гг. в ходе подготовки и проведения реформы коммерческого образования. Она стала естественным дополнением к тем широким преобразованиям, которые осуществлялись С.Ю. Витте в середине 1890-х гг. Введение золотого стандарта, наделение Государственного банка эмиссионной функцией, новый

подъем в деятельности коммерческих банков, рост промышленности – все это требовало в гораздо более значительных масштабах специально подготовленных чиновников. В предпринимательской среде ощущалась потребность в финансово-экономических знаниях.

Решительными сторонниками реформы коммерческого образования кроме С.Ю. Витте выступили В.И. Ковалевский, товарищ министра финансов, директор департамента торговли и мануфактур, и И.А. Анопов, чиновник Министерства народного просвещения, курировавший коммерческие училища. По «Положению о коммерческих учебных заведениях», подписанному Николаем II в апреле 1896 г., коммерческие учебные заведения были переданы в ведение Министерства финансов. И.А. Анопов в ходе осуществления реформы возглавил специально для этого созданный учебный отдел департамента мануфактур и торговли, получивший обширные полномочия в разрешении вопросов учреждения, содержания коммерческих училищ и предоставления им финансовой помощи за счет казны в случае необходимости[21].

По «Положению» коммерческие училища должны были содержаться на средства купеческого сословия, местных обществ и отдельных лиц, предоставлявших денежные суммы. Опыт работы Совета Общества любителей коммерческих знаний Практической академии и попечительного Совета Александровского училища создал прецедент для учреждения в каждом коммерческом училище попечительного Совета. Ведущую роль в них играли представители корпоративных организаций торгово-промышленного сословия и наиболее влиятельные члены органов городского самоуправления. Попечительные Советы приобрели не только функцию организации хозяйственной жизни училищ, но и право избирать директора и инспектора. Советы были обязаны отчитываться перед учебным отделом департамента мануфактур и торговли лишь по учебной части, а по хозяйственной части они не были подотчетны ни перед кем. Таким образом, спор за главенство в управлении коммерческими училищами между общественностью и властью окончательно был решен в пользу тех, кто брался их содержать.

Деловые круги России дружно поддержали реформу. Так, из всей суммы в 3 159 282 руб., находившейся в распоряжении коммерческих училищ в 1903/04 учебном году, лишь 16 тыс. были предоставлены государством[22]. Содержание коммерческих училищ за счет общественности могло осуществляться только на принципах гласности. Механизм финансирования формировался как открытый и в связи с «пропускной» способностью училищ. В их уставах четко фиксировалось допустимое количество учащихся, которые могли претендовать на стипендию, и тех, кто обучался за плату. Обнародование предоставленных сумм способствовало повышению авторитета благотворителей в предпринимательском сообществе, подтверждало их состоятельность в финансовом отношении, что, несомненно, шло на пользу их «делу». В соответствии с уставом коммерческого училища на общем собрании попечительного Совета, администрации и преподавателей делался ежегодный постатейный финансовый отчет, который затем по возможности публиковался.

Анализ данных учебного отдела Министерства финансов, составленных на основе приходно-расходных смет коммерческих училищ, позволяет увидеть, что основные источники бюджетных поступлений новых коммерческих училищ формировались по примеру Практической академии и Александровского училища. Важнейшую роль играла плата за обучение, колебавшаяся в пределах 100–300 руб. в год и дававшая более половины всех поступлений[23].

Традиционным способом формирования бюджета оставались единовременные адресные пожертвования сословных организаций купечества, отдельных его представителей и городских самоуправлений. Этот вид доходов коммерческих училищ, основанный на процентах с денежных вкладов и ценных бумаг, по значимости находился на третьем месте. В целом проценты с капиталов и единовременные целевые пожертвования дали в 1903/04 учебном году более 14% поступлений. По мере возрастания неприкосновенных капиталов значение этого вида дохода увеличивалось. Так, в 1905 г. основной ка-

питал Казанского коммерческого училища составлял 10 тыс., а в 1915 г. он достиг 75 тыс. руб.[24]

Расширение торгово-промышленной деятельности крестьянства и мещанских слоев обусловило появление новых источников ассигнований – сборов от выдачи сословных и промысловых свидетельств, получаемых ежегодно теми, кто производил розничную торговлю в городах. Так, «плательщики промыслового платежа» при организации Виленского коммерческого училища решили отчислять от 2 до 25 руб. в зависимости от заявленного капитала, что в целом составило сумму в 20 тыс. руб. Саратовское Купеческое общество также отчисляло с промысловых и гильдейских свидетельств по 6 800 руб. в год. На общем собрании Бакинского биржевого купечества были установлены нормы самообложения с целью сооружения здания училища. Харьковское Купеческое общество ежегодно собирало при оформлении торговых свидетельств по 50 руб. с купцов первой и по 15 руб. с купцов второй гильдии[25].

Социальная направленность расходов коммерческих училищ

Важным итогом реформы коммерческого образования стало окончательное утверждение порядка расходования денежных средств коммерческими училищами, носившего явно выраженный социальный характер. В 1900–1910-х гг. к числу основных текущих затрат коммерческих училищ относились выплаты стипендий и пособий. Значительная часть предназначенных на это средств формировалась из целевых капиталов, проценты с которых направлялись на стипендии учащимся из «недостаточных» семей купеческого, мещанского сословий, а также для выходцев из других сословий, чьи родители занимались торговлей. В качестве примера можно привести взносы Харьковского Общества взаимного кредита приказчиков, внесшего на эти цели 40 тыс. руб., Харьковского Земельного банка (14 тыс.), Второго Харьковского общества взаимного кредита (12 тыс.), Харьковского торгового банка (7 тыс.).

Активно участвовал в создании стипендиальных фондов Волжско-Камский коммерческий банк. Его правление в 1902 г. выделило с этой целью для Саратовского коммерческого училища 12.5 тыс. руб., а затем ежегодно в течение трех лет отчисляло по 6 тыс. руб. Купеческое и Мещанское общества Саратова пожертвовали на стипендии два капитала в размере 2.5 тыс. руб. каждый. По решению городского правления также была учреждена стипендия на проценты с капитала в 2.1 тыс. руб., а от Саратовского биржевого общества – в 2.6 тыс. руб. Предприниматели Баку в год основания коммерческого училища пожертвовали около 30 тыс. руб. на пособия учащимся. Казанское Биржевое общество приняло решение основать три стипендии для учеников коммерческого училища. В Ярославле основную поддержку стипендиальному фонду коммерческого училища оказывала городская Дума.

На обучение в течение года одного учащегося коммерческого училища было достаточно процентов с вклада примерно в 2 тыс. руб. Основываясь на этих данных, можно видеть, что создавались не эпизодические стипендии для немногих учащихся, а формировалась система поддержки учащихся из малообеспеченных семей. В общем, в начале XX в. на выплату стипендий ежегодно предназначался фонд, превышавший 2 млн руб.[26]

До 1896 г. немногочисленные коммерческие училища были сословными учебными заведениями. В их уставах особо оговаривалось преимущественное право поступления отпрысков купеческих родов. Так, Московское коммерческое училище в разные годы окончили М.Г. и П.Д. Боткины, К.Д. и В.Е. Куманины, В.И. Солодовников, А.К. Трапезников, С.И. Четвериков, М.Н. Хлебников, М.И. Якунчиков. В Практической академии учились второе и третье поколения Рябушинских, А.Н. Найденов. Деятельность торгово-промышленного сословия по созданию стипендиального фонда привела в 1900–1910-х гг. к демократизации социального состава учащихся, размыванию сословных границ в коммерческом образовании.

Общее число учащихся общественных и частных коммерческих училищ, подведомственных Министерству торговли и промышленности, в 1912/13 учебном году состав-

ляло 56 006 человек. Анализ их сословной принадлежности показывает, что выходцы из мещанских слоев составляли очевидное большинство – 24 884 человека (44.4%). На втором месте по числу учеников коммерческих училищ были дети крестьян – 11 322 человека (20.2%). В целом, представители этих двух сословий составляли 36 206 человек, т.е. более половины учащихся коммерческих училищ. Третье место с существенным разрывом от первых двух категорий занимали выходцы из купеческой среды. Их было 7 913 человек (14.1%). Далее следовали дворяне – 6 981 человек (12.5%), иностранные подданные – 2 842 (5.1%). Учеников из прочих сословий, включая духовенство, было 2 064 (3.7%)[27]. Приведенные данные подтверждают тенденцию превращения сословных коммерческих училищ во всесословные учебные заведения.

Первоначально основным побудительным мотивом для тех, кто участвовал в создании стипендиальных фондов коммерческих училищ, была возможность «отдариться», компенсировать личное материальное благополучие на фоне серьезных социальных проблем, порожденных свободным развитием капиталистических отношений в стране. В конечном счете, эта деятельность торгово-промышленных слоев России все более выходила за рамки обычной благотворительности и приобретала общественный характер.

Значительная часть текущих затрат шла на оплату труда преподавателей, врачей и служащих коммерческих училищ. Из общей суммы расходов в 2 925 тыс. руб. на непосредственное содержание коммерческих училищ в 1903/04 учебном году 2 026 тыс. руб. направлялось на указанную цель. Высокие оклады позволяли по примеру Москвы и в провинции приглашать высококвалифицированных преподавателей из высшей школы, что приводило к повышению образовательного и в целом культурного уровня работы коммерческих училищ[28]. Велики были затраты на амортизационный фонд – ремонт и снабжение учебными пособиями и учебно-вспомогательным оборудованием, на оборудование по последнему слову науки и техники физических, химических и естественноисторических кабинетов и лабораторий. Промышленники и купцы широко жертвовали образцы товаров, машин и оборудования для оснащения предметных товароведческих кабинетов. Собирались учебные и научные библиотеки.

Одну из самых обременительных статей расходов – до 13% ежегодно – составлял наем зданий для тех учебных заведений, которые не имели собственного помещения[29]. Поэтому попечительные Советы и директора коммерческих училищ стремились как можно скорее построить собственные здания. Этот вид капитальных вложений требовал единовременно больших сумм – от 200 до 400 тыс. руб. Именно на эти цели казна, вообще редко предоставлявшая субсидии коммерческим училищам, соглашалась выдавать средства из государственного бюджета. В среднем стоимость недвижимости коммерческих училищ в 1900-х гг. колебалась в пределах от 100 до 400 тыс. руб.

Учебных заведений, здания которых оценивалась в 500–600 тыс. руб., по всей России было не более полудюжины. В их числе было Казанское коммерческое училище, стоимость здания которого в 1904 г. определялась в 0.5 млн руб. Самым богатым, как уже отмечалось, было Александровское коммерческое училище в Москве. Его недвижимость на Старой Басманной улице, включая оборудование, оценивалась в 1 143 тыс. руб. По данным учебного отдела Министерства торговли и промышленности к 1913 г. стоимость зданий подведомственных ему коммерческих училищ превышала 11 млн руб.[30]

Итоги организации материального обеспечения коммерческих училищ при активном участии торгово-промышленных кругов России были многообразны. Почти исключительно на средства предпринимателей в стране была создана целая отрасль специального образования. К 1914 г. насчитывалось более 200 коммерческих училищ, не говоря о торговых школах и классах. Одной из причин их стремительного роста стало создание богатой материально-технической базы на основе стабильных источников финансовых поступлений. Это позволяло коммерческим училищам решить проблему дефицита денежных средств, сформировать прочную основу для совершенствования учебного процесса, обогащения программ по специальным дисциплинам, демократизации социального состава учащихся. Успешное развитие коммерческих училищ приве-

ло к созданию на их основе первых коммерческих институтов в Москве, Киеве, Харькове, Петербурге.

Расчетливость и деловая хватка, сопровождавшие пожертвования купечества на коммерческое образование, потребовали создания законодательной базы. Право контроля над денежными суммами являлось одним из наиболее разработанных и четко зафиксированных вопросов в уставах коммерческих училищ. Активное участие предпринимателей в формировании механизма финансирования первых коммерческих учебных заведений оказалось, в конечном счете, фактором, обусловившим разрешение продолжительного конфликта между корпоративными организациями торгового сословия и государством за право управлять учебными заведениями. Основным моментом реформы коммерческого образования, осуществленной по инициативе С.Ю. Витте, стало узаконение особого общественного института в сфере коммерческого образования – попечительных Советов, ведавших не только всей хозяйственной частью, но и в целом управлением учебными заведениями.

Первоначально важнейшим мотивом благотворительности купечества было стремление повысить социальный статус, он и впоследствии оставался весьма значимым. Развитие капиталистических отношений привело к тому, что торгово-промышленные круги стали рассматривать финансирование коммерческих училищ как долгосрочные вложения, обеспечивавшие отечественную экономику квалифицированными специалистами. Широкие масштабы подобной деятельности посредством корпоративных организаций, попечительных Советов, органов городского самоуправления позволяют говорить об участии всего сословия, рассматривать ее как проявление большого общественного потенциала делового мира России.

Опыт материального обеспечения коммерческих училищ на принципах открытости и гласности, создания эффективно действующего механизма использования поступлений от общественных организаций и частных лиц, приобретенный до революции, представляет интерес в наши дни. Государство и общественность, пройдя длительный и непростой путь, сумели найти способы преобразования личных амбиций в общественно выгодное и значимое дело.

Примечания

[1] Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991; Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 1. Зарождение системы университетского образования в России. М., 1998; его же. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. Ч. 1–2. М., 1998; Логинова В.С. Общественная и частная инициатива в деле профессионально-технического образования в России в конце XIX – начале XX вв. (Страницы истории) // Благотворительность и милосердие. Сб. научных трудов. Саратов, 1997.

[2] Любартович В. Александровское коммерческое училище в Москве // Московский журнал. 1999. № 10; Семенова А.В. К истории коммерческого образования в России. Московская практическая академия коммерческих наук // Россия на рубеже XIX–XX веков. Материалы научных чтений памяти В.И. Бовыкина. М., 1999; Калинина Н.Н., Тебиев Б.К. Люди дела: Очерки истории подготовки предпринимательских кадров в России XVIII – начала XX века. М., 1999; Брянцев М.В. Культура русского купечества: Воспитание и образование. Брянск, 1999; Хуциева В.В. Краткий очерк истории Санкт-Петербургского коммерческого училища // Вестник молодых ученых. История. 2000. № 5; Разманова Н.А. Становление коммерческого и финансово-экономического образования в России (XIX – 20-е годы XX века). М., 2002.

[3] Кошман Л.В. Московское коммерческое училище в первой половине XIX в. (К вопросу об общественной деятельности буржуазии) // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982.

[4] Высочайше утвержденное 9 мая 1894 г. мнение Государственного совета о передаче в ведение Министерства финансов всех вновь открываемых коммерческих училищ // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XIV. Стб. 10596; Положение о коммерческих учебных заведениях // Там же. Т. XVI. Стб. 12774; Устав Санкт-Петербургского коммерческого училища, высочайше утвержденный 10 мая 1799 года // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXV. Стб. 63–73; Московское императорское коммерческое училище. Устав. М., 1804; Учреждение и устав Московской Практической академии. СПб., 1810; Устав Московской Практической академии коммерческих наук

и состоящего при ней Общества любителей коммерческих знаний. М., 1851; Устав Московского коммерческого училища. СПб., 1851; Московское Александровское коммерческое училище. Устав и программа обучения. М., 1878; Устав Ярославских коммерческого училища и торговой школы. Ярославль, 1911.

[5] Опыт по Александровскому коммерческому училищу, основанному Московским биржевым обществом. М., 1890–1891; Московская Практическая академия коммерческих наук. Краткий отчет. М., 1858–1861, 1895; Московское Александровское коммерческое училище. Отчет. М., 1886–1901; Отчет Петровского общества распространения коммерческого образования за 1899/1900 учебный год. СПб., 1901; Отчет Саратовского коммерческого училища за 1901–1902 учебный год. (Второй год существования). Саратов, 1902; Первое десятилетие Виленского восьмиклассного коммерческого училища. Вильна, 1912; Вятское коммерческое училище. Краткий отчет. Вятка, 1912–1915; Восьмой годовой отчет коммерческого училища, учрежденного первым товариществом преподавателей в Петрограде за 1913–1914 учебный год. Пг., 1915; Десятилетие Казанского коммерческого училища 1905–1915. Казань, 1916; Фехнер Э.А. Памятная книжка Бакинского коммерческого училища за первое трехлетие его существования. 1901–1902, 1902–1903, 1903–1904 учебные годы. Баку, 1905.

[6] Министерство финансов. Учебный отдел. Материалы по коммерческому образованию. Вып. I–II. О состоянии коммерческого образования в России за 1903–1904 учебный год в заведениях ведомства министерства финансов; Министерство финансов. Учебный отдел. Вып. IV Коммерческие училища. СПб., 1902, 1905; Министерство торговли и промышленности. Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности. Пг., 1912–1917.

[7] ИСЗ. Собр. 2-е. Т. XV. Стб. 14696.

[8] Константинов Н.Н. Сборник материалов для истории Санкт-Петербургского коммерческого училища. Отдел I. СПб., 1889. С. 137, 475, 492.

[9] Учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. СПб., 1906. С. 174; Вышнеградский Н.А. Краткий очерк истории коммерческого училища. Составлен по случаю 50-летнего юбилея. СПб., 1849. С. 75–77.

[10] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXXV. Стб. 18960.

[11] Материалы для истории московского купечества. Общественные приговоры (1771–1812). Т. 1. 1803. № 45. М., 1813. С. 276–277.

[12] Кошман Л.В. Указ. соч. С. 15.

[13] Учреждение и устав Московской Практической академии… С. 5.

[14] Столетие Московской Практической академии. 1810–1910. М., 1910. С. 95–96, 138, 140.

[15] Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX – 1914 г. М., 1998. С. 23–24.

[16] Десятилетие Казанского коммерческого училища… С. 17.

[17] Верховский П.М. Краткий очерк возникновения в городе Харькове коммерческого училища в память события 17-го октября 1888 года. Харьков, 1894. С. 3, 28, 25.

[18] Разманова Н.А. Из истории коммерческих училищ Москвы (1885–1918 гг.) // Вестник Финансовой академии. 1998. № 4. С. 27.

[19] Разманова Н.А. Становление коммерческого и финансово-экономического образования… С. 78.

[20] Там же. С. 211–212.

[21] ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XIV. Стб. 246; Т. XVI. Стб. 281–287.

[22] Министерство финансов. Учебный отдел… Вып. IV. С. 87.

[23] Там же. С. 86.

[24] Там же. С. 86; Десятилетие Казанского коммерческого училища… С. 85.

[25] Первое десятилетие Виленского восьмиклассного коммерческого училища… С. 9; Отчет Саратовского коммерческого училища… С. 7; Фехнер Э.А. Указ. соч. С. 13; Верховский П.М. Указ. соч. С. 4.

[26] Верховский П.М. Указ. соч. С. 4; Отчет Саратовского коммерческого училища… С. 111–112; Фехнер Э.А. Указ. соч. С. 10; Устав Ярославских коммерческого училища и торговой школы… С. 22.

[27] Подсчеты сделаны на основе данных: Министерство торговли и промышленности… С. 423–424, 428–430.

[28] Министерство финансов. Учебный отдел… Вып. IV. С. 87.

[29] Там же. С. 87.

[30] Министерство торговли и промышленности… С. 422–423.

© 2004 г. И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК*

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧЕРНОСОТЕННЫХ ПАРТИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Черносотенные (монархические) партии, которые были самыми массовыми политическими организациями в России в период между двумя революциями, долгое время находились фактически вне поля зрения историков. Последнее десятилетие несколько исправило ситуацию, но некоторые аспекты по-прежнему недостаточно освещены в историографии, в частности, их социальный состав.

С момента зарождения черносотенного движения и до начала 90-х гг. XX в. немногочисленные исследователи в основном стремились доказать его узкосословный характер[1]. Концептуальные изменения в изучении монархических партий последовали лишь на рубеже 1990-х гг. в связи с выходом работ С.А. Степанова, Д.И. Раскина, В.В. Кожинова[2], внесших значительный вклад в изучение истории этого движения и в немалой степени способствовавших разрушению существовавших стереотипов. Исследованию социального состава правых партий уделено место в монографии Ю.И. Кирьянова[3], но автор рассматривал его лишь в период спада черносотенного движения (1911–1917).

Для исследования проблемы я использовал документы Центрального государственного исторического архива Украины (ЦГИАУ) в Киеве (фонды канцелярии Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора (ф. 442), Одесского временного генерал-губернатора (ф. 335), жандармских Управлений Киевской (ф. 274) и Волынской (ф. 1335) губ.; Киевского Охранного отделения (ф. 275), Юго-Западного районного Охранного отделения в Киеве (ф. 276), а также Коллекции листовок (ф. 838); Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге (фонды Департамента общих дел Министерства внутренних дел (ф. 1284) и Конторы двора вел. княгини Елизаветы Маврикиевны и вел. кн. Константина Константиновича (ф. 538) и Государственного архива Тверской обл. (ГА ТО) в Твери (фонд Тверского губернского жандармского управления (ф. 927)).

В документах этих фондов, часть которых впервые введена в научный оборот, содержатся обширные сведения о настроениях населения, деятельности правых партий и их численности, характеристики их лидеров и наиболее активных членов, прошения на имя различных должностных лиц.

Кроме того, использованы и опубликованные документы. Наиболее важными из них являются материалы, собранные следственной комиссией Временного правительства[4], а также подготовленные Ю.И. Кирьяновым публикации документов, касающихся деятельности правых[5].

Социальный состав черносотенцев в советской историографии очерчивался предельно просто: реакционные помещики и деклассированные элементы, разбавленные связанной с самодержавием буржуазией. По моему мнению, это упрощенный подход к проблеме. Монархический лагерь насчитывал несколько десятков союзов и организаций, рекрутировавших своих членов из самых разных слоев населения. Если в составе "Русского собрания" был представлен высший свет столицы, то в Союзе русского народа (СРН) социальный спектр был гораздо шире, охватывая основные общественные классы и социальные группы. Входили в СРН и люмпены, периодически примыкавшие к черносотенцам в надежде поживиться или свести с кем-либо счеты. Руководство правых (особенно СРН) иногда использовало деклассированные элементы в своих целях. Но необходимо отметить, что люмпен-пролетариат не играл в черносотенных организациях не только главной, но и сколько-нибудь значительной роли.

* **Омельянчук Игорь Владимирович,** Харьковский экономико-правовой университет.

Стержнем черносотенного движения являлось дворянство. Оно было представлено фактически во всех правых организациях, занимая, как правило, руководящие посты. Даже в Главном совете самой "демократичной" черносотенной организации – СРН – 17 из 34 членов принадлежали к дворянскому сословию. Среди 45 председателей губернских отделов СРН было 29 дворян. В Союзе русских людей среди 48 членов-учредителей 31 принадлежал к дворянскому сословию[6].

Хотя в программах черносотенцев все беды России связывались с бюрократией, мешающей единению царя с народом, тем не менее подавляющее большинство чиновников, иногда по прямому указанию сверху, поддерживали крайне правые партии. Но дворяне вместе с классными чиновниками составляли менее 1.5% населения[7]. Вскоре после издания Манифеста 17 октября 1905 г. политическая борьба в России перешла в свою новую фазу – парламентскую. Несмотря на преимущества, даваемые избирательным законом дворянству, отстоять свои интересы в Государственной Думе без поддержки широких слоев населения не представлялось возможными. Поэтому монархисты, принадлежавшие к цензовым классам, развернули работу по поиску союзников в других социальных группах и созданию массового политического движения, способного обеспечить победу на думских выборах.

Крупная буржуазия не оправдала надежд монархистов, хотя и была представлена в черносотенных партиях, но в основном теми ее кругами, которые были связаны с самодержавием экономически, посредством правительственных заказов, субсидий, различных льгот и привилегий. Когда же стало ясно, что сохранить монархию в существующем виде не удастся, представители крупной буржуазии становятся сторонниками буржуазных реформ. К тому же стремление черносотенцев сохранить аграрное общество и их неприятие капитализма и буржуазной морали, основанной на наживе, в конце концов, развело монархистов и крупных предпринимателей по разные стороны баррикады, хотя мелкокупеческие слои в основном поддерживали монархическое движение.

Типичный черносотенец по представлениям левой прессы того времени – это лавочник или приказчик с дубиной или кистенем в руках. В целом, этот образ соответствует действительности. Среди мелкой городской буржуазии черносотенные идеи пользовались популярностью. Представители этого социального слоя всю вину за издержки процесса модернизации страны перекладывали на оппозиционные либерально-демократические силы. С началом революции 1905–1907 гг., когда зашатались устои самодержавия, когда на улицах рвали портреты монарха и "смутьяны" призывали ограничить его власть, именно мелкая городская буржуазия первой вышла на уличные контрманифестации. Многие представители мелкого предпринимательства находились в зависимости от полиции. Поэтому демонстрация верности престолу с их стороны являлась одновременно и способом заслужить благосклонность полиции. Кроме того, революционные выступления (волнения, забастовки) подрывали основы существования городских низов, лишая их заработка.

Мелкие ремесленники, испытывая конкуренцию со стороны еврейских мастеровых, также оказались в рядах черносотенцев, надеясь «неэкономическим» путем победить в этом соревновании. Союз русских рабочих в своей программе обращал «особое внимание на положение в ремесленных заведениях рабочих-учеников и подмастерьев, на отношение к ним лично и их труду со стороны евреев»[8]. Кроме того, дальнейший рост промышленного производства угрожал пока еще весьма прочным позициям кустарей на потребительском рынке, объективно подталкивая их в лагерь политических противников капитализма.

Распространенное мнение о том, что интеллигенция игнорировала правые организации, не имеет достаточных оснований, во всяком случае в период 1906–1913 гг. Среди активных деятелей правых можно назвать академика А.И. Соболевского, ректора Новороссийского университета С.В. Левашова, профессоров А.С. Вязигина и Д.И. Пихно, известного историка Д.И. Иловайского, писателя Д.И. Голицына (Муравлина) и др. Интеллигенция, как и все русское общество, оказалась расколотой, часть ее выступала

на стороне черносотенцев, служа идеологической элитой монархических союзов и организаций.

Большая часть разночинной интеллигенции поддержала либерально-демократическую оппозицию. Но многие выходцы из дворянского сословия, а также те, кто достиг определенного общественного и финансового положения, выступали за сохранение самодержавия как гаранта своего благополучия. Наиболее высоким уровень доходов интеллигенции был в университетских центрах – Москве, Петербурге, Одессе, Киеве, Харькове, что и предопределило популярность правых идей в образованном обществе этих городов. Но в провинции представители свободных профессией были менее состоятельными, их экономические интересы теснее переплетались с интересами низших слоев населения. Несоответствие уровня образования провинциальной интеллигенции (достаточно высокого не только в крупных городах) уровню ее доходов вызывало оппозиционные настроения в ее среде.

Характерны сведения о правых организациях, предоставленные начальниками губернских жандармских управлений в Департамент полиции. Начальник Таврического губернского жандармского управления (ГЖУ) отмечал: «Главный недостаток Таврического отдела Союза тот же, что и Керчь-Еникальского, – отсутствие интеллигентных идейных работников». По свидетельству начальника Бессарабского ГЖУ, «слабая сторона этих организаций – отсутствие в их рядах интеллигенции, которая сторонится, боясь травли еврейской печати, которая зорко следит на местах за деятельностью монархических организаций»[9].

Российское либерально-демократическое движение часто шло бок о бок с национальным, требовавшим введения автономии, образования на родном языке, развития национальной культуры. Опасаясь подобного развития событий, русскоязычная интеллигенция искала защиты в черносотенном лагере.

На Украине доля этнических русских среди интеллигенции составляла 29.8%, украинцев – 32%, евреев 15.3%, при этом наблюдался опережающий рост численности именно последних двух групп[10]. Фактически русская интеллигенция уже уступила пальму первенства украинской, и хотя последняя в большинстве своем еще оставалась русскоязычной, рост националистического движения на южной окраине России все шире вовлекал украинскую интеллигенцию в процесс национальной самоидентификации.

К началу XX в. появилась и национальная еврейская интеллигенция, во многих областях (например, медицина, право) успешно конкурировавшая с русской[11], вызывая ее недовольство.

В целом, в центральных губерниях России интеллигенция поддерживала оппозицию, на Украине же, как и во многих национальных районах, русскоязычная ее часть в большинстве своем оказалась на стороне консервативно-охранительных сил. Но с полевением общественных настроений интеллигенция стала менее охотно вступать в крайне правые партии, а иногда и покидать их. Председатель одесского филиала «Русского собрания» в своей речи по случаю годовщины отдела вынужден был отметить: «Самый позорный факт в жизни "Русского собрания" – это бегство из него профессоров»[12].

Долгое время считалось, что рабочий класс не был широко представлен в рядах крайне правых организаций. Но факты свидетельствуют об обратном. Только в Киеве Союз русских рабочих, согласно донесению киевского вице-губернатора в Департамент полиции от 7 декабря 1907 г., объединял в своих рядах 6500 человек[13]. Существовало несколько филиалов этой организации – в Чигирине Киевской губ. (85 членов)[14], в Бердичеве, Петербурге[15], Курске (115 членов), Екатеринославе, в Каменске Екатеринославской губ. (3000 членов) и на рудниках Ауэрбаха Бахмутского уезда той же губернии (300 членов)[16], в Костроме, а также в г. Каменце-Подольском (512 членов) и в местечке Дунаевцы Ущицкого уезда Подольской губ. (78 членов). В Николаеве Херсонской губ. имелся Союз рабочих русского народа. В 1913 г. открыт Пензенский ремесленный отдел СРН. В Уфе в 1906 г. действовало Патриотическое общество рабочих. Часто рабочие не создавали свои черносотенные организации, входя в обычные

местные отделы существующих монархических партий. Подтверждением этому служит факт создания Кассы взаимопомощи рабочих – членов Харьковского СРН при местном отделе этой организации[17].

В Одессе к СРН присоединилось свыше 600 рабочих из Партии правого порядка, прекратившей свою деятельность после выборов в I Думу[18]. Кроме того, еще 1350 человек работало в принадлежащих Союзу портовых артелях грузчиков[19]. В Тверской губ. Союз истинно русских людей создал отдел на Морозовской мануфактуре, насчитывавший около 700 рабочих[20]. В Мытищах (Московской губ.) около 400 рабочих вступили в СРН[21]. В 1907 г. на станции Икша Дмитровского уезда той же губернии при фабрике Покровской мануфактуры создан Покровский отдел СРН[22].

По сведениям Департамента полиции, за октябрь 1906 г. «Ярославская патриотическая организация, именующаяся отделом СРН…, успела привлечь в ряды Союза не только большинство местных жителей, но и весь почти контингент служащих в ярославских торгово-промышленных предприятиях, за исключением Корзинкинской мануфактуры, на которой так много рабочих, принадлежащих к партиям крайнего направления. Однако руководители упомянутого Союза с помощью своих единомышленников из числа рабочих названной мануфактуры не замедлили распространить партийную деятельность и на означенное предприятие, где в последнее время уже насчитывается свыше 2000 членов СРН»[23].

Особой популярностью черносотенные идеи пользовались среди железнодорожных рабочих и служащих. В Славянске СРН поддерживало 2000 рабочих железнодорожных мастерских[24]. Русский монархический союз в Москве имел в своем составе 3 железнодорожных отдела (Александровской, Московско-Курской железной дороги и московского узла)[25]. Численность последнего, по сведениям, предоставленным В.М. Пуришкевичем товарищу министра внутренних дел С.П. Белецкому, составляла около 600 человек[26]. Председатель же правления Русского монархического союза С.А. Кельцев указывал на существовавшие в Москве «четыре небольших железнодорожных отдела»[27].

Кроме того, железнодорожные отделы СРН существовали в Туле[28], Одоеве[29] (Тульская губ.), Николаеве[30] и в Челябинске[31]. При станции Орша Александровской железной дороги действовал «кружок Палаты Михаила Архангела, состоящий из служащих этой дороги»[32]. Даже такая достаточно элитарная организация, как Союз русских людей (наследница «Кружка московских дворян»), имела свой железнодорожный отдел в Одессе[33]. По сводке агентурных донесений по Московскому жандармскому управлению железных дорог за сентябрь 1911 г., Подольский отдел СРН (Московской губ.) «состоит преимущественно из рабочих и служащих Главных московских мастерских…»[34]. В Тамбовской губ., по сообщению «Вестника русского собрания» от 3 марта 1906 г., в городе «Козлове… имеется особый отдел Союза [русского народа] в вагонных железнодорожных мастерских, насчитывающий более 1000 членов»[35].

По сведениям начальника Киевского губернского жандармского управления, в 1911 г. «рабочие в железнодорожных мастерских, за исключением молодежи, все элемент консервативный»[36]. Результатом таких верноподданнических настроений стало создание в Киеве сразу четырех железнодорожных отделов черносотенных организаций: два входили в Союз русского народа, один железнодорожный и извозопромышленный отдел находился под эгидой Союза Михаила Архангела[37] и еще один являлся филиалом независимого Киевского СРН[38]. Известна численность только одной из этих организаций. По данным Киевского охранного отделения, в 1909 г. в составе 2-го железнодорожного отдела СРН насчитывалось 523 члена[39]. От него было выставлено 278 человек для участия в охране прибывающего в Киев императора.

Многие рабочие сохраняли крестьянское мировоззрение. По приемным книгам промышленных предприятий видно, что рабочие нередко приводили на фабрику не только своих детей, жен, но и других родственников, а также односельчан[40]. По воспоминаниям современников, «на фабриках и заводах мало-помалу подбирается состав рабочих из близких друг к другу волостей и даже из одной и той же волости»[41]. Патриар-

хальные нравы деревенской общины, таким образом, переносились и в город. Молодые рабочие, пришедшие на производство, попадали под власть авторитета своих старших земляков, давно уже работающих на данном предприятии. Эти квалифицированные рабочие получали более высокую заработную плату и выступали против забастовок, нарушающих нормальный производственный цикл. Необходимо учитывать, что рабочие с низкой квалификацией, как правило, не имели сбережений, поэтому прекращение выплаты заработной платы в связи с забастовкой делало проблематичным существование их семей, что тоже подталкивало низкооплачиваемых рабочих в ряды правых партий.

Таким образом, из среды промышленного пролетариата черносотенные организации рекрутировали в свои ряды в основном высокооплачиваемых рабочих и малограмотных недавних выходцев из деревни, сохранявших вместе с менталитетом, свойственным аграрному обществу, и монархические иллюзии. Например, в фабричном отделе СРН при Покровской мануфактуре все руководящие должности (председатель, его заместитель, секретарь и казначей) замещались крестьянами. Причем, по сообщению властей, один из них даже жил в деревне[42]. В Бронницком уезде Московской губ. председатель Раменского отдела Союза русских людей А.Я. Киселев и его заместитель А.А. Разиков принадлежали к «рабочей аристократии» (работали конторщиками на фабрике Малютина) и в то же время числились в крестьянском сословии[43].

Средний слой фабрично-заводских рабочих, как правило, уже во втором поколении трудившийся на предприятии и обладавший более высоким уровнем грамотности, но не имевший доходов «рабочей аристократии», был более подвержен революционной пропаганде. Понимая иллюзорность надежд попасть в ряды «белых воротничков», политически наиболее активная среднеоплачиваемая часть рабочего класса чаще поддерживала леворадикальное движение.

Например, в рабочем посаде Сормово Нижегородской губ., насчитывавшем к 1914 г. 11 тыс. рабочих, имелись отдел и подотдел СРН численностью 420 человек[44], или около 4% от общей численности. Сложные технологические процессы на предприятии общества «Сормово» (производство судов, паровозов, вагонов, паровых двигателей и т.п.) исключали массовое использование неквалифицированной рабочей силы, что и предопределило популярность революционных идей в «красном» Сормове и ограничило социальную базу правых тонкой прослойкой «рабочей аристократии». Правда, в силу особенностей производства, она была достаточно многочисленной и, вероятно, сравнима с долей высокооплачиваемых рабочих в насыщенном металлообрабатывающими предприятиями Петербурге (более 4%).

В Иваново-Вознесенске, крупнейшем центре текстильной промышленности, требования к квалификации рабочих были намного ниже. Среди ивановских текстильщиков, по данным на 1897 г., грамотными были только 38% (для сравнения – в механическом цехе Сормовского завода их было в 2 раза больше – 76.9%) и лишь около трети были потомственными пролетариями. В целом в российской текстильной промышленности доля малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих была очень большой – 72.3%[45]. Соответственно социальная база правых в Иваново-Вознесенске была весьма значительной. Результатом этого стала появление в городе с населением около 60 тыс. человек, из которых почти половину составляли рабочие, отдела СРН, объединявшего в своих рядах 16500 членов[46].

Таким образом, в Центральном промышленном районе значительную часть активистов черносотенных организаций составляли рабочие. Этот факт признавали и марксисты. В.И. Ленин главной причиной таких консервативных настроений рабочих «исконно русских» губерний считал «менее развитые формы крупной промышленности, охватившей громадные массы рабочих, но менее порвавшие связи с землей, менее концентрировавшей пролетариев в интеллектуальных центрах»[47].

Правительство поощряло вступление рабочих в черносотенные организации, не без оснований надеясь использовать их в борьбе против забастовочного движения. Активистка Литейно-Рождественского отдела СРН (Санкт-Петербург) О.Н. Морозова в письме в Департамент полиции, перечисляя заслуги правых, указывала, что осенью

1905 г. «забастовки, особенно железнодорожные и почтовые, союзниками срывались»[48].

Но объединение пролетариата в рамках пусть и лояльной к властям монархической организации было обоюдоострым оружием. Некоторые рабочие видели в черносотенных организациях прежде всего профсоюз, призванный защищать их интересы в борьбе с предпринимателями, т.е. новое издание «зубатовщины». По сообщению Юго-Западного охранного отделения, в январе 1911 г. «рабочие А. Шулика и А. Донец, руководители Лебединского отдела СРН, предполагают агитировать за устройство забастовки, в случае если правление больничной кассы сахарного завода будет назначено, а не избрано»[49]. Они заявили, что «не хотят, чтобы в правление кассы были назначены четыре лица, уполномоченные фабрикантом… а чтобы все без исключения были избраны рабочими». Их требования не были удовлетворены, и 44 человека демонстративно отказались участвовать в «выборах» больничной кассы[50].

Рабочие общества и союзы, созданные под эгидой «черной сотни», обещали главное – работу. Рабочим-черносотенцам предоставлялась лучше оплачиваемая работа, их не увольняли в случае локаутов и т.п. В Одесском порту рабочие-«союзники» направили следующее прошение градоначальнику: «Мы, рабочие Московской артели, остающиеся верными царю-батюшке и Родине, имеем честь просить Ваше превосходительство принять участие в нашем положении. Вследствие наших монархических убеждений заведывающий поденными работами… не берет ни одного из нас со дня окончания забастовок (2-ой месяц) на работы. Слезно молим Ваше превосходительство ходатайствовать перед старостой московской артели Г.М. Муратовым о предоставлении нам работы… Просим дать нам охрану, ввиду того, что нас не допускают наши же рабочие (забастовщики) приступать к работам»[51]. Чтобы подкрепить свою просьбу, рабочие приложили к ней список желающих вступить в ряды СРН из 118 фамилий[52].

После создания союзнической артели в Одесском порту в 1905 г. СРН контролировал самые выгодные работы, поэтому остальная часть рабочих оказалась перед дилеммой – либо получать гроши, либо пополнить ряды черносотенцев.

Однако дальнейшее левение общества привело к тому, что «союзники» оказались в изоляции, особенно в промышленных центрах, что не могло не повлиять на отношение рабочих к "черной сотне". Рабочий-член боевой дружины СРН в Петербурге И.А. Лавров свидетельствовал: «Я стал замечать, что завод знает тех рабочих, которые состоят союзниками… и нас стали преследовать и убивать. Так был убит мой брат и на меня стали покушаться»[53]. Член Главного совета СРН В.П. Соколов отмечал, что рабочие записываться в союз приходили «вечером и даже ночью… опасаясь конечно мести или репрессий со стороны революционно настроенной части»[54].

Факт отхода рабочих от монархических организаций отражен и в документах Министерства внутренних дел. Так, в 1907 г. в Киеве численность СРН составляла 6500 членов, а впоследствии снизилась до 3 тыс. рабочих[55]. Екатеринославский отдел этой организации первоначально объединял около 4 тыс. членов. К августу 1908 г. отдел Союза русских рабочих при Брянском заводе в состав которого входили уже и рабочие железнодорожных мастерских, а также Трубопрокатного завода, бывшего завода Шодуар, насчитывал всего 1500 членов[56].

В прошении петербургских рабочих на имя вел. кн. Константина Константиновича говорилось: «Мы, безработные члены Союза русского народа, в числе 131 человека, почти целый год находимся обреченными на произвол судьбы, изгнанными крамольниками и революционерами из заводов, фабрик и разных казенных правительственных учреждений за то, что мы причастны к упомянутому союзу». Рабочие-союзники жаловались на то, что «их избивали и выгоняли вон не хозяева и начальство, а те же социалисты, которые разрушают веру православную и Русское государство…»[57].

По подсчетам С.А. Степанова, общая численность рабочих-черносотенцев по всей стране составляла примерно 12–15 тыс. человек[58]. На мой взгляд, цифры эти не совсем точны. Только в перечисленных рабочих отделах монархических организаций, по которым имеются точные данные, насчитывалось около 24 тыс. членов. Численность же

рабочих, участвовавших в деятельности остальных отделов черносотенных партий, в первую очередь СРН и Русского народного союза имени Михаила Архангела, а также отделов Союза русских рабочих, пока не поддается точному исчислению, но наверняка существенно увеличит эту цифру.

Активную агитацию черносотенцы развернули среди крестьян, рассчитывая на традиционную преданность престолу российской деревни. Особенно успешной эта агитация была на западных окраинах империи, в черте еврейской оседлости, в частности на Украине. Этому в значительной мере способствовали особенности местных условий.

Крестьяне в этих регионах, как правило, продавали произведенную продукцию не прямо потребителю, а посреднику, которым чаще всего выступал еврейский торговец, теряя, естественно, при этом часть своей прибыли. Многие товары для собственных нужд крестьяне покупали у этих же торговцев. В отчете Киевского губернатора за апрель 1913 г. говорилось: «Отношения между крестьянами и евреями по-прежнему недружелюбные, и это особенно резко замечается в тех местах, где наряду с еврейской торговлей открыты русские потребительские общества, терпящие убытки от конкуренции… в торговле»[59]. Другой официальный документ свидетельствует: «Евреи остаются верны себе в отношении стремления к засилью в сельских местностях. Поведение их получает должную оценку в глазах крестьянства и отношения между последним и евреями далеко не дружественные»[60]. По данным И.М. Бикермана, в черте оседлости на тысячу торговцев зерновыми продуктами приходилось 930 евреев[61].

Антиеврейские настроения на селе всячески поддерживало, а иногда и разжигало местное духовенство. Председатель Почаевского отдела СРН архимандрит Виталий «в беседах с членами Союза говорит о необходимости запрещения торговли евреям в праздничные и воскресные дни по окончании церковной службы, а также советует крестьянам ничего не продавать евреям и ничего у них не покупать, но советы эти крестьяне не выполняют, очевидно, по экономическим соображениям»[62]. Как видим, несмотря на существовавший в крестьянском сознании антисемитизм, экономическое положение земледельцев не позволяло им обойтись без евреев-посредников.

Законом 1882 г. лицам иудейского вероисповедания запрещалось приобретать земельные участки в собственность вне черты оседлости. Но отчет Волынского губернатора за 1911 г. свидетельствует о том, что многие евреи всячески стремились обходными путями купить или арендовать землю[63]. Это вызывало серьезные опасения землевладельцев, особенно крестьян, боявшихся перехода своих участков в руки еврейских торговцев. Подобные настроения на селе способствовали тому, что черносотенные партии, в первую очередь СРН, нашли самую широкую поддержку со стороны крестьян Юго-Западного края.

Агитаторы Союза (в основном из числа местных священников) выступали также за передачу земли помещиков-католиков крестьянам, чтобы ослабить позиции сторонников католической церкви в регионе. Их активность вызывала определенную тревогу у властей, ибо конфискация земель польских помещиков могла послужить прецедентом и в отношении помещиков русских. В донесении канцелярии генерал-губернатора Юго-Западного края в 1911 г. говорилось: «наблюдается за последний период времени следующее характерное явление: крестьяне стали весьма охотно записываться в Союз русского народа, в предположении, что деятельность Союза направлена будто бы к отобранию земли у помещиков для передачи крестьянам»[64]. «Сея среди крестьян вражду ко всем инородцам и помещикам, лица эти (агитаторы Союза. – *И.О.*) внушали крестьянам необходимость записываться в Союз, который один в состоянии осуществить мечты крестьян наделить их отнятыми от помещиков принудительно землями, освободить их от всякой зависимости перед правительством и т.д.»[65].

Несмотря на меры, принятые властями, подобные настроения среди крестьян продолжали распространяться. Об этом свидетельствует записка помощника начальника Подольского губернского жандармского управления в Балтском уезде: «Крестьяне многих сел записывались и продолжают ныне записываться в Союз русского народа… Среди крестьян распространялись толки и слухи, что записавшиеся в Союз не должны

признавать земства, не должны платить земских сборов и иных податей, не должны слушать приказаний существующего начальства и властей, и распоряжения таковых для них не обязательны, так как у союзников имеется свое непосредственное начальство в виде Главного совета Союза русского народа, и в частности, в виде архимандрита Виталия в Почаеве»[66].

Крестьяне вступали в СРН целыми селами, как, например, жители сел Тарнавы[67] и Соборовки[68], но не для борьбы с «врагами Престола и Отечества» и противодействия «засилью инородцев», а для того, чтобы диктовать свои условия помещикам. Например, в Овручском уезде крестьяне-«союзники» «составили сельский приговор не идти на работу к помещикам в зимнее время взрослым ниже одного рубля, а малолетним 50 коп., в летнее время первым 2-х, а вторым 1-го рубля»[69].

В итоге в Юго-Западном крае СРН за счет крестьян значительно пополнил свои ряды, но результат оказался противоположным ожидаемому: вместо укрепления на селе «порядка и законности» участились крестьянские волнения и выступления. Положение в Киевской, Подольской и Волынской губ. стало настолько серьезным, что министр внутренних дел Н.А. Маклаков вынужден был в письме к начальнику Юго-Западного края требовать «принять самые решительные меры к недопущению подобной деятельности местных отделов Союза русского народа»[70].

Но властям так и не удалось изменить ситуацию. В марте 1913 г. Киевский, Волынский и Подольский генерал-губернатор сообщал в Департамент полиции: «В местах нахождения отделов Союза русского народа продолжает существовать среди крестьян извращенное понятие о каких-то преимуществах членов союза и праве их регулировать отношения рабочих (сельскохозяйственных. – *И.О.*) и местных землевладельцев, назначать цены на рабочие руки и проч.»[71].

Созданные для защиты монархии сельские отделы СРН в Юго-Западном крае превратились в своеобразные крестьянские профсоюзы и, в конечном счете, направили свою деятельность против главного из устоев самодержавия – помещичьего землевладения.

Это не могло не вызвать негативную реакцию крупных землевладельцев. «Организовавшиеся в пределах Хотинского уезда в 1913 г. подотделы Союза русского народа совершенно распались при первом же нажиме со стороны помещиков, недовольных вообще существованием в деревне какой бы то ни было организованной силы», – сообщалось в донесении Департаменту полиции[72].

Со временем крестьяне поняли, что земли им не дадут, и стали покидать ряды СРН. В уже цитировавшемся донесении канцелярии генерал-губернатора Юго-Западного края отмечалось: «Соблазненные такими перспективами (получение земли и освобождение от податей. – *И.О.*) крестьяне стали охотно записываться в отделы Союза. Но через некоторое время, убедившись, что дальше посула дело не идет, и разочаровавшись в своих руководителях… крестьяне также быстро порывают связи с этой организацией…»[73].

Чтобы побудить крестьян вступать в СРН, отделы открывали «союзные» лавки, цены в которых были ниже, чем у еврейских торговцев. Но эти лавки в конце концов закрылись, не выдержав конкуренции. В связи с этим в Волынское ГЖУ поступило следующее донесение: «В настоящее время новых отделов Союза русского народа не открывается и многие, ввиду упразднения союзных лавок, к Союзу как бы охладели»[74]. Но, несмотря на разочарование в СРН, многие тысячи крестьян на Юге России все же оставались его членами.

В центральных областях страны ситуация была несколько иной. Участие крестьян в деятельности черносотенных организаций здесь было не столь активным, поскольку не было помещиков-инородцев, чьи земли могли пообещать крестьянам правые. Этнически однородное население региона не способствовало возникновению национальных противоречий. Однако имелись факторы, способствовавшие привлечению в ряды правых и крестьян великорусских губерний. Помимо земледелия в этом регионе значительную часть доходов сельских жителей составляли кустарный и отхожий промыслы. Развитие революции 1905–1907 гг., рост забастовочного движения и снижение покупательной способности городского населения, на удовлетворение потребностей которо-

го и были направлены крестьянские промыслы, существенно ухудшили благосостояние крестьян, создав, таким образом, экономический базис черносотенных настроений в деревне.

Появление СРН, находившегося под покровительством самого императора и призванного служить посредником между царем и народом, было воспринято крестьянами как новый канал для передачи крестьянских жалоб властям.

Но так как правые настаивали на сохранении помещичьего землевладения, а отсутствие помещиков-инородцев не позволяло использовать популистские лозунги передачи их земель православным земледельцам, популярность СРН среди крестьян великорусских губерний не достигла такого размаха как на Украине. Например, во Владимирской губ. из 20749 членов правых партий 19282 принадлежали к городским организациям Владимира, Мурома, Коврова, Иваново-Вознесенска, Переславля и Шуи. В Калужской губ. в организациях СРН состояло 1375 членов, из которых в городских отделах и подотделах числился 1161 человек[75]. Аналогичная картина наблюдалась по всему Центральному промышленному району.

Крестьянство стремилось к порядку, устойчивости и стабильности, но при этом не забывало и своих коренных интересов – землю. Эти мотивы, действовавшие одновременно, приводили к парадоксальному результату. Крестьянство, частично сохраняя монархические настроения, активно участвовало в революционных выступлениях, направленных против помещичьего землевладения. Только на Украине эти два стремления могли уживаться в сознании крестьян, так как там польских помещиков можно было отождествить с противниками православной монархии. В центральной же России крестьянство довольно быстро в большинстве своем отошло от СРН, поняв, что решение самодержавием земельного вопроса в ущерб помещикам невозможно.

Немалую роль в отходе крестьянства от монархических организаций сыграла и та особенность региона, что большое количество предприятий было расположено в деревне. С одной стороны это явление замедляло рост классового сознания пролетариата, а с другой – крестьянство проникалось революционными настроениями. В Московской губ., по свидетельству властей, «настроение крестьянского населения далеко не имеет того мирного характера и спокойствия, которые столь необходимы и столь желательны в народной жизни и без которых немыслимо никакое улучшение ее»[76]. Тверское ГЖУ отмечало, что «крестьянская молодежь, в особенности в фабричных районах, довольно напропагандирована»[77].

В целом в составе черносотенных союзов и организаций доля представителей низших классов общества была весьма значительной. По сведениям начальника Харьковского ГЖУ генерал-майора Рыковского, направленным товарищу министра внутренних дел С.П. Белецкому, Харьковский отдел СРН «представляет из себя весьма прочную организацию лиц, главным образом из простонародья, преданных монарху и исповедуемым Союзом принципам». В Керчь-Еникальском отделе Всероссийского Дубровинского Союза русского народа, сообщало Таврическое ГЖУ, «нет… лиц обеспеченных материально»[78].

В Тверском отделе СРН даже председатель и секретарь, «люди, безусловно, монархического направления», «будучи весьма незаметными и маленькими людьми в тверском обществе… не играют решительно никакой роли и не пользуются никаким авторитетом за пределами руководимой ими организации». В г. Валуйки Курской губ. в составе местного отдела Союза имени Михаила Архангела, насчитывавшем 100 членов, числился 1 дворянин, 3 землевладельца, бывший волостной писарь, «остальные члены – беднейшие мещане г. Валуек и крестьяне ближайших к Валуйкам деревень». По сведениям Киевского ГЖУ, в существовавших в местечке Смела отделах черносотенных организаций «члены совета правлений и рядовые члены – преимущественно крестьяне, сапожники по профессии». В Вологодской губ., по сведениям полиции, в местные организации СРН «в большинстве входят крестьяне, чернорабочие и женщины»[79].

Хотя монархисты признавали, что в борьбе за молодое поколение они проигрывают левым радикалам, тем не менее в деятельности черносотенных союзов и организа-

ций принимала участие и молодежь. По всей империи правых студентов объединяли «партии академического порядка». На Украине активно действовала молодежная организация «Двуглавый орел», в составе которой были представители различных сословий, но преимущественно состоятельные студенты и гимназисты. В киевском отделе «Общества активной борьбы с революцией и анархией» почти половина членов были несовершеннолетними[80]. По сообщению Николаевского градоначальника, на собраниях местного отдела СРН «замечается большая часть молодежи»[81]. При этом следует отметить, что молодежь охотнее вступала в те ультраправые черносотенные организации, деятельность которых носила экстремистский характер и по типу социального действия приближались к радикалам.

По поводу национального состава черносотенцев нужно отметить, что и монархические, и русские националистические партии не делали различия между великороссами и малороссами и потому на Украине они объединяли в своих рядах и тех, и других. По сведениям, представленным генерал-губернатору Юго-Западного края, «чисто великорусских организаций не имеется, а те, в которых эти элементы являются преобладающими, называются просто русскими и в них входят как великороссы, так и малороссы»[82]. При этом украинцы также в большинстве своем не идентифицировали себя как отдельную нацию. Хотя по донесению подольского вице-губернатора в Департамент полиции в 1907 г. в с. Семидубах Балтского уезда существовал отдел монархического союза православных украинцев, насчитывающий 140 членов[83], но это скорее исключение, подтверждающее правило, так как упоминаний про этот отдел и союз больше не встречается.

Представителям неславянских национальностей на вступление в черносотенные организации требовалось согласие общего собрания. Исключение делалось лишь для обрусевших немцев, которые, по мнению черносотенцев, много сделали для Российской империи.

В Волынской губ. существовали поселки-колонии, заселенные немцами и чехами, сохранявшими свой язык и культуру. По сведениям волынского губернатора, в двух из них были созданы филиалы СРН: в колонии Ядвинин Острожского уезда (35 членов) и в колонии Дворище Житомирского уезда (60 членов)[84].

В монархических организациях были представители и иных национальностей. Председателем правой фракции в III Думе был Курский губернский предводитель дворянства, обрусевший француз гр. В.Ф. Дорер, а членом главной палаты Союза Михаила Архангела состоял гр. Н.Н. де Рошефор. Среди лидеров черносотенного движения были два поляка: руководитель русской народной партии в Казани профессор В.Ф. Залесский и редактор «Земщины» С.К. Глинка-Янчевский. Политические оппоненты подчеркивали еврейское происхождение основателя «Русской монархической партии» В.А. Грингмута. Судя по фамилии, были еврейские корни и у члена Главного совета СРН Г.В. Бутми-де-Кацмана.

«Черная сотня» объединяла самые различные организации, социальный состав которых был пестрым. Русское собрание и Союз русских людей являлись преимущественно дворянскими организациями. СРН был всесословным. Националисты объединяли прежде всего интеллигенцию, «лиц свободных профессий». Столичные организации и отделы состояли в основном из интеллигенции и чиновников, чаще всего дворян. Большую часть губернских филиалов также возглавляли дворяне, но в их Советах растет доля купцов и мещан. Уездные же отделы очень часто возглавляли местные священники. В промышленных центрах в черносотенные организации наряду с мелкой городской буржуазией входили и рабочие.

Такие организации, как Русское собрание, Союз русских людей, Монархическая партия, Всероссийский национальный союз состояли в основном из идейных монархистов. В СРН ситуация была несколько иной. Здесь наряду с «идейными борцами» за самодержавие значительную часть членов составляли лица, на время примкнувшие к союзу из различных побуждений (меркантильных, карьеристских и прочих).

Доменом монархических партий стали в первую очередь Украина, где социально-экономические проблемы, характерные для всей империи, дополнялись острыми национально-религиозными противоречиями, а также губернии центра России, отличавшиеся прочными православно-монархическими традициями.

Монархистам удалось создать политическое движение, имевшее сторонников во всех избирательных куриях, чего так и не смогли добиться их политические оппоненты. Причиной массовости черносотенного движения, как, впрочем, и других политических движений в России начала XX в., стало наличие многочисленных маргинальных групп, порожденных бурным ростом промышленности и урбанизацией страны. В первую очередь, это переселившиеся в города крестьяне, разночинная интеллигенция, обезземеленное дворянство. Исследования различных видов социальных движений подтверждают, что маргиналы принимают в них весьма активное участие[85], стремясь прорвать социальную изоляцию. Эти слои населения в силу неустойчивости своего положения были особенно активны. Те, кого устраивал с таким трудом приобретенный, но непрочный статус, для его сохранения стремились к порядку и стабильности, что и привело их в черносотенный лагерь. Те же представители маргинальных групп, кто испытывал неудовлетворенность своим положением, оказались на стороне оппозиции.

Естественной социальной базой черносотенного движения стали, в первую очередь, состоятельные слои населения. Такие группы существовали во всех классах и сословиях Российской империи, что и обеспечило широкий социальный состав черносотенного движения.

Революционное движение, стремившееся радикально изменить существующую социально-политическую систему, не могло не затронуть архетипы общественного сознания, свойственные аграрному обществу, а также основанные на них социальные нормы. По мнению российского социолога С.С. Фролова, как только они начинают подвергаться сомнению, люди испытывают резкое обесценивание своих стремлений, социальный страх, беспокойство[86]. Кроме того, разрушение базовых архетипов порождает проблемы самоидентификации личности, ее привязки к какой-либо устойчивой социальной группе, к каким-либо абсолютным ценностям. Все это создает почву для появления консервативного движения, имеющего целью сохранение привычного уклада жизни.

Религиозность населения служила серьезным препятствием для распространения революционных идей в массах. Поэтому среди базовых структур сознания, подвергшихся наиболее мощному давлению со стороны революционно-освободительного движения, в первую очередь следует выделить архетип «Святой Руси», лежащий в основе менталитета православных подданных Российской империи. Архетип «Великой державы» был атакован и русской революционной пропагандой, и окраинными национальными движениями. Сыграло свою роль и поражение в русско-японской войне, задевшее национальное достоинство русского человека. Критика в оппозиционной печати в адрес императора и самого института самодержавной монархии, традиционно в России выполнявшего патронажную функцию по отношению к низшим слоям населения, стремилась разрушить архетип царя-батюшки.

Вторжение революционной пропаганды порождало нередко обратную реакцию, которой и воспользовалось консервативно-монархическое движение. Обращение правых к основным архетипам русского национального сознания, нашедшим свое отражение в уваровской формуле «Православие, Самодержавие, Народность», позволило монархистам создать всеклассовое, всесословное политическое движение.

Примечания

[1] Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Вып. 5. СПб., 1907. С. 247–469; Залежский В. Монархисты. Харьков, 1929; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. 1920 г.). М., 1977.

[2] Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914). М., 1992; Раскин Д.И. Идеология русского правого радикализма в конце XIX – начале XX в. // Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1. (Россия и русское зарубежье) СПб., 1992. С. 5–46; Кожинов В.В. Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция. М., 1995.

[3] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.

[4] Союз Русского Народа по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929.

[5] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 113–133; № 3. С. 142–165; № 4. С. 135–155; № 10. С. 119–143; Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Там же. № 7. С. 104–124; 1997. № 8. С. 92–117; Переписка и другие документы правых 1911 года // Там же. 1998. № 11–12. С. 119–144; 1999. № 10. С. 94–118; 1999. № 11–12. С. 102–130.

[6] Степанов С.А. Указ. соч. С. 111.

[7] Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 30.

[8] ЦГИАУ, ф. 838, оп. 4, д. 72, л. 1.

[9] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 162, 164, 165.

[10] Касьянов Г.В. Українська інтелігенція на рубежі XIX–XX століть. Київ, 1993. С. 36.

[11] Hausman Guido. Der Numerus clausus für judische Studenten in Zarenreich / Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 41 (1993). Stuttgart. S. 513, 521; Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 78.

[12] РГИА, ф. 1284, оп. 187, д. 157, л. 197.

[13] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 94.

[14] Там же.

[15] Переписка и другие документы правых (1911–1913 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 103.

[16] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 112, 117.

[17] Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 91, 188–189, 203, 461.

[18] РГИА, ф. 1284, оп. 187, д. 157, л. 194.

[19] Степанов С.А. Указ. соч. С. 227.

[20] ГА ТО, ф. 927, оп. 1, д. 1184, л. 36.

[21] Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 93.

[22] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 147.

[23] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 103.

[24] Левицкий В. Указ. соч. С. 410.

[25] Союз Русского Народа по материалам... С. 174.

[26] Переписка и другие документы правых (1911–1913 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 128.

[27] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 152.

[28] Союз Русского Народа по материалам… С. 70.

[29] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 118.

[30] Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 91.

[31] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 162.

[32] Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 87.

[33] Союз Русского Народа по материалам… С. 293.

[34] Переписка и другие документы правых (1911 г.) // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 135.

[35] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 107.

[36] ЦГИАУ, ф. 442, оп. 861, д. 259, л. 47 об.

[37] Там же, ф. 274, оп. 4, д. 209, л. 55, 56.

[38] Там же, ф. 275, оп. 1, д. 2534, л. 133.

[39] Там же, л. 90.

[40] Иванова Н.А. Промышленный центр России 1907–1914 гг. М., 1995. С. 247.

[41] Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910 гг. Записки очевидцев. Л., 1991. С. 226.

[42] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 148.

[43] Там же. С. 147.

[44] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 124.

[45] Иванова Н.А. Указ. соч. С. 267, 271.

[46] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 111.

[47] Ленин В.И. ПСС. Т. 11. С. 313.

[48] Переписка и другие документы правых (1911–1913 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 107.

[49] ЦГИАУ, ф. 276, оп. 1, д. 492, л. 6.
[50] Там же, ф. 442, оп. 861, д. 259, ч. 2. л. 100.
[51] Там же, ф. 335, оп. 1, д. 79, л. 112.
[52] Там же, л. 113–115.
[53] Союз Русского Народа по материалам… С. 63.
[54] Там же. С. 29.
[55] РГИА, ф. 1284, оп. 187, д. 157, л. 135.
[56] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 117.
[57] РГИА, ф. 538, оп. 1, д. 72, л. 271.
[58] Степанов С.А. Указ. соч. С. 227.
[59] ЦГИАУ, ф. 442, оп. 861, д. 259, ч. 19.
[60] Там же, ч. 1, л. 24.
[61] Бикерман И.М. Черта еврейской оседлости. СПб., 1911. С. 43.
[62] ЦГИАУ, ф. 1335, оп. 1, д. 1653, л. 7.
[63] Там же, ф. 442, оп. 642, д. 497, л. 13, 14.
[64] Там же, оп. 861, д. 259, л. 13.
[65] Там же, л. 23.
[66] Там же, ф. 1335, оп. 1, д. 1653, л. 18.
[67] Там же, ф. 442, оп. 863, д. 79, л. 47.
[68] Там же, оп. 663, д. 1, л. 83.
[69] Там же, ф. 1335, оп. 1, д. 1653, л. 21.
[70] Там же, ф. 274, оп. 1, д. 3126, л. 186.
[71] Там же, ф. 442, оп. 861, д. 259, ч. 2, л. 4.
[72] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 164.
[73] ЦГИАУ, ф. 442, оп. 861, л. 259, л. 13.
[74] Там же, ф. 1335, оп. 1, д. 1653, л. 7.
[75] Подсчитано по: Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 111, 119.
[76] Джунковский В.Ф. Воспоминания. В. 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 173.
[77] ГА ТО, ф. 927, оп. 1, д. 1184, л. 31.
[78] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 158, 161.
[79] Там же. № 4. С. 137–138, 141, 143, 135.
[80] ЦГИАУ, ф. 442, оп. 858, д. 456, л. 3.
[81] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 122.
[82] ЦГИАУ, ф. 442, оп. 861, д. 259, л. 46.
[83] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 120.
[84] Там же. 1997. № 8. С. 96, 98.
[85] См.: Lipset S. Political sociology. N.Y., 1959; Lemert E. Social pathology. N.Y., 1970.
[86] Фролов С.С. Социология. М., 2000. С. 282.

© 2004 г. В. Н. САВЧЕНКО*

ВОСТОЧНАЯ ГАЛИЦИЯ В 1916–1920 ГОДАХ
(этнополитическая ситуация в крае)

В ходе Первой мировой войны идеи национально-территориального размежевания в Европе приобретают особую актуальность. Для России среди других территориальных проблем важно было решить в свою пользу и вопрос о судьбе Галиции, населенной в основном славянами и входившей тогда в состав Австро-Венгрии. Об этом подробно

* **Савченко Владимир Николаевич,** кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

говорилось в моей предыдущей статье «Восточная Галиция в 1914–1915 годах», опубликованной в № 5 журнала «Отечественная история» за 2002 г. Что же произошло в этом регионе позже, как отразились на его судьбе переломные события 1917 г. и советско-польская война 1920 г.? Ответы на эти вопросы я и ищу в настоящем исследовании.

Русское отступление и изменение этнополитической ситуации в крае

Отступление русских войск из Галиции в 1915 г., издержки великодержавной политики российских властей в крае, разгром австрийцами русофильских организаций и террор против карпато-русов, эвакуация многих из них в Россию – все это расчищало почву для усиления полонизации и укрепления позиций украинцев после возвращения в Галицию австрийских войск и властей. Русские военные источники отмечали, что часть галичан после возвращения австрийцев «в прочность русского возвращения не верят и, чтобы обезопасить себя от возможной мести австрийцев, тысячами спасаются переходом в католичество»[1].

Весьма интересную картину изменения положения украинцев в Галиции после отступления русских войск рисуют в начале 1916 г. источники, исходящие из украинских кругов (эта информация была передана российским представителем в Женеве В. Сватковским в Петербург). Там, в частности, отмечается: «Раздел Галиции на Восточную и Западную, или на украинскую и польскую, решен на последнем Коронном совете (т.е. австрийскими властями. – *В.С.*). Решение это держится в тайне, чтобы не раздражать поляков, но вожди последних уже осведомлены». Поскольку же польские национал-демократы в обмен на объединение этнографической Польши признали Восточную Галицию за Россией, «между поляками и украинцами происходит жестокая борьба: глухая в Галиции и явная на Волыни. В Восточной Галиции же польское влияние "подрезано"». Австрийский военный наместник генерал Колар осторожно, но решительно поддерживал украинцев. Сельские старосты-поляки замещены украинцами. «В обращении с восточно-галицийским населением и местными чиновниками наместник объясняется только по-украински, чего раньше никогда не бывало»[2].

При этом украинцы стали расширять свою деятельность и на занятой немцами Волыни. И если поляки там «пытаются воспользоваться уходом масс населения для полонизации обратившихся почти в пустыню местностей», то и украинцы «не дремлют», открывая свои школы (например, в Луцке), хотят открыть и гимназии. Украинские деятели искали опоры и в армии, где силен был украинский элемент[3]. Характерно, что на политику украинизации и белорусизации, проводившуюся на оккупированных территориях немцами, указывали в конце 1916 г. и деятели РНС*. Они констатировали, что немцы признали там малорусское и белорусское наречие отдельными от общерусского, «которые и преподаются уже в школах», а украинцы и белорусы трактуются как самостоятельные национальности. При этом во всех австрийских и германских лагерях для военнопленных насаждался культурно-национальный сепаратизм[4].

Далее в документе говорилось о том, что при заключении мира ни Будапешт, ни Берлин не допустят уступку Восточной Галиции России. Для Венгрии украинизированная Восточная Галиция – это защита от России, для Германии – плацдарм для наступления на Россию. Венгры считали возможным в крайнем случае уступку России части Галиции до Днестра. В то же время в украинских политических кругах Галиции начал обсуждаться вопрос, как вести себя в случае победы России: быть ли до конца с австрийцами или попытаться добиться своих национально-политических целей (пусть и в более скромных размерах) в составе России?[5] В связи с этим весьма любопытно свидетельство арестованного австрийскими властями и посаженного в краковскую тюрьму прикарпатского русофила-священника о. Гавриила Гнатышака. В камере у него состоялась в начале 1915 г. беседа с одним из видных украинофилов, попавшим туда по

* РНС – политическая организация галицких москвофилов, сотрудничавших с российской администрацией.

ошибке. На вопрос о. Гавриила, что же будет с Украиной после победы России, его собеседник ответил: «Отче, этим меньше всего мы беспокоимся. Под Украиной уже есть почва. Мы воспитали нашу молодежь в украинском духе, а наши женщины пропитаны любовью к Украине. Мы всегда использовали то, что служило нашим целям, и если Россия нами завладеет, мы станем лучшими "москалями", чем вы. Мы постараемся захватить в свои руки все общества, все ведомства, перейдем в православие скорее вас, ибо между вами, особенно среди вашего духовенства, есть немало противников православия. Мы представим вас как неблагонадежных и пожертвуем нашими женщинами, которые поймут свою задачу, проторят нам путь в среде высоких чиновников и привьют им идею Украины так сильно, что в благоприятное и подходящее время они сами нам Украину создадут»[6].

Надо сказать, что в то время в российских политических кругах уже начиналось переосмысление основных направлений национальной политики по отношению к Галиции, в частности по украинскому вопросу. Так, в аналитической записке В. Сватковского о Восточной Галиции, составленной в апреле 1916 г. на основе секретных данных украинских источников, рекомендовалось сделать управление Галицией после ее вторичного занятия русскими войсками чисто военным до конца боевых действий. В этом случае некоторые заявления в пользу украинцев («хотя бы в самых скромных рамках») способствовали бы тому, что украинцы не встретили бы русские войска враждебно[7]. Автор допускал даже деятельность (под русским надзором) украинских учреждений культурного характера, школ и возможность временно оставить в их руках русофильские учреждения, переданные им австрийцами. Предусматривался контакт «с умеренными и наименее враждебными нам украинцами» как в России, так и в Галиции. Автор ссылался при этом на украинских деятелей, более близких «к российским властям оттенков», которые говорят с некоторой циничностью, дескать, пусть Россия установит в Восточной Галиции после войны «тот режим, который ей заблагорассудится: украинский или общерусский». В последнем случае украинцы много потеряли бы, но зато выиграли бы «в смысле объединения и т.д.». Святковский не исключал вероятности, хотя бы временной, украинской автономии, что нейтрализовало бы предполагаемые протесты со стороны украинцев относительно присоединения Восточной Галиции к России, поскольку «весьма возможно, что этот протест вызовет для нас немалые затруднения даже в лагере наших союзников, которые, как показал опыт последних месяцев, весьма чувствительны к подобным вопросам»[8]. (Автор считал, что и при вытеснении австро-германцев из Царства Польского и этнографической Литвы, «где уже введены немцами культурные автономии, можно сохранить главные формы этих автономий, чтобы не было протестов населения в европейской печати и на мирном конгрессе»[9]).

В мае 1916 г. русские войска Юго-западного фронта под командой генерала Брусилова начали наступление против австро-венгерских войск в Галиции, которое продолжалось в течение всего лета. Австро-Венгрия была фактически сокрушена. Русские войска заняли опять ряд районов Галиции и Буковины. Неудивительно, что в ответ австрийские власти продолжили антирусский террор в Карпатах; по данным осведомительного статистического отдела МИДа от 14 августа 1916 г., «по мере наступления русских войск и отступления австрийцев начинают, по-видимому, повторяться печальные истории 1914 г. с массовыми арестами русских крестьян и оставшихся кое-где интеллигентов, с расстрелами и доносами»[10]. Одним из следствий продолжавшегося антирусского террора было укрепление в крае позиций украинцев, которые развивали интенсивную деятельность и на международной арене. Уже в августе Украинский народный совет в Вене постановил обратиться к цивилизованному сообществу с протестом против преследований российскими властями украинцев в Буковине и занятой русскими войсками части Галиции. Австрийские миссии за границей в свою очередь распространяли слухи о российском преследовании украинцев, чтобы поднять против России украинцев в еще не занятых русскими войсками областях [11].

В российских политических кругах понимали, что национально-политическая обстановка в Галиции в 1916 г. изменилась по сравнению с 1914–1915 гг. Уже в начале наступления Брусилов высказался за то, чтобы упростить порядок управления в Галиции, поскольку в крае нет «и половины того, что мы нашли в первую оккупацию». Он предлагал, в частности, «совершенно исключить всякую политику» и оставить решение религиозных, школьных и других вопросов на послевоенное время, а пока ограничиться тем, чтобы обеспечить только порядок и спокойствие в крае[12]. Москвофилы же настаивали, чтобы при российских властях в Галиции были представители РНС, ибо в противном случае российские войска будут встречать или «беспомощная масса русского простонародья, лишенная своих интеллигентных представителей, или те, к кому благоволили австрийские власти», тогда как представителями местных интересов в этом случае неизбежно будут выступать поляки[13]. Российские же аналитики рекомендовали относиться к идеям РНС осторожно, поскольку москвофилы Галиции и Буковины «не всегда умеют отрешиться ради государственных интересов от своих партийных чувств и точек зрения» (читай, не желали слепо следовать в фарватере политики российских властей[14]).

Российские аналитики отмечали, что «бóльшая часть интеллигенции в Галиции и Буковине заражена украинофильским движением. Движение это направлено против России, и никакие послабления в борьбе с его проявлениями недопустимы. В Галиции и Буковине существует много людей, называющих себя украинцами, но не имеющих определенных политических убеждений и склонных лишь идти за господствующим течением». По отношению к ним следовало бы занять выжидательную позицию. При этом рекомендовалось, с одной стороны, проводить экономическую политику, защищающую интересы русских малоимущих классов, а с другой – учитывать, что неизбежно «столкновение интересов русско-украинской массы с притязаниями поляков в Восточной Галиции». В отношении последних следовало бы уже сейчас решить, что им можно пообещать в плане будущего устройства Западной Галиции и Царства Польского, поскольку это важно для их пророссийской ориентации. Решение же религиозного вопроса предлагалось отложить до конца войны[15]. Надо подчеркнуть, что правящие круги царской России до самого краха самодержавия занимали непримиримую позицию по отношению к украинофильскому движению не только за его австрофильскую ориентацию (к польским австрофилам отношение было иным), но прежде всего за то, что само существование этого движения угрожало единству русского народа и целостности российской государственности.

Что же касается широких масс населения Галиции, то, несмотря на переживаемые ими разочарования во время первой русской оккупации, австрийский террор и усиление позиций украинцев (и других австрофильских групп), они в целом сохраняли свою пророссийскую ориентацию, на что единодушно указывают и российские источники, близкие к военным кругам, и документы РНС середины 1916 г.[16] По их данным, украинские партии (украинофилы) вообще не пользуются сочувствием в народных массах, «а единственный козырь украинофилов – ошибки русской политики», из-за которых даже на Украине есть почва для сепаратизма[17].

Падение царизма и торжество украинофилов

С гибелью самодержавия и приходом к власти Временного правительства в российской политике произошли изменения, которые проявились и в Галиции. Хотя Временное правительство, как и его предшественники, ратовало за ведение войны до победного конца, «за единую и неделимую Россию», оно уже не могло игнорировать лозунг права наций на самоопределение. Еще в конце января 1917 г. приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего языками, применяемыми в суде, наравне с русским, в Галиции признавались «все местные славянские языки» (в том числе, очевидно, польский и украинский), а в Буковине – и румынский[18]. В правящих кругах но-

вой России осуждались и прежняя политика царизма в национальном и религиозном вопросах в Галиции, и ее проводники в крае – Бобринский и его администрация[19].

Создание в Киеве украинскими буржуазными и мелкобуржуазными партиями в марте 1917 г. так называемой Украинской народной рады во главе с М. Грушевским, С. Петлюрой, В. Винниченко и легализация в России украинского движения как национально-политического*, вносило, естественно, коррективы в политику официальных властей России и по украинскому вопросу в Галиции. В частности, устанавливались контакты с украинскими группировками в крае, наиболее склонными к сотрудничеству с российскими властями.

В марте на заседании Временного правительства был рассмотрен вопрос об упразднении галицкого генерал-губернаторства и о введении в Галиции и Буковине «нового гражданского управления на началах, соответствующих постановлениям Гаагской конференции о порядке управления в занятых во время войны неприятельских территориях». Во главе нового управления был поставлен комиссар Д.И. Дорошенко[20], которого советские исследователи характеризовали потом не иначе, как «украинского буржуазного националиста»[21]. В середине апреля Дорошенко обговорил с министром иностранных дел П.И. Милюковым ход «предстоящей реформы в этих областях и восстановление населения в принадлежащих ему правах на самоуправление, суд и церковное управление»[22]. И уже 27 мая (9 июня) 1917 г. российский поверенный в делах в Берне направил в Петроград секретную телеграмму о том, что «украинское большинство Галиции и Буковины (речь идет об украинофилах. – *В.С.*) решительно склоняется к присоединению этих областей к России, но считает необходимым, чтобы этого громко требовали русские украинцы»[23]. А 3 июля 1917 г. Центральная рада заявляет, что полностью и безоговорочно поддерживает Временное правительство.

Нечего и говорить, что положение организаций РНС в России стало радикально меняться. Судя по документам, новая Россия отреклась от москвофилов как союзников в осуществлении своих внутри- и внешнеполитических задач. Оказавшись в политическом вакууме, москвофилы были обречены в лучшем случае на прозябание у обочины социально-политических процессов. В официальной прессе собрание беженцев-галичан в Ростове-на-Дону именовали уже «украинцами из Галичины», хотя в тексте статей речь шла о русских галичанах[24]. В резолюции этого собрания (до 3000 делегатов) было решено «радостно приветствовать водворение в России народовластия и свободу национального самоопределения», просить «Временное правительство, Совет рабочих и солдатских депутатов освободить Прикарпатскую Русь (Галичину, Буковину и Угорскую Русь) от австрийского абсолютного гнета и присоединить к великорусской демократической республике», предоставить возможность быть приобщенными к победному окончанию войны и «объединению Русской земли», но при этом «самым решительным образом протестовать против захватнических стремлений и действий украинцев вообще <...> по отношению к инакодумающим уроженцам Прикарпатской Руси, к русским галичанам, буковинцам и угроссам, к их национальным и культурным учреждениям», и просить оказать РНС «содействие в организации и устройстве им карпато-русских беженцев и военнопленных в России»[25].

Ответ властей не заставил себя ждать. И буквально крик души звучит в телеграмме на 5 бланках, отправленной в Петроград на имя высших руководителей России руководством РНС от имени людей, страдавших и боровшихся за идею русского единства и оставшихся верными ей и после изменения политической конъюнктуры. Похоже, эта идея уже и в России становилась лишней. В телеграмме сообщалось, что ростовский комиссар Временного правительства Зеелер, ссылаясь на распоряжение кн. Урусова, 29 марта без всякого предварительного дознания «устранил избранный галичанами в

* Временное правительство уступило домогательствам Украинской Рады представлять политическую власть на юге России. Оно выпустило постановление об образовании рекомендованного Радой Генерального секретариата в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине, официально признав, таким образом, названия «Украина» и «украинцы» за малорусскими губерниями и их населением.

феврале 1914 г. Русский народный совет Прикарпатской Руси от всякой деятельности» и опечатал его помещения. В свою очередь, РНС просил отменить мероприятия ростовского комиссара и уверял в своей лояльности к Временному правительству и новому строю[26]. 18 мая 1917 г. собрание русских беженцев из Галиции, Буковины и Угорской Руси в Петрограде препроводило руководству России резолюцию, в которой говорилось, что, обсудив Декларацию Временного правительства и воззвание к народам всего мира рабочих и солдатских депутатов «в связи с судьбой Прикарпатской Руси», оно высказалось за то, чтобы «видеть Галичину, Буковину и Угорскую Русь соединенной с великой Российской демократической республикой», что «явится лишь актом восстановления русским революционным народом справедливости и долга по отношению к малорусской народности»[27].

За воссоединение карпато-русских земель с Россией ратовали не только беженцы с Карпат в России, но и эмигранты в других странах мира. 21 мая 1917 г. было опубликовано обращение русинов США к русскому правительству с просьбой «освободить русинов от венгерского ига и присоединить их к свободной России»[28].

В начале 1917 г. вопрос о статусе Восточной Галиции интенсивно обсуждался в польских и украинских галицийских кругах, причем речь шла о возможной автономии в рамках Австрии или будущей Польши[29].

В середине июня 1917 г. русские войска в Галиции перешли в наступление, которое вначале развивалось успешно. Но затем в результате контрудара австро-германских войск русские части стали быстро откатываться назад. К середине июля противник отбросил русские войска далеко за исходные рубежи и захватил всю Галицию. В конце июля Управление комиссара по делам Галиции и Буковины было эвакуировано в Киев и через несколько недель упразднено[30]. В результате провала русского наступления и оставления Галиции Россия уже не могла проводить активную политику в отношении карпато-русских земель[31].

В этот период, похоже, лишь карпато-русские деятели продолжали активно отстаивать идею русского национального и территориального единства. В телеграмме в Петроград (не ранее сентября 1917 г.) русские галичане просили «внести в инструкцию делегатам Временного правительства на Парижскую союзническую конференцию право самоопределения пятимиллионного карпато-русского населения Австро-Венгрии»[32]. Подобная просьба содержалась также и в телеграмме министру иностранных дел от галицко-русской колонии в Петрограде от 23 октября 1917 г.[33]

Украинский вопрос как средство борьбы за власть

После октября 1917 г. краеугольным камнем советской внешней и национальной политики являлась необходимость рассматривать национальные и территориальные проблемы под углом зрения классовой борьбы и интересов мировой революции.

«Декларация прав народов России» провозглашала равенство и суверенность народов, право на самоопределение вплоть до отделения, отмену всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и национальных групп. Применительно к Галиции это означало отказ от прежних планов ее присоединения к России и государственного покровительства идее русского национального единства. Такое положение вещей в условиях разгрома москвофильских организаций в Галиции, роспуска их в России и торжество украинцев к концу войны в Галиции, а также легализация из деятельности в России объективно способствовали перелому в борьбе русско-украинских начал в Галиции в пользу последних.

Социализм и украинофильство. Еще незадолго на начала Первой мировой войны обозначилась связь украинского вопроса с социализмом. В июле 1900 г. во Львове состоялось многолюдное тайное собрание галицких и российских украинофилов, на котором обсуждалась программа их практической деятельности. В частности, обсуждалась программа создания украинской государственности на социалистических нача-

лах, когда «вместе с пропагандой украинофильства идет и пропаганда социализма»[34]. Источники констатируют, что социалистическую подкладку украинофильству придал бывший профессор Киевского университета М. Драгоманов. Он писал, что украинцы «могут найти место для своих действий в Галичине… Там они найдут даже зачатки организаций среди рабочих, заложенных по инициативе некоторых украинских писателей. Там, в Галиции могут быть образованы кадры социальных организаций…, которые с установлением политической свободы в России могут быть прямо расширены на весь ее юго-запад»[35]. Источники свидетельствуют, что план М. Драгоманова был приведен в исполнение и что «украинофилы вместе с другими социалистами ведут пропаганду не только в Галичине, но и в южной России». Причем для пропаганды украинофильства и социалистических идей в Галиции поступали средства как от австрийского правительства (например, Товариществу им. Шевченко), так и из России (М. Грушевскому за научную деятельность). Один из вождей галицко-украинских социалистов М. Павлик свидетельствовал, что австрийское правительство еще в 1891 г. предложило партии галицко-украинских социалистов 30 тыс. гульденов с условием, «чтобы они перебросили пропаганду социализма в малороссийские губернии»[36]. Пропаганда украинофилов, направленная против идеи русского национального единства, таким образом, одновременно способствовала привнесению «убийственного для русской народности и Церкви социализма».

Очевидно поэтому в отношении к русско-украинскому противостоянию в Галиции симпатии российских революционеров были на стороне украинцев. Москвофилы же могли рассматриваться ими по большей части как союзники российских консервативных сил, государственно-политическим лозунгом которых было самодержавие, православие и единство великорусов, малорусов и белорусов. В газете консервативного толка «Русская воля» от 25 июля 1917 г. была помещена статья под названием «Украинофильство Ленина», отмечалось, что с началом Первой мировой войны «Ленин неожиданно для всех знакомых с его идеями стал украинофилом» и «при всяком случае начинал подчеркивать необходимость отделения Украины от России и постоянно, кстати и некстати, заканчивал свои публичные речи украинофильским выкриком»[37]. Заметим, однако, что в его работах по национальному вопросу периода Первой мировой войны шла речь об украинцах как самостоятельной национальности и их самоопределении в связи с задачами революционного движения[38]. Однако для самих галицийских украинцев социализм «служил прежде всего средством для расширения своей национальной почвы». Для них Россия была угнетателем малорусского (украинского) народа и их лозунгом во время войны было: «Через разгром России к Вольной Украине»[39].

Основные этапы политической украинизации Малороссии. На укрепление позиций украинофилов в Галиции, безусловно, оказала свое влияние активизация (особенно с 1917 г.) украинского политического движения в России, анализ которого не входит в мою задачу. Целесообразно лишь назвать некоторые основные вехи этого процесса. 25 сентября (8 октября) 1917 г. Временное правительство еще успело заявить о необходимости дать «решительный отпор всяким попыткам отторжения национальной территории». За всеми народностями признавалось право на самоопределение «на основах, которые будут выработаны Учредительным собранием». Предусматривалось издание законов о национальных меньшинствах, создание Совета по национальным делам[40]. Почти сразу же после победы Советской власти в России, 7 (20) ноября 1917 г. Центральная украинская рада декларировала образование Украинской Народной Республики (УНР). Однако Рада продолжала тогда стоять на почве единства российской государственности, ратуя за то, «чтобы вся Российская республика стала федерацией равных свободных народов»[41].

4 декабря 1917 г. правительство Советской России признало независимость Украины, согласившись на ее отделение или установление с ней федеративных отношений. 12 декабря 1-й Всеукраинский съезд Советов признал Украинскую республику «как федеративную часть Российской республики». 14 декабря ЦИК Украины, выбранный 1-м Всеукраинским съездом, лишил Центральную раду и ее Генеральный секретариат

всех властных полномочий и организовал новое рабоче-крестьянское правительство. К концу февраля 1918 г. Советы контролировали почти всю территорию, которую Центральная рада считала территорией суверенной Украины, не оккупированной австро-германскими войсками.

В период выхода Советской России из войны и заключения сепаратного мира с Германией и ее союзниками последние использовали антисоветские настроения Рады для осуществления своих внешнеполитических планов. 4 февраля Центральная рада в своем в 4-м Универсале провозгласила «полную независимость» от России, а 5 февраля на совещании министров иностранных дел Германии и Австро-Венгрии было решено рассматривать Украину как отдельное от России государство. Делегация УНР была приглашена в Брест-Литовск на мирную конференцию и 9 февраля с ней был подписан мирный договор как с независимым государством. Согласно этому договору, к Украине отходила Холмщина, а Рада признавала Восточную Галицию и Буковину «коронным краем» Австрии.

Правительство Советской Украины заявило, что будет «стремиться к созданию таких условий, при которых весь украинский народ, живущий на Украине, в Галиции, Буковине и Венгрии, независимо от разделяющих его ныне границ, мог бы жить как единое целое»[42]. Это было, пожалуй, одно из первых заявлений советской стороны, где украинцы рассматривались как отдельный, единый народ, живущий от Украины до Карпат (в советских документах конца 1917 г. речь шла о великорусском народе, а не о русских или россиянах, т.е. косвенно еще как бы признавалось русское триединство)[43]. По Брест-Литовскому договору между Советской Россией, Германией и ее союзниками Украина признавалась независимым государством (в границах 3-го Универсала) и была оккупирована германо-австрийскими войсками.

Надо, однако, сказать, что развитие политических процессов на Украине в этот период не являлось следствием усиления собственно национального украинского движения, тем более антирусского или антироссийского. Об этом нет никаких сведений. Источники свидетельствуют, что здесь присутствовали политические, экономические, социальные и любые другие мотивы, кроме собственно национальных. В направленных В.И. Ленину обзорах информационного отдела Наркомнаца по украинскому вопросу от 7, 17 июля, 20 августа 1918 г. говорилось о том, что в результате Февральской революции 1917 г. на Украине была установлена «национально-персональная автономия». После октября 1917 г. и Брестского мира Украина стала резервуаром, куда стекались «белые силы». Украинские социал-демократы, например, обратились тогда к украинизации как средству «расколоть рабочий класс», сочувствовавший Советской власти, и таким образом поставить рабочее движение вне закона, так как большинство рабочих на Украине не были украинцами. Крестьяне же готовы были идти за любой партией, лишь бы она выступала против немецкой оккупации и обещала землю. Земский съезд на Украине прошел «под знаком украинизации». Внешняя же политика Украины находилась в руках немцев. При этом отмечалось, что правительство Украины ведет «серьезную подготовительную работу» в культурнопросветительном отделе и его театральном подотделе[44]. В обзоре за 5–11 августа говорилось, что у украинских шовинистов проявляются симпатии к Австрии, в которой они видят свое единственное спасение[45].

Центральные советские власти в Москве, в свою очередь, выступили против того, чтобы возникшие на юге России Донецко-Криворожская и Крымская советские республики входили бы, как они того хотели, в состав России, настаивая в сложившихся условиях на их единстве с Украиной. Ленин просил Орджоникидзе «убедить донецких и крымских товарищей в том, что весьма ход событий диктует необходимость совместной с Украиной обороны»[46]. Об ответственно национальной или этнической аргументации не было и речи. При этом территория Украины рассматривались в рамках, определенных еще Центральной радой[47]. Рада же исходила при этом из своих представлений о размещении украинского, т.е. дореволюционного малорусского, этноса. Таким образом, политическая украинизация дореволюционной Малороссии, особенно активно шедшая с конца 1917 г. (и продолжившаяся в 1918–1919 гг. и далее), в силу сложившихся обстоя-

тельств направлялась и поддерживалась, как и ранее, австро-германскими властями, которые активно использовали украинские политические силы в России. Украинизация Малороссии и для тех, и для других традиционно была принципиальной политической линией по отношению к России. Советское же правительство использовало национальный вопрос лишь как фактор для решения социальных и политических задач. В украинском вопросе оно прагматично шло за «ходом событий», тем более что и выбора у него тогда особенно не было (не последнюю роль здесь играл, видимо, и социальный радикализм украинофильства). Знаменательны слова Ленина о том, что «мы не гарантируем ничего ни одной, ни другой нации, ...через все возможные пути идем к своей классовой цели»[48].

Украинцы у власти в Галиции. Приход к власти в России Советов, их радикальная социально-экономическая политика оказали свое влияние и на Восточную Галицию. В донесении Грабовского жандармского отдела краевого управления Австро-Венгрии в апреле 1918 г. сообщалось о беженцах-галичанах, вернувшихся из России, которые «говорят только по-российски» и утверждают, что «тут же будет так, как в России»[49]. Вопросы национального развития волновали русинов-галичан значительно меньше. Комендант жандармерии Галиции и Буковины генерал-майор Фишер в донесении от 22 июля 1918 г. сообщал, что «селянство в основном меньше интересуется национальным вопросом, чем социальным, хотя довольно заметен прогресс в усилении национального самосознания, особенно со времен последнего переворота в России»[50].

В конце 1918 г. Австро-Венгерская империя рухнула. Интересно, что в воззвании ВЦИК, СНК и Московского совета к народам бывшей Австро-Венгрии по этому поводу говорилось о русинах, а не об украинцах[51], и это, вероятно, могло быть связано с антиавстрийской направленностью документа, поскольку многие украинцы были австрофилами. Позиция советского руководства по галицийскому вопросу в конце 1918 г. предусматривала его разрешение на путях самоопределения населения краям[52]. В ноябре 1918 г. власть в Восточной Галиции перешла в руки украинцев без какой-либо борьбы. Это и неудивительно. До конца верные австрийским властям украинские политические круги получили власть в крае, что называется, «из рук в руки», когда австрийская администрация уже не могла управлять краем. Во Львове была провозглашена так называемая Западно-украинская народная республика (ЗУНР). Ее высшим представительным органом стала Национальная рада, возглавлявшаяся доктором Е. Петрушевичем – представителем Украинской радикальной партии. Национальная рада, как и правительство ЗУНР (державный секретариат), были образованы при участии всех украинских (причем *только* украинских) политических партий и группировок. Абсолютное большинство в ней составили национал-демократы, радикалы и отчасти – социал-демократы[53].

С первых же дней возникновения ЗУНР она подверглась агрессии со стороны Польши. Началась польско-украинская война (ноябрь 1918 г. – июнь 1919 г.), закончившаяся победой Польши и оккупацией всей Восточной Галиции. Заметим, что украинцам удалось организовать там упорную оборону, заставляя поляков держать от 60 до 80% своих войск в Галиции. Только с прибытием из Франции польских военных формирований Польша сумела вытеснить украинские войска с территории Галиции. Упорство галицкой обороны объясняется, с одной стороны, тем, что за годы мировой войны украинцы при поддержке Австро-Венгрии и Германии, сумели создать сильные военно-политические структуры, а с другой – поддержкой крестьянским населением края антипольской борьбы украинцев. Победа Польши не сулила никаких благоприятных перемен в решении аграрного вопроса. К том уже на галицких селян оказало сильное влияние радикальное решение этого вопроса в России. Позже (июнь 1920 г.) галицкие коммунисты в докладной записке ЦК РКП(б), характеризуя позицию галицких селян в период польско-украинской войны, указывали, что «кулацкого элемента, можно сказать, совсем нет», а «борьба галичан шла под лозунгом "За землю и волю"». Поскольку «все крупное землевладение находилось исключительно в руках польской шляхты, весь административный аппарат в руках польской бюрократии, эта галицко-

польская война с 1918 г. затемняет классовое самоопределение пролетариата и принимает национальную окраску. Мелкая галицкая буржуазия (т.е. украинцы. – *В.С.*) использовала революционный настрой масс и идентифицировала социальную борьбу с национальной (украино-польской. – *В.С.*), что было нетрудно сделать потому, что почти весь польский элемент Восточной Галиции (бюрократия и крупные помещики) были врагами и социальными, и национальными». В документах приводятся сведения, что польское наступление на несколько недель опередило готовившийся переворот за Советскую власть. Галичане эмигрировали на Украину. «Тут они становятся предметом разной спекуляции: Петлюры, Петрушевича, Деникина, разных "русопятов"»[54] видимо, имеются в виду москвофилы). Украинские власти, со своей стороны, начали проводить в аграрном вопросе политику в пользу галицких селян за счет польских помещиков – своего конкурента в борьбе за социально-экономическое господство в крае.

Однако антипольская борьба русинов Галиции под руководством украинцев еще не означала победы украинофильских национальных идей в Галиции и отказа галичан от пророссийских симпатий. Об этом свидетельствует польская местная администрация летом 1919 г., указывавшая, что селяне помнят о периоде русской оккупации и взаимопонимании с россиянами, говоря о них, что это были «наши люди»[55].

В конце 1918 – начале 1919 гг. между приднестровскими и приднепровскими украинцами заключаются соглашения об объединении «Украины Галицкой» и «Великой Украины». Правительство ЗУНР стало играть роль краевого центра УНР. В январе 1919 г. составной частью территории ЗУНР были объявлены Буковина и Закарпатье. Военные силы «Великой Украины» были разгромлены Советами весной 1919 г. Теснимая поляками ЗУНР пыталась лавировать, ведя переговоры и с Антантой, и с Советами, однако отказалась от советских предложений (март, май 1919 г.) о создании общего фронта против Польши[56].

В оккупированной Восточной Галиции польские власти перешли к открытой полонизации. В почтовом обслуживании, например, запрещалось даже писать «по-руску»[57]. Закрывались русские школы, а их инвентарь передавался польским учебным заведениям[58].

Восточногалицийский вопрос на Парижской конференции. Ведя борьбу с украинцами в Восточной Галиции, Польша пыталась обосновать свои притязания на ее территорию и на международной арене. Однако страны Антанты – организаторы открывшейся в начале 1919 г. Парижской мирной конференции – предполагали связать решение проблемы восточных польских границ прежде всего с решением так называемого русского вопроса. Они ратовали за восстановление буржуазной России силами белого движения, лидеры которого рассматривали «Галицкую Русь» как неотъемлемую часть России[59]. Но в политическую игру входила возможность сохранения и Советской России. За основу польско-российского размежевания был принят этнический принцип. На конференции были выработаны два варианта линии разграничения в Галиции: к западу от Львова и нефтяной зоны (линия «А») и к востоку от них (линия «В»). Судьба Львова определялась не этнической ситуацией в крае как таковой, а будущим территориальным статусом Восточной Галиции (в составе Польши или вне ее) и нефтяной зоны[60]. В августе была принята граница на базе линии «А». Однако это решение еще не было окончательным.

При решении вопроса о статусе и границах края его национально-политические особенности учитывались всеми заинтересованными сторонами. Коренное население края традиционно рассматривалось ими как часть русской этнической общности. Русины считались понятием национальным, а украинец – понятием политическим. На конференции констатировалось, что большинство населения Восточной Галиции настроено решительно антипольски[61]. Отмечалось, что русины «имеют намерение присоединиться к России»[62]. А для прекращения польско-украинской войны необходимо было бы «удаление чуждых элементов – украинцев и немцев, в то время как автохтонное население – русские и поляки, предоставленные сами себе, должны сами легко достигнуть соглашения»[63]. На конференции предполагались и переговоры ее устроителей с польскими, украинскими и русинскими представителями[64]. При этом имелись расхож-

дения «между румынами и чехами относительно карпаторусов и украинцев»[65]. В частности, Чехословакия «не поддерживала украинского сепаратизма»[66].

Польские представители указывали, что «если партия русинов-украинцев Восточной Галиции хочет создать независимое государство, то может рассчитывать исключительно на своих членов»[67]. Отрицая возможность существования жизнеспособного украинского государства в Галиции, они констатировали, что против «русинско-украинской партии» выступает «русинско-российская партия»; первая из них «не может также найти опору на Украине (Россия Южная), население которой не мыслит об отделении от России»[68]. С этим был согласен и премьер-министр Великобритании, заявивший на конференции в мае, что «Украины не существует. Она была вымышлена немцами. Есть Малороссия»[69]. Лидеры белого движения, в свою очередь, считали, что над Днепром нет украинцев, а есть малороссияне, в Восточной же Галиции – «западные русские»[70]. Впрочем, на конференции отмечалось, что в случае украинских военно-политических уступок полякам, может быть, «наступит признание украинцев как народа»[71], чего, однако, не случилось. В документах информационного отдела при Наркомнаце также различаются русины и украинцы[72]. Принципиальное разрешение национально-территориальных вопросов советское руководство по-прежнему видело на пути самоопределения населения (заметим, что в случае с Восточной Галицией самоопределение, вероятнее всего, оказалось бы в пользу советской стороны).

Украинская национальная идея – орудие советизации. Весьма важным этапом для национально-политического развития Восточной Галиции было возникновение там в начале 1918 г. коммунистических организаций с их ориентацией на коммунистическое движение в России. Традиционный социальный радикализм галицийского украинофильства создавал благоприятную почву для становления прокоммунистического движения в крае, придавая ему заодно соответствующий национальный оттенок. В феврале 1919 г. в Станиславове оформилась единая Коммунистическая партия Восточной Галиции (КПВГ), которая установила связи с коммунистами России. В документах КПВГ русины обозначаются австрийским термином «рутены» и по сути отождествляются с украинцами, т.е. принимается австро-германский взгляд на национальную атрибуцию коренного населения края. Руководство КПВГ считало необходимым отказаться от национальной идентификации настоящего и будущего Восточной Галиции. Оно ратовало за ее независимость с целью использовать этот регион как плацдарм для революционизирования всей Галиции и создания просоветского фронта с Польшей, Румынией, Венгрией, имея в виду перспективу дальнейшего расширения советской территории[73]. При этом, как показал ход дальнейших событий, в Москве (как, естественно, и в Киеве) полностью солидаризировались с предложенной трактовкой национально-политического самоопределения Восточной Галиции.

В марте 1919 г. было принято решение КП(б)У (образована в июле 1919 г.) об усилении своего влияния в Восточной Галиции. В апреле 1919 г. в Киеве было создано Галбюро при ЦК ВК(б)У, а 1 июня 1919 г. и Комитет Коммунистической партии Восточной Галиции и Буковины. 28 октября 1919 г. оргбюро ЦК КП(б)У образовало оргбюро КПВГ и Буковины, а в феврале 1920 г. Галбюро было создано и при ЦК РКП(б).

Между тем в России завершался процесс политической украинизации прежней Малороссии. 3-й Всеукраинский съезд Советов 6 марта 1919 г. принял конституцию Украинской Социалистической Советской Республики и таким образом закрепил факт создания суверенной УССР. В декабре 1919 г. состоялась VIII конференция РКП(б), на которой обсуждался и вопрос «о Советской власти на Украине». На ней Ленин подверг критике некоторых товарищей за недооценку «национального момента на Украине и непонимание линии партии по отношению к боротьбистам» (боротьбисты – партия украинских социалистов-революционеров, которая вела систематическую пропаганду против военно-политического союза советских республик, выступая за национальную обособленность Украины). Ленин говорил, что «он не за блок с боротьбистами, а за то, что составляет сейчас самое главное на Украине – за установление блока с украинским крестьянством»[74]. По сути дела это была осознанная уступка украинофильству в обмен

на социально-политический союз. Было подтверждено, что РКП(б) «стоит на точке зрения самостоятельности УССР». Конференция наметила практические меры по развитию украинской государственности и культуры[75].

Позиция боротьбистов по национально-территориальному вопросу (с которым призывал считаться Ленин) отражена в письме заграничной делегации боротьбистов Ленину от 19 июля 1920 г. В нем боротьбисты признавали, что «освобождение от польской оккупации Западной Украины (Галиция, Холмщина, Западная Волынь) советскими войсками должно было послужить поворотной точкой к искреннему примирению с диктатурой трудового народа, с советским принципом, с Советской Россией, которая в советской форме несла украинскому народу то объединение, какого он до сих пор напрасно добивался». Боротьбисты настоятельно просили правительство Советской России стремиться «к объединению украинской территории в Украинской радяньской республике»[76] (летом 1920 г. советские войска вступали в пределы Галиции). Таким образом, расчет советского руководства использовать украинскую национальную идею как средство достижения социально-политических целей (советизация бывшей Малороссии и дальнейшее расширение советского плацдарма в зарубежной Европе) оказался верным.

Этот курс сказался, естественно, и на его отношении к Галиции. 26 февраля 1920 г. при ЦК РКП(б) было создано Галицийское бюро. 23 апреля 1920 г. в Киеве на конференции галицких и буковинских коммунистов был избран Галоргком при КП(б)У. Галоргком через Галбюро постоянно информировал ЦК РКП(б) о положении в Галиции. А между тем, по сведениям просоветских источников, весной 1920 г. «селянство совсем отвернулось от партии радикалов», рабочие и слышать не хотят о социал-демократах, надежда только на Советскую власть. Украинская же буржуазия лишь внешне оппонирует польским властям и выступает против большевиков и Ленина[77].

В итоге галицкое украинофильство, тесно связанное с идеями радикальных социальных преобразований, оказалось для советского руководства более приемлемым, чем консервативные национально-культурные идеи общерусского единства. Однако укрепление политических позиций украинофилов в Восточной Галиции еще не означало победы украинской национальной идеи в крае и отказа галичан от пророссийских симпатий.

Восточная Галиция – плацдарм революции

С началом летней польско-советской военной кампании 1920 г. руководство Советской Украины в обращении к рабочим и крестьянам объявило Галицию частью национальной украинской территории, населенной украинским крестьянством[78]. В связи с продвижением советских войск к Галиции Галоргком обратился 10 июня в ЦК РКП(б) с настоятельной просьбой учитывать его мнение при решении всех вопросов, касающихся Восточной Галиции[79], поскольку советское руководство и в Москве, и в Киеве недостаточно хорошо представляло себе особенности местных условий в Галиции. 20 июня Галоргком направил докладную записку ЦК РКП(б) о положении в Восточной Галиции. В ней сообщалось о развале украинских социал-демократической и радикальной партий в Галиции, «левые крылья которых стали явно на стороне коммунистов (представители левого крыла ЦК радикальной партии вошли в коммунистическую партию; то же сделала часть ЦК социал-демократов, а с ними и пролетарские массы)». В ходе войны 1918–1919 гг. галичане убедились, что Галиция не может существовать как самостоятельное государство. «Тяготение Галиции к восточноевропейской федерации Советов определяется в меньшей мере историческими и этнографическими причинами, чем насущной экономической необходимостью»[80]. Из документа ясно, что в стремлении населения Галиции к единству с советскими республиками определяющей была отнюдь не украинская национальная идея.

Третья оккупация с востока. 22 июля 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) рассматривался вопрос о Восточной Галиции в связи с продвижением к ее границам со-

ветских войск. Из документов Политбюро следует, что советское руководство не связывало вхождения советских войск на территорию Галиции с решением собственно национальных задач. Но, отказавшись в принципе от патронажа какой-либо национальной идеи, оно рассматривало коренное население края как украинцев (т.е. часть единой украинской общности от Дона до Карпат, реализуя, таким образом, национальные лозунги отечественных и зарубежных украинцев, но с целью укрепления позиций победившего нового социального строя). Советское руководство намеревалось использовать наступление Красной армии для решения конкретных задач советизации, рассчитывая на поддержку галицких украинских коммунистов[81]. 8 июля был образован Ревком Восточной Галиции, а 18 июля вслед за красными войсками он вошел в Галицию и 26 июля обосновался в Тернополе. Третий раз за 7 лет в Галицию входили войска со стороны России, но это была уже другая оккупация.

1 августа Галревком провозгласил государственную независимость Восточной Галиции и предложил правительствам советских республик и всех других государств установить с ней дипломатические отношения. При этом выражалась полная солидарность с правительствами РСФСР и УССР в надежде на их поддержку в деле создания Галицкой Социалистической Советской Республики. Обращает на себя внимание тот факт, что в Декларации Галревкома население края характеризуется как «галичане» и нет ни одного упоминания об их украинском наименовании. Даже Петлюра характеризуется как «представитель приднепровской мелкой буржуазии», галицкие украинцы (украинофилы) – как «галицкие социал-патриоты, мелкобуржуазные национал-шовинисты» и т.д.[82] На территории Восточной Галиции возникли Бойковская Советская Республика и Лемковская Республика[83].

Осторожность политики советского руководства в национальном вопросе объяснялась, с одной стороны, стремлением привлечь на свою сторону украинские политические круги, а с другой – намерением учитывать традиционное русофильство большинства коренного населения.

Надо сказать, что почти во всех своих документах Галревком отказался от терминов «украинский» и «восточногалицийский». В заявлениях же галицких революционных органов этого периода подчеркивалось, что занятие Восточной Галиции для советского руководства – не самоцель, а лишь часть планов наступления на запад, чтобы водрузить «красное победное знамя во Львове, Перемышле, Кракове»[84].

В документах советских военных властей прослеживалась преемственность с политикой русской армии в 1914–1917 гг. по отношению к населению края (оказание помощи и благожелательное отношение к населению), но уже не национальной, а на социально-классовой идеологической основе, преследующая цель не объединения русских земель, а интернационального единства самоопределяющихся территорий победившей революции[85]. В документах подчеркивалось, что Галичина – это не Украина. «Галичина – страна, которая должна принадлежать галицийским рабочим и крестьянам, как Украина – украинским, Белоруссия – белорусским, Литва – литовским рабочим и крестьянам»[86].

Советское руководство стремилось привлечь на свою сторону украинские политические и военные силы, в том числе украинских «сичевых стрельцов», как галицких, так и петлюровских «казаков». Здесь речь шла уже об Украине и украинцах. Украинские «сичевые стрельцы» назывались в документах галицких коммунистов «первыми революционерами всей Прикарпатской Украины», «товарищами, верными учениками Драгоманова, Франка и Павлика»[87]. Говорилось о том, что перушевичи и петлюры предали стрельцов полякам, царским генералам, бобринским и дудыкевичам[88]. Такое подчеркнутое украинофильство объективно шло на пользу дальнейшей украинизации края. Однако в резолюциях уездных крестьянских собраний, происходивших в связи с приходом Красной армии, провозглашались здравицы прежде всего РСФСР и ГССР, а затем уже (да и то не всегда) УССР, Украине.

Подчеркнутое украинофильство советских властей в Галиции (провозглашалась «свобода украинского слова, школы, науки»)[89] не прошло бесследно. 24 августа пред-

ставители казацких рад украинских частей, интернированных в Чехословакию, на своем I съезде приняли резолюцию с осуждением действий Петрушевича, ратуя за Советскую Украинскую Республику, Красную армию Украины и Красную галицкую армию[90]. Польские оккупационные власти свидетельствовали в августе, что «украинская пресса считает своевременным со всей решительностью требовать присоединения Восточной Малопольши (Восточной Галиции. – *В.С.*) аж по Сан до комплекса украинских земель». Указывалось, что вся украинская интеллигенция настроена антипольски и готова к сотрудничеству с любыми врагами малоземельных и безземельных крестьян, включая, как они считали, и большевиков[91].

Не следует, однако, думать, что все украинофильские круги были готовы к сотрудничеству с советскими властями. Советские военные власти призывали население: «Восстаньте против польской шляхты и ее украинско-галицких союзников»[92]. В декрете Галревкома № 4 об отмене обязательного государственного языка говорится об отрицательной роли национализма, который как со стороны польской шляхты, так и украинской мелкой буржуазии принял форму борьбы против освободительных стремлений широких масс края[93]. В сентябрьских партийных документах коммунистов Галиции отмечалось, что к партии «примазалось много интеллигентского, мещанского, националистического (т.е. украинофильского, – *В.С.*) элемента, который со своей мелкобуржуазной психологией будет лишь тормозить революцию. Эти элементы легко пристают в своих шкурных интересах ко всякой партии, как так же легко от нее отходят при первой ее неудаче. Для них авторитет – лишь сила»[94].

В отличие от украинских кругов отношение к новым властям масс крестьянского и городского населения края было иным. По данным Галревкома и партийных органов коммунистов края за август–сентябрь 1920 г., «селянство на селе, как и… рабочие в городе (Тернополь), относятся к Советской власти очень сочувственно»[95]. Многие из них откликнулись на призыв новых властей вступать добровольцами в Красную армию. Была сформирована Красная украинская галицкая армия (КУГА) во главе с В.И. Порайко и другими[96]. Затонский отмечал в августе, что крестьяне все за воссоединение с Советской Украиной или настаивают на тесном союзе с Российской Советской Республикой. Никто из них не интересуется вопросами самостоятельности Восточной Галиции, и все считают, что она просто присоединится к советским республикам[97]. В период польско-советских переговоров о мире Галревком отправил туда своего представителя М. Барана, чтобы «добиваться признания независимости от панской Польши ГССР» и отвода польских войск с ее территории[98].

Советское руководство в переговорах с Польшей отстаивало право на самоопределение Восточной Галиции и после ее оставления Красной армией, настаивая на признании Польшей независимости Восточной Галиции[99]. Однако мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, заключенный в Риге 18 марта 1921 г., оставлял Восточную Галицию за пределами советской территории, причем Россия и Украина отказались от всяких прав и притязаний на земли к западу от установленной границы[100].

Между тем отказ советского руководства от притязаний на Восточную Галицию еще не означал незаинтересованности Москвы в расширении своего социально-политического влияния на запад от советско-польской границы. По решению советских и польских коммунистов с 1921 г. КПВГ признавалась частью Компартии Польши (КПП). На международной арене советское руководство стремилось использовать противоречия между западными державами для решения восточногалицийского вопроса в свою пользу, утверждая, что принцип уважения статус-кво в отношении границ не должен рассматриваться как равнозначный признанию этого статус-кво[101]. Правительства РСФСР и УССР неоднократно выступали против решения вопроса о территориальном статусе Восточной Галиции без опроса населения края. Однако решением Совета послов стран Антанты от 15 марта 1923 г. в качестве советско-польской границы была признана линия, установленная «по соглашению между обоими государствами и под их ответственность»[102]. Свой протест против этого решения выразила совет-

ская сторона, отрицая за державами Антанты «право распоряжаться чужими территориями и судьбой народов»[103]. С протестом выступила и украинская делегация польского сейма, заявив, что «это признание является преступлением против живого тела украинского народа»[104]. Советские политики в начале 1920-х гг. предлагали западным партнерам проводить «политику пересмотра государственных границ на этнографической основе с применением плебисцита во всех случаях, когда это окажется необходимым»[105].

Украинский вопрос – инструмент Коминтерна. II съезд КПП осенью 1923 г. высказался в пользу единства белорусского и украинского населения, разделенного советско-польской границей. КПВГ была переименована в КПЗУ (Коммунистическую партию Западной Украины) с расширением ее полномочий на Волынь, Холмщину, Полесье, также отошедших к Польше. КПЗУ взяла курс на присоединение Западной Украины к УССР[106]. В результате процессы расширения революционного движения в Европе, координируемые из Москвы, объективно способствовали дальнейшей украинизации этих территорий. Восточная Галиция стала «Пьемонтом» революционного украинофильства, выросшего там на почве прежних галицких украинофильских идей со всей их спецификой. V конгресс Коминтерна в июне – июле 1924 г. признал украинский вопрос одним из важнейших в Европе, а решение его необходимым в интересах пролетарской революции в Польше, Чехословакии, Румынии и соседних с ними странах путем воссоединения всего украинского народа в единой Украинской Советской Республике. Подчеркивалось, что эта украинская победа возможна лишь в союзе с компартиями этих стран[107]. Украинский вопрос стал официально трактоваться как один из инструментов развития революционного движения в Европе.

На путях украинизации. Судьбе было угодно, чтобы именно Москва вопреки тысячелетней традиции и опыту отказалась от идеи русского национального единства в пользу социальных ценностей. В украинском вопросе как вопросе национально-политическом этим была поставлена, кажется, последняя точка.

С признанием самостоятельности украинского и белорусского народов и их государственности прежние этнические ветви в рамках единого русского народа – великорусы, малорусы, белорусы – стал трактоваться уже как отдельные друг от друга нации – русские, украинцы (включая русинов), белорусы. Дореволюционный термин «русские» сохранился только за великорусами. Все это сказалось и на географии прежней Малороссии, где под Украиной понимается уже не только собственно Украина (Право- и Левобережная), но также Новороссия, Подолия, Волынь, Холмщина, Восточная Галиция, Буковина, Угорская Русь (Закарпатье).

Москвофилы упорно не признавали украинофильство как путь национального развития русинов, в том числе и в советском, социалистическом варианте. КПЗУ вела последовательную борьбу против москвофилов, их идеи «единой и неделимой России». Польские власти, в свою очередь, использовали противоречия между москвофилами и украинцами, коммунистами и националистами в своих целях, продолжая традиции австро-польской бюрократии – «пустить русина на русина», в связи с чем в КПЗУ даже отождествляли москвофилов с польским фашистами[108].

Москвофилы еще в конце 1920-х гг. имели довольно сильные позиции в Галиции, особенно на селе. На выборы в польский сейм за москвофильский список было отдано около 90 тыс. голосов (что сопоставимо с довоенными временами)[109]. Москофилы проводили большую организационную работу. Их Галицко-русская народная организация, преобразованная в июне 1928 г. в Русскую селянскую организацию, требовала национального самоопределения «руськой» национальности наравне с другими. Москвофилы вели и большую просветительную работу, создавая новые культурно-просветительные и экономические организации. Особую активность они проявляли в церковной области, активно борясь против украинизации Церкви[110].

С 1939 г. после присоединения почти всей Восточной Галиции к УССР началась советская украинизация края. Москвофильские организации были разогнаны без всяких обоснований и специальных актов. Москвофилы были по большей части репрессиро-

ваны, а украинофильство окончательно восторжествовало. Такой был итог четвертого за 25 лет вступления России в Восточную Галицию. Ее население трактовалось теперь исключительно как украинское (в литературе еще и как «западноукраинские трудящиеся»). Политическая деятельность москвофилов в советских изданиях характеризовалась исключительно как реакционная и бесперспективная. При этом зачастую беззастенчиво фальсифицировалась история москвофильства в Галиции (особенно в украинских изданиях)[111]. В СССР преследования последних москвофилов прекратились в 1960-х гг. Советская украинизация Восточной Галиции после Второй мировой войны объективно, независимо от воли ее проводников, неизбежно подпитывала галицийское украинофильство (украинский национализм), антироссийское и антирусское по своей природе.

История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Однако это не означает отсутствия альтернативных путей для тех или иных исторических процессов. В начале XX в. у коренного восточнославянского населения в Карпатах – русинов – просматривались три пути дальнейшего национально-культурного и политического развития: в качестве составной части малорусской ветви общерусской национально-культурной общности, в направлении окатоличивания и полонизации и, наконец, по пути украинизации и обособления от национально-культурного единства с остальным восточнославянским населением. Последний представлялся тогда наименее вероятным, однако социально-политические условия в регионе сложились так, что именно он оказался в центре внимания заинтересованных в этом политических сил и стал реальностью.

Примечания

[1] АВП РИ, ф. 135, оп. 474. 1863–1917. Особый политический отдел, д. 152/118, л. 114.
[2] Там же, д. 159/21, л. 287.
[3] Там же, л. 288.
[4] Там же, д. 152/118, л. 130.
[5] Там же, д. 159.21, л. 289–294.
[6] Военные преступления Габсбургской монархии. 1914–1917. Галицкая Голгофа. Lanf Trumbull. Conn. USA. 1964. Вып. 4. Ч. II. С. 90–91.
[7] АВП РИ, ф. 135, оп. 474, д. 159/21, л. 295.
[8] Там же, л. 296–297.
[9] Там же, л. 297.
[10] Там же, д. 155/117, л. 75–79.
[11] Там же, д. 427, л. 3.
[12] Там же, д. 159/21, л. 299.
[13] Там же, д. 179/34, л. 51.
[14] Там же, д. 159/21, л. 325.
[15] Там же, д. 159/23, л. 325–326.
[16] Там же, д. 152/118, л. 98–101.
[17] Там же, л. 70–71.
[18] Там же, д. 170/23, л. 43.
[19] Там же, д. 159/21, л.336.
[20] Там же, д. 190/21, л. 6.
[21] Украинская советская энциклопедия. Т. 2. Киев, 1979. С. 448.
[22] АВП РИ, ф. 135, оп. 474, д. 148/118, л. 6.
[23] Там же, д. 429, л. 5.
[24] Там же, д. 179/34, л. 75.
[25] Там же.
[26] Там же, л. 76–80.
[27] Там же, д. 429, л. 1–2.
[28] Там же, л. 3.
[29] Там же, д. 427, л. 6; д. 198/32, л. 1.
[30] Там же, д. 190/21, л. 7.
[31] Там же, д. 152/118, л. 140–141.
[32] Там же, л. 142.
[33] Там же, д. 179/34, л. 81.

[34] Там же, д. 170/23, л. 51 а.
[35] Там же.
[36] Там же.
[37] Там же, д. 406, л. 1.
[38] Ленин В.И. ПСС. Т. 25. С. 255–320; Т. 26. С. 106–110.
[39] АВП РИ, ф. 135, оп. 474, д. 199/207, л. 1.
[40] Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926. С. 432.
[41] Там же. С. 432–433.
[42] Никольников Г.Л. Брестский мир и Украина. Киев, 1981. С. 48.
[43] Під прапором жовтня. Вплив Великої Жовтневої Соціалістичної революції на піднесення революційного руху в Західної Україні. Документи і матеріали. Львів, 1957. С. 34.
[44] РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2784, л. 1–27.
[45] Там же, л. 127.
[46] Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 50.
[47] Съезды Советов Советских Социалистических Республик. Сборник документов. 1917–1922. Т. II. М., 1960. С. 16.
[48] Ленин В.И. ПСС. Т. 25. С. 255–320.
[49] Під прапором… С. 78.
[50] Там же. С. 83.
[51] Там же. С. 93–99.
[52] Там же. С. 97–99.
[53] БСЭ. Т. 26. М., 1933. С. 223; Під прапором… С. 113.
[54] Під прапором… С. 329–332.
[55] Там же. С. 171.
[56] БСЭ. Т. 26. С. 223.
[57] Під прапором… С. 178.
[58] Там же. С. 180.
[59] Paryzska konferencja pokojowa. Sprawy polskie na konferencji pokojewej w Paryzu w 1919 roku. T. 2. Warszawa, 1965–1968. S. 160.
[60] Ibid. T. 1. S. 164; T. 2. S. 339–362.
[61] Ibid. T. 2. S. 342.
[62] Ibid. T. 2. S. 240.
[63] Ibid. T. 2. S. 244.
[64] Ibid. T. 2. S. 342.
[65] Николсон Р. Как делался мир в 1919 г. М., 1945. С. 126.
[66] Sladek Z., Walenta J. Sprawy Ukrainskie w czechoslowackiej politice wschodniej w latach 1918–1922 // Z dzieów stosunkow polsko-radzieckich. Dokumenty i materialy. Cz. III. Warszawa, 1968. S. 148.
[67] Paryzska konferencja… Sprawy poslkie… T. 2. S. 222.
[68] Ibid.
[69] Deruga A. Polityka wshodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). KIW, 1969. S. 252.
[70] Ibid. S. 299.
[71] Ibid. S. 241.
[72] АВП РИ, ф. 122, оп. 2, пап. 3, д. 13, л. 58–62.
[73] РГАСПИ, ф. 5, оп. 3, д. 272.
[74] Восьмая конференция РКП(б). Протоколы. Декабрь 1919 г. М., 1961. С. XIII.
[75] Там же.
[76] РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1813, л. 4.
[77] Під прапором… С. 232.
[78] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III. М., 1965. С. 38.
[79] Під прапором... С. 327–329.
[80] Там же. С. 329–332.
[81] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 90, л. 8; д. 90, л. 4.
[82] Документы и материалы… Т. III. С. 240–241.
[83] Сема В.П. Трудящиеся Восточной Галиции в борьбе за власть Советов (февраль 1917 – сентябрь 1920). Киев, 1984. С. 21.
[84] Під прапором… С. 349–350.
[85] Там же. С. 336.

[86] Там же. С. 353.
[87] Там же. С. 305.
[88] Там же. С. 309.
[89] Там же. С. 310.
[90] Там же. С. 290.
[91] Там же. С. 281–282.
[92] Там же. С. 364.
[93] Там же. С. 424.
[94] Там же. С. 530.
[95] Там же. С. 516.
[96] Там же. С. 565.
[97] Сема В.П. Указ. соч. С. 22–23.
[98] Під прапором… С. 609–610.
[99] Ключников Ю.В., Сабанин А. Указ. соч. Ч. III. Вып. 1. Акты советской дипломатии. М., 1928. С. 62.
[100] Там же. С. 102.
[101] Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961. С. 401.
[102] Ключников Ю.В., Сабанин А. Указ. соч. Ч. III. Вып. 2. Акты дипломатии иностранных государств. М., 1929. С. 195.
[103] Документы внешней политики СССР. Т. VI. М., 1962. С. 241–242.
[104] Штейн Б.Е. Русский вопрос на парижской мирной конференции (1919–1920). М., 1949. С. 200.
[105] Документы внешней политики СССР. Т. VII. М., 1963. С. 197–198.
[106] Волянюк М., Маланчук В. Поширення марксистсько-ленінських ідей на Західної Україні. Львів, 1960. С. 144.
[107] Там же. С. 144–145.
[108] Там же. С. 174.
[109] Винярський К. Третій З'їзд КПЗУ про нац. питання на Західної Україні. Харків, 1929. С. 90.
[110] Політична ситуація на Західної Україні та завдання КПЗУ. Київ, 1929. С. 39–40.
[111] Украинская советская энциклопедия. Т. 7. Киев, 1982. С. 65.

© 2004 г. Е. А. ОСОКИНА*

СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ: ОБЫДЕННОСТЬ ИСПЫТАНИЯ
(на примере истории Торгсина и ОГПУ)

Торгсин – сокращенное название Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами. В начальный период (создан в июле 1930 г.) он являлся маленькой государственной конторой – несколько магазинов в крупных городах, – которая продавала антиквариат иностранным туристам. Советским гражданам было не только запрещено покупать в Торгсине, им не разрешалось даже заходить в его магазины.

Ситуация изменилась с началом форсированной индустриализации в СССР. Правительство остро нуждалось в валюте для закупки импортного оборудования для строившихся промышленных гигантов. Однако валютные и золотые государственные запасы были исчерпаны. Советский сырьевой экспорт – главный источник валютных доходов – в условиях мирового экономического кризиса становился убыточным. Правительство судорожно искало источники валюты и золота. Между тем немалые сбережения имелись внутри страны, в кубышках советских граждан. Было решено использовать Торгсин для выкачивания ценностей.

Осенью 1931 г. правительство открыло Торгсин для советских покупателей. В обмен на иностранную валюту, золото, а позднее серебро, платину и бриллианты люди

* **Осокина Елена Александровна,** доктор исторических наук, Юго-западный университет штата Миссури, США.

получали боны (деньги) Торгсина и на них могли затем приобретать товары в его магазинах. После того как советские покупатели получили доступ в Торгсин, его деятельность стала молниеносно расти. Торгсиновские конторы открылись во всех крупных городах СССР – в момент расцвета у Торгсина было около 1500 магазинов.

Главной причиной столь стремительного взлета был товарный и продовольственный кризис – следствие развала частного рынка в стране. Время существования Торгсина было временем пайкового централизованного снабжения, когда государство определяло нормы, ассортимент, цены и магазины для разных групп населения. Централизованное пайковое снабжение отличалось иерархичностью, избирательностью и общей скудостью. Государство кормило (да и то плохо) только тех, от кого зависело выполнение планов индустриализации. Большие группы населения остались без пайков и фактически были брошены на произвол судьбы. Но даже те, кто получал государственный паек (за исключением советской элиты), влачили полуголодное существование. Людям не оставалось другого выбора, как отнести ценности в Торгсин. Страшный голод 1932–1933 гг. стал звездным часом Торгсина: голодные люди меняли драгоценности на хлеб.

Торгсин выполнил свою миссию. С улучшением экономической ситуации в стране в середине 1930-х гг. он стал убыточным. Правительство ликвидировало Торгсин в феврале 1936 г. Он сыграл исключительную роль в сталинской индустриализации – ценности, полученные через его магазины в период 1931–1936 гг., позволили покрыть пятую часть затрат государства на импорт оборудования в первой половине 1930-х гг. Торгсин также представляет удивительную историю выживания советских людей в наиболее тяжелые годы индустриализации. Он хранит много тайн и головокружительных историй. О них – моя новая книга «Торгсин». Эта статья основана на одной из ее глав.

* * *

История «валютного соперничества» двух ведомств – Объединенного государственного политического управления (ОГПУ)[1] и Торгсина – свидетельствует о том, что даже такое тривиальное событие, как покупка некоторых товаров в магазине, в условиях советской действительности 1930-х гг. могло обернуться слежкой за покупателем, обыском в его квартире, конфискацией имущества и даже арестом. Повседневная жизнь в СССР требовала определенного героизма, для советских граждан испытания и риск становились рутиной.

«Валютное» соперничество ведомств

Изначально ОГПУ было против открытия Торгсина, считая его «ненужной инстанцией». Однако после того как Политбюро приняло соответствующее решение, ОГПУ не осталось ничего другого, как смириться с реальностью. Представители ОГПУ входили в состав правительственной комиссии, которая в конце 1931 г. определяла районы деятельности и методы работы Торгсина[2]. Именно в местные отделения ОГПУ приходили эмиссары правления Торгсина за информацией о «золотом» и «валютном» потенциале района и целесообразности открытия там торгсиновских контор и магазинов. И в дальнейшем Торгсин не раз пользовался услугами ОГПУ–НКВД для давления на нерадивых поставщиков, транспортировки ценностей и секретной почты, розыска получателей валютных переводов среди ссыльных и заключенных, чисток торгсиновского аппарата от «чуждых элементов», пресечения хищений и других экономических преступлений.

Наряду с этими «нормальными» для 1930-х гг. взаимоотношениями двух ведомств, существовала и некая ненормальность. Она возникла потому, что Торгсин и ОГПУ–НКВД соперничали в «добыче золота и валюты» для государства, а источник «добычи» у обоих ведомств был один – сбережения граждан. Еще со времен ВЧК для политической полиции конфискация золота и других ценностей, «припрятанных» населени-

ем, была одной из главных функций. Советские легендарные фильмы о революции рассказывают о мудрых и усталых чекистах, изобличающих коварных буржуев, спрятавших драгоценности в хитроумных тайниках. Революция отгремела, но валютные планы остались, и ОГПУ должно было их выполнять. В особых папках Политбюро в записи от 10 мая 1930 г. находим, например, такую директиву: «Обязать ОГПУ в течение 10 дней добыть (!) от 1 до 2 млн рублей валюты»[3]. Сумма немалая, а срок дан небольшой. У Торгсина был свой собственный финплан по мобилизации золота и валюты, и тоже немалый.

При общности валютных задач Торгсин и ОГПУ оперировали, однако, разными методами. До появления Торгсина население должно было сдавать ценности государству в обмен на рубли по установленному государством курсу. Для этого работали специальные пункты золотоскупки. Очевидно, эти условия людей не привлекали. Слабость материальных стимулов к сдаче золота восполнялась насилием. ОГПУ просто отбирало припрятанные ценности, следовали аресты, обыски, конфискации и расстрелы. Торгсину не нужно было применять насилие – в обмен на золото он предлагал населению не обесцененные рубли, а бесценные в условиях голода продукты и товары. Поэтому в то время, как сотрудники ОГПУ с наганом в руке гонялись за «держателями золота» и «валютными спекулянтами», те осаждали магазины Торгсина, умоляя принять в обмен на продукты все ценное, что у них имелось[4]. Эта вынужденная добровольность превращала Торгсин в удачливого соперника политической полиции.

А что если превратить соперника в помощника? Как говорилось в известной советской комедии, «кто нам мешает, тот нам поможет». Неизвестно, кому первому в ОГПУ пришла идея использовать Торгсин для выполнения плана «добычи» валюты – скорее всего определенного автора не было, эта практика развивалась стихийно – ее воплощение в жизнь не заставило себя ждать. Агенты ОГПУ стали следить за покупателями в Торгсине, выявляя «держателей ценностей», а затем привычными методами – угрозы, аресты, обыски, конфискации – заставляли их сдать государству ценности безвозмездно. Одни агенты соблюдали конспирацию – следили за покупателем скрытно, устанавливая его место жительства, потом приходили с обыском. Другие действовали топорно, видимо, пытаясь взять «укрывателя золота» с поличным – врывались с оружием в магазин, арестовывали людей прямо у прилавка, у кассы или при выходе из магазина, забирали наличную валюту, а вместе с ней и купленные в Торгсине товары. В магазине – паника, покупатели разбегаются кто куда и больше сюда носа не показывают, а те немногие, кто остался, требуют возвратить ценности. После таких операций ОГПУ доходы Торгсина падали, его финплан был под угрозой срыва. Со всех концов страны в правление поступали жалобы от контор Торгсина на действия местных отделений ОГПУ.

Первые жалобы на противоправные действия ОГПУ относятся к осени 1931 г., т.е. к самому началу работы Торгсина[5]. Действия ОГПУ в этот период работы Торгсина можно было бы списать на неинформированность местных органов, инерцию, неразбериху и шок, которые сопровождали создание этой необычной организации. Появление Торгсина нарушало валютную монополию государства, ведь правительство по сути признало право людей иметь валюту и разрешило валютные операции внутри страны. Требовалось время, чтобы информация о законности операций Торгсина дошла на места и организации преодолели инерцию государственной валютной монополии.

В регионы были направлены директива ЦК и письмо Сталина о содействии Торгсину[6]. Появилось правительственное постановление о том, что ОГПУ должно проводить свои операции, не подрывая работы Торгсина[7]. Руководство Наркомата торговли, в чьем ведении находился Торгсин, провело переговоры с Экономическим отделом (ЭКО) ОГПУ, оно разослало на места разъясняющие циркуляры о том, что Торгсин имеет право продажи на «эффективную», т.е. несоветскую валюту[8]. Наркоматы финансов и юстиции, Госбанк направили разъяснения о валютной деятельности Торгсина в свои местные отделения, прокурорам и в секции рабоче-крестьянской инспекции[9]. Торгсин из диковинки превратился в обыденное явление советской жизни. Трудно предположить, что в 1932 или 1933 гг. местные органы политической полиции могли

не знать о том, что государство разрешило людям покупать товары в обмен на валюту и другие ценности. Однако жалобы на действия сотрудников ОГПУ – аресты покупателей в Торгсине, обыски в квартирах, конфискацию валюты и товаров – продолжали поступать вплоть до его закрытия[10].

Председатель Торгсина Сташевский в докладной записке наркому торговли Розенгольцу в декабре 1932 г. писал, что правление располагает «обширными материалами с мест, из которых видно, что местные органы ОГПУ, угрозыска и милиции, вопреки циркулярного письма ЭКО ОГПУ, совершают незаконные аресты лиц, покупающих товары в Торгсине или получающих валюту из-за границы»[11].

«27 августа 1932 года, – пишет далее Сташевский, – в наш магазин № 3 в Киеве явился работник Киевской областной милиции, т. Бейгул Семен Георгиевич, и тут же в конторе магазина подверг личному обыску застигнутых им наших покупателей, прекратив обыск лишь после настойчивых требований зав. магазином… В Вознесенске пекаря в числе 9 человек сдали Торгсину 2000 рублей валюты, за что были арестованы ГПУ. Операция ГПУ морально повлияла на сдатчиков инвалюты… Одесса: В наш магазин вбежали с обнаженным оружием два сотрудника 26 погранотряда ГПУ и арестовали неизвестного гражданина в магазине»[12].

В своем заявлении в Ленинградское отделение Торгсина гражданка Р.И. Пинчук писала: «3 октября с.г. (1932 г. – *Е.О.*) в 2 часа ночи была арестована моя дочь, Ида Давидовна Пинчук, 5-ым отделением милиции. Причина ареста – изъятие инвалюты. Никакой инвалюты, кроме получаемой мной из Америки от моих детей, у нее нет и все переводы поступали в Ваш адрес непосредственно, а также в в адрес Государственного Банка… Прошу правление Торгсина принять меры к освобождению моей дочери, иначе я вынуждена буду отказаться от получаемых мною из Америки денег»[13].

Это письмо хорошо иллюстрирует доводы, наиболее часто приводимые людьми в свою защиту против действий ОГПУ, – законный путь получения валюты и угроза отказаться от ее получения впредь, по принципу – «вам же хуже будет». Другой мерой воздействия была угроза сообщить родственникам за границей об инциденте, что было чревато прекращением переводов из-за границы и поводом для антисоветской пропаганды.

Заведующий магазином № 6 некто Полиновский в своем рапорте в правление Киевской конторы Торгсина сообщал о случае, происшедшем 13 декабря 1932 г.: «К магазину подошли трое неизвестных граждан, остановили выходящего в это время из магазина покупателя и приказали следовать за ними. Покупатель передал муку тут же стоявшей жене и пошел с ними. В это время стояла на улице большая очередь и я заметил, что среди публики началась паника и в магазине, и около магазина не стало ни одного человека. Я выбежал на улицу, побежал к ним и на мой вопрос, куда и зачем они ведут покупателя, они ответили, что они отвечают за свои действия. На мое требование предъявить документы, они ответили, что они агенты ГПУ и отказались предъявить документы. Я пригласил их до выяснения личности в магазин и вызвал ГПУ. После всего Пом. Нач. Милиции т. Крайзерт составил протокол и вызвал меня и т. Тверского и продавца Гуревича»[14].

Инциденты не прекратились и в следующем, 1933 г.

Некто М.Б. Коен в своем заявлении директору Киевской конторы Торгсина писал: «27 июня с.г. (1933. – *Е.О.*) я вынул зуб у врача (видимо, врач снял с его зуба коронку. – *Е.О.*), который проживает по ул. Пятакова, 24, и занес в магазин, там, где принимают лом. Я взял книжку (товарную книжку Торгсина. – *Е.О.*) и получил 140 кг муки ржаной в магазине № 2 и в магазине № 3 купил 70 кг муки. Выдали мне справку, на право провоза в Проскуров и Умань. Отняли муку и справку, а потому прошу директора дать распоряжение отдать мне 3 мешка муки – 210 кг»[15].

По сообщению из Херсона, крестьянин получил 25 долл. ценным пакетом и зашел в Торгсин, «купил товаров на 11 долларов, остальные 14 долларов оставил у себя. По дороге домой он был арестован, продукты и 14 долларов тоже были отобраны, несмотря на то, что он показал ценный пакет и со стороны Торгсина было подтвержде-

ние, что купил в Торгсине»[16]. Из Валдайского района сообщали, что налоговый инспектор конфисковал у жительницы села Загорье товарные ордера и товары, купленные в Торгсине, – сахар, рыбные консервы и водку, всего на сумму 7 руб. 55 коп. После этого «к указанной гражданке нагрянуло ОГПУ и отобрало у нее несколько золотых царской чеканки»[17].

ОГПУ действовало и через работников Торгсина. Его сотрудники принуждали приемщиков ценностей в Торгсине выдавать фиктивные квитанции, а затем сдавать полученное по ним золото в ОГПУ, от них требовали назвать фамилии сдатчиков золота, «приглашали на разговор» директоров магазинов и управляющих конторами[18]. А могли и арестовать оценщика прямо во время приемки ценностей. Из Валдайского края сообщалось: «На днях в универмаг Торгсина явился один из агентов ОГПУ тов. Исаенко. Несмотря на то, что на нем было штатское пальто, все же его все знают, кроме того из-под воротника торчат петлицы… здесь же в универмаге при посторонней публике он пристал к пробиреру (приемщик, определяющий пробу ценного металла. – *Е.О.*) с вопросом: "А у тебя где спрятано золото?" Пробирер ему ответил: "Если тебе думается, что оно у меня есть, иди ищи". Поговорив с кассиршей и повертевшись минут 15 у кассы, он ушел»[19]. Агент никого не арестовал, но дал понять, что может это сделать – запугивание было в арсенале методов ОГПУ.

У ОГПУ были другие способы «добычи валюты». Его сотрудники, например, требовали, чтобы люди вносили получаемые ими из-за границы на Торгсин валютные переводы на счет ОГПУ или делали «добровольные» пожертвования в фонд индустриализации[20]. В анонимном письме, посланном летом 1933 г. из Ленинграда на имя председателя ОГПУ Менжинского (копии ушли прокурору СССР Катаньяну, наркому финансов СССР Гринько и заместителю наркома иностранных дел Сокольникову), говорилось: «ОГПУ в Ленинграде вынуждает граждан трудящихся, имеющих торгсиновские книжки, списывать с текущих счетов в Торгсине большую часть их сбережений под видом добровольного пожертвования. Иногда эти пожертвования достигают почти всей суммы текущего счета в Торгсине. Граждане под влиянием репрессий, а некоторые, боясь репрессий, отдают все, что с них требуют, а иногда и больше, лишь бы их не преследовали»[21].

ОГПУ могло получить валюту и без согласия самого переводополучателя. В одном из документов правления Торгсина описан такой случай: «В Запорожье директора н[ашего] универмага пригласили в ГПУ и предложили сделать перевод в фонд индустриализации, 30 долларов по заборной книжке одного арестованного покупателя»[22]. В некоторых случаях сотрудники ОГПУ пробовали логически обосновать необходимость перевода денег на счет политической полиции, объясняя человеку, что, если у него нашлась валюта для Торгсина, то он, конечно, должен иметь ее и для ОГПУ[23].

ОГПУ оправдывало конфискацию золота и наличной валюты у клиентов Торгсина тем, что отбирало припрятанные ценности, которыми государство не могло бы иначе воспользоваться. Конфискация валютных переводов не укладывается в это объяснение. В случае с валютными переводами ОГПУ отбирало деньги, уже находившиеся на счету государственной организации – Торгсина. Люди не получали эти деньги на руки и, следовательно, не могли их спрятать. Переводы не просто были законными и совершались открыто, правительство всячески поощряло валютные переводы на счет Торгсина[24]. В одном из документов, например, сообщалось, что некто И.М. Капланский должен получить страховку за сына, убитого в Америке, – шутка ли 478 тыс. долл.! – и настоятельно требовали «оказать всяческое содействие на перевод этой суммы в СССР»[25]. Конфискация валютных переводов раскрывает истинную, ведомственную, природу антиторгсиновских операций ОГПУ – политическая полиция радела о выполнении валютного плана своего ведомства. При этом, как видно из приведенных примеров, ОГПУ могло ставить свои ведомственные интересы выше государственных.

Действия ОГПУ приводили к тому, что население настороженно относилось к Торгсину. Распространялись слухи о том, что он «организован в помощь ОГПУ», является «подсобным хозяйством ОГПУ», «ловушкой сдатчиков золота»[26], что покупате-

лей в Торгсине фотографируют и дают о них сведения в политическую полицию[27]. Любая связь с ОГПУ отпугивала. Заведующий Валдайским отделением Торгсина одной из причин невыполнения плана подведомственного универмага считал то, что в его кассе работает жена агента ОГПУ, «которую все население знает и задает вопрос, зачем она здесь посажена?»[28] Аналогичный случай описан и в письме из Алма-Аты[29]. Правление Торгсина информировало правительство, что во все его отделения поступают запросы населения о том, «не является ли опасным получать переводы, в связи с производимой ОГПУ выемкой (золота. – *Е.О.*)»[30]. Слухи были настолько распространенными, что случаи, когда сдача ценностей происходила без последствий, вызывали удивление: «Гражданка деревни Чекуново зашла в магазин утром в 7 часов 30 мин., купила на 20 рублей и была удивлена, что ничего нет страшного и рассказывает: "У нас все говорят, что как зайдешь в Торгсин, здесь тебя и арестуют. Теперь приду домой и расскажу, что совсем не так и наших много придет покупать"»[31].

После каждой кампании ОГПУ по изъятию золота Торгсин бил тревогу, подсчитывал нанесенный урон. Здесь были и негативное моральное воздействие на клиентов, и международная политическая огласка, которая была на руку врагам СССР. Но наиболее существенным доводом и способом эффективного воздействия на руководство страны было падение поступлений ценностей в Торгсин. Потери Торгсина были ударом по планам индустриализации, наносили ущерб государству. Так в Херсоне в результате операций ГПУ против «валютчиков» в ноябре 1931 ежедневная выручка Торгсина упала с 700 до 100 долл.[32] В Котласе после арестов, проведенных ОГПУ в декабре 1932 – январе 1933 г. (было арестовано 100 человек), торговля практически прекратилась (сократилась на 90%)[33]. Ежедневная выручка Торгсина в Тифлисе с октября по декабрь упала с 800–900 до 200–300 руб. в день[34]. Многие жалобы Торгсина на действия ОГПУ относятся к последнему кварталу. Время проведения антиторгсиновских кампаний в данном случае показательно. Активность политической полиции нарастала к концу года – нужно было рапортовать к важнейшим советским праздникам, Дню революции (7 ноября) и Дню Конституции (22 декабря), а также отчитываться о выполнении годового валютного плана – еще одно свидетельство ведомственного характера акций ОГПУ.

Данные о падении валютных поступлений в Торгсин из-за кампаний ОГПУ по конфискации золота ставят под сомнение экономическую целесообразность этих операций «политоргана» (или как говорили в народе – «органа внутренней секреции»). Конфискуя ценности у клиентов Торгсина, политическая полиция по сути запускала руку в государственный карман. Данные об экономической эффективности подобных операций из архива ОГПУ могли бы пролить свет на этот вопрос. Материалы же Торгсина свидетельствуют, что во многих случаях ОГПУ изымало у покупателей небольшие суммы – 7 руб., 2 золотые монеты и т.п. Отрицательный эффект тем не менее был сильным – не важно, что забрали всего несколько монет или бутылку водки «торгсиновки», слухи и страхи распространялись быстро, парализуя активность населения.

Вынужденная голодом добровольность, с которой люди сдавали ценности в Торгсин, с моей точки зрения, делала его работу более эффективной, чем карательные операции ОГПУ по конфискации золота и валюты[35]. Правительство вполне могло бы освободить «политорган» от этой функции на время работы Торгсина: то золото, что ОГПУ насилием добывало для государства, перечеркивалось сокращением поступлений в Торгсин. Дублирование функций при «специфических» методах, применяемых ОГПУ, не помогало, а скорее вредило делу. Политбюро, однако, действовало по принципу, «чтобы волки были сыты и овцы целы». Не запрещая действий ОГПУ, оно требовало проводить их осторожно, не подрывая работу Торгсина. ОГПУ, в свою очередь, защищаясь, настаивало, что борется с валютной спекуляцией, честных граждан не трогает.

Почему Политбюро продолжало использовать услуги ОГПУ по добыче валюты, несмотря на очевидные отрицательные последствия? Объяснений, пока гипотетических, здесь может быть несколько. Возможно, сработал стереотип – чем больше организаций занимаются поиском валюты, тем лучше – больше получим. Не все, однако,

что кажется логичным в теории, работает на практике. В данном случае ОГПУ мешало Торгсину. Другим объяснением может быть то, что Политбюро рассматривало Торгсин как временную и экстраординарную меру. Оно вынужденно терпело Торгсин – его существование нарушало принципы социалистической политэкономии, в первую очередь валютную монополию государства. Неслыханное дело – у советских граждан появились «валютные права»! Как в свое время нэп, Торгсин был тактическим отступлением во имя осуществления индустриализации. Коль эта ситуация временная, то зачем вносить изменения в работу ОГПУ? Более того, именно потому, что представление валютных прав населению рассматривалось как ситуация аномальная, на полицию возлагался контроль за этой деятельностью для пресечения валютных махинаций. ОГПУ, однако, явно злоупотребляло этой функцией, понимание спекуляции в практике политической полиции становилось довольно эластичным. Кроме того, объясняя сохранение валютных функций ОГПУ, не следует забывать, что СССР в 1930-е гг. являлся полицейским государством. Обширная сеть штатных агентов и внештатных «добровольных» осведомителей пронизывала ткань советской жизни. Полицейский характер советского государства вряд ли был случайным, помимо определенных объективных обстоятельств (длительный период военных конфликтов – войн и революций, враждебное окружение и пр.), сформировавших его, он отражал тип мышления советских руководителей. Необходимость вездесущей политической полиции не ставилась под сомнение. Я не нашла ни одного документа, свидетельствующего о том, что в центральных партийных и государственных органах обсуждался вопрос о целесообразности прекращения валютных операций ОГПУ на время действия Торгсина.

Жизнь «между молотом и наковальней»

До сих пор мы рассматривали «валютное» соперничество Торгсина и ОГПУ под углом зрения интересов государства – «добыча ценностей» на нужды индустриализации. Теперь посмотрим на ситуацию с позиций простых людей. Что может рассказать нам о повседневной жизни 1930-х гг. валютное соперничество Торгсина и «политоргана»?

Несомненно, появление Торгсина в советской жизни 1930-х гг. при сохранении «валютных зачисток» ОГПУ создало хаос и неопределенность. Человек не понимал, где кончаются функции одной организации и начинаются функции другой. Он был дезориентирован. Он не знал, что разрешено законом, а что нет. До конца не понимая правил игры, он относился к Торгсину с недоверием. Даже совершая разрешенные законом операции в Торгсине, человек 1930-х гг. не чувствовал, что его «валютные права» защищены. В конечном счете, идя в Торгсин, он действовал на свой страх и риск. Не случайно, во время арестов покупателей в магазинах Торгсина, люди, как правило, не пытались отстаивать свои права, а разбегались кто куда.

До появления Торгсина обывателю все было понятно – иностранную валюту и золото (под золотом подразумевались царские золотые монеты, а также дорогостоящие драгоценности и массивные золотые бытовые предметы) не разрешалось иметь. Частные операции с валютой и золотом – продажа, обмен, использование их в качестве наличного платежного средства – считались экономическим преступлением – валютной спекуляцией – и наказывались по закону. За этим следило ОГПУ.

С появлением Торгсина ясность исчезла. Разрешив своим гражданам платить в Торгсине валютой и золотом, государство тем самым разрешило людям иметь валютные ценности. Валютные операции, хотя и ограниченные рамками Торгсина, признавались законными, и хранение валюты и золота дома де-факто также признавалось законным. Запрещались только валютные операции за пределами Торгсина, там начинался черный рынок – пресловутая спекуляция, за которой должна была следить полиция. Таким образом, правительство разграничило сферы действия Торгсина и ОГПУ. ОГПУ, однако, облегчая себе выполнение валютного плана, преследовало людей, совершавших разрешенные правительством действия.

Запутанность ситуации усиливалась еще и тем, что ОГПУ арестовывало не всех, входящих в Торгсин, а действовало избирательно и непосредственно – арестовывало одних и не трогало других. Могло создаться впечатление, что кому-то разрешалось иметь валюту и золото и платить ими в Торгсине, а кому-то – и они были арестованы – нет. Иными словами, ситуация выглядела так, что часть населения получила валютные права, а другая – нет. Возможно, так мог рассуждать обыватель 1930-х гг., решая вопрос, идти ли ему в Торгсин.

Но где проходила грань, отделявшая одну группу людей от другой? Существовала ли закономерность в действиях ОГПУ? Люди пытались понять логику арестов в Торгсине, объяснить их причины. Может быть, причина арестов кроется в социальном положении покупателя и источнике получения золота? В одном из писем в ОГПУ автор-партиец писал: «Как я понял и понимаю, к аресту подлежат, по-видимому [те], у кого имеется золото, бывшие купцы, торговцы, спекулянты, мародеры, бывшие чиновники старого режима, полиция (царская. – *Е.О.*) и кулачество, но не трудовой, видно, элемент, пролетарский слой и середняки, и бедняки, которые действительно должны (т.е. действительно имеют право. – *Е.О.*) сдать золото в Торгсин, если есть, без страху и боязни»[36]. Логика этого человека была проста – эксплуататоры, нажившие ценности неправедным путем, были лишены валютных прав. Именно их по закону и арестовывала полиция.

В принципе правительству не составило бы большого труда провести подобное классовое разграничение. Все «бывшие» были на учете и составляли группу «лишенцев», т.е. лишенных избирательных прав. Требовалось лишь указать в правительственном постановлении о Торгсине, что «лишенцам» в его магазины вход запрещен. Мало бы кто удивился такому разграничению, будь то человек 1930-х гг. или современный историк сталинизма. Ущемление социальных, политических и экономических прав «бывших» было нормой того времени и лишение их валютных прав логично бы вписалось в социальную иерархию 1930-х гг.

Однако проблема как раз и заключалась в том, что в случае с Торгсином правительство не стало делить граждан по социальному положению, источникам получения дохода, их дореволюционной деятельности, национальности и т.п. О подобном разграничении нет ни слова ни в постановлении о создании Торгсина, ни в последующих документах, регламентирующих его деятельность. Двери Торгсина были открыты для каждого, у кого были ценности. Экономическое условие – наличие золота и валюты – было единственной формой дискриминации граждан в Торгсине. Неважно, кто приносил золото в Торгсин и какими путями оно людям досталось, лишь бы сдавали. Торгсин, таким образом, был островком рыночного (государственного) предпринимательства в океане планового хозяйства. Открывая Торгсин, руководство страны поступилось не только принципом валютной монополии государства, но и идеологическим принципом – пресловутым «классовым подходом».

Интересно в этой связи провести параллель между Торгсином и существовавшей в первой половине 1930-х гг. государственной карточной системой. Распределяя продукты и товары по карточкам, правительство разделило население на группы по степени их значимости для индустриализации. Пролетарско-крестьянское происхождение в иерархии государственного снабжения не играло главной роли. Инженерам и рабочим на ведущих индустриальных объектах полагались от государства лучшие пайки (если не считать небольшой группы советской элиты); городское население, жившее в неиндустриальных, небольших городках и поселках, включая и пролетариат, или работавшее на второстепенных для индустриализации объектах, получало крохи. Крестьяне могли рассчитывать на символическое государственное снабжение – здесь тоже существовала своя иерархия, основанная на важности товарной специализации колхоза для индустриализации, – только при выполнении планов государственных заготовок. Даже в отношении «лишенцев» действовал принцип экономической целесообразности – в случае, если лишенный избирательных прав работал на крупном индустриальном объекте, в соответствии с правительственными постановлениями, он должен был по-

лучать такой же паек, как и вольный индустриальный рабочий. Таким образом, для государственного пайкового снабжения монолитные с точки зрения марксизма классы – рабочие, крестьяне и интеллигенция – отсутствовали. Они были раздроблены на многочисленные подгруппы, перетасованы и объединены в новые группы по принципу – нужен или не нужен для индустриализации, в какой мере нужен[37].

В Торгсине, как и в карточной системе, классовый подход уступил место «индустриальному прагматизму». Торгсин принимал золото от любого человека, невзирая на его «классовое лицо». В определенном смысле в Торгсине, как и в пайковой системе, существовало классовое равенство. «Индустриальный прагматизм» доходил до цинизма – государство принимало золото от любого, но пайки давало избирательно.

Возвращаясь к вопросу о том, где проходила грань между людьми, арестованными в Торгсине, и теми, кто избежал ареста, следует сделать вывод, что социальное происхождение здесь было ни при чем. Государство не давало санкции валютной дискриминации по классовому происхождению. Да и ОГПУ в своих антиторгсиновских действиях этого принципа последовательно не придерживалось. Безусловно, среди арестованных покупателей Торгсина «бывшие» попадались, но хватало там и простых трудящихся – рабочих, служащих и колхозников. Это подтверждают материалы Торгсина, да и партиец, автор процитированного письма, возмущаясь действиями ОГПУ, признавал, что и пролетарий, и колхозник заходят в Торгсин с опаской.

Ища логику в действиях ОГПУ, обыватель 1930-х гг. мог предположить, что ОГПУ арестовывало в Торгсине только владельцев крупных ценностей. Эта гипотеза, однако, тоже не подтверждается проверкой. С позиции формальной законности, с появлением Торгсина ОГПУ вообще потеряло право арестовывать кого-либо за владение или хранение валюты, будь то крупный или мелкий «держатель». Как уже было сказано, валютные права, которые подразумевали и хранение валюты дома, предоставлялись всем без исключения. В соответствии с правилами работы Торгсина, наличие валюты само по себе не позволяло считать человека преступником. ОГПУ могло преследовать людей только за незаконное использование валюты – операции на черном рынке. Более того, по логике работы Торгсина, чем больше человек принесет золота в его магазины, и, следовательно, чем больше у него есть золота дома (ведь он может принести это золото в Торгсин завтра или на следующий день), тем лучше. Постановления, регламентирующие деятельность Торгсина, не делали разграничения в валютных правах мелких и крупных обладателей ценностей. Различие здесь опять-таки было чисто экономическое – владельцы крупных сумм могли больше купить. «Мелкий держатель ценностей», «крупный держатель ценностей» – эти категории, хотя и встречаются в документах того времени, носят экономический, а не юридический или социальный характер.

Гипотетическое предположение о том, что арестованные клиенты Торгсина были только или в основном крупными владельцами ценностей, не подтверждается и фактами. Местные отделения Торгсина жаловались, что ОГПУ проводит аресты огульно, в массовых кампаниях жертвами становятся в основном «мелкие держатели ценностей». Приводимые в документах суммы конфискаций зачастую чисто символические – несколько золотых монет, несколько рублей бонами Торгсина. Среди конфискованных полицией товаров – не меха, икра и антиквариат, а обычные продукты – банка консервов, бутылка водки, мешок муки.

И, наконец, последнее возможное объяснение арестов в Торгсине с позиций человека 1930-х гг. или современного историка сталинизма. ОГПУ в докладных записках оправдывало свои антиторгсиновские действия борьбой со спекуляцией, т.е. использованием валюты, золота, бонов и товаров Торгсина на черном рынке в целях получения прибыли. Не будем говорить о том, что спекуляция как экономическое преступление имела чисто советскую природу – в странах с рыночной экономикой львиная доля операций с валютой, за которые преследовались советские граждане (обмен валюты, покупка и продажа за валюту, минуя государственное посредничество и т.п.), не считались бы преступлением. В данном случае важно другое. Приведенные факты доказы-

вают, что ОГПУ арестовывало людей во время совершения ими разрешенных операций, именно это и давало правлению Торгсина право протестовать. Безусловно, вокруг Торгсина существовал обширный черный рынок, и ОГПУ задержало немало людей за проведение запрещенных советским законодательством валютных сделок на черном рынке, но эти материалы не являются предметом рассмотрения в данной статье. Приведенные документы доказывают, что под видом борьбы со спекуляцией ОГПУ регулярно и сознательно совершало незаконные аресты покупателей Торгсина. Единственной причиной ареста являлось то, что у этих людей было, что забрать – валюта и золото.

Советская повседневность как обыденный риск

Подведем некоторые итоги. ОГПУ нарушало валютные права клиентов Торгсина и его действия противоречили постановлениям правительства. Не будет открытием сказать, что жизнь в СССР в 1930-е гг. была отмечена произволом политической полиции.

У советской повседневной жизни были и другие интригующие черты. Проведенный в этой статье анализ позволяет говорить, что арестам покупателей в Торгсине существует только одно рациональное объяснение – наличие у людей ценностей. В этом и только в этом состояла та логика действий ОГПУ, которую пытались постичь советские граждане, решая, идти им в Торгсин или нет. Ни пролетарское происхождение, ни мизерное количество золота и валюты, ни законность совершаемых операций не гарантировали людям того, что они смогут избежать слежки, обыска, конфискации имущества или ареста.

Бояться, следовательно, приходилось всем, у кого были валюта и золото. В такой ситуации чаще всего все решал слепой случай – совпадет твой поход в Торгсин с очередной кампанией ОГПУ «по борьбе с валютной спекуляцией» или нет. Любое посещение Торгсина с этой точки зрения было рискованным. Полной гарантии того, что вернешься домой, ни у кого не было. Речь могла идти только о большей или меньшей вероятности ареста. Обычная повседневная процедура – покупка продуктов и товаров – становилась рискованным предприятием, приключением.

Там, где испытания и приключения – там риск, самопожертвование и даже героизм. Казалось бы, что может быть героического в покупке хлеба и штанов? Но как свидетельствуют документы Торгсина, требовался определенный героизм – напряжение воли, преодоление сомнений и боязни, чтобы войти в Торгсин. Кто знает, сколько бессонных ночей проводили люди перед тем, как решиться сделать первый шаг и переступить порог нового неизведанного предприятия с загадочным названием Торгсин.

Поскольку идти в Торгсин все-таки было необходимо – голод не тетка, – люди прибегали к разным хитростям, изобретали свои тактики поведения. Уезжали в другой город, где их никто не знал, там сдавали ценности и покупали товары. Во время сдачи золота, едва завидя знакомого в магазине, немедленно уходили, оставляя ценности, и возвращались назад только через несколько часов[38]. Опасение, что знакомые донесут «куда следует» об имевшемся золоте, было, таким образом, сильнее боязни потерять ценности. Крайне осторожными были крестьяне или, как выразился автор одного донесения, «особенно из деревень публика боится»[39]. В отчете Нижегородской конторы Торгсина сообщалось, что прежде чем купить, крестьяне вели наблюдение и даже провожали покупателей до их квартир, затем снова возвращались в магазин наблюдать. Нередко шепотом продавца спрашивали: «А меня не арестуют? У меня монеты»[40].

Тактика выживания соседствовала с тактикой обогащения. Нашлись предприимчивые люди, которые, маскируясь под агентов ОГПУ, грабили покупателей Торгсина (действия ОГПУ фактически тоже являлись грабежом, но грабежом ведомственным) – интересный вид криминальной мимикрии. Управляющий Московской городской конторой Торгсина в своем письме предупреждал директоров подведомственных универмагов: «За последнее время вокруг н[аших] торговых точек работает шайка аферистов, которые под видом сотрудников ГПУ и МУРа, заранее в магазине при сдаче цен-

ностей или покупке товаров намечают себе жертву и по выходе н[аших] клиентов из универмагов задерживают их и отбирают ценности (тов[арные] книжки и пр.)»[41]. Слово «ОГПУ» оказывало парализующий эффект и позволяло безнаказанно грабить средь бела дня на глазах покупателей и сотрудников Торгсина. Лжеагенты, улучив подходящий момент, воровали и в магазине то, что плохо лежало[42].

Есть основания подозревать, что и действительные сотрудники ОГПУ могли использовать антиторгсиновские операции своего ведомства в личных целях[43].

Торгсин, радея об интересах валютного дела, защищал своих покупателей. В документах часто встречаются упоминания об освобождении клиентов из-под ареста и возвращении им товаров и денег Торгсина. Однако следует сказать, что опасения людей о том, что Торгсин работает на ОГПУ, были не столь уж безосновательны. Последний председатель Торгсина Левенсон в 1935 г. информировал управляющих конторами и отделениями: «Работники НКВД имеют право в нужных случаях требовать от Вас справки о количестве сданных отдельными лицами бытовых ценностей, а также о фамилиях и адресатах этих лиц, однако за получением такого рода справок они должны обращаться исключительно к администрации магазинов и скуппунктов»[44].

Таким, видимо, был достигнутый в результате почти 4-летнего валютного соперничества и трений компромисс между ОГПУ–НКВД и Торгсином. Торгсин не возражал быть информатором, если эти действия оставались в секрете от его клиентов. Администрация магазинов, как следует из этого письма, становилась внештатным агентом, сексотом политической полиции[45]. У ОГПУ имелись и платные агенты в Торгсине, специально туда внедренные или завербованные из числа торговых работников. Они также поставляли «политоргану» информацию о клиентах и их валютных сбережениях. Таким образом, риск и непредсказуемость последствий посещения Торгсина для советских людей сохранялись. Советская повседневность продолжала быть авантюрной.

Примечания

[1] В ходе реорганизации в 1934 г. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) было поглощено Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД). В зависимости от времени описываемых событий в статье используются оба названия – ОГПУ и НКВД.

[2] ГА РФ, ф. 5446, оп. 12 а, д. 698, л. 1, 7.

[3] РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 8, л. 152.

[4] В этой фразе практически нет преувеличения. Люди «подсказывали» правительству, что еще можно у них отобрать и превратить в станки и машины. Изначально государство разрешило Торгсину принимать только валюту и золото, но голодные люди несли в Торгсин все ценное, что у них имелось. Получая донесения о потоке разнообразных ценностей в магазины Торгсина, правительство сначала разрешило Торгсину принимать серебро, потом платину и бриллианты, а затем и произведения искусства. Инициатива «снизу» подталкивала неповоротливую бюрократическую машину.

[5] РГАЭ, ф. 443, оп. 1, д. 8, л. 70.

[6] Там же, д. 38, л. 1 об. Директива ЦК от 25 апреля 1932 г. требовала в срочном порядке предоставлять Торгсину помещения.

[7] Текста постановления найти не удалось, но на него есть ссылки в документах: РГАЭ, ф. 443, оп. 1, д. 148, л. 26.

[8] РГАЭ, ф. 4433, оп. 1, д. 2, л. 6.

[9] Там же, д. 148, л. 36; д. 8, л. 68.

[10] Там же, д. 5, л. 307, 308, 329, 229; д. 15, л. 24; д. 19, л. 2; д. 26, л. 217; д. 29, л. 113; д. 31, л. 23; д. 43, л. 18; д. 45, л. 12; д. 53, л. 23; д. 148, л. 11, 18, 33, 40, 42, 51, 97, 101; д. 149, л. 79, 83, 86 и об. (докладная записка Сташевского в НКВТ), 88, 90; д. 168, л. 38; Центральный государственный архив Московской обл. (далее ЦГА МО), ф. 3812, оп. 1, д. 1, л. 31.

[11] РГАЭ, ф. 4433, оп. 1, д. 149, л. 86 и об.

[12] Там же.

[13] Там же, д. 45, л. 12.

[14] Там же, д. 149, л. 88.

[15] Там же, д. 148, л. 40.

[16] Там же, д. 19, л. 2.

[17] Там же, д. 148, л. 18.

[18] Там же, л. 28 и об.; д. 149, л. 86 и об.

[19] Там же, д. 148, л. 18.

[20] Там же, д. 15, л. 12; л. 148, л. 11, 34; д. 149, л. 86 и об.

[21] Там же, д. 148, л. 34.

[22] Там же, л. 11.

[23] Там же, д. 149, л. 86.

[24] Исключения делались только в особых случаях. В 1934 г. НКВД провело кампанию, главным образом среди советских немцев, по отказу от получения переводов из Германии, Швейцарии и немецких колоний в других странах или внесении их в МОПР. Эти действия объяснялись тем, что сбор денег в помощь советским немцам сопровождался антисоветской пропагандой – выступлениями о притеснении немцев в СССР и голоде. (Там же, д. 104, л. 47; д. 109, л. 19, д. 144, л. 213, 246).

[25] Там же, д. 15, л. 24.

[26] Там же, д. 31, л. 23; д. 149, л. 90.

[27] Там же, д. 5, л. 302; д. 38, л. 8; д. 41, л. 29.

[28] Там же, д. 148, л. 18.

[29] В письме сообщалось, что люди боялись приходить в магазин Торгсина, считая его ловушкой, потому что продавцом там работала жена руководителя торговой группы местного ГПУ (Там же, д. 43, л. 18).

[30] Там же, д. 19, л. 2.

[31] Там же, д. 31, л. 23.

[32] Там же, д. 5, л. 229.

[33] Там же, д. 31, л. 22; д. 149, л. 90.

[34] Там же, д. 19, л. 2. Другие данные, свидетельствующие о резком падении доходов, см.: д. 148, л. 28; д. 149, л. 90.

[35] При отсутствии материалов политической полиции о валютном эффекте проводимых кампаний, это предположение, конечно, остается гипотетическим.

[36] РГАЭ, ф. 4433, оп. 1, д. 148, л. 26.

[37] Подробнее об этом см.: О с о к и н а Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1998.

[38] РГАЭ, ф. 4433, оп. 1, д. 148, л. 26.

[39] Там же.

[40] Там же, д. 38, л. 8. Подобный «наблюдатель» описан также и в донесении уполномоченного Торгсина в Ташкенте (Там же, д. 148, л. 28).

[41] ЦГА МО, ф. 2014, оп. 2, д. 2, л. 24.

[42] О подобных случаях см. докладную записку управляющего Московской городской конторы Торгсина Садовского полномочному представителю ОГПУ по Московской обл.: ЦГА МО, ф. 3812, оп. 1, д. 6, л. 18.

[43] РГАЭ, ф. 4433, оп. 1, д. 149, л. 83.

[44] Там же, д. 168, л. 38.

[45] Переход Торгсина от протестов против действий ОГПУ–НКВД к сотрудничеству с «политорганом» скорее всего не был столь резким. Вероятно, были и переписка, и постановления, регламентирующие сотрудничество двух ведомств. Отсутствие документов, однако, не позволяет реконструировать эту часть истории валютного соперничества Торгсина и ОГПУ–НКВД.

© 2004 г. И. В. БЫСТРОВА*

СОВЕТСКИЙ ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» В АМЕРИКАНСКИХ ОЦЕНКАХ

В годы «холодной войны» на Западе активно разрабатывалась тематика советского ВПК. Эти исследования основывались главным образом на вторичных источниках[1]. В СССР же данная тематика была засекречена, поэтому отечественный исследователь

* **Быстрова Ирина Владимировна,** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

мог больше узнать о развитии советского военного потенциала из зарубежных источников.

Заметный прорыв произошел в начале 1990-х гг., когда начался процесс рассекречивания архивных документов как западного, так и отечественного происхождения. Зарубежные исследователи стали активно осваивать эти новые документы и подвергать пересмотру свои прошлые взгляды[2]. Процесс рассекречивания документов разведки пошел наиболее интенсивно и продвинулся далее всего в США, где в массовом порядке освобождались для доступа исследователей архивные фонды Центрального разведывательного управления (ЦРУ), Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ), военной разведки, администрации министра обороны, некоторых отделов Госдепартамента. На этой основе были опубликованы сборники документов, дававшие представление о советском военном потенциале в годы «холодной войны»[3]. Крупная документальная коллекция была собрана в виде микрофишей в Архиве национальной безопасности в Вашингтоне (аннотированный указатель к коллекции также увидел свет в 1995 г.[4]).

Некоторые документы этой серии были опубликованы – с соответствующими комментариями – российскими исследователями-американистами в отечественных журналах. Это, несомненно, способствовало ознакомлению российского читателя с этими материалами и развитию дискуссии по различным аспектам истории военно-политического противостояния эпохи «холодной войны»[5].

Документы разведорганов США представляют большой интерес для исследователя истории советского ВПК. Они содержат систематизированные оценки советского военного потенциала и намерений, в том числе военной доктрины и стратегии СССР, развития главных оборонных программ (атомной, ракетно-космической, радиоэлектроники, дальней авиации, обычных вооружений и сил). В последние годы в России также рассекречен ряд архивных коллекций, опубликовано множество воспоминаний и исследований по данной тематике[6], что позволяет практически сравнить западные оценки с отечественными источниками и определить уровень их соответствия действительности. Ввиду необъятности темы выделю два конкретных направления сравнений: оценки военного потенциала и намерений СССР в военных планах ОКНШ в конце 1940-х гг. и отражение в документах разведывательного сообщества США вопросов создания стратегических ракетно-ядерных сил в СССР с середины 1950-х до начала 1960-х гг. Кроме того, в статье дается общая оценка уровня репрезентативности и достоверности документов ЦРУ по вопросам военного строительства в СССР в период «холодной войны».

Масштабные дискуссии о репрезентативности оценок органами разведки США советских военных расходов велись на Западе в течение по меньшей мере последних двух десятилетий. Раздавалось немало критических замечаний по поводу необъективности этих оценок в силу политической ангажированности их авторов властными структурами США. Речь шла прежде всего о документах ЦРУ, которое с 1950 г. выпускало ежегодно так называемые Национальные разведывательные оценки (НРО), являвшиеся голосом разведывательного сообщества США (в которое входили, помимо ЦРУ, органы разведки Министерства обороны, различных видов вооруженных сил, ОКНШ, Госдепартамента). В данной статье попытаемся отразить основные направления этих оценок.

Американские планы «превентивной войны»: оценки советского военного потенциала и намерений. Начальный виток «холодной войны», протекавший в условиях монополии США на атомное оружие (1946–1949), вызвал к жизни своеобразный этап лихорадочно-интенсивного планирования «превентивной» войны против СССР. Многочисленные планы, выработанные в этот период Объединенным комитетом начальников штабов США (ОКНШ), в последние годы стали объектом пристального внимания отечественных специалистов по истории «холодной войны». При этом реальность этих планов и даже количественные показатели представлялись различным образом, в зависимости от политических пристрастий авторов.

Недавно опубликованные в России рассекреченные материалы из Национального архива США – выдержки из плана «Дропшот» 1949 г., из доклада по военной игре «Пэдрон», проведенной в мае–июле 1948 г. штабом армии США для проверки чрезвычайного плана «Хафмун»[7], были призваны показать не только масштабы военных приготовлений США в тот период, но и некоторые причины того, что американское руководство все же не решилось вступить в глобальную войну. Одной из них была доказанная в ходе штабной игры неспособность армии США однозначно одержать верх над советскими Вооруженными силами, недостаточное количество у американцев атомных бомб для достижения победы, низкая боевая готовность стратегической авиации и т.д.

Как следует из публикации, разработка планов «превентивной» войны происходила на фоне серьезных разногласий между Военно-воздушным и Военно-морским ведомствами, реформы в Вооруженных силах США при министре обороны Дж. Форрестоле. В целом на протяжении 1947–1948 гг. наблюдался определенный сдвиг в сторону все большей решительности и агрессивности военной политики США. В условиях ужесточения торгово-экономической войны между Востоком и Западом, начавшегося в июне 1948 г. очередного Берлинского кризиса, 28 июля ОКНШ определил новые приоритеты для будущего планирования. Так, чрезвычайный план «Ирэйзер», разрабатывавшийся с расчетом, что атомное оружие против СССР применено не будет, был «отложен на неопределенное время», а приоритет безусловно отдали разработке планов ядерной войны – «Хафмун» и «Дропшот»[8].

По мнению ряда авторов, в конце 1940-х гг. американцы прибегли к своего рода «атомному блефу», в то время как в действительности не имели достаточного запаса ядерного оружия для ведения войны с СССР. В связи с этим в западной и отечественной литературе приводились следующие цифры количества ядерных зарядов у США: в 1946 г. – 9, в 1947 г. – 13, 1948 г. – 50, 1949 г. – около 250, в 1950 г. – 450. Таким образом, интенсивное наращивание американского ядерного арсенала началось только после Берлинского кризиса, и к лету 1953 г. он достиг тысячи бомб[9].

Не вдаваясь в дискуссию вокруг планов ОКНШ, остановимся на содержащихся в них оценках общего военного потенциала и возможностей СССР. Это тем более важно, поскольку в большинстве исследований обращалось внимание только на наступательный потенциал в этих операциях самих США, которые, по разным источникам, планировали сбросить от трех сотен до тысячи бомб на тысячи целей на территории СССР (по плану «Дропшот», разработанному в 1949 г.). При этом зачастую забывают отметить, что этот план был рассчитан на гипотетическую войну с СССР совсем не в конце 1940-х гг., а только в 1957 г. Американские оценки советского военного потенциала и вовсе обойдены вниманием. При этом необходимо допускать погрешность в подсчетах, связанную с тенденцией американских аналитиков завышать данные о военном потенциале СССР в целях запугивания, получения дополнительных средств из бюджета на разного рода военные приготовления.

В целом, несмотря на крайнюю ограниченность информации из СССР в условиях «железного занавеса», оценки общего советского военного потенциала оказались не столь далекими от действительности, как того можно было ожидать. Так, численность советских Вооруженных сил на начало лета 1946 г. определялась органами военной разведки США в 4.5 млн человек, на февраль 1948 г. – в 2.75 млн, в марте 1951 г. – в 4.1 млн человек (эти данные близки к советским официальным). Как ни парадоксально, но в плане «Дропшот» была довольно точно предсказана цифра численности советских Вооруженных сил к 1957 г. – 3.8 млн человек, что примерно соответствовало действительности по более поздним советским данным (хотя к тому времени Советская армия и Военно-Морской флот успели пройти через этапы наращивания в начале 1950-х и сокращения в середине 1950-х гг.)[10].

В отечественной историографии традиционно считалось, что американцы недооценивали способность СССР создать собственную атомную бомбу. Распространению этой точки зрения способствовало появление в 1949 г. в СССР переведенной брошюры, содержавшей статьи американских аналитиков, утверждавших, что технико-эко-

номический потенциал не позволит СССР иметь бомбу раньше 1955 г.[11] Выход ее перед испытанием первого советского ядерного устройства мог быть крайне выгоден руководству СССР для того, чтобы, с одной стороны, скрыть истинные масштабы атомной программы в СССР, а с другой – показать неоспоримые «преимущества социализма», взорвав бомбу почти сразу же после выхода этого пропагандистского издания.

Как бы то ни было, но американские разведанные «особой важности» показывают, что органы военной разведки США на самом деле были неплохо осведомлены о масштабах и приоритетности советской атомной программы, хотя и не знали о ней таких деталей, которые получила советская сторона о «Манхэттенском проекте» благодаря феноменальному успеху «атомной разведки» СССР. В целом они ошиблись только на год в определении наиболее ранней даты советских испытаний – 1950 г. вместо состоявшегося в 1949. Тем не менее в материалах к одному из ранних планов ОКНШ – «Пинчер», представленных 27 апреля 1946 г., указывалось, что, по наиболее оптимистической оценке, «с помощью ученых, вывезенных из оккупированных европейских стран», «Советы смогут в течение трех лет закончить абстрактные научные исследования, необходимые для овладения атомной энергией и завершить проектирование и строительство мощностей для добычи урана, снабжения электроэнергией, транспортировки и производства», т.е. правильно были определены основные сроки создания атомной промышленности в СССР. Другое дело, что авторы данного документа считали такой вариант не очень вероятным, исходя из известных им недостатков организации и технического уровня советской промышленности[12].

В материалах к плану «Дропшот» американцы определяли размер советского запаса атомных бомб в момент гипотетического начала войны (1957) по-разному, в зависимости от времени первого испытания, которое они датировали 1950 или 1953 гг. В официальном варианте плана, опубликованном в конце 1970-х гг., была указана ориентировочная цифра – 250 бомб[13].

На деле же, согласно последним российским публикациям, размеры ядерного арсенала СССР к тому времени были более значительными. При этом следует отметить, что вплоть до начала 1960-х гг. запас советского ядерного оружия был меньше американского более чем в 10 раз (так, в 1955 г. в США он насчитывал 3 037 единиц, в СССР – 200, в 1956 г. – соответственно 4 618 и 426, в 1957 г. – 6 444 и 660, в 1958 г. – 9 822 и 869, в 1959 г. – 15 468 и 1 060, в 1960 – 20 434 и 1 605)[14].

В подготовительных материалах к плану, оценивавших намерения и способность СССР вести войну против США в течение 1948–1957 гг., критическими с точки зрения безопасности США были названы 1955–1956 гг., когда, по мнению американских аналитиков, СССР мог бы создать «мощные потенциальные возможности для нападения на Соединенные Штаты». К этому времени, по их расчетам, СССР, помимо атомных бомб, мог иметь крупные военно-воздушные силы, вооруженные бомбардировщиками с достаточно большим радиусом действия, чтобы доставить оружие массового поражения в любую точку на территории США. Последняя оценка являлось расплывчатой; на деле в СССР в 1955 г. было начато серийное производство дальних стратегических бомбардировщиков, однако речь не шла о «крупных ВВС», и это направление к началу 1960-х уступило приоритет ракетной технике. Прогноз, что СССР будет иметь к середине 1950-х гг. около 300 быстроходных подводных лодок дальнего действия, часть из которых могла быть вооружена управляемыми ракетами, был преувеличением: в 1955 г. состоялся первый успешный пуск баллистической ракеты с подводной лодки, а массовое производство таких лодок было налажено только в конце десятилетия[15].

Изготовление советской стороной атомной бомбы заставило военных плановиков ОКНШ существенно менять оценки советского потенциала и намерений. Так, в разрабатывавшемся летом – осенью 1947 г. плане «Бройлер» они исходили из предпосылки, что атомная бомба однозначно будет применена, что в условиях атомной монополии США, их способности иметь значительный арсенал бомб и обеспечить наращивание их производства во время военных действий даст американской стороне огромное стратегическое преимущество перед противником, не имевшим ядерного оружия. В чрезвы-

чайном военном плане «Шейкдаун», составленном уже после советских испытаний атомной бомбы и рассчитанном на начало войны в декабре 1949 г., предусматривалось, что «атомное оружие будет применено обеими сторонами» (данные американской разведки указывали в то время, что к началу 1950 г. СССР будет иметь не более 10 атомных бомб, а к концу 1950 г. – около 30)[16].

Таким образом, американцы в целом правильно определили главные направления военного строительства и развития стратегических вооружений в СССР в первой половине 1950-х гг. Другое дело, что они допускали значительные ошибки в количественных параметрах. Оценки же намерений СССР о нападении на США носили абстрактно-пропагандистский характер. Из того, что СССР достигнет к середине 1950-х гг. мощных потенциальных возможностей для атаки на главного вероятного противника, прямо не следовало, что им будет предпринято немедленное воздушное нападение с целью «быстрой нейтрализации или серьезного уменьшения военного потенциала Соединенных Штатов». Тактика запугивания стала более широко применяться советским руководством после успешного испытания ракет с межконтинентальной дальностью – в конце 1950-х гг. Однако и она носила скорее характер «ракетного блефа», подобного американскому «атомному блефу» конца 1940-х гг. Судьба несостоявшихся военных планов ОКНШ стала ярким примером действия системы «сдержек и противовесов» эпохи «холодной войны», в силу чего обе стороны, несмотря на грозные планы, не решились на глобальный ядерный конфликт.

Разведорганы США о создании стратегических ракетно-ядерных сил СССР. Освоение ядерного оружия поставило в повестку дня основополагающий в военно-стратегическом отношении вопрос о способах его доставки к цели. Создание различных типов носителей атомного заряда определило главные направления гонки вооружений в послевоенный период. Такими носителями могли служить самолеты, ракеты или морские суда.

В докладе разведгруппы ОКНШ «Возможности и намерения СССР в послевоенный период» от 15 января 1946 г. подчеркивалось, что в непосредственной связи с советской политикой развития атомного оружия СССР сконцентрирует усилия на создании дальнего бомбардировщика для доставки бомб к потенциальным целям и на развитии управляемого ракетного вооружения дальнего действия[17].

По оценкам, данным в материалах к плану ОКНШ «Пинчер» от 27 апреля 1946 г., советской стороне потребовалось бы 5 лет для создания «супербомбардировщика» и от 5 до 10 лет для создания стратегических воздушных сил[18]. Эти оценки были близки к действительности. Вскоре после войны в СССР было налажено производство дальнего бомбардировщика ТУ-4 (сделанного по образцу американского самолета Б-29). Всего в 1948–1952 гг. было выпущено 850 таких самолетов.

Однако как советским руководителям и конструкторам, так и американским спецслужбам было ясно, что этот самолет не мог реально решать стратегические задачи: без дозаправки он был способен долететь до небольшой части территории США, но не вернуться обратно. Для выполнения двусторонних стратегических задач были нужны самолеты с межконтинентальной дальностью – свыше 12 000 км. Первые бомбардировщики, способные доставить ядерный заряд на такие расстояния – ТУ-95 и М-4, – поступили на вооружение в середине 1950-х гг.[19]

Стратегическое значение дальней бомбардировочной авиации подчеркнул Н.С. Хрущев в выступлении на Пленуме ЦК партии 7 июля 1955 г. Приоритетное развитие тяжелой авиации должно было, по его мнению, стать «демонстрацией наших сил и возможностей», производство самолетов ТУ-95 и М-4 – «отрезвляюще действовать на наших возможных противников»[20].

Советское руководство пыталось ввести заокеанского противника в заблуждение относительно истинных размеров производства бомбардировщиков в СССР. В ходе официальных парадов военной техники в 1954–1955 гг. ухитрились продемонстрировать одни и те же машины 2 раза, в результате чего у американцев возникла паника, вылившаяся в «бомбардировочный отрыв» («bomber gap»). Сущность его заключалась в

том, что в 1955–1957 гг. западные разведслужбы значительно преувеличили количественные показатели производства тяжелых дальних бомбардировщиков в СССР. Однако, как позже признавали историки американской разведки, невозможность свести концы с концами в решении данной проблемы побудила западных аналитиков разработать более изощренные методики анализа информации. Кроме того, у американцев появились новые источники информации, включая снимки с самолетов-разведчиков «У-2». К 1958 г. оценочные цифры советского производства бомбардировщиков были снижены и приблизились к реальности[21].

Основные тенденции развития дальней авиации в СССР были рассмотрены в специальной НРО от 5 июня 1958 г. «Численность и состав советских дальних бомбардировочных сил». Там в целом правильно выделялись главные вехи развития дальней авиации, начиная со своеобразной революции, связанной с созданием в начале 1950-х гг. «современного поколения дальних бомбардировщиков».

Наиболее активно развивалось строительство средних бомбардировщиков ТУ-16, выпуск которых с 1954 г. увеличивался, и хотя к моменту оценки он несколько снизился, в целом к 1 апреля 1958 г. было выпущено около 900 самолетов такого типа. В дальнейшем американцы предсказывали снижение производства ТУ-16 с максимально возможной их численностью в 1 100 машин к 1960 г.[22] Последние данные из отечественных источников представляют в целом сходные показатели: в 1954 г. было выпущено 70 самолетов серии ТУ-16, в 1955 г. – 300, а всего к 1960 г. их было произведено около 1 000[23].

Вместе с тем американцы отметили большие трудности с производством и принятием на вооружение тяжелых дальних бомбардировщиков, что контрастировало с относительно быстрым завершением конструкторской стадии создания М-4 и ТУ-95. Программа создания самолета Мясищева отличалась большим количеством его модификаций вплоть до середины 1956 г., когда появилась улучшенная версия. Производство на идентифицированном американцами заводе в Филях к лету 1957 г. достигло 3–4 машин в месяц, после чего их выпуск начал заметно снижаться. Это привело аналитиков к выводу о постепенном снятии модели с производства (всего к апрелю 1958 г., по их оценкам, было выпущено 85 самолетов). К началу 1957 г. была резко свернута и программа по производству ТУ-95 на известном западным аналитикам авиационном заводе в Куйбышеве, и главные усилия сконцентрировались на развитии на базе военной модели транспортного самолета ТУ-114 (всего к апрелю 1958 г. общая продукция по ТУ-95 составила от 50 до 60 машин). За период оценки на оперативных базах было размещено всего от 100 до 125 тяжелых дальних бомбардировщиков всех типов[24].

К концу 1950-х гг. за океаном был отмечен резкий сдвиг симпатий советского руководства в сторону баллистических ракет дальнего действия, многократно усилившийся после успешного испытания в 1957 г. советской межконтинентальной ракеты и запуска на ее основе первого искусственного спутника. В свете этих успехов Хрущев изменил отношение к традиционным видам и системам вооружения. Уже на Пленуме ЦК в конце октября 1957 г. он сказал: «У нас имеются неплохие бомбардировщики – дальние и средние, говорят, что они не хуже американских. Но на бомбардировщиках долететь до Америки – это сейчас трудная задача. Другое дело – межконтинентальная баллистическая ракета. Это абсолютное оружие… Если мы на ТУ-16 пошлем водородные снаряды, то сколько самолетов дойдет до цели? Думаю, немного…»[25]. Здесь же он отметил необходимость создания подводного флота, вооруженного ракетами, и эта тенденция дальнейшего развития советских стратегических сил была также отмечена американцами.

В США с осторожностью относились к противоречивым высказываниям Хрущева об авиации, и заостряли внимание на обещании советского лидера вскоре представить «новый и очень интересный бомбардировщик», который западные наблюдатели надеялись увидеть на ближайшем параде по случаю Дня советской авиации летом 1858 г.

С учетом обычных сроков доводки и приемки самолетов в СССР они считали возможным начало серийного производства нового самолета в конце 1958 – начале 1959 г. и принятие его на вооружение еще год спустя[26]. И в действительности, работы в этом

направлении, несмотря на ракетную эйфорию, продолжались. В конце 1950-х гг. были созданы и освоены в серийном производстве новые стратегические бомбардировщики Мясищева М-3М и М-50 (к 1960 г. планировалось довести выпуск М-50 до 250 машин).

И все же именно в области ракетостроения СССР удалось вырваться вперед в стратегическом соревновании с Западом, благодаря и мощной концентрации научно-технических сил, и принятию решения о приоритетном развитии ракетной техники руководством страны в нужный момент (уже в мае 1946 г.). Напротив, в США в 1947 г. одержало верх «авиационное лобби», и проект по развитию ракетной техники, созданный с помощью ведущих немецких специалистов во главе с В. фон Брауном, после ряда неудачных пусков ФАУ-2 был заморожен. К серьезным разработкам в этом направлении американцы вернулись только в 1952 г., а советские ракетчики тем временем продолжали упорно работать[27]. Характерно, что даже в оценках развития ракетной техники в СССР, которые спецслужбы США давали в 1953 г., по-прежнему преобладало убеждение, что самолет останется наиболее надежным и предпочтительным средством доставки ядерного оружия в условиях «ограниченного числа ядерных боеголовок» в СССР, т.е. примерно до 1958 г.[28]. Это можно расценить как серьезную ошибку в расчетах.

В целом информированность американских спецслужб о развитии советской ракетной программы в начале 1950-х гг. оказалась более высокой по сравнению, например, с атомной программой СССР. Это можно объяснить притоком сведений из немецких источников (освобожденные в 1951 г. в СССР немецкие специалисты по реактивной технике, разведывательные группы и т.д.). Правда, эти сведения носили несколько абстрактный и статичный характер – относились они к концу 1940-х гг.

В НРО 11-6-54 от 5 октября 1954 г. «Советский потенциал и вероятные программы в области управляемых ракет» подробно перечислялись известные американцам организации ракетного профиля. Они знали, например, о существовании в 1946–1947 гг. (специального) Комитета при Совмине, который контролировал развитие ракетной программы в СССР. Однако применительно к моменту оценки (1954) они могли лишь гадать о том, продолжал ли этот Комитет работать (на деле он уже прекратил свое существование). С организационной точки зрения, работы по реактивной технике, согласно документу, оказались распределенными между семью общесоюзными министерствами, которые поддерживали связь с рядом институтов Академии наук[29].

В то же время американцы явно недооценивали масштаб работ по созданию ракетно-ядерного оружия в СССР. В НРО 11-6-54 они лишь осторожно отмечали, что «имеются указания на возможную связь между советской ракетной программой и советской ядерной программой»[30]. По их оценке, почти все ракеты, имевшиеся тогда на вооружении СССР, могли быть приспособлены для оснащения их ядерными боеголовками. Однако и через год, в НРО 11-12-55 от 20 декабря 1955 г., американцы продолжали повторять ошибочное предположение, что в течение нескольких лет «Советы будут полагаться на самолет» как на средство доставки из-за недостаточности ядерного запаса СССР, который советское руководство не решится «доверить» такому ненадежному и неточному средству доставки, как ракеты[31]. И это говорилось менее чем за два месяца до первого успешного пуска в СССР ракеты Р-5М с ядерным зарядом в феврале 1956 г. Форсированные работы по приспособлению ракеты к несению ядерной боеголовки проводились совместными усилиями ракетчиков и атомщиков в течение года, и более полугода длились испытания[32]. Правда, система секретности была такая предельная, что о проводившихся работах знали буквально единицы. Тем не менее ошибки американцев в оценке темпов и направлений развития советской ракетной программы во многом явились следствием не этой секретности, а длительного «ракетного нигилизма» руководства США. Окончательный перелом в данном отношении наступил только в 1955 г., но к тому времени СССР уже лидировал в этом направлении гонки вооружений.

В указанных документах признавалось, что овладение ракетой с межконтинентальной дальностью сразу создаст СССР огромное стратегическое преимущество и изме-

нит баланс сил не в пользу США. Несмотря на это американские аналитики (возможно, стремясь угодить высшему начальству) продолжали недооценивать роль этого ключевого направления советской ракетной программы. В НРО 11-6-54 они отмечали, что в 1954–1960 гг. СССР будет отдавать предпочтение прежде всего конструированию и производству ракет класса «земля–воздух» и «воздух–воздух» в целях развития противовоздушной обороны[33]. Конечно, это направление являлось в середине 1950-х гг. одним из важных, однако приоритетом стратегической гонки вооружений в тот период было форсированное создание наступательной баллистической ракеты с межконтинентальной дальностью.

Данное направление стало привлекать все более пристальное внимание американского разведывательного сообщества. К концу 1955 г. его глава, директор ЦРУ А. Даллес был готов объявить развитие советской программы создания межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) предметом «наивысшего приоритета, возможно, в конечном счете большего значения для нашей национальной безопасности, чем разведка в области атомной энергии»[34].

В НРО 11-12-55 разведорганы США были вынуждены внести некоторые корректировки в свои более ранние суждения, признав, что в области создания баллистических ракет класса «земля–земля» «прогресс Советов оказался несколько более быстрым по сравнению с прежними оценками», и МБР, возможно, будет сконструирована раньше, чем ожидалось. Тем не менее в качестве реальной даты, к которой СССР сможет иметь первую «операционную модель» такой ракеты, готовую к серийному производству, попрежнему назывались 1960–1961 гг. (к тому же времени, как указывалось в документе, СССР будет иметь и ядерные боеголовки большей мощности). Таким образом, американские спецслужбы относили момент создания в СССР стратегического ракетно-ядерного оружия к самому началу 1960-х гг. С точки зрения военного строительства они почти не ошиблись, ибо создание стратегических ядерных сил реально развернулось именно с этого времени. Известный просчет был допущен в определении даты испытания первой советской МБР, и на ее основе – первого искусственного спутника. Учитывая большой интерес советской стороны к последнему вопросу, спецслужбы США предсказывали, что СССР будет стремиться запустить искусственные спутники как можно быстрее, «прежде всего для достижения психологического эффекта». По их оценкам, первый такой «неуправляемый» космический аппарат мог быть запущен на орбиту к 1958 г. (на деле это случилось 4 октября 1957 г.)[35].

Практические работы в этом направлении начались в СССР в 1953 г. на основании расчетов по конструктивной схеме многоступенчатой ракеты (так называемый пакет), предложенной инженером М.К. Тихонравовым еще в 1948 г. В качестве базовой предлагалось использовать созданную в ОКБ С.П. Королева одноступенчатую ракету типа Р-1.

В постановлении правительства СССР от 20 мая 1954 г. была поставлена задача скорейшего создания баллистической ракеты с межконтинентальной дальностью полета, способной «обеспечить поражение стратегических целей в любом военно-географическом районе земного шара» и вывести в космическое пространство искусственный спутник Земли[36]. Эта задача была решена фактически за 3 года.

Именно работы по созданию в 1954–1957 гг. межконтинентальной ракеты Р-7 привели к созданию новой приоритетной отрасли – ракетостроения. Эта программа на время оттеснила даже атомную, став во второй половине 1950-х гг. программой № 1. Ради нее руководство страны не жалело сил и средств, и даже частичная демилитаризация (сокращение армии и флота, снижение общих военных расходов) была призвана, в частности, освободить средства для производства ракет.

По оценке американцев, около половины всех расходов СССР по ракетной программе должны были составить ассигнования на развитие электронной промышленности и точного машиностроения. В связи с этим они прогнозировали сокращение других военных и невоенных экономических программ в 1954–1956 гг. в пользу ракетной отрасли[37]. В течение 1955–1956 гг. военные расходы СССР были уменьшены примерно на 1 млрд руб. за счет сокращения Вооруженных сил и планов развития обычных во-

оружений. Ракетная же программа тем временем вошла, по выражению ветеранов отрасли, в полосу настоящего штурма.

Для проведения летных испытаний МБР ЦК и Совмином было принято решение от 23 февраля 1955 г. о строительстве нового гигантского комплекса в Средней Азии, в районе разъезда Тюратам (в 1961 г. получил официальное название «Байконур»). 21 августа 1957 г. там было произведено первое успешное испытание МБР. На ее базе 4 октября того же года был запущен первый искусственный спутник Земли.

Эти события произвели на американские спецслужбы эффект разорвавшейся бомбы: в сентябре – декабре 1957 г. они разразились серией докладов о развитии советской программы МБР. Первый из этих докладов – специальная НРО 11-8-57 – появился уже 18 сентября 1957 г. В нем анализировались свидетельства советских испытаний МБР и лишь кратко констатировалось (более обстоятельный обзор был еще впереди), что в СССР, вероятно, были проведены испытания двух межконтинентальных ракет – 21 августа и 7 сентября. Это соответствовало официальному заявлению ТАСС от 26 августа 1957 г. о запуске первой такой ракеты и заявлению Хрущева на встрече с Э. Даладье в Ялте 9 сентября, что 7 сентября он сам лично присутствовал на втором успешном испытании МБР[38].

Место испытаний определили точно – полигон Тюратам (характерно, что американцы с самого начала пользовались действительным названием этого объекта, не прибегая к официальному советскому наименованию «Байконур»). До этого, как указывалось в документе, с середины 1953 г. было проведено около 275 испытаний баллистических ракет средней дальности на полигоне Капустин Яр. Судя по следующей записке – НРО 11-10-57 от 17 декабря 1957 г. – с 1953 г. американцы вели регулярное наблюдение за полигоном Капустин Яр и пришли к выводу, что он работал очень быстро и оперативно. В среднем там испытывалось по 4–5 ракет в день, и около 22 ракет различного радиуса в течение августа 1957 г., что свидетельствовало о высоком уровне подготовки стартовых команд и техники запуска[39].

Уже с середины 1955 г. американцы заметили активную строительную деятельность в районе Тюратама. Эти действия они справедливо связали с сооружением нового ракетного полигона протяженностью около 6,5 тыс. км, протянувшегося от Тюратама в Казахстане до района Ключи на Камчатке. В августе–сентябре 1957 г. на полигоне были зафиксированы первые испытания межконтинентальных ракет, а 4 октября и 3 ноября – запуски искусственных спутников.

В документе содержался подробный анализ основных компонентов настоящего и будущего развития советской программы МБР – от предположительных технических характеристик советских ракет до оценки общих экономических затрат. Правильным оказался вывод американской разведки, изложенный еще в НРО 11-10-57, что советская сторона начнет оснащать первые оперативные подразделения МБР «прототипными» ракетами (их количество, по западным оценкам, к середине 1959 г. могло достигнуть 10 штук), не дожидаясь начала их серийного производства[40]. И действительно, уже в 1957–1959 гг. в Вооруженных силах СССР началось формирование первых частей и соединений МБР, строительство стартовых позиций и других объектов позиционных районов. Первое такое соединение – объект с условным названием «Ангара» – создавалось в Плесецке еще с 1957 г. В декабре 1959 г. первые боевые межконтинентальные комплексы объекта «Ангара» были поставлены на боевое дежурство[41].

Вместе с тем на вооружение комплекс с ракетой Р-7 был принят только в январе 1960 г. В сентябре того же года на вооружение поступила созданная на базе предыдущей модели более совершенная ракета Р-7А с большей дальностью полета и легкой головной частью, которая стала основой для разработки новых модификаций ракетно-космических комплексов.

В середине 1950-х гг. от ОКБ-1 С.П. Королева отпочковалось конкурирующее направление сторонников использования высококипящих компонентов топлива во главе с М.К. Янгелем. В отличие от группы Королева, который с конца 1950-х гг. уделял все больше внимания «гражданским» космическим исследованиям, новое направление со-

средоточилось на решении чисто военных задач. В КБ Янгеля были разработаны более совершенные комплексы с ракетами средней дальности Р-12 и Р-14, принятые на вооружение в 1963 г. В конце 1950 – начале 1960-х гг. КБ Янгеля, в кооперации с другими организациями, создало новую боевую межконтинентальную ракету Р-16, которая стала базовой для группировок межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Наиболее значительные масштабы развертывания комплексов с Р-16 в войсках объяснялись максимальным сокращением времени на подготовку ракеты к пуску, упрощением эксплуатации комплекса, уменьшением веса заправляемой ракеты[42].

Большое значение для создания стратегических наступательных сил СССР имело учреждение по постановлению ЦК и Совмина СССР от 17 декабря 1959 г. должности Главнокомандующего ракетными войсками в составе Вооруженных сил СССР, на которого возлагалась ответственность за состояние ракетных войск, а также координация по вопросам создания, развития и внедрения специального вооружения и реактивной техники во всех видах Вооруженных сил. С этого времени советские военные историки ведут отсчет существования нового вида Вооруженных сил – Ракетных войск стратегического назначения (РВСН), которые стали основой стратегических ядерных сил СССР[43].

С середины 1950-х гг. развитие ракетной техники стало главным направлением военного соревнования между СССР и США. В связи с этим нельзя не сказать о развертывании ракетного производства и в стане «главного противника», где также осознали ключевую роль ракетного оружия. В 1955 г. были заключены крупные контракты между правительством и ведущими фирмами США на изготовление баллистических ракет, двигателей и ракетного оборудования. В течение последующих трех лет форсированно создавались МБР «Атлас», «Титан», ракеты средней дальности «Юпитер» и «Тор». Решением президента Д. Эйзенхауэра ракетные программы были признаны приоритетными; к их выполнению подключились более 299 американских фирм, НИИ и лабораторий. Расходы на проектирование управляемых снарядов всех типов возросли к 1958 г. почти до 6 млрд долларов. На работы по баллистическим ракетам с 1951 по 1959 г. было израсходовано 6 млрд. С 1958 г. ракеты стали поступать на вооружение.

Значительные средства были вложены в расширение Атлантического испытательного полигона на мысе Канаверал и в создание нового Тихоокеанского полигона в штате Калифорния. По данным советской разведки, к 1961 г. американцы могли иметь до 10 баз для запуска межконтинентальных ракет с дальностью до 10 тыс. км, которые были в состоянии обеспечить нанесение ударов по всем районам СССР и странам народной демократии, а также по северным провинциям Китая. В 1959–1963 гг. в США были созданы ракеты с твердотопливными двигателями («Минитмен», «Поларис», «Першинг» и др.)[44].

На острие этого соперничества американцы, естественно, продолжали уделять первостепенное внимание развитию советской ракетной и космической программ. В 1958–1959 гг. разведорганы подготовили серию записок по этой теме – НРО 11-5-58 от 19 августа 1958 г., НРО 11-5-59 от 3 ноября 1959 г. и ряд дополнений к ним с анализом данных аспектов советского военного строительства. Общей предпосылкой для такого интереса явилось предположение, что в тот момент СССР не имел намерения предумышленно развязывать глобальную войну, а также что в ближайшее время не будет заключено международных договоров о контроле за вооружениями и за космическим пространством[45].

Ко времени составления этих документов американцы располагали общими сведениями о развертывании советской программы МБР: о тактико-технических характеристиках основных типов ракет, о ходе испытаний. По их данным, с начала испытаний МБР в августе 1957 г. по ноябрь 1959 г. было проведено около 20 пусков таких ракет на полигоне в Тюратаме. Главным направлением явилось, по их мнению, совершенствование уже имевшихся образцов и деталей, усиление надежности и простоты конструкции ракет, а не поиск принципиально новых решений.

Однако в тот период их представления о программе оставались еще довольно расплывчатыми. Так, они признавались в неспособности установить, началось ли серийное производство МБР на советских заводах и существовали ли уже действующие пусковые установки. Они пытались сравнить открытые высказывания Хрущева в 1958–1959 гг., где он говорил о начале серийного производства ракет, с другими сведениями и возможными интерпретациями понятия «серийное производство». С учетом того, что период освоения изделий в серийном производстве составлял, по расчетам американцев, от 12 до 18 месяцев, они полагали, что у советской стороны было достаточно времени для налаживания производства ракет уже в 1959 г.

В целом оценки темпов этого освоения и количества ракет, которые могли быть произведены в СССР, оказались завышенными, что явилось отчасти результатом «ракетного блефа» Хрущева. Так, в конце 1958 г. советский лидер заявил о начале серийного производства МБР в СССР; через 5 дней он объявил, что советские ракеты были способны нести 5-мегатонную ядерную боеголовку. В феврале 1959 г. Хрущев предупредил Запад о развертывании в СССР массового производства баллистических ракет, которые способны нанести удар по агрессору в любой части мира, а в ноябре того же года назвал количество произведенных МБР на одном из советских заводов за предыдущий год – 250 ракет. Подобные заявления способствовали нагнетанию в западных странах страха перед советской ракетной угрозой и резкому завышению ракетного потенциала СССР. Это явление получило название «ракетного отрыва» («missile gap»). В США предполагали, что СССР сможет иметь 100 межконтинентальных ракет уже в 1960 г., и до 500 – в 1961–1962 гг.[46]

Между тем советская программа по серийному освоению МБР столкнулась с большими трудностями, несмотря на форсированное вливание сил и средств в эту программу. Огромные усилия к налаживанию серийного выпуска ракет Р-7 в 1958–1959 гг. прилагал Королев. Согласно постановлению ЦК и Совмина от 2 января 1958 г., на завод № 1 Куйбышевского совнархоза было возложено задание по серийному производству ракет Р-7: в 1958 г. предполагалось выпустить 3 ракеты, а в 1959 г. – первую их серию. Однако, как докладывал Королев заместителю Председателя Госплана М.В. Хруничеву, выполнение задания оказалось под угрозой срыва из-за обычного для централизованно-плановой экономики явления – недопоставок заводу в срок комплектного оборудования, а также недостатка квалифицированных кадров. В целом же, по оценке главного конструктора Р-7, возможности завода позволяли произвести в 1959 г. 30 Р-7, в 1960 г. – до 75 единиц (а не 100, как считали американцы, при том, что Р-7 была в то время единственной межконтинентальной ракетой, осваивавшейся в серийном производстве), правда, с последующим переходом на 120–130 единиц в год. Что касается 500 МБР, в год, то, по расчетам советских плановиков, их можно будет производить не ранее 1962 г. (при этом уже суммировались показатели по производству трех типов межконтинентальных ракет: Р-7, Р-9 и Р-16).

Что касается советской космической программы, то в документах 1958–1959 гг. американцы оценивали ее также в довольно общей форме. Главной целью этой программы для СССР они считали основополагающие научные задачи, и прежде всего вывод человека в «межпланетарное пространство» с вытекающими отсюда политическими и психологическими выгодами для страны. Что же касалось военных целей, то они, по мнению американцев, не оказывали решающего влияния на развитие тех или иных космических проектов, хотя результаты успешных запусков космических аппаратов могли иметь «применение в военной области». В целом заокеанские аналитики были, казалось, даже удивлены недостаточной, с их точки зрения, активностью испытаний космических объектов, равно как и запусков МБР: вероятно, они ожидали большего после пережитого ими шока от запуска первого советского спутника.

Между тем вряд ли следовало недооценивать и взаимосвязь между военной и космической программами в СССР. С самого начала работ по освоению космоса разрабатывались специальные целевые программы развития космических средств военного назначения. Космические аппараты, использовавшиеся для решения военных за-

дач, представляли собой автоматические искусственные спутники Земли, способные к длительному функционированию в условиях космического пространства. По воспоминаниям начальника Главного управления космических средств генерала А.А. Максимова, уже в записке Королева Д.Ф. Устинову от 26 мая 1954 г. содержались наметки использования будущих космических аппаратов в военных целях, а во второй половине 1950-х гг. проводились практические работы в этом направлении[47].

Во второй половине 1950-х гг. были сформированы первые воинские части космического назначения, что было связано с подготовкой к запуску первого спутника. С созданием в 1959 г. Ракетных войск работы по космическому оружию передавались в их ведение. В начале 1960-х гг. на орбите появились «странные» спутники, которые могли совершать маневры. Аналогичные разработки велись и в США. Космическая отрасль стала приобретать все большее значение в соревновании двух военно-политических блоков.

В то же время, благодаря использованию первых спутников-шпионов, степень информированности американских спецслужб о советских военных объектах и программах резко увеличилась. Прогресс в сборе шпионских сведений наблюдался еще с началом осуществления программы разведывательных полетов над СССР американских самолетов «У-2» в 1956 г. Однако эта деятельность была прервана после того, как 1 мая 1960 г. был сбит такой самолет с летчиком Ф.Г. Пауэрсом. Настоящий прорыв в данном отношении наступил в ходе реализации первой спутниковой программы под кодовым названием «Корона» в 1960–1961 гг. Главной целью программы было обнаружение советских ракетных комплексов как наступательного, так и оборонительного назначения, а также аэродромов, военно-морских баз, атомных объектов, производств и складов взрывчатых веществ. Вся разведывательная информация по этой программе проходила под кодовым названием «Тэлент-Кэйхоул» (второе кодовое слово, относившееся к спутниковой коллекции, было добавлено к первому, которым ранее обозначалась информация, собиравшаяся с самолетов)[48].

Приоритетом программы являлись советские ракетные объекты. С начала 1960-х гг. сведения, собранные с помощью спутников, стали основой для «обработанной (готовой) разведки», т.е. докладов для политических руководителей страны. Так, на основании информации, собранной по плану «Корона», была составлена НРО 11-8/1-61 «Численность и развертывание советских ракетных сил дальнего действия» от 21 сентября 1961 г. Новые данные заставили американские спецслужбы пересмотреть свои оценки по количеству МБР в сторону значительного уменьшения, однако подтвердили имевшиеся у них сведения о количестве ракетных комплексов среднего радиуса действия. В записке подчеркивалось, что несмотря на усиленные уверения советской пропаганды в ракетно-стратегической мощи СССР, реальная угроза Соединенным Штатам могла исходить скорее от дальних бомбардировщиков и оснащенных ракетами подводных лодок, нежели от группировок межконтинентальных ракет, которые представляли лишь «ограниченную угрозу» для стратегических ядерных сил США[49]. К моменту анализа они насчитывали в СССР от 10 до 25 пусковых установок с МБР, способных вести боевые действия против США.

На деле в те годы их было еще меньше. В 1960 г. было создана боевая стартовая станция с ракетным комплексом Р-7А в Плесецке, где 16 июля были проведены первые два учебно-боевых пуска. В 1961 г. сформировали ракетный полк в Нижнем Тагиле, два полка в поселке Юрья и боевую стартовую станцию на Байконуре – с ракетным комплексом Р-16 наземного типа[50]. Этими объектами в то время ограничивались пусковые установки советских межконтинентальных ракет.

Авторы документа были отчасти правы, объясняя медленное развертывание комплексов с МБР решением советского руководства ограничиться размещением лишь небольшого количества громоздких ракет первого поколения и сосредоточиться на развитии более компактных систем второго поколения (резкий рост количества ракетных комплексов они считали возможным только с конца 1962 г.). Кроме того, как уже отмечалось, на рубеже 1960-х гг. в СССР шли форсированные испытания новых типов

ракет различных конструкторов, и многие из них были неудачными, требовали дополнительных затрат сил и времени.

Полученные со спутников сведения дали возможность впервые идентифицировать ракетные комплексы и исследовать ранее недоступные разведке обширные районы СССР, где предположительно находились эти комплексы. Рутинным занятием стал подсчет количества запусков ракет с уже известных полигонов и определение, скажем, роста интенсивности программы испытаний в Тюратаме в 1961 г.: с января по 17 сентября там было насчитано 39 запусков. Вместе с тем американцы подметили и большое количество неудач и аварий, которые приходились на долю исключительно новых типов ракет. Так, из 13 запусков уже известных аппаратов все были удачными, а из 26 испытаний новых типов успешными были не более половины.

Специалисты американской разведки подразделили новые типы ракет на две категории, которые, по их мнению, могли конкурировать с моделями МБР, хотя более точных параметров ракет они не знали. И действительно, в течение 1961 г. продолжались летные испытания уже упоминавшейся ракеты конструкции Янгеля Р-16 (принятой на вооружение 20 октября 1961 г.), а также с апреля начались испытания новой МБР Королева Р-9А с отделяющейся головной частью (испытания были завершены только в 1964 г.). Испытания 1961 г. подтвердили ранее имевшиеся у американцев сведения о развитии новой системы МБР (второго поколения) на высококипящих компонентах топлива, которая была легче в эксплуатации[51] (таковой являлась Р-16). Для испытания этой ракеты, как предполагали американцы, был создан новый комплекс в Тюратаме, названный ими районом «С» в отличие от массивных стартовых комплексов с железнодорожным обеспечением для подвоза громоздких ракет – районов «А» и «Б», сооруженных для запуска ракет первого поколения.

Достижением для американской разведки стало установление дислокации советских ракетных баз и комплексов. Снимки со спутника позволили подтвердить поступавшие еще в 1957 г. данные о строительстве объекта в Плесецке, который считался стартовым комплексом для МБР. Точное их количество пока не было определено, но зафиксированы пусковые установки ракет класса «земля – воздух», несколько обширных районов обеспечения и многочисленные здания, в которых могло размещаться от 5 до 15 тыс. человек.

Кроме того, снимки «Кэйхоула» позволили четко определить строительство ракетных комплексов в районе Юрья и в Йошкар-Оле, к северо-востоку от Москвы и в районе Верхняя Салда на Урале. Под подозрением оказался и район Костромы. По типу конструкции это были обширные, стационарные комплексы с высокой степенью уязвимости, расположенные в отдаленных, лесистых районах. Наиболее продвинутым в техническом отношении американцы посчитали комплекс в Юрье с типичными для такого сооружения восемью пусковыми установками. Начало его строительства они отнесли к осени 1959 г., параллельно с районом «С» в Тюратаме. Завершение его сооружения и укомплектования оборудованием было датировано началом 1962 г. (здесь погрешность оказалась небольшой: 2 ракетных полка в Юрье были созданы 1 ноября 1961 г.). Комплекс в Йошкар-Оле намного отставал по времени сооружения от Юрьи (он был введен в действие только в 1971 г.)[52]. Комплексы в Верхней Салде и около Костромы находились на ранних стадиях сооружения. И хотя американцы отводили на возведение каждого из них от 18 месяцев до 2 лет, на деле этот срок оказался гораздо более значительным (так, в Костроме ракетный полк был сформирован лишь в 1987 г.). Применительно же к моменту оценки можно отметить, что американцам удалось определить практически все ракетные комплексы по состоянию на сентябрь 1961 г., кроме, пожалуй, двух ракетных полков в Нижнем Тагиле (сформировались чуть позже – 5 февраля и 1 ноября 1961 г.)[53]. Вместе с тем снимки со спутника дали возможность установить, что во многих районах СССР, находившихся ранее под подозрением, на самом деле никаких ракетных комплексов не было.

Анализ новой информации позволил американцам также определить, что основная ракетная мощь СССР в 1961 г. была сосредоточена не в межконтинентальных ком-

плексах, а в объектах с ракетами средней дальности, которые также являлись стратегическим наступательным оружием в отношении европейских союзников США. Фотографии со спутника подтвердили информацию о широкомасштабном развертывании ракет среднего радиуса действия в западной части СССР. На этих фотографиях они насчитали около 50 таких ракетных баз, с более чем 200 пусковыми установками, расположенными в так называемом восточном поясе, протянувшемся от Прибалтики до Южной Украины. По их предположениям, еще около 10 таких баз могли быть скрыты за облаками. По конфигурации эти комплексы напоминали пусковые районы полигона Капустин Яр: там могли быть размещены только ракеты оперативно-тактического и тактического назначения, а не МБР. На базе всех имевшихся у них источников, спецслужбы США определили количество пусковых установок ракет средней дальности, нацеленных главных образом на страны НАТО и Европы, в 250–300. К 1962–1963 гг. они предполагали увеличение числа этих установок до 350–400, после чего уровень сил должен был, по их мнению, стабилизироваться[54].

Определить адекватность этой оценки в количественном отношении пока трудно ввиду отсутствия полных данных в рассекреченных советских источниках применительно к периоду конца 1950 – начала 1960-х гг. Пока из отечественных публикаций известно, что с 1959 по 1962 гг. в СССР было создано всего 9 ракетных полков с ракетами средней дальности. Тем не менее можно полагать, что американцы все еще завышали уровень развертывания советских стратегических ракет на рубеже 1960-х гг. В этом отношении крайне полезной для них оказалась информация, которую начал давать англо-американской разведке с середины 1961 г. бывший сотрудник Главного разведывательного управления Министерства обороны (ГРУ) полковник О. Пеньковский о реальных размерах советского арсенала межконтинентальных ракет[55].

Комментируя заявления Хрущева касательно испытаний, производства и размещения советских МБР, Пеньковский высказался так: «СССР не способен выпустить [даже] одну или две [МБР]… Даже на стадии испытаний их далеко не сотни. В этой категории их могут быть только десятки… Даже сейчас возможно, что где-то на Дальнем Востоке или в Капустином Яру находятся какие-то ракеты, способные достичь других континентов и произвести ядерный, или даже термоядерный взрыв, но такие запуски были бы абсолютно спонтанными, неконтролируемыми и, конечно, не массовыми. В этом я совершенно уверен»[56]. Информация Пеньковского дала руководству США дополнительные козыри в ходе Карибского кризиса.

Что же касается дальнейших тенденций развития советского ракетного потенциала, то американцы скорее недооценили темпы его развертывания. С середины 1960-х гг. произошла невиданная даже при Хрущеве гонка ракетно-ядерных вооружений, вплоть до достижения примерного стратегического паритета между СССР и США в середине 1970-х гг. Затем советский потенциал продолжал расти при консервации размеров американского арсенала стратегических наступательных вооружений[57].

В ноябре 1963 г. ЦРУ подготовило на основе собранной со спутников информации доклад об истории развития полигонов Капустин Яр, Владимировка и Тюратам с 1957 по 1963 г., снабженный множеством фотографий этих комплексов[58]. В докладе содержались технические описания различных сооружений и хронология их создания. В качестве общей закономерности отмечалось продолжавшееся форсированное расширение районов пусков ракет в Тюратаме между 1957 и 1963 гг. при значительно меньшей активности в районах Капустин Яр, Владимировка во второй половине того же периода. Это было связано, безусловно, с расширением программы развития МБР, которая, как говорилось, оттеснила в это время другие программы.

В 1964 г. при помощи «Короны» была обнаружена и описана главная база советских подводных лодок – носителей стратегических ядерных баллистических ракет, и завода по их производству в Северодвинске. Теперь американцы могли следить за сходом со стапелей каждого нового класса ядерных подводных лодок и за размещением их на оперативных базах[59]. В поле их зрения оказались все ветви формировавшейся ядерной триады СССР: РВСН, стратегические ВВС и ядерные морские силы.

Таким образом, начало 1960-х гг. стало рубежом в развитии технических возможностей американской разведки, когда в результате использования новейших технических средств – прежде всего космических – произошел прорыв через железный занавес секретности. Соответственно, многие представления о советском ракетно-ядерном потенциале были значительно скорректированы. В последующие годы «спутниковый прорыв» в сочетании с новыми методами обработки данных позволил существенно повысить качественный уровень этих оценок.

Оценки ЦРУ советских военных расходов в годы «холодной войны»: методы, направления, критика. Главным органом, занимавшимся тщательным подсчетом и анализом советских военных расходов в годы «холодной войны», являлось созданное в сентябре 1947 г. ЦРУ. С 1950 г. его специальное Бюро разрабатывало уже известные нам НРО, которые составлялись при участии других разведывательных органов. Анализом военного потенциала СССР занимались такие «фабрики мысли», как корпорация РЭНД (Калифорния) и центры в ряде университетов. В 1961 г. было создано Оборонное разведывательное управление (Defense Intelligence Agency), которое должно было обслуживать разведывательные нужды министерства обороны США и ОКНШ. В связи с этим работы по изучению военного потенциала СССР зачастую дублировались. Однако центральная роль в оценках советских военных расходов все же оставалась за ЦРУ в силу огромного опыта и квалификации его персонала и отработанности методик[60].

Специалисты по истории разведки выделяли два основных метода оценки военной экономики СССР: остаточный (на базе данных официальной советской статистики) и прямой ценовой (или метод построения блоков). Во втором случае определялись расходы на каждый вид Вооруженных сил и служб (зарплата различных военных чинов, расходы на оборудование, материальное обеспечение и т.д.), которые далее сводились в единые ценовые ряды. Заполнение недостающих сведений в модели производилось методом экстраполяции американских аналогов. Недостатком метода являлось искусственное перенесение экономических отношений, характерных для США, на советскую действительность. То же самое относилось и к оценкам советских расходов в долларовом исчислении.

В связи с этим следует отметить, что в ЦРУ исчисляли военные расходы СССР как в рублях, так и в долларах (чтобы сделать расчеты более доступными для понимания американцев). При этом расхождения в оценках являлись зачастую очень существенными. Так, советские расходы на поставки военного оборудования составляли примерно половину от общих военных расходов, измеряемых в рублях, но только четверть – если речь шла о долларовом исчислении[61].

В первых НРО почти не встречалось цифровых показателей. Только в 1952 г. появилась крайне приблизительная оценка, что СССР затрачивал около $^1/_5$ национального продукта на военные нужды. В 1953–1954 гг. отмечалось снижение военных расходов, что соответствовало действительности: после смерти Сталина руководство страны скорректировало экономический курс в сторону роста гражданского производства и сферы потребления.

Тенденция к сокращению военных расходов сохранилась и в последующие годы, когда усилилось влияние Хрущева в высшем руководстве, вплоть до установления его единовластия летом 1957 г. За период 1955–1958 гг. военные расходы СССР были уменьшены в целом на 1 млрд руб. По оценкам ряда западных исследователей, в течение первых трех лет правления Хрущева доля военных расходов в валовом национальном продукте (ВНП) страны уменьшилась с 12 до 9%, в то время как доля сектора потребления возросла с 60 до 62% ВНП. В 1959 г. рост затрат на производство новейших вооружений переломил эту тенденцию, и военные расходы СССР снова возросли до уровня 1955 г., хотя из-за быстрого роста валового национального продукта в этот период процент военных расходов в ВНП оставался прежним. После 1959 г. их доля в ВНП начала медленно, но постоянно возрастать. Военные расходы вновь заняли приоритетное место в экономической политике советского руководства. По западным

оценкам, во временном интервале 1952–1970 гг. периодом самых высоких темпов роста военных расходов были 1961–1965 гг., когда средние темпы их роста достигали 7.6%[62].

В оценке экономического потенциала СССР в начале 1950-х гг. ЦРУ опиралось в основном на официальную советскую статистику. Метод же «построения блоков» впервые был применен в НРО 11-6-54 («Советский потенциал и возможные программы в области управляемых ракет»). С помощью этого метода было установлено, что несмотря на наличие в СССР «адекватной экономической базы», ограниченные возможности советской электроники и точного приборостроения не позволяют СССР резко увеличить производство ракет.

Новые подходы и методы исчисления активно стали применяться с начала 1960-х гг. при администрации президента Дж. Кеннеди и министре обороны Р. Макнамаре (последний ввел систему жесткого учета оборонных расходов США – так называемую систему планирования–программирования–бюджетирования и системного анализа)[63]. Резко увеличились требования к военно-экономическому анализу, активно применялся функциональный подход при цифровых оценках «советской угрозы». Помимо создания уже упомянутого Оборонного разведывательного управления в Минобороны, значительно расширились подразделения внутри ЦРУ, занимавшиеся военно-экономическими исследованиями. Для оценки советского военного потенциала стали применяться компьютерные системы. Все это, наряду со «спутниковым прорывом», привело к значительным сдвигам в качественном отношении.

С 1974 г. начали открыто публиковаться данные о слушаниях в Конгрессе США по вопросам обороны (первыми стали достоянием гласности материалы заседаний по вопросам военно-экономической ситуации в СССР и Китае). Получила распространение также практика открытых запросов конгрессменов в адрес разведорганов[64].

Во второй половине 1970-х гг. наступил этап переосмысления накопленного ранее массива материалов по оценке советского военного потенциала. Так, корпорацией РЭНД в 1975 г. был подготовлен обобщающий доклад об эволюции советских Вооруженных сил и бюджетов на протяжении 30 лет (с 1945 г.), органами Минобороны – капитальные труды по истории военного соревнования СССР и США за прошедшие годы «холодной войны», об организации и функционировании Министерства обороны СССР[65].

Разведорганы неоднократно подвергались критике со стороны наиболее воинственных представителей военно-промышленного комплекса США, поскольку они якобы занижали размеры советского военного потенциала. Крупный пересмотр прошлых оценок был произведен специальными «командами» ЦРУ в 1976 г., в связи с пересчетом соотношения рубля и доллара: в результате размеры советских расходов были увеличены на 50%.

Однако скандалы вокруг разведоценок не прекращались. Так, в 1983 г. было вдруг обнаружено, что уровень поставок военного оборудования в СССР практически не менялся в течение 1976–1981 гг. (образовалось так называемое плато, т.е. почти не было роста показателей). Такие оценки, естественно, шли в разрез с новым военно-политическим курсом на «перевооружение Америки», принятым администрацией президента Р. Рейгана на рубеже 1980-х гг.[66]. Подобные скандалы были весьма характерны для политической жизни США и наводят на мысль, что известная политизированность материалов разведки проявлялась прежде всего не в ходе их составления, а при их использовании теми или иными властными группами.

В 1980-е гг. появились новые направления разведывательных усилий, такие как расширительные оценки расходов на национальную безопасность СССР; расчеты советских военных расходов в текущих рублях (ранее они производились только в постоянных рублях или в долларах); выход за рамки сравнений СССР–США и расчеты на уровне блоков НАТО–Варшавский договор; глобальные оценки «цены империи» и т.д.

Сравнение военных расходов США и СССР являлось одним из кардинальных направлений деятельности разведорганов. На протяжении почти четырех десятилетий были построены два ряда оценок: 1951–1964 гг. и 1965–1990 гг. Динамика представля-

лась следующим образом: в 1951–1964 гг. стоимость советской военной программы в долларах оценивалась на 65 млрд меньше, чем американской; в 1965–1985 гг. американские расходы продолжали в абсолютном выражении превышать советские. Вплоть до 1972 г. темпы роста военных расходов США были также выше, чем в СССР (что было связано с войной во Вьетнаме). В 1972–1985 гг. СССР вырвался вперед по темпам роста, и к 1985 г. военные расходы обеих стран почти сравнялись[67]. Здесь следует, однако, учитывать условность перевода стоимости военной программы СССР из рублевого в долларовое исчисление.

По целевому назначению расходы обеих стран существенно отличались: СССР тратил больше на стратегические наступательные и оборонительные системы, на сухопутные войска, США – на тактическую авиацию, Военно-морские силы и силы быстрого реагирования. Характерным для обеих стран являлся опережающий рост расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в области вооружений (в СССР затраты на эту область выросли за 1951–1990 гг. в 16 раз!)[68].

В 1980-е гг. были проведены и более масштабные сравнения потенциала НАТО и Варшавского Договора, которые также оказались не в пользу идеи об опережающем наращивании военных расходов советского блока. Согласно подсчетам 1986 г., расходы стран Варшавского Договора (без СССР) в период 1976–1986 гг. были более или менее стабильными, в то время как расходы стран НАТО (без США) медленно росли. В целом же долларовая стоимость военных программ НАТО примерно в 3 раза превышала показатели «восточного блока». Эти подсчеты специалистов ЦРУ опять-таки ставили под сомнение необходимость дальнейшей гонки вооружений и наращивания военной мощи США в 1980-е гг.

В целом оценки ЦРУ, основанные на постоянно совершенствовавшихся методиках, изначально не были далеки от действительности. Однако они подвергались критике и корректировке и снаружи – из администрации президента, Конгресса, от союзников по НАТО, общественных организаций[69], и изнутри – со стороны своих сотрудников. В разные периоды их обвиняли то в преувеличении, то в недооценке советского военного потенциала в зависимости от колебаний политического курса. В периоды обострения отношений между блоками естественно возрастали запросы на показ агрессивности и наращивания военного потенциала СССР. Показателем использования данных разведки в политических целях являлась целая серия кампаний по «отстаиванию» США от СССР в области бомбардировочной авиации, ракет, противоракетной и гражданской обороны. Они использовались для нагнетания страха перед противником и форсирования новых военных программ США.

Документам ЦРУ были свойственны правильно отмеченные одним из отечественных исследователей «обтекаемость и многовариантность выводов», стремление подстраховаться на случай любого развития событий[70]. Однако в целом эти источники представляли систематический и разносторонний анализ развития военного потенциала СССР, основанный на новейших методиках, и были альтернативой скупым цифрам официальной советской статистики. В любом случае, разведывательные оценки адекватно отражали основные направления военного соревнования между блоками и являлись своего рода барометром гонки вооружений.

Примечания

[1] Западная литература по этим проблемам очень обширна. Среди наиболее крупных работ можно отметить: K o l k o w i c z R. The Soviet Military and the Communist Party. Stanford, 1967; H o l l o w a y D. The Soviet Union and the Arms Race. New Haven and L., 1983; Soviet Military Policy / Ed. by S.M. Lynn-Johnes, S.E. Miller, S. van Evera. Stanford, 1986; A l m q u i s t P. Red Forge: Soviet Military Industry Since 1965. N. Y., 1990.

[2] C o o p e r J. The Soviet Defence Industry: Conversion and Economic Reform. N. Y., 1991; N i c h o l s T.M. The Sacred Cause: Civil-Military Conflict over Soviet National Security, 1917–1992. Cornell, 1993; H o l l o w a y D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and the Atomic Energy, 1939–1956. New Haven and L., 1994.

[3] Selected Estimates on the Soviet Union, 1950–1959 / Ed. by A. Koch. Wash., D.C., 1993; Corona: America's First Satellite Program / Ed. by J.K. McDonald. Wash., 1995; Intentions and Capabilities: Estimates on Soviet Strategic Forces, 1950–1983 / Ed. by R. Steury. Wash., 1996.

[4] The Soviet Estimate: US Analysis of the Soviet Union, 1947–1991 / Ed. by T.S. Blanton, M. Byrne. The National Security Archive, 1995.

[5] См., напр.: Почему Г. Трумэн «пощадил» СССР (Публикация В.И. Батюка, А.В. Пронина) // Военно-исторический журнал. 1996. № 3, 4; Печатнов В.О. СССР глазами американской разведки в 1950–1980-е гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 3.

[6] Подробнее о российской литературе на эти темы см.: Быстрова И.В. Советский ВПК: Теория, история, реальность // Свободная мысль. 1997. № 6.

[7] См.: Почему Г. Трумэн «пощадил» СССР.

[8] National Archives, Washington, D.C. R.G. 218. Records of the US Joint Chiefs of Staff. Geographic File, 1946–1947. HM 1994. Box 75. Sec. 19. Memorandums of JCS on Determination of Priorities for Future Strategic Planning (далее – NARA).

[9] См.: Филитов А.М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М., 1994. С. 79; Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995. С. 108.

[10] NARA. R.G.218. Box 77. Sec. 28. JCS 1920/1. 1949. 31 Jan. Long-Range Plans for War with the USSR – Development of a Joint Outline plan for Use in the Event of War in 1957 (Short Title – «Dropshot»). P. 44.

[11] См.: Хогертон Дж.Ф., Рэймонд Э. Когда Россия будет иметь атомную бомбу? Пер. с англ. М., 1949.

[12] Long-Range Plans… P. 87.

[13] Dropshot. The American Plan for World War III Against Russia in 1957 / Ed. by A.C. Brown. N. Y., 1978. P. 105.

[14] См.: Советская военная мощь от Сталина до Горбачева / Под ред. А.В. Минаева. М., 1999. С. 167.

[15] NARA. R.G. 218. Box 52. Sec. 4. JIS 380/3. 1948. 29 Mar. Estimate of the Intentions and Capabilities of the USSR against the Continental United States and the Approaches Thereto, 1948–1957. Enclosure. P. 6–7.

[16] Ibid. Box 81. Sec. 41. JCS 1844/46. 1949. 8 Nov. P. 347.

[17] NARA. R.G. 218. Box 52. CCS 092 USSR (3-27-450). Sec. 4. JIS 80/24. 1949. 15 Jan. Enclosure «B». P. 2.

[18] Ильин А. От «Малыша» до «Большого Ивана» // Международная жизнь. 1997. № 1. С. 91.

[19] См.: Гай Д. Небесное назначение. М., 1984. С. 119; Пономарев А.Н. Советские авиационные конструкторы. М., 1990. С. 45; Ильин А. Указ. соч. // Международная жизнь. 1997. № 2. С. 110–112.

[20] Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 2., оп. 1, д. 168, л. 142–144.

[21] Intentions and Capabilities: Estimates on Soviet Strategic Forces, 1950–1983 / Ed. by R. Steury. Wash., 1996. P. 5–6 (далее – Intentions and Capabilities).

[22] NARA. R.G. 263. Ent. 600. Box 1. SNIE 11-7-58. 1958 (далее – SNIE 11-7-58). 5 Jun. P. 3.

[23] Ильин А. Указ. соч. // Международная жизнь. 1997. № 2. С. 110.

[24] SNIE 11-7-58. P. 6.

[25] РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 272, л. 43 об.

[26] SNIE 11-7-58. P. 5.

[27] Голованов Я.К. Королев. Факты и мифы. М., 1994. С. 399.

[28] NARA. R.G. 263. Ent. 500. Box. 2. NIE 11-6-54/ 1954 (далее: NIE 11-6-54) 5 Oct. P. 4.

[29] Ibid. P. 6.

[30] Ibid. P. 20.

[31] NARA. R.G. 263. Ent. 500. Box 2. NIE 11-12-55. 1955. 20 Dec. P. 2 (далее: NIE 11-12-55).

[32] Подробнее об этой работе см.: Голованов Я.К. Указ. соч. С. 458–461.

[33] NIE 11-6-54. P. 1, 26.

[34] Intentions and Capabilities. P. 55.

[35] NIE 11-12-55. P. 8.

[36] См.: РВСН. С. 42.

[37] NIE 11-6-54. P. 39.

[38] См.: NARA. R.G. 263. Ent. 600. Box 1. SNIE 11-8-57. 1957. 18 Sep.

[39] SNIE 11-10-57. 17 Dec. 1957 // Intentions and Capabilities. P. 63–64.

[40] Ibid. P. 19.

[41] См.: Ракетные войска стратегического назначения // Под ред. Ю.П. Максимова. М., 1992. С. 53 (далее – РВСН); Хроника основных событий истории ракетных войск стратегического назначения. М., 1994. С. 15.

[42] См.: РВСН. С. 63–65.

[43] Хроника основных событий… С. 236–239.

[44] Подробнее см.: Б у б н о в И.Н. Краткий очерк развития космических ракет-носителей США // Из истории авиации и космонавтики. Вып. 2. М., 1964. С. 6–19.

[45] См.: NIE 11-5-58. 1958. 19 Aug. // Intentions and Capabilities. P. 65–70; NARA. R.G. 263. Ent. 600. Box 1. NIE 11-5-59. 1959. 3 Nov.

[46] NIE 11-5-57. P. 4.

[47] См.: Красная звезда. 1993, 25 сентября.

[48] См.: Corona: America's First Satellite Program / Ed. by J.K. McDonald. Wash., Preface. P. XIV.

[49] Ibid. P. 131.

[50] Хроника основных событий… С. 28.

[51] Corona… P. 134.

[52] Хроника основных событий… С. 29.

[53] Там же. С. 28.

[54] Corona… P. 146.

[55] Хроника основных событий… С. 27.

[56] См.: Intentions and Capabilities. P. 57.

[57] См.: Nuclear Weapons Databook. Vol. IV. Soviet Nuclear Weapons / Ed. by T.B. Cochran, etc. N. Y., 1989. P. 22–27; Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. С. 144.

[58] Corona… P. 191–196.

[59] Ibid. P. 253–256.

[60] Подробнее об оценках ЦРУ военных расходов СССР см.: F i r t h N.E., N o r e n J.H. Soviet Defense Spending: a History of CIA Estimates, 1950–1990. College Station, 1998; K a u f m a n n R.E. CIA Economic Intelligence on the USSR, 1949–1960; N o r e n J.H. The Contoversy over Western Measures of Soviet Defense Expenditures // Post-Soviet Affairs. 1995. № 11.

[61] См.: F i r t h N.E., N o r e n J.H. Op. cit. P. 23.

[62] См.: Soviet Military Policy / Ed. by S.M. Lynn-Johnes, S.E. Miller, S. van Evera. P. 21–22. См. также: Б е з о б о р о д о в А.Б. Власть и ВПК середины 40-х – середины 80-х годов // Советское общество: будни «холодной войны». М.; Арзамас, 2000. С. 108.

[63] Подробнее см.: Б о г д а н о в Р.Г. США: военная машина и политика. М., 1983.

[64] F i r t h N.E., N o r e n J.H. Op. cit. P. 39.

[65] Эти документы хранятся в соответствующих фондах Национального архива США, а их копии – в коллекции микрофишей Архива национальной безопасности. См. сноску 4.

[66] Подробнее см.: F i r t h N.E., N o r e n J.H. Op. cit. P. 59, 76–77.

[67] Ibid. P. 112–116.

[68] Ibid. P. 104–105.

[69] Об этих дискуссиях подробнее см.: E v a n g e l i s t a M. Second-Guessing the Experts: Citizen's Group Criticism of the Central Intelligence Agency's Estimates of Soviet Military Policy // International History Review. August 1997; K a r b e r P.A., C o m b s J.A. The United States, NATO, and the Soviet Threat to Western Europe: Military Estimates and Policy Options, 1945–1963 // Diplomatic History. Summer 1998.

[70] П е ч а т н о в В.О. Указ. соч. С. 101.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2004 г. А.С. РЯЖЕВ*

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ РУССКОГО «ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА» ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИИ

Время «просвещенного абсолютизма» в России отмечено опытами широкой кодификации права, активизацией законотворчества. Этот процесс затронул все сферы жизни, в том числе и сферу взаимоотношений государства и религии. Ранее в научный оборот уже были введены некоторые из законопроектов второй половины XVIII в., призванные урегулировать конфессиональную политику государства – «Толковый план» 1770 г. Духовно-гражданской комиссии (частной комиссии по делам религии и Церкви Уложенной комиссии)[1], проект мусульманского духовного учреждения уфимского губернатора О.А. Игельстрома 1788 г.[2], проекты преобразования сословного положения евреев и управления иудейским исповеданием литовского губернатора И.Г. Фризеля 1799 г. и сенатора Г.Р. Державина 1800 г.[3] В 1893 г. В.Н. Латкин опубликовал третью часть проекта Уложения Елизаветы Петровны (датируется 1759–1764 гг.), в основу «Главы о раскольниках» которой легла первая редакция «Пунктов о раскольниках», подготовленная сенатской комиссией коллежского советника А.А. Яковлева по делам старообрядцев в 1754 г.[4] (Однако, поскольку на последнее обстоятельство в публикации прямо не указывалось, то до недавнего времени это не было известно исследователям, и документы комиссии Яковлева, хранящиеся в РГАДА, вообще в научный оборот не вводились.)

В данной статье рассматриваются в основном неопубликованные источники: «Пункты о раскольниках» комиссии А.А. Яковлева во второй редакции 1754–1755 гг., «Мнение» обер-аудитора Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел (далее ЮКЛЭФ) И.Г. Фезерна на проект Католического регламента ЮКЛЭФ 1768–1769 г., проект А.А. Вяземского о старообрядцах 1784 г., записка Г.А. Потемкина (1786) «О монастырях» с предложениями по реформе монастырских штатов греко-российской церкви, и, наконец, проект действительного тайного советника Фитингофа о реформе управления и образования в российском протестантизме 1789 г.

Обе редакции «Пунктов о раскольниках» комиссии коллежского советника А.А. Яковлева отложились в так называемой 46-й папке документов Уложенной комиссии 1754–1766 гг. Первая под названием «Глава о раскольниках» включает в себя краткое предисловие и 30 статей, тексты которых имеются в двух вариантах: подготовительном, с обильной черновой правкой, и окончательном, где последняя учтена (новый слой правки здесь также присутствует, но он незначителен и смысла не меняет). Вторая редакция (в архивном деле она помещена в начале) идет без особого заголовка и включает в себя новое, более пространное предисловие и 42 статьи с внешними особенностями (заголовки, нумерация). Некоторые статьи (1, 2, 16, 26–28, 37–42) не имеют аналогов в первой редакции[5]. Вторая редакция была подготовлена между второй половиной октября 1754 г. и 7 февраля 1755 г., первая – до этого периода (основания датировок станут ясны из дальнейшего изложения). По духу обе редакции проникнуты сильнейшей антистарообрядческой тенденцией, источником же для них является инквизиционное законодательство, в основном петровское.

Другие использованные архивные источники по проектам связаны со служебной деятельностью А.А. Безбородко. Это его переписка с Г.А. Потемкиным и Г.Н. Тепловым о проектах управления и законодательства по русским халкидонитским исповеданиям 1778–1786 гг., письма А.А. Вяземского к Екатерине II и А.А. Безбородко и его предложения об изменениях в политике и законах по старообрядчеству 1784 г., документы Сената, в том числе его III Департамента, и Государственного совета о протестантских консисториях 1785–1789 гг.

Начнем с проектов, непосредственно затрагивавших сферу пересечения интересов государства и Церкви. Особенно болезненным здесь был вопрос о «расколе старообрядства». Первую результативную попытку найти ответ на него и представлял собой проект комиссии коллежского советника А.А. Яковлева[6]. Комиссия была организована в связи с делом о подушной подати и гильдейских взносах старообрядцев г. Ржева-Володимерская: 29 марта 1753 г. Сенату именным указом было поручено «иметь рассуждение» по данному вопросу, и сенаторы для подготовки ре-

* **Ряжев Андрей Сергеевич,** кандидат исторических наук, докторант Института российской истории РАН.

шения «за благо рассудили» составить сводную выписку о законодательстве по расколу[7], доверив это «особливой комиссии». В связи с началом работ над новым Уложением Сенат 13 сентября 1754 г. распорядился передать Яковлеву все дела по Раскольнической конторе, находившиеся в то время в производстве[8], поручая его комиссии тем самым законосоставительную работу по части раскола для общего проекта Уложения.

«Пункты» Яковлева в содержательном плане характеризуются двумя особенностями. Первая – это тенденция к максимальному стеснению и ограничению раскола, воспроизводящая нормы петровских указов: «раскол старообрядства» не должен был иметь легального статуса и признавался нетерпимым, за исключением относительно небольшой группы «записных раскольников», кому исповедание «старой веры» было разрешено официально, но без открытого общественного отправления культа.

Поставить препоны старообрядческому учению была призвана статья о письменных обязательствах староверов не распространять его, причем не только между посторонними, но и близкими. Далее, «естли кто в подозрении будет расколничества, хотя бы и вид на себя являл православны[й]», то его следует привести к присяге с проклятием раскола и предупредить о «жестоком наказании», «естли бы после противное на нем показалось». Обнаруженным «потаенным раскольникам», не поддающимся увещеваниям, проект назначал ссылку в Рогервик, туда же следовало направлять и неплательщиков оклада, чтобы их трудом компенсировать недоимку. «Раскольнические скиты» обрекались на разорение. Свидетельства староверов, кроме дел об убийствах, в судах не принимались, они были обязаны носить введенное Петром «указное платье». При сборе окладных денег «записные раскольники» обязывались круговой порукой. Их дети подлежали крещению в греко-российской церкви в присутствии всего притча и представителей от мирян, а с 7-летнего возраста должны были посещать греко-российский храм. Отцам, препятствующим этому, проект угрожал кнутом, ссылкой и отнятием детей («а при отцах им не быть»). Сведения о «раскольнических детях» должны были заноситься в специальные книги и третные ведомости для сведения епископов. Запрещались все внешние проявления дониконовской обрядности и в самой греко-российской церкви – рисованные и резные изображения двуперстия, старопечатные книги следовало изымать и отправлять в Контору Св. Синода.

По части запретов комиссия пошла даже дальше Петра Великого и его наследников. Те, по крайней мере, не ставили препятствий экономической деятельности староверов, рассчитывая на пополнение за их счет вечно тощей казны. Тогда как в проекте комиссии говорилось: «Раскольникам, кои в посадах, для купечества и промыслов в другие городы и уезды из своих мест не ездить, чтоб они под видом купецва или промыслу, переезжая, к своему заблуждению других не превращали, и в свои сонмища не ездили, а купечествовать и промышлять им в тех местах, [где живут,] а буде похотят торги свои производить в других городах и уездах, то могут чрез тех, кому в том поверит; и в работниках и седелцах у таковых из правоверных не быть», чтобы последние не подвергались опасности «совращения». Раскольников-разночинцев следовало полностью удалить из городов для определения на службу. Крестьянам-староверам запрещалось не только отлучаться «для торгу и промыслу» и переезжать из сел, в которых они были записаны по ревизии, в другие места на жительство, но и арендовать землю, «чтоб оные не могли, отдаляясь, жить по своей воле, и под видом благочестия скрыватца и держать своих учителей…» Присутствие староверов в местах пребывания царственных особ исключалось[9].

Вторая особенность «Пунктов» – направленность против покровительственных мер в отношении малороссийских старообрядцев – обитателей «государевых слобод» Стародубского и Черниговского полков. В пользу слобожан выступил киевский вице-губернатор И.И. Костюрин, считавший, что на них надо в полном объеме распространить великорусское управление и обеспечить им свободу общинной жизни, включая открытое существование храмов и обителей: это привлечет в слободы массу единоверцев из-за рубежа и обеспечит государству прирост податного населения. Свои предложения он отправил в Сенат 15 и 27 октября 1754 г.[10] Донесения Костюрина были доведены до сведения комиссии Яковлева. Они-то и стали причиной появления второй редакции «Пунктов о раскольниках», все новые статьи которой (номера приведены выше) содержат прямое или косвенное опровержение костюринских инициатив. Так, отмечалось, что о малороссийских слобожанах «ныне точного рассуждения положить невозможно» в связи с отсутствием о них сведений после 1736 г., челобитьям же «загранишных раскольников», желающих поселиться в Стародубском полку и Новой Сербии (в материалах комиссии Яковлева имеется такое прошение), «верить не должно», ибо их поселение близ старых «раскольнических слобод» лишь умножит бегство оттуда за границу, и лучше всего селить их подальше от «свободного к полской и турецкой стороне пути». Однако и в этом случае ожидаемая польза «государственному интересу» от реэмиграции староверов будет несущественной по сравнению с тем общест-

венным вредом, который может нанести этот «народ подлой, весма в чинослужении церковном колебающийся».

Оценивая подобные законоположения, видим, что тенденцию «просвещенного абсолютизма», отмеченную в отношении старообрядцев прагматизмом, гуманностью и терпимостью, следует связывать скорее с пропозициями Костюрина, нежели с яковлевскими «Пунктами». Однако с законотворческой практикой «просвещенного абсолютизма» последние все же роднит поиск правовой дефиниции понятия «раскольник», а следовательно, и юридической основы для единственно признаваемой государством категории «записных раскольников».

Официально старообрядцем, т.е. «записным раскольником», мог, по Яковлеву, считаться только внесенный в списки II Генеральной ревизии плательщик двойного подушного оклада: «…Кои [раскольники] до состояния указу 744 году [о ревизии] в [двойной] оклад положены, те оклады брать, не выключая увечных и престарелых и отданных в рекруты…». В число же «записных» включались и те, кто в табели II ревизии не были в свое время внесены, но до ревизии «раскол содержали», и это можно было доказать. С них следовало «без упущения» взыскать «раскольнической» оклад «от дня рождения их». Однако прочие «записные», внесенные в окладные списки после августа 1745 г., уже «раскольниками» не признавались: они подлежали отправке к архиереям для расследования о том, кто их совратил и крещены ли законным образом их дети. При покаянии и воссоединении с Церковью их следовало «выключить» из двойного обложения, в противном же случае отправить на службу или в ссылку. Дальнейшая запись в двойной оклад запрещалась категорически: обо всех, кто изъявит такое желание, надлежало «крепко исследовать», как о «совращенных в раскол», и выяснить, «кто на то привел или от кого такое злое учение слышали», но самих в двойной оклад ни в коем случае «не класть, дабы чрез то поводу к размножению раскольников не было». Основанием для записи в оклад не могло быть отныне и двуперстное крещение: проект квалифицировал его как критерий не принадлежности к «старой вере», а обыкновенного суеверия: если «правоверные» не имели «другова раздору церковного», кроме двоеперстия, то они вполне могли быть исключены из «записных раскольников», «дабы… будучи при церкви и обращаясь с правоверными, могли лутче в осознание истинны приходить». Это прямое предвосхищение одного из положений Манифеста Екатерины II от 3 марта 1764 г.: «Те, кто в суеверии, но не развращает церковных правил, то раскольниками не считаются и пусть будут увещеваемы» с освобождением от двойного оклада[11]. Подобное определение положения преследуемого вероучения намечало, как видно из статей о «раскольнических детях», пути его постепенной правовой ликвидации.

Спустя 30 лет свое законодательное разрешение проблемы раскола представил А.А. Вяземский. Его проект отличает преимущественное внимание к проблеме веротерпимости в политике, для которой «раскол старообрядства» был подлинным испытанием на прочность. Предложения генерал-прокурора были изложены в пяти документах, направленных Екатерине II вместе с донесением от 15 мая 1784 г. через А.А. Безбородко[12]. Открывается проект «Рассуждением о расколниках». Вяземский начинает с указания на негативную роль Манифеста 3 марта 1764 г., разрешившего староверам свободную запись в двойной подушный оклад и обернувшегося невиданным ростом раскола в государстве. Причинами тому стали, по его мнению, несовершенство исповедного учета и «невеликая двойная окладу тягость», делавшая официальное пребывание в расколе выгодным, в особенности для состоятельного купечества[13]. Рост раскола в данном случае имел очевидные деструктивные последствия для общества: «При сем же случае, как расколнические духи неведомо почему ободрились, так напротив, благочестивые простого народа сердца опечалились, а иные и поколебались»[14]. Останавливаясь на этом, генерал-прокурор прямо раскрывал «тайну» религиозной политики самодержавия, не дававшую потом покоя славянофилам: почему «старая вера», наиболее близкая к Церкви с точки зрения догматов и канонов, признается властями одной из самых нетерпимых? Под позицией Вяземского мог бы подписаться и сам Николай I: раскол «1-е. Беспокоит Церковь, отводя многих от соединения с нею. 2-е. Он есть некоторым семенем несогласия в государстве. Ибо расколники одного с собою Отечества людей и того же государства подданных отвращаются и ненавидят, почитают заблуждающимися и погибшими; выскребают те места, где бы мы стояли и вымывают те сосуды, из которых бы мы пили; властей светских и духовных как внутренно сами не любят, так и других своим примером, а при том и глухими разговорами на то же приводят или привести всегда хотят»[15].

Но как же тогда быть с веротерпимостью? «При сем, – продолжает "просвещенный" вельможа, – должно решить одно мнение, которое другим может показаться справедливым, а имянно: что можно бы расколников оставить с покоем; попустить, чтоб они жили, как бы себе хотели, и молились бы Богу, как умели… Ибо в мыслях судия есть един сердцеведец Бог; а при том и евангелское учение, хотя желает всем в разум истинный притти, но не принуждает никого. По-

чему следовало бы и о наших расколниках столько не думать; но известно, какой безпокойной в расколниках дух. Они не могут тем удовольствовать, чтоб им одним держаться своих мнений, но всегда всеми образы стараются, чтобы и других к своим толкам привлечь. Почему, ежели б никакой не взять предосторожности и оставить расколников во всякой воле, то немало бы еще из крестьян к ним пристали по притчине той, что они в расколниках усматривают наружность всю старую, как-то: платье, обхождение, книги, а при том и разговоры расколнические, яко простые, простому народу понятнее и потому болше им нравятся. Сие доказывается тем, что расколников число ныне против прежнего умножилось. Сами ли такие на раскол прелстилися или от… расколников к тому подговорены, и то, и другое для нас худо. Ежели подговорены, доказывает расколнической возмутительный дух; а ежели сами прелстились, доказывает заразителную раскола язву»[16]. Таким образом, «старая вера» нетерпима, ибо она представляет собой массовое «умственное заблуждение» простонародья, разрушающее церковное единство и насаждаемые Церковью верноподданнические чувства.

Дабы «сей разврат утишить, или, по крайней мере, сделать, чтоб он другим вредить не мог», Вяземский предлагал «Манифестом прежнюю перепись [раскольников] уничтожить» и провести новую. Сама перерегистрация мыслилась как демонстрация просвещенных намерений правительства: «Чтоб ослепленных охранить от всяких нападков и дать их разуму свободное время к просвещению»[17]. Условия включения впредь в «раскольничье состояние» и действия властей в ходе переписки были определены специальными инструкциями: «Правила, по которым законы в рассуждении раскольников поставлены быть могут», предназначались для светских органов, «Правила разным инструкциям, касающимся до поведения противу расколников по разным местам правителства духовного и гражданского» и особая записка «О комиссии» – для духовных[18].

Записи в раскол не подлежали младенцы, лицам, находившимся на службе государству (преимущественно военным), не допускалась заочная запись, в том числе по сказкам родственников и членов семьи, а также запись «рабов и крестьян без ведома их господ, а купцов без ведома магистратов…» Напротив, внесению в списки раскольников подлежали более чем 3-летние «небытчики» на исповеди, причем с соответствующей справкой от приходского священника и после допроса, «не льстится ли на что», не подговорен ли кем-то к ренегатству, «не замучан» ли и т.д. Поскольку двойной оклад уже отменен, это, полагал А.А. Вяземский, делает «раскольничье состояние» не столь привлекательным для тех, кто по материальным соображениям записывался в раскол, от чего официальная статистика будет в выигрыше и перестанет колоть глаза Церкви[19]. Чтобы не озлоблять староверов новой переписью, Вяземский настаивал на возможно более мягком, щадящем объявлении о ней, активизации пропагандистских усилий духовенства и недопущении насилия на протяжении переписи (для этого он рекомендовал не прибегать к арестам и остановить все дела о раскольниках по консисториям)[20]. Для привлечения старообрядцев к Церкви сановник считал возможным разрешить староверам дониконовскую обрядность, ношение бород и «старого платья». В то же время в связи с борьбой с расколом предлагалось учредить в Церкви специальные антистарообрядческие благочиния. Для этого же не следовало допускать крупных поселений староверов в пограничных и отдаленных регионах[21]. В проекте подтверждалась роль армии как инструмента «воспитания» староверов: предписывалось не делать им ни малейшей поблажки по службе до присоединения к господствующей церкви, причем губернаторы должны были секретно предупреждать об этом войсковых командиров при передаче рекрут в строевые части. Непреложным требованием был рекрутский набор с раскольников «натурою», «чрез что главное намерение [правительства], чтоб им чрез солдатство уменьшаться»[22], а «вместо себя покупать солдата кого-либо из нераскольников не дозволять»[23]. В полной мере на раскольников должны были распространяться и все мирские обязанности, но с существенным ограничением: «Крестьян не выбирать в старосты, а купцов в президенты…, а назначать в такие службы, которые никаких выгод себе не имеют…»[24] Ежегодно следовало проводить перепись жителей и поиск беглых, с каждого скита собирать рублевую подать. Наконец, определялся режим повинностей раскольников в условиях отмены двойного подушного обложения[25]. Заключительный документ проекта – «Изъяснение на некоторые пункты законов и инструкции» – указывал на особый «антираскольнический» эффект отдельных, ранее высказанных в проекте предложений[26].

В итоге по своему содержанию проект Вяземского недалеко ушел от «Пунктов» комиссии Яковлева. Однако не забудем все же о его большей гуманности, о внимании к проблеме веротерпимости, и это, безусловно, примиряет его с общим направлением правовых изысканий эпохи Просвещения. В этом же русле лежат отношения Вяземского к духовенству и его подход к соотношению светского и церковного права, отразившиеся в его проекте, о чем речь пойдет ниже.

Другая линия правовой мысли в церковно-государственных отношениях, помимо проблемы старообрядчества, затрагивала социальную роль и облик Церкви. На их серьезное изменение

был направлен проект Г.А. Потемкина – записка «О монастырях». Документ сохранился среди бумаг А.А. Безбородко только в копии, однако сопровождающее его в архивном деле письмо А.А. Безбородко к Г.А. Потемкину от 22 сентября 1786 г. не оставляет сомнений в авторстве и назначении проекта. Потемкин начинает с экскурса в историю монашества: «Первые монахи завелись в Египте от сект жидовских», жили трудами рук своих, истинной верой и простыми молитвами, однако в дальнейшем утратили простоту и чистоту веры: в Константинополе появились «ассолиты неусыпающие,.. размножили оные [молитвы] акафистами, разными канонами молебными и множеством нелепых уставов, вознося моление больше к твари, а еще постыднее к иконам, нежели к Богу…

Наконец, в Афонской горе явились анфузиасты (энтузиасты. – *А.Р.*) – зрители фаворского света, споря с сумасшествием, что свет сей вещественный ли, или только кажущийся, и о сем был собор в Цареграде», иронизировал Потемкин, «в час тот, когда Магомет Вторый завоевал и город, и империю». От печального византийского примера царедворец переходит к критике монашества в России: «К нам вошло монашество из Афонской горы ни в честь закону, ни в пользу людям, ибо народ наш, присоединя к тогдашней грубости ханжество и лицемерие, смешенное с упрямством, был источником ложных чудес и вредных оснований. Слава Богу, не допустившему Россию к участи греков». И то, и другое прямо напоминает воззрения Петра Великого на монашество и служит основанием для вполне петровского и по духу, и по стилю приговора: «Собрание монахов по образу нашему есть собрание тунеядцов, стыд церкви и общество пияниц»[27]. По мнению автора записки, «есть такие, кои по добродетели избирают монашескую жизнь,.. но таковых столь мало, что едва наполнят один монастырь». Отсюда Потемкин выдвигает реформу «бесполезного» монашества: резко сократить количество монастырей, оставив «во всем государстве для прямых монахов монастырь Нилов, Саровскую пустыню и Софрониеву со строгим наблюдением монашеских правил, дабы меньше было охотников». Все остальные обители «обратить в училища, госпитали для бедных и престарелых, офицеров и рядовых, и больницы для недугующих, облегча устав церковный, под наблюдением чистоты и благопристойности. Сверх часа молитвы должны трудиться размножением огородных, садовых и ботанических растений. Такое упражнение тем для них приличнее, что оно соединено с пользою и не повинно с забавою, при том делает людей милосердными». Ново-Иерусалимский монастырь Потемкин считал наиболее подходящим для роли центрального учреждения по социальному обеспечению отставных военных: «Как ордены кавалерские большей частию приняли начало от Иерусалимских походов; то привязав к сему храму все наши ордены, малым подаянием от кавалерьев достаточная составится сумма к содержанию таковых инвалидов». На себя он охотно брал инициативу «установить такие монастыри для примеру в Екатеринославской губернии или Тавриде»[28]. Интересно, что в обоснование своих предложений Потемкин приводил выписки из Евангелия, где осуждаются лицемеры, наружно благочестивые, но далекие от поклонения Всевышнему в духе и истине (Мф. 6, 5–7, 9; 7, 15, 16; 15, 8; 23, 4–6, 13, 27. Ин. 4, 20–24)[29].

Другим направлением реформирования Церкви должно было стать возвышение, в противовес черному, белого духовенства: его образованные представители намечались на руководящие посты в епархиях, «бесполезных» же «архимандритов и игумнов» следовало вытеснять. Для роста общественного статуса белого духовенства требовалось «положить им некоторые отличности», ввести в общество, придав известный светский лоск («пристойную людскость»). Очевидно, что белое духовенство должно было играть заметную роль в служении «общему благу», но далее своих мыслей по этому предмету Потемкин не развил[30].

Обратимся теперь к проектам, затрагивавшим неправославные исповедания.

Достаточно длительную историю имеет работа над проектом Католического регламента, давшая жизнь предложениям И.Х. Фезерна. Все началось с челобитной прихожан петербургской католической общины на Высочайшее имя, в которой они сообщали, что Конгрегация пропаганды веры противится самостоятельности общины в выборе клира, на что католики имеют право по указу Синода от 28 февраля 1724 г., а суперриор самочинно распоряжается имуществом общины и храма, «будто бы все то, что ни есть при петербургской церкви, принадлежит Римской, и от оной им, суперриорам, в спокойное владение утверждено», и на этой почве развился серьезнейший конфликт[31]. Не отставали от суперриора и некоторые клирики, даже дававшие от собственного имени закладные на дома прихожан[32]. Добавим, что в течение 50–60-х гг. XVIII в. это был уже не первый конфликт между прихожанами-католиками и назначаемым из Рима духовенством по поводу полномочий последнего в вопросах «церковной экономии»[33]. В ответ Екатерина II указами 6 ноября 1766 г. поручила: Коллегии иностранных дел – снестись с каким-либо немецким духовным курфюрстом и пригласить в общину патеров-францисканцев помимо Рима, ЮКЛЭФ – составить регламент общины и «особливо прописать» в нем статьи «церковной эко-

номии»[34]. Мотивировочная часть указа, адресованного ЮКЛЭФ, гласила: в России с того времени, как разрешены католические церкви, законом не оговорены ни процедура вызова из-за рубежа и утверждения духовенства и в их должностях, ни отношения в приходе по вопросам церковного имущества, ни судебный порядок разрешения внутренних конфликтов. Настало время это исправить.

Разработка регламента двинулась по проторенному пути систематизации разрозненного законодательства по инославным исповеданиям и пожеланий церковных старост и собрания общины[35]. Первоначальный проект был подготовлен в весьма короткий срок: уже 23 ноября 1766 г. его текст был представлен для «Высочайшей аппробации», о чем гласил рапорт за подписями пяти членов ЮКЛЭФ: Ф. Эмна, фон Клингштета, Н. Алфимова, фон Вестфалена, фон Эртмана. Вероятно, именно они являются первыми составителями регламента[36]. Однако документ был положен под сукно: авторы упустили из вида принципиальный вопрос об отношениях православной самодержицы, под чьим «гражданским правлением» находились все общины иноверцев, и католического супериора, назначаемого Конгрегацией пропаганды веры от имени папы.

В течение двух лет дело не двигалось. Однако 7 декабря 1768 г. неаполитанец Кавалькабо направил Екатерине II письмо, в котором предлагал назначить супериором не монаха, а представителя белого духовенства[37] и таким образом снять вопрос о том, кто главнее в делах питерских католиков – императрица или папа. Рассмотреть эту возможность и тем самым либо завершить, либо окончательно похоронить проект регламента было поручено Г.Н. Теплову. С конца 1768 г. он вступил в переписку с ЮКЛЭФ и вице-канцлером А.М. Голицыным, курировавшим контакты с Конгрегацией пропаганды. В ЮКЛЭФ предложение неаполитанца и первоначальный проект своих коллег в двух особых отзывах и рассмотрел Фезерн. Выбор Тепловым рецензента объяснялся просто: это был единственный католик высокого ранга в составе коллегии.

«На представлению Марки[за] Кавалькабо, – писал Теплов Екатерине II, – Фезер[н] мне объявил…», что «это против права Российской Империи»: присутствие «белых попов» при храме противоречит указу 28 февраля 1724 г., в котором говорилось исключительно о духовенстве орденском, т.е. монашествующем[38]. Во «Мнении», представленном на регламент, Фезерн обстоятельно, по-немецки педантично откомментировал его главы в порядке их следования, оставив без замечаний лишь две из двенадцати. В итоге у него получился особый проект, который и лег на стол Теплову.

Начинал Фезерн с решительного отвода супериору Ремедию де Прага. К «Мнению» здесь было добавлено и специальное приложение «А», где Фезерн перечислил все его недостатки: постыдные для духовного лица алчность и властолюбие, мелочный и злой нрав, притеснения клира и, что гораздо хуже, принуждение разноверных супругов к обязательному католическому крещению детей[39]. Указав на это прямое прегрешение против русских законов, Фезерн в тексте подчеркнул: «Нынешний супериор по его начаткам и поступкам для здешнего места не годится»[40]. Предлагая решение, этот «послушный сын церкви, ее вере и правилами», как он сам себя отрекомендовал (напомним, что Фезерн был католиком), высказался тем не менее «яко верноподданный Ее Величества раб»: всякое вмешательство Рима в выбор прихожанами супериора и клира исключается, выборная процедура должна подчеркивать примат именно русской верховной власти: выбор супериора «с Высочайшего соизволения…в присутствии некоторых Коллегии членов, трех старейших патров, также учрежденных церковных старост и старейших из прихожан четырех наций по объявлении на катедре без дальнейшего церемониала совершен и Коллегии членеми в протокол записан будет»[41]. В этой связи Фезерн полагал ненужным и присутствие префекта-капуцина при выборе супериора-францисканца: «Префект в Москве не больше… супериора в Санкт-Петербурге», к тому же вмешательство одного ордена в дела другого у католиков запрещено[42]. При вызове клириков из-за границы достаточным полагалось посредничество русской Коллегии иностранных дел. Надзор за патерами «в рассуждении наблюдения здешних узаконений» возлагался на ЮКЛЭФ[43]. Таким образом, в Католический регламент католиком был внесен естественно-правовой, а по существу протестантский принцип территориализма[44].

Дальнейшие предложения касались устройства общины: ктиторские права имеют постоянные члены общины, но не «пассажиры» – временно пребывающие в столице торговцы, дипломаты, путешественники и другие, приоритет в общине принадлежит секции «немцов и галанцов», духовный штат должен соответствовать экономическим возможностям (прихожане не потянут расходов более чем на шесть клириков, включая оплату их жилья), от каждой национальной секции выбираются по два старшины для контроля за «церковной экономией», «по делам разводным» патеров контролирует также ЮКЛЭФ и, наконец, положения устава распространяются на общины католиков в Москве, прибалтийских провинциях и «новых колониях» Поволжья[45].

Теплов, составив окончательный текст закона, политические вопросы решил по Фезерну: «Сия римская кирха находится (исключая догматы веры ея) под нашими гражданскими установлениями»[46]. Принял он и все его замечания по внутреннему устройству, внеся лишь одно, но коренное изменение: отвергался приоритет немецкой секции, все нации должны были принимать участие в делах общины только на равных правах. Тепловская рукопись Католического регламента была подготовлена к 29 января 1769 г, когда вышел указ о новом здании столичного костела[47]. Проект был утвержден и вступил в силу 12 февраля того же года[48].

Идея другого инославного проекта – протестантского – зародилась у самой Екатерины II. Об учреждении протестантских губернских консисторий императрица задумалась в 1782 г., когда с созданием Петербургской, Полоцкой и Могилевской губ. «иноверные, в тех [западных] губерниях обитающие», оказались формально неподсудными ЮКЛЭФ – главному на тот момент органу по делам «иностранных исповеданий»[49]. Сенату было поручено собрать отзывы губернаторов о целесообразности введения для протестантов консисториального управления. Рекомендации с мест были весьма широки, Сенат же в тот момент желал свести дело исключительно к организационной стороне: взаимоотношениям со звеньями губернского управления, штатам, административно-территориальной структуре и т.д. По сенатскому плану консистории приравнивались к губернским магистратам и подводились под апелляцию гражданских палат[50]. Поскольку позицию Сената и местного начальства согласовать не удалось, дело к концу 1785 г. застопорилось.

Екатерина II вспомнила о протестантских консисториях с началом войны со Швецией, поручив Фитингофу доработать проект. Предложения Фитингофа состояли в следующем. Консистории вновь учреждались в 38 городах Европейской и Азиатской России, включая обе столицы, Кавказ и Таврическую обл. Они группировались по шести округам с центрами с С.-Петербурге, Москве, Саратове, Киеве, Архангельске и Тобольске. Наряду с этим сохранялось старое консисториальное управление прибалтийских провинций во главе с Рижской (Лифляндской) обер-консисторией и Ревельской провинциальной (не городской!) консисторией. Верховным духовным органом российских протестантов становилась Генеральная консистория в С.-Петербурге, ее возглавлял директор, подчиненный генерал-прокурору. Он же становился президентом светского судебного присутствия Генеральной консистории, в духовном же суде президентом должен был быть генерал-суперинтендент (в помощь обоим давалось по два заседателя). Однако Остзейский край в ведение Генеральной консистории не передавался, генерал-суперинтендент Рижской обер-консистории и презус Ревельской провинциальной консистории утверждались верховной властью и подчинялись только своим генерал-губернаторам. Все консистории были лютеранско-реформатскими с равными правами и представительством обоих исповеданий, но по делам своих приходов в них могли обращаться и кальвинисты. Компетенция новоучреждаемых консисторий ограничивалась вопросами семьи и брака, духовенства и «церковной экономии». За прибалтийскими консисториями традиционно сохранялся более широкий круг дел и бóльшая самостоятельность. Апелляционной инстанцией для консисторий становились гражданские палаты, но для Рижской обер-консистории, Ревельской провинциальной и Аренсбургской консистории сохранялся прежний апелляционный порядок, закрепленный в прибалтийском губернском устройстве 1783 г. Генеральная консистория подводилась под апелляцию Сената. Проект Фитингофа также намечал штаты и смету консисторий, порядок выборов на руководящие посты и контингент выборщиков[51].

При Генеральной консистории планировалось организовать духовное училище[52]. Однако Екатерина II, придававшая особое значение духовному образованию в деле воспитания гражданских добродетелей, сочла училище недостаточным для подготовки подлинно просвещенных верноподданных. Вместо училища было намечено открыть протестантский университет. Устав университета готовился отдельно от проекта Фитингофа[53], но представлялся его неотъемлемой частью и подлежал рассмотрению в Сенате одновременно с ним.

Главой университета назначался Куратор (Curateur), утверждавшийся императрицей. В его ведение передавались кадры, финансово-хозяйственная и дисциплинарная части, типография и библиотека. Интересы профессуры представлял Старейшина (Doyen), выбираемый из профессоров теологии. Объявление о наборе преподавателей предполагалось опубликовать в российской прессе и в «La Gazette littéraire Universelle de Jenas». Студентами могли стать русские подданные – молодые люди протестантских исповеданий, достигшие 18 лет, достаточно сведущие в гуманитарных дисциплинах, особенно приветствовалось знание немецкого и классических (латинского, греческого и древнееврейского) языков. Содержание образования определялось так: нравы, просвещение, вероучение. В университете предполагалось открыть два факультета – теологии и философии, но студенты могли получить не только гуманитарную подготовку:

на философском факультете силами экстраординарных профессоров намечалось чтение математики, физики, естественной истории.

Так выглядят новооткрытые проекты. Поскольку все они, за единственным исключением, остались на бумаге, закономерен вопрос об их соответствии реальному политико-правовому курсу «просвещенной» монархии.

В случае с проектом Фитингофа сомнений не возникает совершенно. 26 февраля 1789 г. он был одобрен Сенатом при условии подчинения Генеральной консистории всех без исключения консисторий на местах, в том числе и остзейских. Кафедральным собором протестантов должен был стать храм немецкой общины Св. Петра (хотя в С.-Петербурге, как известно, были и шведская община Св. Екатерины и финская Св. Марии). Образовательный план был ограничен: вместо университета предполагалось открыть «новые классы» (факультеты), в том числе с преподаванием шведского и финского языков, на базе школы при немецкой общине Св. Петра и Рижского лицеума. Особо Сенат настаивал, чтобы учащиеся были русскими подданными. Готовился и проект указа по Генеральной консистории и училищу[54], однако в итоге все дело застопорилось. О причинах можно только догадываться, но думается, что главную роль сыграло изменение политической ситуации в Финляндии: пока шла подготовка протестантского проекта, адресованного прорусской дворянской оппозиции Финляндии, ее позиции там сильно пошатнулись, Густав III, напротив, смог уже в начале 1789 г. укрепить свое положение за счет поддержки недворянских финских сословий[55], так что проект потерял актуальность.

Заслуживает внимания судьба предложений Потемкина. Екатерину II его записка и обрадовала, и удивила: очевидно, она считала, что подобный образ мыслей Потемкину чужд, так как предложенные им меры не вяжутся с такими чертами его традиционного облика, как интерес к православной аскетике, покровительство православным обителям в своем наместничестве. Безбородко писал ему об этом: «Ее Величество была весма ими (предложениями. – *А.Р.*) довольна, особливо удивилась записке о монахах, быв прежде во мнении, что Вы изключительно к их пользе представляете. Она будет писать к Вашей Светлости, чтоб для обрасца устроить монастырь в Воскресенской, да один в Вашей губерниях; а потом желает, чтоб со временем и вообще по сей материи зделать положение…»[56]. Безусловно, предложения Потемкина вписываются в контекст тех начинаний в духовной сфере, которые он проводил на Юге России. Рядом с ними можно поставить и санкционированный Екатериной II опыт по введению единоверия для старообрядцев[57]. Вписываются они и в планы церковной реформы, призванной изменить синодальное и территориальное устройство Церкви[58]. С мерами по ограничению монашества связывали свои надежды и рационалистически настроенные круги приходского духовенства[59]. Из документов Безбородко ясно, что императрица «монастырские» начинания Потемкина поддерживала, но гораздо важнее, что подобные меры ею, правда, в более скромном масштабе, действительно готовились: по свидетельству А.В. Храповицкого, в июне 1789 г. Екатерина II одобрила предложения московского главнокомандующего П.Д. Еропкина о перепрофилировании ряда старых монастырей, в том числе весьма почитаемого в народе Симонова[60]. В плане же потемкинских предложений следует рассматривать и награждение в 1786 г. митрой преданного Екатерине II духовника И.И. Памфилова. Однако сопротивление Церкви, пассивное, но очень стойкое недовольство традиционалистски настроенных слоев общества привели к тому, что здесь пришлось отступить, и конец XVIII в. в России ознаменовался не ограничением монашества, а, напротив, подлинным расцветом монашеской аскетики и старчества.

С учетом конкретных направлений правительственной политики становятся понятными и общий жребий «Пунктов» комиссии Яковлева и проекта Вяземского, и характер доработки Тепловым фезернова «Мнения». «Пункты» были противопоставлены мерам на развитие старообрядческой реэмиграции, завоевывавшим в 50–60-е гг. XVIII в. в планах правительства под воздействием А.И. Глебова, влиятельного сановника трех царствований, все большее место. Начертания Вяземского шли вразрез и с законодательством Екатерины II по расколу, и с деятельностью когорты «просвещенных» администраторов на местах – Г.А. и П.С. Потемкиных, Е.П. Кашкина, А.П. Мельгунова, М.С. Мещерского и др.[61] В итоге яковлевские «Пункты», поступившие в Сенат 7 февраля 1755 г., уже 16 были возвращены для доработки по предложениям Глебова, на чем работа комиссии бесславно и закончилась, а Вяземский вообще никакого ответа не дождался – 15 мая 1784 г. в личном письме Безбородко он просил сообщить, «какое будет Высочайшее решение»[62], но «Высочайшее решение» было очевидным, а некстати поступившие бумаги генерал-прокурора «оставлены без последствий».

Особая тема – проект Фезерна: на примере его превращения в собственно Католический регламент, прослеживаемом по рукописи Г.Н. Теплова, видно, как отбрасывалось то, что не соответствовало правовым взглядам Екатерины II, и напротив, как в законотворчестве получало

развитие адекватное их отражение. Неизвестный доселе факт: труд над «реформатским регламентом» – Манифестом от 11 мая 1778 г.[63] двигался с учетом разработки регламента Католического. После того как императрица дала Безбородко поручение о составлении законопроекта о реформатской общине, она через него же запросила у Теплова все материалы по «последнему делу католицкому», и Безбородко, сообщая ему об этом, выразил желание иметь еще один экземпляр Регламента для себя[64], Теплов уже на следующий день обещал выслать копию сразу по изготовлении, а 4 апреля сообщил о направлении просимых бумаг[65]. Безбородко, ставший автором упомянутого Манифеста, построил его по тому же принципу юридического равноправия национальных секций в общине, который внес в закон о католической общине Теплов.

Конфессиональные проекты были призваны соотноситься с поступками «просвещенной» монархии не только внутри страны, но и на международной арене. Ранее в историографии уже рассматривались внешнеполитические аспекты начинаний правительства при учреждении Оренбургского магометанского духовного собрания (далее ОМДС) и муфтията (см. сноску 2). Роль внешнеполитического фактора можно считать доказанной и в организации возвращения старообрядцев на родину[66]. Ныне же к этому необходимо добавить, что при выдвижении проекта о консисториях протестантов абсолютизм открыто демонстрировал внешнеполитический приоритет в делах религии: «Сей проект составлен по моему приказанию тайным советником Фитингофом и клонится к тому, чтоб заводить в Лиф-, Ест- и Финляндии, такожде в России, где есть протестантские кирки, папов из российских подданных тех законов, дабы избавится» от пасторов «шведских и иных наций, кои развращают те народы и не вперяют в них верность и ревность к России, что н[ы]не летом в Финляндии довольно оказалось», – гласит собственноручная записка Екатерины II[67], зачитанная в Сенате вместе с проектом Фитингофа 26 февраля 1789 г.[68] Очевидно, что фитингофов проект, возникший во время шведской войны, был призван укреплять верноподданнические настроения финляндского лютеранского дворянства, на чьих религиозных чувствах пытался играть Густов III в преддверии военной кампании на территории Финляндии. Симптоматично и время обсуждения проекта Фитингофа в Сенате: именно тогда, в феврале, шли русские переговоры с лидерами Аньяльской конфедерации[69].

За конкретными направлениями, которые развивали или были призваны развить проекты, стояла общая тенденция: в начале эпохи «просвещенного абсолютизма» важнейшие вопросы отношений государства с религией и Церковью юридически были закреплены лишь отчасти. Духовный регламент постулировал первенство монарха в делах Церкви, однако законодательное признание греко-российского православия в качестве государственного исповедания Российской империи, единственно пользующегося защитой властей, в это время отсутствовало[70], принцип обязательной принадлежности российского монарха к православию явился побочным результатом одного из эпизодов политической борьбы между наследниками Петра, а отнюдь не осознанного правотворчества, и также ни в каких «фундаментальных», по выражению И.И. Шувалова, законах отражен не был, как не было и самих «фундаментальных» законов[71]. Упорядочить следовало и отношения православного государя с неправославным христианством в России. Правовую фиксацию здесь имел лишь один аспект: после присоединения прибалтийских провинций император Всероссийский стал верховным сюзереном здешнего лютеранского дворянства и гарантом свободного отправления «веры аугсбургского исповедания». Что же касается «иностранных исповеданий» в целом, то в их отношении верховная власть усвоила себе верховные распорядительные функции, и это в 1740–1750-е гг. не раз приводило к дипломатическим трениям с папством, некоторыми послами – католиком Эстергази, реформатом М. де Свартом[72]. В «фундаментальном» же устройстве нуждались отношения между неправославными конфессиями в России, поскольку, как было сказано в указе Синода в Коллегию иностранных дел от 30 марта 1756 г., вышедшем в связи с конфликтом между астраханскими армянскими общинами григориан и католиков, «в таковых их, яко иноверных, друг на друга претензиях, где и каким порядком разбирательство чинить следует, о том точных указов» нет вообще[73]. Понятно, что первоочередному разрешению все это подлежало в рамках общих Уложений, «узаконений» и законодательных институций, которым должны были быть подчинены частные проекты по отдельным конфессиям. Кстати, в рассматриваемых проектах присутствовало осознание того, что они идут в развитие начинаний своего времени – екатерининского «Наказа» или же реформ «просвещенного абсолютизма» 1780-х гг.: проект протестантских консисторий попросту начинался с указания на губернское реформирование Западного края, также и Вяземский в «Рассуждении о расколниках» отдавал себе отчет, что после отмены двойной подушной подати и других либеральных мер в пользу староверов для них возникали новые условия «гражданского быта». В свете этого нелишним будет подчеркнуть, что и известный проект ОМДС был бы немыслим без уч-

реждения уфимско-симбирского наместничества (губернии) – ранее это проходило мимо внимания авторов.

О.А. Омельченко, исследуя «Толковый план» Духовно-гражданской комиссии, отмечал его ведущие тенденции: курс на ликвидацию сословной обособленности греко-российского духовенства и поглощение церковного права общегосударственным. В рассмотренных материалах эти черты получают принципиальное развитие. Г.А. Потемкин писал о «пристойной людскости» белого духовенства, А.А. Вяземский предлагал, во-первых, «в священство производить из всяких состояний.., а не из одного церковного роду…» (генерал-прокурор считал, что это сделает антистарообрядческую пропаганду более успешной), и, во-вторых, категорически запретить церковным инстанциям всякие административные действия в отношении раскола – розыски по исповедным и брачным делам, аресты, штрафы становились уделом исключительно светских начальников, Церковь же обязывалась только информировать, поучать и просвещать[74]. Подобная же позиция с самого начала была заявлена в плане о протестантских консисториях: штрафы, аресты, наказания налагались только светскими органами, под чьей апелляцией они состояли[75]. Добавим, что и О.А. Игельстром категорически запрещал духовенству налагать на мусульман телесные наказания без санкции светских властей, даже если по шариату такое наказание и полагалось[76]. Становится очевидным, что светскому праву приоритет отводился принципиально, независимо от конфессий.

Однако в случае с расколом следует признать, что имел место очевидный идейный регресс. «Толковый план» подводил «старую веру» под общее понятие вероломства, куда относил все проявления простонародной религиозности, по определению, иррациональной и противопоставленной в этой связи официальному, рационализированному Петром I церковному культу. Это правовое разграничение было сделано в духе классического римского права, также знающего коренную разницу между общегосударственной религией (religio) и суевериями, заблуждениями, народными верованиями и пережитками периферийных культов, подрывающими единый государственный культ (superstitio). В итоге содержание подобных верований в «Толковом плане» признавалось декриминализированным, действия же предавались формальному светскому разбирательству[77]. Вяземский, напротив, подчеркивал «беспокойный дух» старообрядцев и ставил своей задачей правовое искоренение раскола, что было явным шагом назад по сравнению и с «Наказом» Екатерины II, и в особенности с предложениями обер-прокурора И.И. Мелиссино для наказа депутату от Синода[78].

Перейдем, однако, от сопоставлений к моментам принципиальной научной новизны, выделяемым в связи с анализом проектов. Потемкинская записка «О монастырях» раскрывает идеал Церкви, вынашивавшийся «просвещенным абсолютизмом»: в Новое время она должна была стать институтом гражданского воспитания, начального образования и социального обеспечения, преимущественно для непривилегированных сословий. Реформирование Церкви как феодального института увязывалось с последовательной секуляризацией и должно было привести к фактической ликвидации монашества и закреплению на поприще общественного служения белого духовенства. Проект не оставляет сомнений в том, что этот идеал все же был бы реализован, не помешай тому очередная война с Турцией и проживи его автор дольше.

Не остается сомнений и по поводу того, как должно было выглядеть государственное управление религиозными культами, построенное на началах толерантности. Ранее о подобных представлениях Екатерины II можно было судить лишь по ее отношению к проекту ОМДС. При этом оставался открытым вопрос о том, насколько общими были принципы иноверного управления, заложенные в указы Екатерины II, данные в порядке верховного управления, и в предписания Игельстрома об ОМДС – централизованное общегосударственное управление, коллегиальность (муфтий, или председатель, не имел единоличной власти), служебная трехуровневая иерархия (местное духовенство – уездные ахуны-проповедники – Духовное собрание)[79]. С вводом же в научный оборот проекта Фитингофа, разработанного по прямому указанию Екатерины II и получившего одобрение Сената, становится очевидным, что каждое исповедание должно было возглавляться общегосударственным руководящим органом верховного подчиненного управления, копирующим в своей территориальной структуре принятое в стране троичное административное устройство. В этой связи в высшей степени показательна и «ошибка» губернаторов, принявших сенатские предписания о консисториях протестантов за начало общей реформы по конфессиям, что выявилось при разборе их мнений в III Департаменте Сената и было доведено до сведения императрицы во Всеподданнейшем докладе Сената от 30 сентября 1785 г. В нем указывалось, что предложений было «толикое разнообразие, коликое число оных в Сенат вступило, ибо едва не каждое мнение имеет особое свое положение; а при том сверх такого разноречия некоторые слово «Консистория» в толь обширном и несвойственном разуме приняли, что в

мнении своем изъясняли даже о учреждении Главной и подчиненных оной консисторий для управления делами Магометанского закона, так же и индейцов (речь идет об астраханской колонии купцов-индусов. – *А.Р.*), жителствующих в России»[80]. Последнее замечание также представляет интерес: очевидно, не один лишь О.А. Игельстром в 1780-е гг. был озабочен идеей центрального учреждения мусульман и прочих неправославных.

И последнее. Материалы проектов по делам религии убеждают в том, что веротерпимость, создание системы верховного управления конфессиями и реформа Церкви как феодального института, были устойчивыми тенденциями правовой политики «просвещенного абсолютизма». Без их учета понятие «просвещенного абсолютизма» представляется неполным.

Примечания

[1] О м е л ь ч е н к о О.А. Церковь в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России // Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России. М., 1988. С. 24–92. Здесь же автор опубликовал экстракт (оглавление) «Толкового плана» (С. 73–92).

[2] А з а м а т о в Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в общественной и духовной жизни мусульманского населения Южного Урала в конце XVIII–XIX в. Автореф. дис. … к.и.н. Уфа, 1994. По проекту опубликованы отдельные документы: В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в городе Уфе. Уфа, 1891. С. 14; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. Уфа, 1956. С. 563–567.

[3] Б е р ш а д с к и й С.А. Положение о евреях 1804 года. Опыт исторического исследования оснований и мотивов этого законодательного памятника (на основании источников) // Восход. 1895. № 1. С. 82–103; № 3. С. 69–96; № 4. С. 86–109; № 6. С. 33–63. Итоги изучения памятников в российской и зарубежной иудаике см.: К л и е р Д.Д. Россия собирает своих евреев (1772–1825 гг.). М.; Иерусалим, 1999. С. 152–184. Проект Г.Р. Державина опубликован: Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных помыслов евреев, о их преобразовании и о прочем // Сочинения Державина. Т. VII. СПб., 1877. С. 231–320.

[4] Проект нового Уложения, составленный Законодательной комиссией 1754–1766 гг. (Ч. III «О состоянии подданных вообще»). СПб., 1893. С. 13–19, 237–245.

[5] РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 79, л. 10–31, 42–56, 63–81.

[6] При Анне Иоанновне Юстиц-коллегия, Канцелярия синодального правления и Раскольническая контора пытались упорядочить законодательство о «расколе старообрядства», однако все ограничилось присылкой в 1736 г. в Сенат копий указов (Л а т к и н В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование. Т. 1. СПб., 1887. С. 60–64, 70).

[7] РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 72, л. 38–55, 89–91; д. 73, л. 2.

[8] Там же, ф. 248, оп. 113, д. 1059, л. 1.

[9] Там же, ф. 342, оп. 1, д. 79, л. 10–24, 26 об.

[10] В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в М.Ф. Проэкты Киевской губернской канцелярии, представленные в Елисаветинскую и Екатерининскую законодательные комиссии // Киевская старина. 1888. Т. XXI. Отд. «Документы, известия и заметки». С. 37–43. Предложениям И.И. Костюрина была суждена долгая жизнь: в 1767–1768 гг. они дважды направлялись и в Екатерининскую Уложенную комиссию.

[11] ПСЗ-1. Т. 16. № 12067.

[12] РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 304, л. 1–2 об.

[13] Об этом явлении см.: Д е м к и н А.В. Запись купцов «в раскол» как форма социального протеста (60-е гг. XVIII в.) // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVIII вв. М., 1988. С. 129–133.

[14] РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 304, л. 8.

[15] Там же, л. 9 об.

[16] Там же, л. 10 и об.

[17] Там же, л. 10 об.

[18] Там же, л. 3–5, 11 об. – 23.

[19] Там же, л. 10 об. – 11 об.

[20] Там же, л. 17.

[21] Там же, л. 21 об.

[22] Там же, л. 6.

[23] Там же, л. 15 об.

[24] Там же, л. 22 и об.

[25] Там же, л. 15 об. – 16.

[26] Там же, л. 6–7 об.

[27] Там же, ф. 168, оп. 1, д. 157, л. 3–4.

[28] Там же, л. 4 об. – 5.
[29] Там же, л. 7–8 об.
[30] Там же, л. 5 об. – 6.
[31] Там же, ф. 16, оп. 1, д. 491, л. 6–9.
[32] АВП РИ, ф. 10, оп. 10/2, л. 122–125.
[33] Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. 1898. Кн. 75. С. 84–86.
[34] ПСЗ-1. Т. 17. № 12777, 12778.
[35] РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 491, л. 101–125.
[36] Там же, л. 19–21 (русский перевод документа).
[37] Там же, л. 207 и об.
[38] Там же, л. 209. Записку Теплова Екатерине II Фезерн заверил своей подписью.
[39] Там же, л. 85–88 об.
[40] Там же, л. 78.
[41] Там же, л. 80–81 об.
[42] Там же, л. 78.
[43] Там же, л. 83 об.
[44] О территориализме в связи с церковно-государственными отношениями см.: Суворов Н. Курс церковного права. Т. 1. Ярославль, 1889. С. 108–109.
[45] РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 491, л. 78–84 об.
[46] Там же, л. 306–307. Ср.: ПСЗ-1. Т. 17. № 12777.
[47] Там же, л. 52.
[48] ПСЗ-1. Т. 18. № 13252.
[49] Там же. Т. 21. № 15356.
[50] РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 201, л. 26–28, 33–59 об.
[51] Там же, л. 81–94 (немецкий текст и русский перевод проекта).
[52] Там же, л. 77.
[53] Там же, л. 3–22 об. Текст проекта Устава в 27 параграфах на французском языке с подписью (автора?): Готтлоб Кретьен Девак (Devack).
[54] Там же, л. 76–77 об., 95–107.
[55] Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. М. 1997. № 891, 911, 912, 919, 939.
[56] РГАДА, ф. 168, оп. 1, д. 157, л. 1.
[57] См.: Единоверие // Отечественная история с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2. М., 1995.
[58] РГАДА, ф. 168, оп. 1, д. 158–160.
[59] Цапина О.А. Из истории общественно-политической мысли России эпохи Просвещения: протоиерей П.А. Алексеев (1727–1801). Автореф. дис. … к.и.н. М., 1998. С. 16–19.
[60] Храповицкий А.В. Дневник. М., 1901. С. 23.
[61] Кстати, проект Вяземского был направлен именно против нелюбимого Екатериной II А.П. Мельгунова, чьи действия в Вологодском наместничестве генерал-прокурор квалифицировал как нетерпимое «попустительство расколу» (РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 304, л. 2 и об.).
[62] РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 304, л. 24.
[63] ПСЗ-1. Т. 20. № 14748.
[64] РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 491, л. 99.
[65] Там же, д. 507, л. 2, 31.
[66] Jones R.E. Runaway peasants and Russian motives for the partitions of Poland // Imperial Russian foreign policy. Cambridge, 1993. P. 103–116.
[67] РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 201, л. 2.
[68] Там же, л. 76.
[69] Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. № 912; Бородин М.М. История Финляндии. Время Екатерины Великой. М., 1912.
[70] Господствующий статус православия поддерживался только законодательными запретами на перемену православного исповедания и неправославную религиозную пропаганду.
[71] Омельченко О.А. Указ. соч. С. 33–34.
[72] АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1, д. 1 (1759–1761), л. 28–34; Бринкман Г. Йохан Фредерик Хендрик Карп. История злополучного служения пастора в 1745–1749 гг. // Голландская реформаторская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927). СПб., 2001. С. 57–61.
[73] Кузнецов Н.Д. Указ. соч. С. 92.
[74] РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 304, л. 17–18.

[75] Там же, ф. 16, оп. 1, д. 201, л. 52 об.
[76] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. С. 566.
[77] Омельченко О.А. Указ. соч. С. 53, 57.
[78] См.: Святейшему Правительствующему Синоду действительного статского советника и синодального обер-прокурора Мелиссино Предложение // ЧОИДР. 1871. Кн. 3. Отд. V (Смесь). С. 114–121.
[79] Азаматов Д.Д. Указ. соч. С. 9–12.
[80] РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 201, л. 25.

© 2004 г. **В. Ж. ЦВЕТКОВ***

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ (1917–1922 гг.)

В данном сообщении будут рассматриваться главным образом издания источников по истории Белого движения, увидевшие свет в течение последних 5 лет, поскольку достаточно полный обзор документальных публикаций и литературы по этой проблеме, изданной за период до 1998 г., приведен в книге Г.А. Бордюгова, А.И. Ушакова и В.Ю. Чуракова «Белое дело: идеология, основы, режимы власти» (М., 1998), а также частично в монографии В.Т. Тормазова «Белое движение в Гражданской войне. 80 лет изучения» (М., 1998). При этом нужно иметь в виду, что источниковедческой составляющей истории Белого движения до сих пор уделялось гораздо меньше внимания, чем историографии.

На протяжении 1920–1980-х гг. источниковедческие подходы к изучению «врагов Советской власти» напрямую зависели от историографических оценок, а те, в свою очередь, диктовались идеологическими установками, исходившими от высших партийных и государственных структур. Историография советского периода представляла Белое движение всего лишь как составную часть «агрессивных планов Антанты», направленных на свержение советской власти и «реставрацию буржуазно-помещичьего строя». Такое понимание сущности Белого движения делало излишними его углубленное изучение и объективный анализ источников, поскольку составителей документальных сборников по истории Октябрьской революции и Гражданской войны интересовали только факты «белого террора» и «реакционная сущность» Белого движения в том или ином регионе страны. Подобные мизерные по объему публикации документов Белого движения, разумеется, не могли полноценно отразить историю его возникновения и последующую эволюцию социальной структуры, и идеологию, политические и экономические программы белых правительств. Последними научными публикациями документов Белого дела в советское время можно было бы считать подборки материалов на страницах журнала «Красный архив» в 1920-е гг.

Со времени начала перестройки отечественное источниковедение Белого движения следует условно разделить на три этапа. Первый относится к 1987–1991 гг. С одной стороны, это было время последнего советского юбилея – 70-летия Октябрьской революции. Традиционно к таким датам издавались десятки монографий и сборников документов, не говоря уже о сотнях публицистических статей в газетах и журналах. Но последний юбилей, проходивший уже в условиях гласности, впервые сопровождался появлением исследований по истории Белого движения, написанных на основании новых, впервые вводимых в научный оборот источников. Этот период можно, без сомнений, определить как период открытий, когда историки наконец-то обратились к запретным ранее документам, что стало возможным благодаря открытию с 1988 г. доступа к «белогвардейским и белоэмигрантским» фондам ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ) и Центрального Государственного архива Советской армии (ныне Российского Государственного военного архива). Фонды эти были составлены на основе переданного в 1946 г. в СССР Русского заграничного исторического архива в Праге, известного еще как «Пражская коллекция». Вместо абстрактных ссылок на «Коллекцию ЦГАОР СССР» тогда появились четкие указания на те или иные архив-

* **Цветков Василий Жанович,** кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

ные фонды и конкретные дела. Однако освоение архивов проходило в то время во многом еще бессистемно, поскольку основной задачей было описание истории Белого движения вообще, а не его отдельных эпизодов. Для большинства публикаций была характерна известная доля политизированности и ориентация прежде всего на читательский интерес к таким темам, как «красный террор», гибель Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака, эвакуация армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма, первые годы белой эмиграции и т.д.

Второй этап (с 1991 по 1997 гг.) характеризовался появлением первых обобщающих работ по истории Белого движения. В этот же период начались и первые публикации архивных документов и воспоминаний. Еще на рубеже 1980–1990-х гг. увидели свет мемуары А.В. Туркула, записки П.Н. Врангеля, сочинения Р. Гуля и Я.А. Слащова, отрывки из «Очерков русской смуты» А.И. Деникина[1]. Здесь следует отметить и обширный «Архив русской революции» (т. 1–22. М., 1991–1993), и серийное издание «Белое дело» в 16 кн. под ред. С.В. Карпенко (М., 1992–1993), и «Очерки русской Смуты» А.И. Деникина (т. 1–4. М., 1991). Глобальным проектом представляется не осуществленное, к сожалению, издание новой «Истории Гражданской войны» под редакцией академика РАН Ю.А. Полякова, проспект которой был опубликован на страницах журнала «История СССР» (1990, № 2). Большой интерес вызвал сборник «Антибольшевистское движение в России», подготовленный на основе документов ГА РФ в ИРИ РАН под руководством Г.А. Трукана[2]. Особенно примечательны в нем материалы о высшей политической элите Белого движения (переписка ген. А.С. Лукомского, А.И. Гучкова и Н.И. Астрова с А.И. Деникиным, отрывки из дневника премьер-министра Российского правительства П.В. Вологодского). Приведенные документы стали позднее основой для монографии Трукана «Антибольшевистские правительства России» (М., 2000).

Переходя к оценке третьего этапа, начавшегося в 1998 г. и продолжающегося по настоящее время, следует отметить, что по-прежнему актуальной остается проблема поиска и введения в научный оборот новых документальных материалов. В этом отношении весьма своевременными оказались издания межархивных справочников и путеводителей по фондам, вышедшие в свет в издательстве РОССПЭН в 1999–2001 гг.[3] Возможность пользоваться данными изданиями не только существенно облегчает работу исследователя, но и создает панораму всех имеющихся и еще, увы, совершенно не использованных источников. В настоящее время источники по истории Белого движения сосредоточены не только в фондах ГА РФ и РГВА, но и в фондах архивов Русского зарубежья, и в частных собраниях, не говоря уже о практически не доступных для большинства российских ученых коллекциях Гуверовского архива Института войны, революции и мира в Стэнфорде, архива Б.А. Бахметева Колумбийского университета и др.

Дополнительную информацию содержат также опубликованные за рубежом воспоминания участников Белого движения, переиздание которых представляется крайне необходимым. За последние несколько лет многие российские издательства выпустили мемуары как руководителей, так и рядовых его участников. Среди них можно выделить «Россию на переломе» и «Историю Второй русской революции» П.Н. Милюкова (М., 2001), «Воспоминания» Г.Е. Львова (М., 2002), «Воспоминания о Северо-западной армии» ген. А.П. Родзянко (М., 2001), мемуары дочери ген. М.В. Алексеева В.М. Алексеевой-Борель (М., 2001), «Походы и кони» С.С. Мамонтова (М., 2002), мемуары В.В. Шульгина в сборнике «Последний очевидец» (М., 2002). Однако нельзя не отметить, что при повышенном внимании издателей к определенным фигурам («Записки» ген. Врангеля с 1991 г. выдержали уже 5 изданий, а «Дроздовцы» ген. Туркула издавались трижды), большое количество мемуарной литературы до сих пор остается неизвестной не только широкому читателю, но и многим историкам. Из заслуживающих издания в России можно назвать «Трагедию адмирала Колчака» С.П. Мельгунова, «Историю российской контрреволюции» ген. Н.Н. Головина, «Записки о революции» М.С. Маргулиеса (они интересны прежде всего как воспоминания видного масона), мемуары председателя южнорусского "Союза возрождения России» С.В. Мякотина, дневники видного деятеля Совета государственного объединения России Н.В. Савича, воспоминания главы Омского правительства П.В. Вологодского, генералов В.К. Витковского, Б.Н. Литвинова, В.В. Добрынина, М.А. Фостикова, А.А. фон Лампе, М.А. Иностранцева и многих других участников Белого движения.

Наконец, следует, очевидно, завершить начатое еще в 1991 г. издание «Очерков русской смуты» ген. А.И. Деникина в академическом формате. Его необходимо сделать максимально полным, снабдив картами и фотографиями, имеющимися в оригинале, тем более что в 2002 г. в издательстве «Олма-пресс» увидели свет очередное издание «Записок» Врангеля и (наконец-то!) полное издание «Очерков русской Смуты» Деникина. Выпущенные в формате pocket-book, они, возможно, восполнят имеющиеся источниковые лакуны (особенно это важно в отношении «Очерков» Деникина), однако в них отсутствует всякий научный аппарат. Практически одновре-

менно в издательстве «Айрис-пресс» тоже вышел в свет первый том нового издания труда Деникина, снабженный добротным, емким предисловием московского историка А.С. Кручинина (главного редактора возрожденного в России альманаха «Военная быль»), но также, увы, лишенный научного аппарата, если не считать указателя имен[4]. Напрашивается законный вопрос: неужели российские издательства не могут найти средств на репринтное воспроизведение этого бестселлера литературы Русского зарубежья, предварительно согласовав этот вопрос с наследниками Деникина?

Многого можно ожидать и от издательства РОССПЭН, которое уже осуществило под руководством В.В. Шелохаева ряд очень важных проектов. Еще в 1996–1998 гг. вышли в свет «Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии» и «Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии», отражающие историю этой партии в годы революции и Гражданской войны. Можно приветствовать долгожданный выход в свет в 2001 г. книги «Всероссийский Национальный Центр» в серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века». Данное издание примечательно тем, что в нем содержится практически полный обзор проектов программ ведущего политического объединения Белой России, документально показано взаимодействие южнорусского и московского отделений Национального центра, полностью опубликованы протоколы допросов его участников в ВЧК. Готовятся к печати полные собрания протоколов заседаний южнорусского Особого совещания при главкоме ВСЮР ген. Деникине, а также Комитета членов Учредительного собрания (Комуча). Позднее планируется издание протоколов заседаний и постановлений других белогвардейских правительств.

В 2003 г. в серии «Россия. XX век» увидел свет 2-томник уникальных документов из фондов ГА РФ «Дело генерала Л.Г. Корнилова. Август 1917 – июнь 1918 гг.» Здесь собраны материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем ген. Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Данное издание отличается фундаментальностью и станет одним из базовых источников для изучения начального периода истории Белого движения в России, позволив ответить на вопрос о реальности «генеральского заговора» против Временного правительства.

Еще одним несомненным успехом создателей серии «Россия. XX век» следует считать выход в 2003 г. в свет протоколов допросов министров колчаковского правительства (составитель В.И. Шишкин)[5]. Публикация протоколов по-новому ставит проблему политического наследия Белого движения и проливает свет на истинные намерения Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и его окружения.

Много важной информации о закулисной истории Белого движения и первых лет эмиграции содержит публикация переписки посла России во Франции, известного деятеля кадетской партии В.А. Маклакова и посла России в США Б.А. Бахметева. Подготовленная к печати О.В. Будницким и снабженная богатым научным аппаратом, она хронологически охватывает период 1919–1951 гг., т.е. практически все время наибольшей политической активности Русского зарубежья[6].

Из сборников воспоминаний участников Белого движения можно выделить серию «Белое дело», начатую под редакцией С.В. Карпенко еще в 1992 г. и продолженную после длительного перерыва лишь в 2003 г. Серия претендует на показ всех основных районов Белого движения от Севера России до Сибири и на высокую репрезентативность публикуемых материалов. Планируется издавать как опубликованные в эмиграции источники, так и архивные документы.

С 2001 г. в издательстве Центрполиграф стали выходить в свет сборники из серии «Россия забытая и неизвестная. Белое движение» об отдельных этапах истории Белого дела. Редактор-составитель С.В. Волков решил соединить здесь достаточно обширные фрагменты из воспоминаний, опубликованных в эмигрантских журналах («Первопоходник», «Вестник первопоходника», «Часовой», «Памятка ливенца» и др.) с отрывками из трудов А.И. Деникина, М.Г. Дроздовского, М.Н. Левитова, В.Е. Павлова. Основными сюжетами этих публикаций стали образование Добровольческой армии, 1-й и 2-й Кубанские походы, история Белого флота и Белого движения на Северо-Западе. Привлекают читателя и обширные комментарии, а также профессионально выполненные вступительные статьи. В этой же серии увидела свет книга И.Ф. Плотникова о А.В. Колчаке, содержащая, помимо исследовательских разделов, богатый подбор как публиковавшихся ранее, так и архивных документов[7].

Среди недостаточно используемых источников следует отметить материалы белой периодики. Огромное количество газет, журналов, альманахов, выходивших в белых регионах, содержит информацию по множеству вопросов, касающихся повседневной жизни белого тыла. В Санкт-Петербурге была выпущена книга, содержащая полное собрание листовок Белых армий[8]. Однако большая часть содержащейся в газетах информации о Белом движении остается пока не вос-

требованной исследователями. Среди редко используемых источников назовем также секретные сводки деникинского Отдела пропаганды (ОСВАГа), дающие представление о настроениях в тылу ВСЮР и об отношении населения к проводимой белыми политике.

Заметно растет интерес к деятельности отдельных участников антибольшевистского движения. Увидели свет сборники из серии «Белые воины» (издательство «Посев»). Уже опубликованы книги «Марков и марковцы» (М., 2001), «Каппель и каппелевцы» (М., 2003), готовятся к изданию «Дроздовский и дроздовцы» и «Генерал Дитерихс». Нельзя не отметить и выхода в свет в 2003 г. книги дочери ген. Деникина Марины Грей «Мой отец генерал Деникин», написанной на основании многочисленных документов из ее личной коллекции. Характерно, что интерес к персоналиям Белого движения пока сводится преимущественно к военным, тогда как деятелям белогвардейских правительств уделяется пока еще недостаточно внимания.

Наконец, нельзя не отметить издание непериодических альманахов, специализирующихся на введении в научный оборот новых, не публиковавшихся ранее источников по истории Белого движения, – московского «Белая гвардия» (гл. ред. В.Ж. Цветков) и екатеринбургского «Белая армия. Белое дело» (гл. ред. Н.И. Дмитриев). Екатеринбургское издание отражает преимущественно историю Белого движения на Востоке России[9]. Альманах «Белая гвардия», имея большой объем и широкий региональный охват, в последнем тематическом номере, посвященном истории Белого движения на Северо-Западе России в 1918–1920 гг., впервые отражает историю белого Северо-Западного фронта на основании документов ГА РФ, а также из личной коллекции известного историка Русского зарубежья Н.Н. Рутыча[10].

Заметным явлением в исследовании Белого движения стал выход в свет в 2003 г. уникального фотоальбома «Белая Россия. 1917–1922 гг.» (составители В.Ж. Цветков и Б.С. Пушкарев), содержащего более тысячи разнообразных фотографий, рисунков, карт и схем из фондов ГА РФ, Российского Государственного архива кинофотодокументов и частных коллекций. Альбом уже получил немало откликов в научной и периодической печати, по праву заслужив определение «фотолетописи» Белого движения практически всех регионов России.

Есть документы Белого движения и в «Хрестоматии по отечественной истории (1914–1945 гг.)» под ред. А.Ф. Киселева и Э.М. Щагина, вышедшей в свет в издательстве «Владос» в 1996 г. и подготовленной к переизданию в 2003 г. В ней содержатся документы, отражающие программные заявления лидеров Белого дела, социальную структуру белых армий, основные этапы боевых операций против частей Красной армии.

В последние годы в изучении Белого движения активно используется также Интернет. Уже существует около 10 отдельных сайтов, в той или иной степени посвященных истории Белого дела и белых армий. Среди них можно отметить сайт «Память чести» И.В. Скрипалева, сайт Андрея Ганина, сайт С.П. Звягина «Белая Сибирь», сайт С.В. Карпенко «Белое дело», сайт С.В. Волкова, сайт РОВС И.Б. Иванова, сайт издательства «Посев» Б.С. Пушкарева и А.Ю. Штамма. Сайты регулярно обновляются и вызывают большой интерес пользователей «всемирной паутины». На них размещены электронные версии целого ряда источников, в том числе «Записки» ген. Врангеля, «Очерки русской Смуты» ген. Деникина, многочисленные мемуары офицеров и добровольцев белых армий.

К сожалению, пока еще отсутствуют комплексные обобщающие публикации источников по истории Белого движения. Нередко внимание составителей обращено только на программные, декларативные документы, тогда как сам процесс выработки того или иного законодательного акта или официального заявления белой власти остается в тени. Практически отсутствуют публикации о правовых аспектах, экономической политике белых правительств и, особенно таких ее составляющих, как промышленная, аграрно-крестьянская, финансовая, социальная политика. Ощутим дефицит публикаций, касающихся идеологии Белого дела. Нередко имеет место и некритическое отношение к историческому источнику. Так, например, при анализе причин поражения белых армий многие исследователи дословно повторяют оценки Н.В. Устрялова, П.Н. Милюкова, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, А. Будберга, А.А. фон Лампе, практически не сравнивая их с позицией других авторов. Между тем Белое движение можно рассматривать только в контексте всей общественно-политической истории России XX в.

Перспективы публикации источников по истории Белого движения достаточно велики. Останавливаться на достигнутом рано, поскольку для современного этапа характерны еще фрагментарность и мозаичность публикаций.

Впереди еще большая работа, для завершения которой потребуется немалый срок. Однако совершенно очевидно, что без подлинно научной истории Белого движения отечественная история XX в. обречена оставаться неполной и односторонней.

Примечания

[1] См.: Г у л ь Р. Ледяной подход. Жизнь на фукса. Д е н и к и н А. Поход на Москву. М., 1990; С л а щ о в - К р ы м с к и й Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990; Т у р к у л А.В. Дроздовцы в огне. М., 1991; В р а н г е л ь П.Н. Записки. Кн. 1–2. М., 1991.

[2] Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995.

[3] Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999; ГА РФ. Путеводитель. Т. 5. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.). М., 2001. Т. 6. Перечень фондов Государственного архива Российской Федерации и научно-справочный аппарат к документам архива. М., 1998.

[4] Из последних изданий работ А.И. Деникина можно отметить: Путь русского офицера. Очерки русской Смуты. М., 2002; Очерки русской Смуты. Т. 1–5. М.; Минск, 2002; Очерки русской Смуты. Т. 1–4. М., 2002–2003.

[5] Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г. М., 2003.

[6] Совершенно лично и доверительно. Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951 гг. Под ред. О.В. Будницкого. Т. 1–3. М., 2001–2002.

[7] См.: Первые бои Добровольческой армии. М., 2001; Зарождение Добровольческой армии. 1-й Кубанский («Ледяной») поход. М., 2001; Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. М., 2002; Офицеры российской гвардии в Белой борьбе. М., 2002; Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003; А.В. Колчак. Исследователь, адмирал, Верховный правитель России/Автор и составитель И.Ф. Плотников. М., 2002 и др.

[8] Белое движение. Каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.). СПб., 2000.

[9] Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. (Екатеринбург) № 1–12. 1993–2003.

[10] Белая гвардия. Исторический альманах. (Москва) № 1–7. 1997–2003.

© 2004 г. Е. В. ЛАПТЕВА*

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ АМЕРИКАНСКОГО РОССИЕВЕДЕНИЯ 1990-х годов

Основные направления американского россиеведения второй половины XX в. возникли после Второй мировой войны. В 1950–1960-х гг. начинает формироваться «тоталитарное» направление, в разработке которого участвовали Х. Арендт, Дж. Армстронг, К. Фридрих, З. Бжезинский, Л. Шапиро, С. Хантингтон, Р. Пайпс и др. Основные признаки тоталитаризма как политического режима были сформулированы в работе «Тоталитарная диктатура и автократия», написанной З. Бжезинским и К. Фридрихом в 1956 г.[1] Они характеризовали тогдашнее советское общество как закрытое, а коммунистическое государство – как «оплот зла» и делали вывод о том, что тоталитаризм – это специфичное явление, характерное для некоторых государств, отклонившихся в XX в. от «нормального» исторического пути, по которому идут США, Англия и Франция. К 1970-м гг. в американском россиеведении наблюдалось постепенное смещение интересов в сторону изучения проблем советского общества (национализм, русификация, взаимоотношения элиты и масс, бюрократизация общества) и его культуры, которая изучалась в рамках дихотомии «официоз–нонконформизм».

Активное развитие «тоталитарного» направления шло до середины 1980-х гг. Вплоть до 1985 г. исследователи преувеличивали степень стабильности и мощи СССР, которые, по их мнению, держались на военной силе. Однако американские ученые считали, что влияние «тоталитарного» направления давало о себе знать и в дальнейшем. Так, при оценке причин падения коммунизма историки придавали большое значение прежней стабильности и мощи советского государства и коммунистической партии, а также борьбе демократов и консерваторов, роли диссидентского движения, нелегальной оппозиции и пониманию сути различий между западной и восточносла-

* **Лаптева Елена Васильевна,** кандидат исторических наук, докторант Российского государственного гуманитарного университета.

вянской цивилизациями Американский исследователь П. Рутланд в работе «Советология: заметки после смерти» пишет о том, что советское общество вследствие своей изоляции от Запада было более сложным объектом изучения, что недоучитывалось исследователями, которые к тому же часто страдали недостатком профессионализма и поддавались влиянию ученых-лидеров[2].

Даже в тот период, когда теория тоталитаризма потеряла свою популярность, сторонники «тоталитарного» направления продолжали бороться за свое выживание, выдвигая на первый план те или иные удачные ее стороны и принижая значение исследований противоположного, «ревизионистского» направления. По мнению американских историков, для поклонников «тоталитарной» теории еще оставался узкий круг исследуемых проблем, в частности проблема лидеров и политической верхушки общества, и национальный вопрос. Общий вывод, к которому пришли американские историки после того, как «тоталитарная» теория сошла со сцены в качестве главной в западном россиеведении, заключался в том, что необходимо более тщательное и беспристрастное, чем прежде, изучение России и ее роли в мировой истории. В отличие от «тоталитарного», «ревизионистское» (либеральное) направление начало формироваться намного позднее: отечественные исследователи относят время его появления к концу 1960 – началу 1970-х гг. Это направление формировали такие ученые, как Р. Такер, А. Инкенлес, Т. фон Лауэ. Немного позднее в него влились представители младшего поколения советологов – Дж. Хаф, А. Даллин, М. Левин, С. Коэн, Ш. Фицпатрик, А. Рабинович и др. Многие из них были академическими учеными, что предопределило, как считает У. Лакер, их неизбежные ошибки, так как не знавшие реалий советской жизни ученые использовали в своих трудах термины, методики исследования и понятия, применимые лишь при исследовании западной цивилизации[3]. Представители «ревизионистского» направления ожидали постепенного сближения двух систем и считали, что СССР подвергнется естественной конвергенции, приняв ценности западной демократии. Они исходили из того, что коммунизм существует в индустриально развитой державе и поэтому может перейти к либеральным реформам, которые позволили бы построить современное общество, т.е. общество западного типа. Представители либерального направления в американском россиеведении не брали в расчет внутренних противоречий социализма, и поэтому темпы, размах и содержание перемен в нашей стране завели их в научный тупик, так как у них не имелось ни критериев оценки перемен, ни методик их изучения.

«Ревизионистское» направление в американском россиеведении занимало господствующие позиции в 1970–1980-е гг., лишив популярности «тоталитарную» теорию, которую представители «ревизионизма» считали в значительной степени политическим и идеологическим заказом периода «холодной войны».

Особенно пристальное внимание западных историков идеи представителей «ревизионистского» направления привлекли к себе после начала в СССР перестройки, когда мир ждал, что Россия пойдет по западному пути развития, копируя до мельчайших деталей западный опыт. Но ожидания не оправдались. В этот период значительно возрос научный интерес западных ученых к проблемам развития советского (российского) общества и культуры. Западному специалисту-россиеведу необходимо было доказать свою научную состоятельность, оправдать состоявшиеся (или несостоявшиеся) прогнозы развития советского государства. В этих условиях обращение к изучению новых советских феноменов – перестройки и гласности – обещало значительные научные дивиденды. Но с окончанием перестройки исследование российской культуры и общества пошло на спад. Научный перелом, следовавший за сокращением исследовательского поля и дроблением познаваемого объекта, привел не только к модификации основных теорий и концепций американского россиеведения, но и к изменению базовых стереотипов восприятия российской действительности.

С крушением советской системы в американском россиеведении произошли значительные перемены. Пришел конец основным советологическим направлениям – «тоталитарному» и «ревизионистскому», а также теориям, существовавшим в рамках этих направлений. Существенно сократилось количество политических исследований, продолжалось лишь изучение роли лидера в современной России. Упал интерес к исследованию роли государства, коллективизма, русского антизападничества, консерватизма. Утратили свою политическую и научную актуальность такие темы, как идейно-политический протест, социалистический реализм, гласность и перестройка.

Несмотря на открытие советских архивов, расширения академического россиеведения не произошло. Более того, сократились его кадры, объем выпускаемой научной литературы, число студентов, специализирующихся в данной области. Даже Колумбийский университет в 1999 г. разрешил публиковать на страницах своего издания «Гарриман ревю» коммерческую рекламу.

Постсоветский период в целом оказался очень сложным для американского россиеведения. СССР перестал быть страной-врагом, были ликвидированы многие центры, фонды, институты по изучению нашей страны, прекратилось финансирование большинства тем. «Тоталитарному» и «ревизионистскому» направлениям пришлось заняться поиском новых парадигм исследования и созданием адекватных моменту объяснений российской действительности. В 1990-е гг. возникает тенденция к объединению представителей различных направлений для научного поиска и создания новых методик исследования. Однако это не привело к примирению «тоталитарного» и «ревизионистского» направлений в американском россиеведении. Растет пестрота научной тематики. Разброс мнений в современной американской русистике отчасти объясняется еще и тем, что в науке сокращается доля высокопрофессиональных исследователей-историков. На их место приходят журналисты, социологи, общественные деятели, использующие в своих исследованиях методики, характерные для разных общественных наук.

Американское россиеведение 1990-х гг. было занято созданием общей картины современной России. В этом нуждались не только ученые и политики, но и широкие массы населения Соединенных Штатов, интересующиеся переменами в нашей стране. Американский русист Л. Энгельстайн выразила суть момента следующим образом: «Конец Советского Союза, равно как и современные события, действительно изменили повествование о русской истории и подтолкнули нас на пересмотр того, что мы думали о прошлом. Коллапс идеологической схемы с ее собственными мифами также изменил наш интеллектуальный обзор»[4].

Картина современной России и ее общества, созданная специалистами-россиеведами, носит некоторый отпечаток старых теорий американской русистики. Американские исследователи до сих пор описывают нашу страну, используя частично прежние характеристики. Среди старых идей была, в частности, идея контроля государства над жизнью общества. Р. Марш в своей работе «История и литература в современной России» подчеркивает, что период правления Б.Н. Ельцина – это время усиления контроля под видом «экономической цензуры» над СМИ, издательствами и т.д. Некоторые западные исследователи (как правило, это журналисты, обозреватели, деятели культуры, работавшие в России в 1990-е гг. по контракту) склонны были подчеркивать негативные моменты в жизни современной России, которые они рассматривали как остатки коммунистического прошлого, влияние старой идеологии. К ним американские русисты относили закрытость власти от общества, культ вождя, большую роль бюрократии, коррупцию, вмешательство государства в общественную жизнь, российскую тягу к секретности, приоритет общества над личностью. Здесь присутствуют по крайней мере два старых стереотипных убеждения, характерные для «тоталитарного» направления, – культ вождя и большая роль бюрократии. На этом основании делается вывод, что, хотя скорее всего возврат к прошлому для России невозможен, страна может пойти по пути, нарушающему западные демократические каноны. Сотрудники исследовательских фондов университетов США Л. Швецова и М. Брилл считают, что изменения касаются в основном политической власти; имеются также «надежды на демократию, которые еще очень призрачны»[5].

По мнению американских исследователей, 1990-е гг. характеризуются уничтожением старых образцов советской культуры, идеологии, менталитета. Они подчеркивают, что в этот период появляется возможность формирования новых мнений, дискуссий на исторические темы, но парадокс состоит в том, что интерес к ним, по сравнению с периодом перестройки, уже иссяк. На его месте возникло, как утверждает С. Бойм, «всеобщее ожидание конца света, апокалиптическое чувство несчастья»[6]. Люди начинают жить настоящим. В этом американские исследователи видят своеобразный прогресс, ибо лучше жить настоящим, чем верой в коммунистическое будущее.

В американской русистике выросла уверенность в необходимости уделять большее внимание исторической специфике изучаемой страны, появилась тенденция употреблять в исследованиях термины, относящиеся к различным общественным наукам. В 1990-е гг. социальная история начала рассматриваться под новым углом зрения. В этих условиях удачным выходом для многих ученых стало обращение к теме российской экономики. При этом в современном американском россиеведении наша страна рассматривается и как превосходная лаборатория для испытаний по внедрению западной модели экономического и культурного развития.

Экономическая тематика влияет на изучение российского общества в целом. Проблемы российского общества, изменения в демографии, образовании, культуре рассматриваются как следствия изменившейся экономической модели. Тематическая специфика отражается в названиях исследований. В 2002 г. выходит в свет работа К. Хамфри «Разрушение советской жизни: повседневная экономика после социализма»[7]. Это исследование вышло в свет в издательстве Корнуэллского университета. Тема российской экономики и влияния экономических преобразований

на общество не сходит со страниц американской прессы. Квалифицированными специалистами в области российской экономики в 1990-е гг. считают себя не только такие американские экономисты, как профессор М. Мандельбаум и А. Аслунд, но и многие журналисты, разрабатывающие российскую тематику (Х. Балцер, П. Квин-Джад, П. Хоффман и др.). Они активно осваивают проблематику, связанную с изучением российской экономики и ее влияния на общество. В 2000 г. в США выходит книга «Новые богатые, новые бедные, новая Россия», изданная под редакцией Б. Силвермана и М. Яновича[8]. Ее публикацию предварял ряд статей об изменениях в российском обществе, вызванных переменой экономической модели. Показательна статья в «Los Angeles Times» от 13 марта 1999 г., где ее автор, Р. Паддок, разворачивает ужасающую картину российской нищеты[9], причем такое отношение к проблемам российского общества не является единичным. Вместе с тем в современном американском россиеведении наша страна рассматривается и как полигон для экономических экспериментов. Эту точку зрения разделяет М.С. Фиш, развивающий данную тему в статье в журнале «Post-Soviet Affairs»[10].

Обращение к исследованиям новой российской экономической модели в современном американском россиеведении характеризуется наличием трех точек зрения. Для первой характерны бурное одобрение копирования западного опыта и оценка происходящих перемен как безусловного прогресса. Эта точка зрения отражена в статьях американских авторов А. Аслунда, Дж. Сакса, М. Спектера, М. Мак-Фола, П. Хоффмана, Т. Дайна, Д. Ремника, П. Квин-Джад, М. Мандельбаума и др. Многие из этих авторов являются профессиональными журналистами, часть из них – социологи, часть – профессиональные экономисты, тогда как историков среди них практически нет. Другая точка зрения полярно противоположна первой. Ее носители рассматривают переход к рыночной экономике и реформы Ельцина как крах не только экономики, но и общества в целом. Данной точки зрения придерживается С. Коэн, о чем он написал в работах «Изучение России без России: крах постсоветологии» и «Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России». Есть, наконец, и нейтральная позиция, сторонники которой констатируют наличие ряда проблем, возникших перед российским обществом в период перехода к новым экономической, политической и общественной моделям, но оценивают это как закономерный процесс, характерный для многих стран на определенном этапе их развития. Это утверждает Дж.В. Миллар в работе, опубликованной в журнале «Current History» в 1999 г.[11]

Основными тенденциями развития американского россиеведения 1990-х гг. стали не только анализ истории России с помощью экономических исследований, но и пересмотр концепций русской и советской истории, сопоставление истории дореволюционной России и СССР, изучение гражданского общества и культуры России, новое обращение к изучению этнических процессов и проблем национализма, перехода к рыночной экономике.

В теме национализма акценты сместились с осуждения великорусского национализма и шовинизма на рост националистических настроений в бывших советских союзных и автономных республиках. В частности, специалисты по-прежнему подчеркивают, что советская пропаганда, вещающая о появлении новой исторической общности – «советского народа», была обречена на неудачу. Продолжаются исследования процесса формирования национальных движений внутри СССР в 1970–1980-х гг. и национальной политики советского правительства брежневского времени[12]. В работе профессора антропологии университета Висконсин А. Хазанова «После СССР: этническая принадлежность, национализм и политика в Содружестве Независимых Государств» (1995) подчеркивается, что большинство современных национальных проблем в новых государствах, включая Россию, связано с последствиями крушения старой советской колониальной системы. Автор обвиняет советскую элиту в лицемерии: интернационализм на словах оборачивался на деле великорусским шовинизмом, перед которым склоняли голову другие нации и народности СССР. В итоге, пишет исследователь, советский колониализм все больше обнаруживал те же закономерности, что и колониализм капиталистических стран, включая закон «колониальной неблагодарности». Колониализм повлек за собой создание нетрадиционных национальных элит, а это, в свою очередь, подогревало рост национализма. Осуждая политику русификации, проводившуюся с негласного одобрения правительства в советские времена, Хазанов говорит, что «русские в советской империи оставались на Оттоманской стадии национальной идентичности»[13], а это привело впоследствии к мучительному поиску новой ее базы.

В 1999 г. вышел в свет сборник работ о национальных проблемах, возникших в СССР и России в конце 1980 – начале 1990-х гг.[14] У авторов сборника двойственная позиция: они признают существование национального вопроса как в России, так и в бывших советских республиках, но говорят о том, что в этих условиях нужно ставить вопрос не о сохранении русской культуры (которая имеет статус элитной), а о сохранении и развитии национальных культур других народов России[15]. В контексте исследований политического и национального разделения впервые о

русском населении стало упоминаться как о национальном меньшинстве, которое может испытывать проблемы, связанные с ограничением своих прав (в национальных республиках бывшего СССР). Возможно, смещение акцентов и отказ от огульной критики русского национализма были вызваны и большим впечатлением от роста арабского населения в мире (в том числе и в западных странах, где в связи с увеличением некоренного населения и опасностью исламского фундаментализма в настоящее время идет подъем антиарабских настроений). В итоге в популярной американской прессе 1990-х гг. появляется серия статей о русских[16].

Идет и пересмотр многих концепций русской истории. Вновь активно поднимается тема русского крестьянства и трагедии коллективизации. О проблемных моментах советской истории, явившихся неожиданностью для американских исследователей, пишут уже не только профессиональные русисты (характерной для последних лет является статья Мэг Гринфилд и Кена Ригла в «Washington Post», где они пишут о советологах, оказавшихся «не у дел»[17]). Участие в дискуссии о проблемах советской истории принимают журналисты, политологи, экономисты[18]. Некоторые итоги этого процесса были подведены в работе «Пересматривая традиционные взгляды на российскую историю», изданной под редакцией С.Дж. Уиткрофта в 2002 г.[19] Рассмотрению отдельных проблем русской истории была посвящена книга «Расширяя границы русской истории», изданная в честь известного историка-россиеведа А. Рибера[20]. Эссе, собранные в книге, отражают общую картину состояния научного поля американского россиеведения конца XX в. – переход к исследованиям на более частные темы, в основном касающиеся досоветского периода российской истории, прежде всего XVIII и XIX вв.

Для 1990-х гг. характерно новое обращение к проблеме компаративизма. Активно используется предложенная Р. Такером схема сравнения событий российской истории. Применяя ее, С. Коэн в своей работе «Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России» пишет, что Россия находится не в состоянии перехода, как утверждают американские россиеведы-транзитологи, а в состоянии новой смуты. Несмотря на критику, представители американского россиеведения не в силах полностью отказаться от привычных рамок сравнения России и Запада. Эта ситуация отражается в американском академическом россиеведении, которое, в отличие от публицистического, сохраняет осторожность в высказываниях. Такая тенденция развивается в общем исследовании глобализации, и наиболее осторожные и грамотные специалисты говорят не о «копировании западного опыта», а лишь о разумном следовании России общим тенденциям мирового развития. Пример подобного исследования – коллективная работа «Смотря на Запад? Культурная глобализация и русская молодежная культура», вышедшая в 2002 г. в издательстве Пенсильванского университета[21].

В 1990-е гг. в американском россиеведении возникла тема становления гражданского общества в России и появления там среднего класса. Стойкое убеждение в том, что у нас, как и в других демократических странах, формируется средний класс, сегодня стало стереотипом. Исследованию этого феномена посвящена работа Х. Балцера «Российский средний класс», опубликованная в «Post-Soviet Affairs» в 1998 г. В ней подчеркивается значение появления и роста среднего класса как опоры страны и показателя стабильности ее экономического развития. Одновременно в популярной американской прессе появляются материалы, рассказывающие о российских олигархах. (Кстати говоря, сами американцы термин «олигарх» не признают, используя такие варианты, как «состоятельные русские», «новые русские деловые люди», «успешные» или «ведущие российские бизнесмены».) Эта тема звучит в исследованиях А. Куллисона, П. Хоффмана, П. Квин-Джад. В популярной американской прессе 1990-х гг. неоднократно упоминалось и о спорах, ведущихся в России между властью и олигархами, причем симпатии американских журналистов оказываются неизменно на стороне «бедных» богатых людей. О конфликте вокруг канала НТВ рассказывается, например, в статьях П. Квин-Джад, опубликованных в журнале «Time» в апреле 2001 г.[22] Следует обратить внимание на то, что обращение к этой тематике не случайно: в американской прессе активно разрабатывается тема взаимоотношений государства и богатых людей, которая проецируется на современную Россию.

Основным научным направлениям американского россиеведения – «тоталитарному» и «ревизионистскому» – в постсоветский период явно не хватало адекватного объяснения перемен в общественной и культурной жизни России. Сложная ситуация, в которой оказалось россиеведение после падения советского режима, привела к тому, что ни одно из них уже не могло претендовать на главенство. Направления современного американского россиеведения оказались объединены общими тенденциями в исследовании современной России, общими источниками и в ряде случаев сборниками статей, в которых представлены авторы, принадлежащие к разным течениям.

В современном американском россиеведении присутствует глубокое убеждение, что Россия, распрощавшись с коммунистическим прошлым, выбирает в качестве образца западную модель развития, несмотря на некоторые цивилизационные различия, которые проявляются в основном в сфере культуры. Тенденция рассматривать современные процессы и явления в культурной и общественной жизни современной России по аналогии с Западом, проводить сравнения, исходя из западного цивилизационного опыта, объединила всех современных россиеведов.

Недостаток теоретической базы вызвал к жизни новые научные поиски. В итоге к концу 1990-х гг. появляется теория, которая в начале XXI в. получила название транзитологии, или учения о переходе. Теория гласит, что Россия после 1991 г. медленно движется по пути реформ. При этом, учитывая прошлые ошибки россиеведения, делается акцент на комбинировании различных элементов научного поиска. Россия и ее реалии изучаются в контексте аналогичных преобразований в другие исторические эпохи и в других странах. Тем самым россиеведение старается выйти из-под удара ограничений, связанных с изучением одной отдельно взятой области. Сам по себе данный факт вызвал критику приверженцев старой «чистой» советологии. В своих работах «Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России» и «Изучение России без России. Крах американской постсоветологии» С. Коэн, критикуя транзитологию, пишет, что она заимствовала область исследований у политических и экономических наук. Кроме того, он считает, что язык научного анализа транзитологии не подходит для современного изучения России[23]. Транзитологию С. Коэн критикует также за то, что она обладает избирательным методом и, следовательно, научно некорректна. «Переход» помещается в контекст аналогичных преобразований в других странах и в другие эпохи, а сам процесс изучения носит ограниченный характер и связан с исследованием лишь одной области. Транзитология опирается на единственную идею (преобладании изменений в системе), избирательно подходит к источникам и обладает излишней обобщенностью[24]. Транзитология еще не нашла поддержки в среде российских ученых. О расхождении в оценке периода 1990-х гг. говорит и использование российскими и американскими учеными различных терминов: российские, говоря о событиях 1990-х гг., используют слова «крах, распад, трагедия», американские – «переход, реформы».

Транзитология стала отдушиной для тех ученых, которые развивали идею культурного заимствования, связи российской культуры с Западом. Это в полной мере касается работ Р. Дэниелса, Р. Пайпса, М. Уолкера, Х. Ишама, М. Корта и др. В последнее время влияние данной теории особенно характерно для авторов, публикующихся в американской специализированной прессе (Дж. Гамбрелл, С. Хочфилд и др.)

Особое место в американском россиеведении в 1990-е гг. начинает занимать исследование российской культуры. Возможно, это происходит потому, как считает Л. Энгельштейн, что «значение культурологического анализа различного рода материалов из русской социальной, политической и интеллектуальной истории формирует наше проникновение в готовые схемы и устраняет устаревшие мнения»[25]. Она подчеркивает, что сейчас, когда Россия «перегружена специфическими проблемами момента» (читай: слишком сложна для анализа), исследование духовной сферы и культуры российского общества является приоритетным. Американских русистов волнует вопрос выживания российской культуры в трудных условиях постсоветского времени. В связи с этим в прессе конца 1990-х гг. появляется серия статей, о состоянии русских музеев, организации новых выставок, реституции. Л. Энгельштейн приводит примеры возникновения на старой основе новых направлений исследования: она говорит, например, что известный россиевед-культуролог Р. Стайтс теперь обратился к изучению феминизма и прав женщин как базисных элементов гражданской культуры, а К. Келли и Д. Шепард исследуют тему выживания русской культуры после 1917 г. К. Келли в книге «Открывая Россию вновь: литература, политическая культура и гендер от Екатерины до Ельцина», вышедшей в 2001 г., обращает пристальное внимание на положение в обществе женщины и на отражение ее роли в литературе и искусстве.

Исследование российской культуры в американском россиеведении в конце XX в. претерпело ряд изменений. В социальной истории перешли от изучения отдельных социальных групп, например, крупной бюрократии или партийной элиты, к изучению взаимодействия между ними и формирования новых общественных отношений. При обращении американского россиеведения к истории российской (советской) культуры исследователи анализируют отдельные явления российской культуры – быт дворянских усадеб, развитие современного российского детектива и т.д. Такими исследованиями являются «Женщина и русская культура: проекты и самовосприятия» под редакцией Р. Марш (1998), «Блудный сын: Василий Шукшин в советской культуре» Дж. Гивенса (2000) и др.

Однако уход в микроисторию не стал всеобщим явлением. Примером этого может служить исследование профессора Джорджтаунского университета Р. Стайтса. В монографии «Русская

поп-культура» (1994) он обратился к исследованию феномена современной российской культуры в целом. Р. Стайтс объясняет изменения в культурной жизни современной России довольно просто: меняется общество – меняется культура. Но все более ценное, по его мнению, было заложено предыдущим поколением[26]. Ученый обращается к последним годам «застоя», которые он характеризует как «мир на кладбище», и пишет, что это было кладбище идей, открытости, свободного выражения своего мнения, когда появляются такие последствия неудачной системы, как черный рынок, диссидентство и политический андерграунд, различные проявления контркультуры[27].

Р. Стайтс подробно рассматривает несколько наиболее популярных, с его точки зрения, образцов современной русской культуры, в частности творчество писателей-«деревенщиков». Он считает, что секрет их популярности кроется в том, что читатели находили в их произведениях своеобразное достоинство – идентификацию с другой, спокойной и размеренной жизнью, напоминание о таких потерянных русских ценностях, как честность, простота, гармония, стабильность, семейное тепло. Автор называет имена В. Шукшина, В. Распутина, В. Белова, В. Быкова и др. Но, рискуя всем хорошим, что уже было сказано об этих писателях, Р. Стайтс называет их «политическими иконами». В этом высказывании отражается его отношение к государству, которое в советское время могло поднять или, наоборот, свести на нет популярность любого писателя. Но, по-моему, писатели-«деревенщики» не заслуживали подобной категоричности в оценках. Исследователь обращается также к популярным историческим романам В. Пикуля, которые, по его мнению, формируют историческое мышление народа. Романы Пикуля были популярными, пишет автор, но политически спорными, поскольку они характеризовались его пылким русским национализмом и ксенофобией, выражавшейся иногда в тонко завуалированном антисемитизме. Западные русисты В. Лакер и М. Фридберг, также исследовавшие феномен популярности В. Пикуля, высказывались более категорично, называя его работы «пикулизацией русской истории». Кроме того, в работе Р. Стайтса оцениваются популярные образцы советской фантастики и детективной прозы, выполненные в «позднее советское время».

Р. Стайтс указывает и на отход от привычных штампов в советской музыкальной культуре, который берет начало в 1970–1980-е гг. Появляется качественное западное музыкальное оборудование, дискоклубы, рок-оперы и музыка андерграунда. Однако остаются популярными и песни, связанные с военной тематикой. Автор говорит, что в американской жизни также были популярны такие песни, но поколением раньше. Автор в целом дает подробный и тщательный анализ положения дел на современной музыкальной сцене России. Причем ситуация в мире поп-музыки описана Р. Стайтсом более подробно, квалифицированно и грамотно, чем состояние советского кино, в котором в период перестройки произошел настоящий взрыв в области документального жанра и появились совершенно новые вкусы.

Главный результат гласности, по мнению Р. Стайтса, – это разноплановость. Каждый мог выбирать на свой вкус либо старые песни, либо джаз, либо современный рок. Сформировалась особая молодежная субкультура, в которой причудливо переплелись нигилизм, религия, музыка и политика. Острой проблемой, как считает Стайтс, стало появление наркотиков. И в этом отношении Россия сближается с Западом, где существовали уже «потерянное поколение», «поколение между войн» и особая «гангстерская» культура[28]. Тем самым автор еще раз подводит читателя к мысли, что Россия лишь повторяет путь, уже пройденный Америкой. Он отмечает, что в итоге российское общество в культурном плане явно разделилось, причем имеющая больше возможностей городская культура соединилась с высокой фолк- и радикальной культурой. Нечто подобное уже имело место в 1920-е гг., когда высокая культура была в значительной своей части просто уничтожена. Стайтс отмечает, что в настоящий период в России идет бурный процесс заимствования западной модели поп-культуры, что ведет к утрате многих национальных культурных ценностей.

В самом конце 1990 – начале 2000-х гг. в США выходят монографии о российской культуре посткоммунистического периода. Американских исследователей волнует в первую очередь проблема деидеологизации образцов нашей культурной модели, приближение российской культуры к основным направлениям развития западного аналога. Данные проблемы отражены в сборниках «Русская культура» (2001), подготовленном М. Мидом, Г. Горером и Дж. Рикманом, «Русская культура на перепутье: парадоксы посткоммунистического сознания», изданном Д.Н. Шалиным в 1996 г., «Русская культура в современный период» под редакцией Р. Хьюджса и И. Паперно (1994)[29] и др.

Изменение условий в целом усилило взаимодействие американского россиеведения с периодической печатью. Увеличивается количество статей на российские темы в американских специализированных журналах «Problems of Post-Communism», «Post-Soviet Affairs», «Current History»,

«Slavic Review», «Russian Review», «Europe-Asia Studies», а также «Art in America», «Art News», «Dance Magazine». В них публикуют свои статьи профессиональные русисты, их редакторы и издатели. Большое количество материалов на русскую тематику публикуется в таких популярных изданиях, как «New York Times» и его приложении «New York Times Book Review», «Washington Post», «US News and World Report», «Weekly Standart», «Washington Street Journal», «Nation», «Time», «Los Angeles Times» с приложением «Los Angeles Times Book Review» и др. Таким образом, академическое россиеведение уступает позиции новому формирующемуся феномену – публицистическому россиеведению.

Характерной чертой 1990-х гг. является увеличение публикаций по русской тематике в среде американских журналистов, социологов и экономистов (А. Аслунда, Дж. Мэтлока-мл., П. Хоффмана, М. Гессена, А. Мейера, П. Квин-Джад, М. Мандельбаума, М. Шапиро и многих других). Они подхватывают знамя советологических исследований из рук представителей академического россиеведения. Однако специфика их профессии и отсутствие специального образования в ряде случаев приводят к искажению отображаемой картины развития демократической России, фактическим ошибкам. Это раздражает специалистов-профессионалов и вызывает законную критику. В частности, С. Коэн в работе «Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России» критикует журналиста Дж. Сакса за формирование неправильных представлений американской читающей публики о России, обвиняет М. Спектора, опубликовавшего в «New York Times» статьи о российских политических лидерах, в неграмотности и т.д. Невнимательность к деталям жизни изучаемой страны вообще характерна для представителей американской прессы, пишущих на темы русистики. В частности, в статье, опубликованной редактором «Art in America» Дж. Гамбреллом, Пермь и Красноярск равно называются сибирскими городами.

Исследования, опубликованные в американской периодической печати журналистами, социологами, экономистами, характеризует пестрота научной тематики: авторов интересуют национальный вопрос, война, проблемы лидерства, формирования среднего класса, нищета, беспризорность и т.д. Большинство этих вопросов актуальны и для американского общества. В итоге в 1990-е гг. с переходом России к демократической модели развития наблюдается постепенный отход американских исследователей от акцентирования внимания на специфичности развития России. Но, несмотря на сближение условий общественной и культурной жизни двух государств, новое американское россиеведение продолжает пропагандировать старый, негативный образ России. Показателен в этом отношении подбор материалов на русскую тематику в популярном американском журнале «US News and World Report». В 2000 г. из 15 статей о современной России 11 носили негативный характер. В них говорилось о состоянии российских тюрем, судебном процессе над американским шпионом Э. Поупом, российской коррупции, угрозе от ядерных реакторов России, национализме, усилении центральной власти, войне в Чечне. И только 4 статьи носили нейтральный характер (о судьбе Янтарной комнаты, Александре Боровом, усыновлении иностранцами детей из России, переговорах Путина и Буша). Журнал «Time» в 2001 г. разместил 14 статей о России. Из них только 4 носили позитивный характер: 3 статьи о новостях культуры (маэстро Гергиеве, режиссере Бодрове-мл. и новгородских берестяных грамотах) и одна под названием «Большой шаг Путина» привлекла внимание читателей к осуждению Президентом России международного терроризма.

Один из наиболее популярных серьезных журналов США «Foreign Affairs» тоже опубликовал на своих страницах в 1990-е гг. достаточное количество материалов о России по трем основным проблемам: а) является ли Россия по-прежнему врагом США? б) остались ли у нее прежние имперские характеристики? в) в чем суть евразийства, столь популярного в России сегодня? Известный американский русист С.П. Хантингтон в работе «Запад уникальный, но не универсальный» (1996) делает акцент на существовании цивилизационно-религиозных различий между Россией и Западом. Дж. Мэтлок-мл. считает, что обычным оправданием сильного, авторитарного государства, которым являлась Россия, была необходимость защиты от иностранного вторжения. Он склонен считать, что Россия продолжает сохранять враждебность по отношению к США: чтобы увековечить традиции, сегодняшние русские националисты нуждаются в зарубежном враге[30].

Анализируя ситуацию в России на предмет сохранения ею имперских замашек, западные авторы прежде всего обращают внимание на то, как она усвоила западный опыт. Д. Ремник в работе «Может ли Россия измениться?» сетует, что в ней много авторитаризма, слабая политическая культура, а ксенофобия заполнила и государство, и церковь. Тем не менее он убежден, что Россия – больше не враг[31].

Наиболее показательна позиция одного из столпов американского академического россиеведения Р. Пайпса. В работе «Является ли еще врагом Россия?» («Foreign Affairs», 1997) он писал, что в советские времена Россия нуждалась в завоеваниях, отдавала приоритет не безопасности, а сильной имперской власти. Сегодня многие влиятельные люди в России хотят восстановить не только империю, но и статус супердержавы, считает Р. Пайпс. Сделанный им прогноз гласит, что Россия останется расколотой на приверженцев антизападных и прозападных настроений. Россия, подчеркивает он, не враг, но может им стать в случае возврата к старым ценностям.

К евразийской теории у американских исследователей существует сложное и неоднозначное отношение. С одной стороны, они расценивают евразийство как попытку «примазаться» к благополучному, прогрессивному Западу, с другой – недовольны желанием России сохранить прочную связь своей культуры с Азией. Р. Саква в работе «Развитие России и постсоветской политики» много говорит о популярности евразийской теории в России. Он считает, что евразийство – это своеобразная, смягченная форма русского отказа от Запада. Однако не все авторы согласны с тем, что Россия сегодня спешит в объятия Азии. Р. Пайпс, например, рассматривая современную евразийскую концепцию, с иронией отмечает, что русские «чувствуют себя обиженными предположением, что они скорее всего азиаты»[32].

Рассмотрение евразийской теории позволяет американским исследователям подробно рассуждать об отношениях России со странами – бывшими республиками СССР, так как понятие «Азия» в первую очередь относится к ее ближайшим соседям. Поскольку американцы привыкли считать весь мир ареной для реализации своих геополитических интересов, любые попытки какой-либо страны распространить свое влияние (хотя бы чисто культурное) на другие государства встречаются в штыки. Отрицательное отношение к успешному диалогу России и Азии в политической, экономической и культурной сферах выражается в попытке дать негативный прогноз развитию этих отношений. С. Гарнетт в тенденциозной статье «Иллюзорные амбиции России» подчеркивает, что ее попытка уйти в азиатские дела и набрать силу и политический вес в Азии скорее всего потерпит фиаско вследствие неудачного опыта войн в Афганистане и Таджикистане, возрастающего влияния Китая и т.д.[33]

Американские авторы, подобно Р. Сакве, пытаются оценить современное евразийство как полностью бесперспективную теорию. Концепция России как моста между Западом и Востоком бессмысленна, так как многие восточные страны (Япония, Корея и др.), по мнению Р. Саквы, Р. Пайпса, Ч. Кловера, сегодня модернизируются. З. Бжезинский признает растущую в России популярность евразийской теории и видит в этом признак столкновения политических и территориальных интересов Европы и России[34]. Еще одна американская оценка современного евразийства озвучена Ч. Кловером. Этот автор полагает, что оно питает надежду русской интеллигенции на возвращение к величию[35]. Как и Р. Саква, он считает, что для современного евразийства характерна фиксация внимания на отношениях России с Востоком в большей степени, чем на ее отношениях с Европой. Кловер говорит, что евразийство – это компромисс, который подчеркивает русскую уникальность и является аргументом, доказывающим, что Россия не нуждается в вестернизации.

Несмотря на все перемены, в американском россиеведении остались следы старых стереотипов, принадлежащих к «тоталитарному» или «ревизионистскому» направлениям, хотя они существенно модифицировались и наполнились новым содержанием. Модифицированные стереотипы не являются пока прочно сложившимися и глубокими, так как время их формирования падает лишь на последнее десятилетие. Они отражают сохранение старых теорий и концепций, а также формируют их общие производные. На мой взгляд, эти стереотипы можно разделить на три группы: 1. ретроспективно-смешанную; 2. «неототалитарную»; 3. «неоревизионистскую». Первая отражает некоторые концепты, характерные и для «тоталитарного», и для «ревизионистского» направлений в 1970–1980-е гг., но включает и некоторые новые положения. Вторая группа стереотипов состоит из новых производных от «тоталитарного» направления, а третья связана с теориями «ревизионистского» направления, пересмотренными применительно к новым условиям.

Стереотипы восприятия, появившиеся в постсоветский период в американском россиеведении, являются следствием попыток создать новую картину жизни России. Падение советского строя и коллапс его идеологической системы вызвали не только крушение старых теорий и концепций западной русистики, но и эрозию базировавшихся на них стереотипов восприятия. При этом одной из особенностей 1990-х гг. было то, что формирование модифицированных стереотипов шло на основании слияния двух принципов, двух подходов к тексту – научности и публицистичности. Характерно, что новые стереотипы восприятия получили отражение прежде всего не

в новых научных работах, а в основном в статьях на страницах популярных изданий, объединяющих людей разных профессий и научных интересов.

Стереотипы восприятия, возникшие и модифицированные в 1990-е гг., характеризуются незначительной устойчивостью, небольшой глубиной и разнообразием. В работах американских русистов 1990-х гг. прослеживается и оценочная позиция авторов, следующих презумпции западного превосходства. Успехи России в экономическом, политическом и культурном развитии оцениваются западными аналитиками лишь в той мере, в какой они соответствуют западным стандартам и повторяют западный опыт, хотя в американском россиеведении критикуется и копирование этого опыта. По мнению американских исследователей, Россия смогла приблизиться к статусу западной державы, только следуя западному опыту после крушения советской системы, но копия была намного хуже и слабее оригинала. По сути, это модифицированный вариант модели «воспитания», взаимоотношений «взрослого» (Запад) и «ребенка» (Россия).

Данная позиция отражается в вышедший в Стэнфорде в 2000 г. под редакцией Л.Р. Клейна и М. Пауэра работе «Новая Россия: неправильный переход»[36]. Для подтверждения своей идеи авторы привлекают исторические примеры, проводят исторические параллели, например сравнение современного экономического положения в России с кризисом времен американской Великой депрессии. Идет своеобразный перенос на Россию особенностей развития западного общества. При этом заметно также влияние стереотипов, касающихся роли среднего класса, неуклюжего копирования западного опыта, продолжения конвергенции.

В 1990-е гг. наблюдался также постепенный переход россиеведения из плоскости исторических исследований в плоскость социологии, культурологии, лингвистики, экономики, что вызвало цепную реакцию изменений. В частности, в современном россиеведении все заметнее слияние принципов научности и публицистичности, что помогает этой дисциплине не только обрести популярность, но и выжить в изменившихся условиях. Но в итоге складывается весьма противоречивая ситуация: с одной стороны, современные исследования претендуют на широкий охват российской тематики, что неизбежно ведет к их поверхностности, с другой – углубляется детализация исследований и уход в «микротемы». Эти тенденции отражают и известное противостояние академических ученых, в основном отошедших от бывших некогда основными политологических исследований, и новых представителей этой науки, пришедших из самых различных областей – журналистики, социологии, искусствоведения.

Примечания

[1] Brzezinski Z.K., Friedrich C.J., eds. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.), 1965.
[2] Ruthland P. Sovietology: Notes for a Post-Mortem // The National Interest. № 31. 1993. P. 109–122.
[3] Laquer W. America, Europe and the S.U. Selected Essays. New Brunswick; L., 1983.
[4] Slavic Review. № 4. 1998. Vol. 57. P. 864–877.
[5] См.: Russia after Communism. Washington, 1999. P. 62.
[6] Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge (Mass.); L., 1994.
[7] Humphry C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism. Ithaca, 2002.
[8] Silverman B., Yanowitch M., eds. New Rich, New Poor, New Russia. N. Y., 2000.
[9] Los Angeles Times. 13.03.1999.
[10] Post-Soviet Affairs. № 3. 1998. P. 215.
[11] Current History. 1999. № 10. P. 525.
[12] Khazanov A.M. After the USSR: Ethnicity, Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States. Madison, 1995.
[13] Ibid. P. 23.
[14] Russia after Communism…
[15] Ibid. P. 80.
[16] См.: Los Angeles Times Book Review. 21.03.1999; National Interest. Spring, 1999; Washington Post. 9.09.1999; New York Times. 2.01.2000.
[17] Washington Post. 4.01.1999; 13.11.1999.
[18] New York Times Book Review. 14.03.1999; 11.04.1999; US News and World Report. 15.09.1999; Washington Post. 7.11.1999; см. также: Малиа М. Советская трагедия. М., 2002.
[19] Wheatcroft-Basingstoke S.G., ed. Challenging Traditional Views on Russian History. N. Y., 2002.
[20] Siefert M., ed. Extending the Borders of Russian History: Essays in Honor of A.J. Rieber. Budapest, 2002.
[21] Pilkington H. et al., eds. Looking West? Culture Globalization and Russian Youth Cultures. Pennsylvania State univ. press, 2002.

[22] Time. 16.04.2001; 23.04.2001.

[23] См.: К о э н С. Изучение России без России: крах постсоветологии. М., 1999.

[24] Там же. С. 9.

[25] Slavic Review. № 4. 1998. Vol. 57. P. 864–877.

[26] См.: S t i t e s R. Russian Popular Culture. Cambridge (Mass.), 1994.

[27] Ibid. P. 148.

[28] Ibid. P. 201.

[29] M e a d M., G o r e r G., R i c k m a n J., eds. Russian Culture. N. Y., 2001; S h a l i n D.N., ed. Russian Culture at the Crossroads: Paradoxes of Postcommunist Consciousness. Boulder, 1996; H u g h e s R.H., P a p e r n o I., eds. Russian Culture in Modern Times. Berkeley, 1994.

[30] Foreign Affairs. 1996. Vol. 75. № 3. P. 38–51.

[31] Ibid. 1997. Vol. 76. № 1. P. 35–49.

[32] См.: I s h a m H., ed. Remaking Russia. Voices from Within. Prague, 1995. P. 6.

[33] Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 2. P. 61–76.

[34] Ibid. 1995. Vol. 74. № 1. P. 26–42.

[35] Ibid. 1999. Vol. 78. № 2. P. 9–13.

[36] K l e i n L.R., P o w e r M., eds. The New Russia: Transition Gone Awry. Stanford, 2000.

Сообщения

© 2004 г. П. В. АКУЛЬШИН*

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР А.Д. БАЛАШОВ

В 1819 г. по указу Александра I был создан генерал-губернаторский округ с центром в Рязани, просуществовавший до 1828 г. Как известно, генерал-губернаторства обычно создавались в столицах и на окраинах государства, так что само его появление в центре России было явлением неординарным и требующим объяснений. Первый опыт в этом направлении относился еще к маю 1809 г., когда было создано генерал-губернаторство, охватывавшее Новгородскую, Тверскую и Ярославскую губ. Его главой стал принц Г.П. Ольденбургский, муж сестры императора великой княгини Екатерины Павловны[1]. После завершения войн с Наполеоном эта практика была продолжена. К концу царствования Александра I 37 губерний состояли в ведении военных губернаторов и генерал-губернаторов и только в 14 губерниях власть осуществляли гражданские губернаторы[2].

Можно предположить, что эта тенденция была связана с «правительственным конституционализмом» начала XIX в. К 1820 г. в Варшаве, в канцелярии императорского комиссара при Административном совете Королевства Польского Н.Н. Новосильцева, бывшего члена Негласного комитета, был подготовлен проект Государственной уставной грамоты Российской империи. Он, в частности, предполагал деление всего государства на наместничества, в которых создавались представительные органы – сеймы. В случае реализации этого проекта конституции Финляндии (1809) и Польши (1814) переставали быть аномалией, превращаясь лишь в этап осуществления реформаторских планов Александра I. Первым значительным шагом в подготовке к будущим преобразованиям в великорусских губерниях и стало создание генерал-губернаторского округа с центром в Рязани во главе с генерал-адъютантом А.Д. Балашовым[3].

Отечественные историки, затрагивавшие деятельность этого сановника в качестве генерал-губернатора, сходились во мнении, что «опыт был ничтожен и по способам его реализации, и по результатам»; «деятельность его во многом была бесплодной»; «вместо принципиальной реформы местной администрации Балашов получил вялое указание экспериментировать в рамках губернии»[4]. Конечно, трудно не согласиться с мнением, что генерал-губернаторская деятельность Балашова «кажется мелкой и бледной по сравнению с преобразовательными планами Сперанского»[5]. Но бесспорно и то, что без подобных практических шагов самые грандиозные замыслы правительственных реформаторов остались бы лишь утопическими прожектами.

А.Д. Балашову, как и многим другим сановникам эпохи Александра I, мало повезло в исторической литературе. Его мемуары, а также служебные записки, написанные им в качестве генерал-губернатора, позволяют по-новому взглянуть на неординарную фигуру их автора. Представляют они несомненный интерес и для изучения механизма принятия и реализации решений в эпоху Александра I[6].

Александр Дмитриевич Балашов родился в 1770 г. в дворянской семье. Первым известным представителем рода был Мамон Андреевич Балашов, владевший в 1650-х гг. поместьем в Ряжском уезде. Из его потомков наиболее успешную карьеру сделал Д.И. Балашов, получивший в эпоху Екатерины II чин действительного статского советника и должность обер-прокурора Сената[7]. Его сын в возрасте пяти лет был записан в гвардии Преображенский полк, а с июня 1781 г. началась действительная служба 11-летнего мальчика, ставшего пажом при дворе Екатерины II. В Пажеском корпусе Балашов получил систематическое образование, весьма редкое для тогдашней правящей элиты Российской империи. В 1786 и 1787 гг. он был по итогам экзамена первым среди товарищей по Пажескому корпусу. В юности Балашов не был чужд и литературным занятиям и опубликовал несколько переводов в журнале «Растущий виноград». В эти годы сфор-

* **Акульшин Петр Владимирович,** кандидат исторических наук, доцент Рязанского государственного педагогического университета, докторант Московского педагогического государственного университета.

мировались его общественно-политические идеалы, на которые определяющее влияние оказала литература эпохи Просвещения и государственная практика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. Стоит отметить, что на протяжении всей своей служебной деятельности Балашов лично составлял наиболее важные делопроизводственные документы, что было не характерно для сановников его ранга.

В 21 год Балашов получил чин поручика и был определен в лейб-гвардии Измайловский полк. Перед молодым офицером, который лично был хорошо известен императрице, открывалась возможность для блестящей карьеры. Но путь к вершинам власти оказался для него сложным и извилистым. Смерть отца резко ухудшила материальное положение семьи, и он вынужден был перейти в армию в чине подполковника, продолжив службу в Астраханском гренадерском полку, в составе которого участвовал в польском походе в 1795–1796 гг. Еще больше отдалило его от придворных кругов вступление на престол Павла I. Балашов перешел на службу в гарнизонные войска, пребывание в которых для большинства офицеров означало завершение карьеры. В феврале 1799 г. он получает чин генерал-майора и в качестве коменданта Омской крепости перемещается еще дальше от столицы. Вскоре служебное рвение едва окончательно не погубило его карьеру. Он арестовал шайку опасных преступников-фальшивомонетчиков и сообщил об этом обер-прокурору Сената. Узнав об этом, капризный император счел, что о подобных делах надо рапортовать ему лично, и за нарушение установленного порядка высочайшим приказом в августе 1800 г. Балашов был уволен со службы. Опальный генерал решился на смелый шаг, обратившись к Павлу I с личным письмом. Тому оно понравилось, Балашов вновь был принят на службу и назначен Ревельским военным губернатором. На Балтийском море в это время шла необъявленная русско-английская война. У берегов Эстляндии крейсировала британская эскадра, угрожая прорывом к российской столице. Подготовкой к обороне ближайших подступов к Петербургу на протяжении 1800–1981 гг. руководил именно Балашов[8].

Смена правителей на российском престоле привела к нормализации отношений с Англией. Должность военного губернатора в Ревеле была ликвидирована, и с января 1802 г. Балашов числился сначала в отпуске, а затем – «состоящим по армии». Только в августе 1804 г. последовал приказ о назначении его шефом Троицкого мушкетерского полка, располагавшегося в Крыму и предназначенного к переводу на Кавказскую линию. Недовольный этим назначением, Балашов подает в отставку, но вскоре возвращается на службу. Благодаря протекции своего сослуживца по Измайловскому полку Е.Ф. Комаровского, он был назначен московским обер-полицмейстером[9], затем с ноября 1807 г. занимал должность генерал-кригс-комиссара (начальника Комиссариатского департамента), а в марте 1808 г. был переведен на еще более ответственный пост – обер-полицмейстера Петербурга. Император заметил и оценил способности нового столичного полицейского начальника. В феврале 1809 г. Балашов назначается военным генерал-губернатором столицы, становится генерал-адъютантом, в марте он получает чин генерал-лейтенанта, а в 1810 г., сохранив прежний пост, назначается членом Государственного совета и главой вновь учрежденного Министерства полиции.

В ведение нового министерства перешли от Министерства внутренних дел Департаменты полиции исполнительной, полиции хозяйственной и медицинский. Особенная канцелярия Министерства полиции осуществляла те функции, которые позднее назвали «контрразведкой»[10]. В качестве министра Балашов выполнял самые доверительные поручения императора. Его же монарх посвящал в свои сокровенные планы. Как вспоминал сам генерал, в эти годы Александру I «благоугодно было… по временам вразумлять меня об огромности высочайших предопределений, касательно устройства разных частей внутреннего управления в Империи»[11].

Быстрое продвижение Балашова по службе было связано не только с его несомненными способностями и протекцией друзей молодости. К этому времени император нуждался не столько в советниках и наставниках, сколько в толковых исполнителях, не претендующих на особое влияние, но лично ему преданных и разделявших его взгляды. На протяжении всего своего правления Александр I ощущал недостаток таких приближенных и постоянно пытался найти подходящие кандидатуры. Это объясняет причины быстрой карьеры Балашова, возвращения к власти А.А. Аракчеева, выдвижения и последующей опалы М.М. Сперанского.

Два эпизода из государственной деятельности Балашова до 1819 г. вызывали традиционное внимание современников и историков: его участие в падении Сперанского весной 1812 г. и поездка в качестве парламентера к вторгшемуся в Россию Наполеону в июне того же года. Министр полиции находился при императоре на всем протяжении военных действий в 1812–1815 гг. Вместе с А.С. Шишковым он стал инициатором отъезда Александра I из действующей армии в начале войны. Сам он, состоявший на военной службе более 30 лет, впервые оказался на поле боя только в сражении при Люцине в апреле 1813 г. В следующем году Балашова предполагалось на-

значить на должность генерал-губернатора Парижа, но император выбрал барона Ф.В. Остен-Сакена[12].

После окончания войны Балашов, вернувшийся в столицу в августе 1817 г., оказался в двусмысленном положении. Когда он отправился в 1812 г. с императором в действующую армию, должность столичного военного губернатора и министра полиции на время его отсутствия была поручена С.К. Вязмитинову. В своих воспоминаниях Балашов писал, что император успокаивал его: «…Ты никак не можешь сказать, чтобы тебя не употребляли во время войны. Вот по возвращению нашему признаюсь, что ожидание мое не выполнимо и употребление твое было, не столь деятельно, как бы и ты и как бы я желал. Я полагал, что генерал Вязмитинов как человек старый только что мне возвратиться, будет просить увольнения, и ты бы тогда старые тогда свои места и заступил»[13]. Но почтенный ветеран в отставку не просился, когда же в октябре 1819 г. Вязмитинов скончался, Балашов опять остался не у дел. Столичным генерал-губернатором был назначен М.А. Милорадович, Министерство полиции было вообще ликвидировано, а его полномочия переданы Министерству внутренних дел, которое вместо умершего в июле 1819 г. О.П. Козодавлева возглавил В.П. Кочубей.

Только 4 ноября 1819 г. последовал указа о назначении бывшего министра полиции генерал-губернатором Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губ.[14]. Такое перемещение с точки зрения бюрократической логики означало несомненное понижение. Сам Балашов вспоминал: «При сем было много толков: иные говорили, что желали меня отделить от Министерства и даже от Петербурга..., иные, что мне готовится чрез сие назначение участь Пестеля и Камбурлея, двух генерал-губернаторов, погибших недавно. Да и вообще еще до сих пор ни один генерал-губернатор хорошо не кончил, и ни один министр никогда еще обвинен ни в чем не был»[15].

Вместе с тем император поручал бывшему министру полиции выполнение ответственной миссии – подготовить к будущим преобразованиям центральные губернии страны. На аудиенции Балашов услышал от Александра I, что существовавшее в XVIII в. «внутреннее управление в высшей степени совокупленное в едином лице генерал-прокурора…, в государстве… обширном, какова Россия» не позволяет действовать власти «без больших неудобств и затруднений». Значит, необходимо «разделение государственных частей, для успешного направления оных». Поэтому и были созданы министерства и образован разделенный на отдельные департаменты Государственный совет. «…Дальнейшему учреждению сего хода воспрепятствовала война, минование оной же и утверждение прочного мира в Европе ныне позволяет… обратиться снова к предмету внутреннего управления». Следующий шаг в реформировании страны император видел в образовании генерал-губернаторских округов. Первым из них и стал тот, куда назначался Балашов, затем предполагалось «распределить и все государство на подобные ему»[16].

Наместники эпохи Екатерины II имели в подчинении по две губернии по 300–400 тыс. жителей каждая. Как не без гордости писал Балашов, округ, «который поручен мне, имеет таких пять, в коих вообще жителей 5700000, а каждая имеет более миллиона»[17]. В своих воспоминаниях он приводит слова Александра I, разъясняющие, почему тот отказался от повторения екатерининского опыта. «Я признаю, что не имею 26 человек… таких генерал-губернаторов, которые бы, по мнению моему, могли быть способны на сии должности и вместе с тем не были бы необходимы к другим должностям… Мысль я обратил…, чтобы собрать губернии по 5 под началом генерал-губернатора такового, на которого бы мог я положиться, и сделать его в равной степени с министрами, чрез что мог бы я найти человек 12 таких, каких мне надо, и довольно времени с каждым заняться всякий год о надобностях порученного ему края»[18].

По замыслу императора, генерал-губернатор должен был «не новый образ гражданского управления учредить по губерниям, но столько допустить перемен в существовании, сколь нужно для приспособления оного к общему ходу дел, ныне вводимому. Во-вторых, перемены сии делать постепенно и не иначе, как в самом зрелом убеждении в их истинной пользе»[19]. Туманное выражение «приспособления к общему ходу» и означало, по мнению монарха, постепенное реформирование России. Балашову поручалось избрать одну губернию в качестве объекта постепенного преобразования, а затем распространить полученный опыт и на другие подчиненные ему губернии[20]. Указание о сути конкретных преобразований прозвучало только одно. Генерал-губернатор должен был создать совещательный Совет из местных чиновников, который играл бы для губернских учреждений ту же роль, что Общее собрание Государственного совета и Комитет министров – для высших и центральных. В 1827 г. А.Д. Балашов указывал, что «нашел важные неудобства в учреждении общего областного Совета», который было разрешено заменить «частными губернскими советами под предводительством самого генерал-губернатора»[21].

К моменту назначения на генерал-губернаторский пост А.Д. Балашову исполнилось 49 лет. В российской глубинке появился деятельный и энергичный администратор с большим опытом. На протяжении первого полугода генерал-губернатор объехал все подчиненные губернии, оставаясь в каждой из них по месяцу для личного «наблюдения хода дел». Своей постоянной резиденцией он избрал Рязань, объясняя это решение тем, что «губерния сия едва во всей Европейской России самая средняя по всем, думаю, отношениям: как по хлебопашеству, ремеслам, промышленности, просвещению и благонравию жителей»[22].

Генерал-губернатор был человеком работоспособным и в отличие от многих высших сановников той эпохи не склонным к сибаритству. Он лично контролировал ход дел в подчиненных губерниях. Один из его подчиненных, чиновник для особых поручений М.Н. Макаров вспоминал, что ежедневно к шести часам утра к генерал-губернатору являлись с донесениями полицейские чины, в десять – все чиновники его канцелярии и просители, в шесть вечера для обсуждения важнейших вопросов собирались наиболее приближенные из подчиненных ему чинов. «Утро Балашова начиналось вместе с восходом солнца, это летом, а в осень и в зиму со свечами. Его отдых был после обеда полчаса или, много – час, и то он дремал, сидя в кресле!»[23].

Но, несмотря на почти 20-летний опыт административно-полицейской службы, А.Д. Балашов столкнулся с большими трудностями. «…Встретил я в самом начале по губерниям совершенное расслабление управительной части…, исполнительная или полицейская часть была совсем без надзора!»[24]. В мае 1820 г. он писал императору из Воронежа: «Отческое сердце Ваше, государь, содрогнется при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний»[25]. Одним из недостатков местного управления Балашов считал запутанные отношения между губернатором, губернским правлением, высшими и центральными государственными учреждениями[26]. Критически отзывался он и о деятельности гражданских губернаторов, и об основной массе провинциальных чиновников. «Повсюду в губерниях видим мы великий недостаток в знающих и способных чиновниках и канцелярских служителях». Еще большим злом он считал взяточничество. «Класс людей служащих, по общему всех внутреннему убеждению, не имеет капиталов, не происходящих доходов от собственности… Впрочем, люди сии живут и существуют, следовательно, налог на ком-то лежит и собирается… к расстройству доброй нравственности и в укор самого правительства»[27]. Основной способ исправить ситуацию генерал-губернатор видел не в ужесточении наказаний, а в повышении жалованья чиновникам, поскольку они «непомерно скудны, достойных, но бедных привлекать не могут, прочим же служат поводом к лихоимству»[28].

Ключевым в представлениях Балашова, как и многих его образованных современников, было понятие «духа времени», который определялся уровнем развития просвещения. По его мнению, «для благосостояния народа, в невежестве еще находящегося, ничто полезнее быть в управлении не может, как власть патриархальная или отеческая, благотворная, но полная. Для благосостояния народа, до крайней степени просвещения достигающего, необходимы законы свободного действия на основании оных». Россия представлялось генерал-губернатору находящейся на пути от «невежества» к «просвещению». «В государстве, вышедшем из первого сословия и недостигшем еще последнего, всего нужнее для благосостояния жителей, самих служащих – учреждения, уставы и собранные с оными инструкции, а сверх всего охраняющий их надзор и покровительство высшего правительства»[29]. Отсюда вытекала одна из важнейших, по мнению Балашова, проблем – обеспечение законности управления. «Закон есть важнейшая основа благосостояния народа или жителей, государство наполняющих». Необходимое условие для его реализации он видел в «уложениях, учреждениях, уставах, наказах, инструкциях внутренних, правилах и обрядах».

Регламентация всех сторон жизни провинциального общества подразумевала «надзор» за всеми учреждениями и чиновниками. Но Правительствующий Сенат не мог «надзирать за тысячу верст», надзор же губернских прокуроров был «слишком слаб и ничтожен». Поэтому «надзор за управлением и за самим губернатором лежит на генерал-губернаторе»[30]. Только в форме разграничения функций между отдельными ведомствами и организации эффективного контроля над ними доктрина разделения властей могла воплотиться в практику управления тогдашней Российской империи. Других путей для воплощения теоретических идеалов «правительственного конституционализма» в тогдашней российской провинции, где господствовал произвол чиновников, ограниченный только обычаем и страхом наказания со стороны начальства, просто не существовало.

При этом обращает на себя внимание обстоятельство, которое, очевидно, являлось типичным для отечественной традиции государственного управления. А.Д. Балашов стремился добиться регламентации деятельности чиновников всех уровней, однако деятельность самого генерал-

губернатора и его взаимодействие с высшими, центральными и местными учреждениями никакими документами не регламентировалась. Инструкция для генерал-губернаторов так и не появилась. Вместо нее император рекомендовал использовать Учреждение о губернии 1775 г., которое «хотя… во многих пунктах временем изменилось, но, со всем тем…, быв коренным для управления губерний постановлением, не должно и ныне быть оставлено»[31]. Кроме того, в «пособие и руководство» предназначалась изданная в марте 1819 г. инструкция для сенаторов, отправляющихся на ревизию губернии[32]. В итоге генерал-губернатор основывал свою деятельность главным образом на личной доверенности императора.

В служебных записках Балашова постоянно, хотя и в очень осторожной форме, затрагивался и крестьянский вопрос. По его подсчетам, за 1820–1827 гг. на территории пяти подчиненных ему губерний произошло 117 случаев крестьянских волнений. Прежде всего он обратил внимание на положение казенных крестьян, которые «находятся без необходимого им покровительства, без распорядку и часть притеснены то от волостных голов, то от чиновников земской полиции, высших и низших, то от соседних помещиков». Генерал-губернатор ставил вопрос и о положении помещичьих крестьян, отмечая, что «ежедневными жалобами беспокоят чиновников правительства… нередко помещики на подвластных им крепостных людей, а еще чаще крестьян и дворовых людей на своих помещиков». Решение крестьянского вопроса Балашов видел в государственной регламентации отношений помещиков и крестьян[33].

Деятельность генерал-губернатора не ограничивалась контролем над административно-полицейскими учреждениями. Вступая в должность, он ставил перед собой задачу попечительства о народном образовании, здравоохранении, благотворительности и других сферах общественной жизни. Особое внимание уделял он учебным заведениям, прежде всего губернским гимназиям и дворянским воспитательным учреждениям в Тамбове и Туле. А учившийся в те годы в Рязанской гимназии А.Д. Галахов впоследствии вспоминал, что на это время пришлись большие изменения в жизни учебного заведения: «Дворянство не боялось уже отдавать своих детей в гимназию и относилось уважительно к образованию, в ней получаемому… Нельзя было не заметить перемены и в учащихся: они приличнее держали себя, лучше соблюдали классный порядок, внимательнее смотрели за своею одеждою, книгами и тетрадями. Неблагопристойные слова, грубые выходки, кулачные бои прекратились»[34]. По инициативе Балашова было открыто чертежное отделение при Рязанской гимназии, предназначенное для подготовки землемеров и техников из числа малоимущих дворян, училища для детей канцелярских служителей в Тамбове и Рязани.

Под попечительством генерал-губернатора развивалась научно-исследовательская деятельность в подчиненных ему губерниях. Она осуществлялась под руководством чиновников для особых поручений Д.А. Кавелина и М.Н. Макарова, а также состоявших в штате его канцелярии члена-корреспондента АН И.Х. Гаммеля, горного инженера В. Лудлова, подполковника корпуса инженеров путей сообщения А. де Виадо. При поддержке генерал-губернатора в Москве было издано несколько книг о прошлом и современном состоянии подчиненных ему территорий, началась книгоиздательская деятельность в Туле. Здесь же по инициативе властей в 1820 г. был подготовлен проект издания газеты «Тульские ведомости». В периодических изданиях Петербурга и Москвы регулярно стали появляться корреспонденции о положении подчиненных Балашову губерний[35].

На территории, управлявшейся Балашовым, находились два исторических памятника общерусского значения, всплеск интереса к которым в образованной среде в это время был связан с выходом в свет первых томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Это были Старая Рязань, разоренная в XIII в. ханом Батыем столица Рязанского княжества, и Куликово поле. Общероссийское значение имела находка в 1822 г. «рязанского клада», древнерусских ювелирных украшений из золота весом более 2,8 кг. Находка, сделанная случайно, была замечена местными властями и, благодаря их действиям, получила большой общественный резонанс, дав толчок развитию археологии Древней Руси. В этом же году предпринял поездку по Рязанской губ. с целью осмотра архивов и исторических памятников К.Д. Калайдович, известный исследователь и археограф. С инициативой сооружения памятника на месте Куликовской битвы выступил помещик Рязанской губ. С.Д. Нечаев, владевший этими землями. Генерал-губернатор поддержал его и организовал подписку в столицах и других городах для сбора средств на сооружение монумента. Он же получил разрешение от императора на открытие при памятнике богадельни для воинов–инвалидов русской армии[36].

Важной частью деятельности генерал-губернатора было здравоохранение и социальное попечительство. В 1820 г. на подчиненной ему территории было более 3 тыс. «призреваемых», в 1824 – уже более 12 тыс. человек. В 1822 г. в Рязани был открыт по английскому образцу Дом трудолюбия, который должен был стать образцом для других городов. По приказу Балашова

Кавелин подготовил проект открытия в подчиненных губерниях попечительского общества о тюрьмах и исправительных домах и общества о «призрении ближнего»[37].

И планы, и деятельность генерал-губернатора свидетельствовали, что он пытался проводить тот реформаторский курс, который был характерен для первых лет правления Александра I. Первоочередной задачей было при этом совершенствование административного аппарата. «Надзор» над ним осуществлялся в форме непосредственного вмешательства генерал-губернатора во все сферы деятельности государственных учреждений на территории подчиненных ему губерний. При этом идея «пробуждения» местных общественных сил отступила на второй план. Так, о дворянских выборах Балашов высказывался отрицательно, заявляя, что они «цели, им предложенной, совсем не выполняют». Столь же невысокое мнение было у генерал-губернатора и о провинциальных служителях Фемиды, кадры которых комплектовались выборным путем: «Судьи в обоих сих местах законов не знают и избираются отнюдь не потому, что бы имели к знанию оных способность или к отправлению их навык, а дворяне потому, что кого-то да надо же избрать, а купечество для поравнения службы с другими»[38].

Начало новому этапу деятельности А.Д. Балашова положило высочайшее повеление от 2 марта 1823 г. предпринять в Рязанской губ. опыты, «приспосабливая управление оной к общему ходу дел ныне введенному»[39]. Предполагалось прежде всего создание губернского совета под председательством генерал-губернатора, в состав которого должны были войти все высшие губернские чиновники[40], а также уездных советов. Затем планировалось создание и волостных советов в составе волостного головы и двух заседателей из числа казенных крестьян. В штат Рязанской губ. были введены новые должности: начальник губернской полиции, его помощники, председатель губернского правления. Проект правил нового губернского управления был подготовлен в канцелярии генерал-губернатора к лету 1824 г. и введен в качестве опыта на три месяца в Рязанской губ.[41]. Также были подготовлены уставы губернского и уездного советов и инструкции для новых должностей. Представленные на рассмотрение императору, все «возвращаемы были они для приведения в испытание, без формального их утверждения, приказано было заготовлять таковые же по всем тем, кто надзор иметь был обязан, начиная с самых нижних ступеней оного, как-то: хозяину крестьянского двора, десятскому, сотскому и выше восходя постепенно»[42].

Губернский совет в Рязани начал действовать 9 декабря 1824 г., уездные советы – с января 1825 г. В начале 1825 г. Балашов просил императора об увольнении от должности генерал-губернатора, но получил ответ, что высочайшее согласие последует на это только тогда, когда все пять губерний будут подготовлены к преобразованиям. На протяжении года губернские и уездные советы были созданы и в остальных губерниях. О серьезном отношении императора к административным изменениям в провинции свидетельствует именной указ об особых мундирах для чиновников всех губерний, подчиненных Балашову, важный для закрепления их особого служебного статуса[43].

Осенью 1825 г. Балашов вновь просил увольнения для лечения, но в ответ получил рескрипт, подписанный Александром в Перекопе за 18 дней до смерти и предписывавший ему продолжать исполнять свою должность[44]. Вступление Николая I на престол положило конец административной деятельности Балашова. Первый удар по генерал-губернатору последовал со стороны министра юстиции Д.И. Лобанова-Ростовского. Он еще в момент «междуцарствия» 7 ноября 1825 г. внес в Комитет министров записку, в которой Балашов был обвинен в нарушении законов. Министр юстиции доказывал, что генерал-губернатор «отлучкой не должен ни управлять, ни делать каких-либо распорядков, а представить управление гражданским губернаторам». Балашов же на протяжении всех шести лет управления округом во время отлучек передавал полномочия начальнику своей канцелярии или кому-то из чиновников для особых поручений[45]. 30 декабря 1825 г. статс-секретарь Н.Н. Муравьев объявил А.Д. Балашову повеление нового императора «отставиться всяким действием вновь, впредь до распоряжения»[46].

Это не значило, что сановник сразу потерял доверие Николая I. Балашов был включен в состав Верховного уголовного суда и назначен одним из 12 членов его ревизионной комиссии, которая заседала 8–9 июня 1826 г.[47] Но не прошло и года, как предметом особого рассмотрения по приказу императора стала деятельность самого Балашова. «Комитет 6 декабря 1826 г.» на протяжении пяти заседаний весной 1827 г. обсуждал бумаги, представленные генерал-губернатором, и заслушивал его объяснения. Почтенный генерал был поставлен в положение оправдывающегося, при этом из шести членов комитета два – М.М. Сперанский и В.П. Кочубей – относились к числу его личных недоброжелателей. Балашов пытался доказать полезность своих нововведений и ссылался на то, что он был только исполнителем воли покойного императора. Однако комитет решил не только отказаться от всех реформ, но и упразднить саму должность

генерал-губернатора. 12 июня 1827 г. появился рескрипт о восстановлении в пяти губерниях прежнего правления[48]. Сам А.Д. Балашов до отставки в 1834 г. оставался членом Государственного совета, но при новом императоре не играл заметной роли. В 1837 г. он скончался в Кронштадте, накануне отъезда на лечение за границу[49].

Помимо изменения правительственного курса, на судьбу Балашова и его преобразований оказало влияние еще одно обстоятельство. Сановник, будучи доверенным лицом императора, оказался в российской провинции в положении человека, чьи действия и даже слова не только не встречали понимания, но и вызывали недовольство большинства жителей.

Многочисленные слухи о взяточничестве Балашова, циркулировавшие в столицах, вряд ли соответствовали действительности. Один из современников отмечал, что «сам по себе Балашов был, кажется, в Рязани честным человеком», и хотя его окружение брало с просителей взятки за услуги, это не вызывало раздражения местных жителей, так как было традиционным явлением[50]. Недовольство городских обывателей вызывали попытки генерал-губернатора изменить привычный образ жизни провинциального общества. Он требовал от домовладельцев и городских обществ расходов и усилий по мощению и уборке улиц, организации уличного освещения, содержанию в порядке школ, лечебных и благотворительных учреждений, пожарных обозов. Все это воспринималось как новые повинности, нарушающие прежние традиции и нормы. Точно так же местное крестьянство оценивало усилия генерал-губернатора по улучшению дорог и мостов на подчиненной ему территории.

При этом «чиновники высшие и средние едва ли не более горожан его ненавидели. Губернаторы, председатели и советники палат и прочая чиновная знать принуждены были находиться под постоянным надзором его высокопревосходительства, вечно быть по пословице "в струнку", постоянно ожидать, что вот по жалобе какого-либо мужика или мещанина придется давать неприятные объяснения пред высшею властью на счет замедления или неправильного решения какого-то дела». Для основной массы провинциального чиновничества представляло угрозу разрушение традиционной системы продвижения по службе в провинциальных учреждениях. «…Не будь в Рязани генерал-губернатора, каждый из менее важных чиновников мог лелеять себя надеждою получить более высокую должность или в губернской администрации, или где-либо в уездном городе сделаться хоть секретарем уездного суда. А тут… канцелярия его была неистощимым рассадником, из которого добывали преимущественно чиновников для занятия более или менее важных должностей»[51].

Вместе с тем единственной группой населения, которая могла себе позволить открытую оппозицию генерал-губернатору, было поместное дворянство. К середине 1820-х гг. деятельность тайных обществ находила определенный отклик в провинции, в частности, и на территории вверенных А.Д. Балашову губерний. Здесь встречались те, кто дружескими или родственными узами был связан с тайными обществами или непосредственно был причастен к ранним организациям декабристов. Есть даже свидетельство о существовании в Туле отделения Союза Благоденствия, организованного директором местной гимназии С.Д. Нечаевым, помещиком Рязанской губ. Этот узкий слой просвещенного провинциального дворянства к середине 1820-х гг. был ближе к идеям раннего декабризма 1810-х гг., чем к радикальным настроениям столичной молодежи кануна декабрьского восстания. Составной частью этих недостаточно определенных оппозиционных представлений было противопоставление прав российского дворянства самоуправству чиновников[52].

Эта среда образованного провинциального дворянства и породила открытую фронду летом 1824 г., когда губернаторы по приказу Балашова разослали по уездам инструкции о назначении десятских из числа помещичьих крестьян. Инициатором протеста стал крупный помещик Раненбургского уезда Рязанской губ. кн. С.С. Барятинский. Он отказался выполнять предписание, доказывая, что оно наносит дворянству материальный ущерб и, самое главное, противоречит Жалованной грамоте дворянству. «Предписание сие как я, равно и каждый дворянин, имеет законное право не допустить к действию, ибо оное проистекает не от воли монаршей. Существующими в России законами сохранение порядка, тишины, благоустройства каждого помещичьего имения возложено на ответственность самих владельцев, без пособия десятских, избранных из среды им подвластных. Не оскорбительно ли дворянскому сословию пребывать под надзором рабов своих? Не потрясается ли спокойствие, достоинство оного толпою десятских, отложившихся от повиновения своих владельцев?»[53]. Для увещевания Барятинского генерал-губернатор отправил чиновника для особых поручений статского советника А.Ф. Федотова, но его миссия успехом не увенчалась и проект так и не был осуществлен[54].

Даже ближайшее окружение генерал-губернатора не разделяло его взглядов. Свидетельством этого является отношение к деятельности Балашова его протеже, чиновника для особых по-

ручений генерал-майора И.Н. Скобелева, который в мае 1826 г. направил начальнику главного штаба И.И. Дибичу донос на своего покровителя. В нем Балашов обвинялся в покушении на основы государственного порядка Российской империи: «…Беседуя однажды с ним о новых законах, [я] осмелился в противоречии… сказать свои сомнения, что лучший способ придерживаться полному смыслу бессмертного учреждения о губерниях государыни Екатерины. Конечно так, отвечал он, но народное просвещение настоящего времени требует мер иных, теперь уже идет (да чего и желать надобно), чтобы мы шаг за шагом сближались …с коренными отечественными законами, каковые приняты в одной только благословенной Англии». Предусмотрительный генерал при разговорах с начальником стремился иметь свидетеля, при котором «не примеченным образом возбудил я жар патриотизма, и его высокопревосходительство, разразясь похвалами английским законам, коснулся всех тех ограничений, или что справедливее, той узды, в коей народ буйный держит своего монарха!» Скобелев, основываясь на этом, делал вывод, что «Александр Дмитриевич являл себя врагом деспотическому …правлению, следовательно, лицу монарха»[55].

Отношение к деятельности генерал-губернатора в консервативных кругах столицы отражает донос, поданный в 1826 г. на некоторых государственных деятелей. Наряду с Н.С. Мордовиновым, А.А. Закревским, П.Д. Киселевым, кн. А.Н. Голицыным, А.П. Ермоловым был назван и А.Д. Балашов. По мнению автора доноса, тот «подозревается, хотя в медлительном, но без ошибки верном подкопе государственного блага, чрез учреждение новых образований, отягощающих и озлобляющих народ, раздробляющих единую власть и под личиною советов, образующих конституционное правило, а не менее усматривается зло сие через частые и восторгом наполненные похвалы к достойным, по его мнению, уважения английским законам»[56].

Генерал-губернаторская деятельность Балашова свидетельствовала, что время глубоких реформ в тогдашней России еще не пришло. Потребовалось еще три десятилетия, чтобы сложились предпосылки для проведения реформ, изменивших облик страны в 1860-е гг. Вместе с тем это была одна из первых попыток претворения реформаторских планов, рожденных в столице, в повседневную жизнь провинциальной России. Активность Балашова принесла управляемым губерниям и вполне конкретные результаты. Особенно они были заметны в деле развития народного образования, городского благоустройства, дорожного строительства. Спустя полвека мемуарист Д.И. Ростиславлев писал: «Ныне, когда деревья, посаженные по большой дороге, разрослись в пятидесятилетние деревья и во многих местах составляют почти настоящие тенистые аллеи, ныне многие восхищаются ими и прозорливостью Балашова»[57].

Несомненное влияние оказал генерал-губернаторский опыт Балашова на программу правительственного попечительства над государственными крестьянами, воплотившуюся в реформе П.Д. Киселева. Сама идея укрупнения административных регионов, которую попытался использовать после Отечественной войны 1812 г. император Александр I, хотя и не была реализована в полной мере, постоянно вновь возникала в «верхах». Правительство дважды обращалось к мысли о создании по всей стране генерал-губернаторств в эпоху Александра II. Появлялись такие проекты с прямым обращением к опыту Государственной уставной грамоты Российской империи 1818–1820 гг. и в период третьеиюньской монархии[58].

Примечания

[1] ПСЗ-1. № 23 592. После смерти принца Г.П. Ольденбургского в декабре 1812 г. это генерал-губернаторство было ликвидировано.

[2] Вернадский Г.В. Государственная Уставная грамота Российской империи 1820 г. Историко-юридический очерк. Прага, 1925. С. 44.

[3] См.: Вернадский Г.В. Указ. соч.; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 382–393; Парусов А.И. Государственная уставная грамота 1820 г. // Ученые записки Горьковского гос. университета. 1964. Вып. 72. Т. 2; Скрипелев Е.А. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. // Советское государство и право. 1980. № 7; Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982. С. 157–207; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. М., 1989. С. 161–205. Первым на связь деятельности А.Д. Балашова как генерал-губернатора с конституционными планами Александра I обратил внимание Г.В. Вернадский (см.: Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 34, 51). Наличие этой взаимосвязи доказывал и С.В. Мироненко (Мироненко С.В. Указ. соч. С. 11–12, 178–180, 200–202).

[4] Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 406; Парусов А.И. К истории местного управления в России в первой четверти XIX в. // Ученые записки Горьковского университета. Горький, 1964. Вып. 72. Т. 1. С. 57; Мироненко С.В. Указ. соч. С. 202.

[5] Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 406.

[6] Многочисленные служебные записки и проекты, связанные с генерал-губернаторской деятельностью Балашова, отложились в его фонде в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПб. ИИ РАН, ф. 16), там же находятся его воспоминания «Записки, касательно моей жизни», доведенные до 1819 г. Списки или копии документов находятся также в фондах I отделения с.е.и.в. канцелярии (РГИА, ф. 1409), Комитета 6 декабря 1826 г. (там же, ф. 1167) и К.Г. Репинского (ОР РНБ, ф. 637). Большая часть этих служебных записок и проектов опубликована в кн.: Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный. Ч. 1. Материалы исторические и законодательные. Отделение 1. СПб., 1870. С. 113–235. Литература о А.Д. Балашове представлена преимущественно краткими указаниями в изданиях справочно-энциклопедического характера. Из изданий последних лет см.: Долуголенский Я.Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга и Петрограда. СПб., 2001. С. 99–103; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 56–59. Наиболее подробное изложение биографии А.Д. Балашова, в котором он представлен в отрицательном свете, см.: Корф М.А. Деятели и участники в падении Сперанского // Русская старина. 1903. № 12.

[7] РГИА, ф. 1681, оп. 1, д. 20, л. 1–2; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 105–107. В дореформенную эпоху не было устойчивого написания многих дворянских фамилий. Сам А.Д. Балашов подписывался «Балашев», потомки же его именовали себя Балашовыми, и это написание закрепилось в научной и справочной литературе.

[8] РГИА, ф. 468, оп. 43, д. 563, л. 58–60.

[9] О назначении Балашова московским полицмейстером см.: РГИА, ф. 1286, оп. 1 (1804 г.), д. 26, л. 1–10; Комаровский Е.Ф. Записки. М., 1990. С. 87–88.

[10] ПСЗ-1. № 24307. Публикацию некоторых документов, связанных с деятельностью А.Д. Балашова на этом посту, см.: Слухами Москва полнится (Из личного архива министра полиции А.Д. Балашова) // Родина. 1992. № 6/7. С. 87.

[11] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 1113. Об участии А.Д. Балашова в наполеоновских войнах см.: Балашов А.Д. Свидание с Наполеоном // Исторический вестник. 1883. № 5; Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) СПб., 1882.

[12] Стоит отметить, что в марте 1821 г., направляясь из Сибири в Петербург, Сперанский проезжал через Рязань, где находился генерал-губернатор Балашов. Они провели полдня вместе, в ходе беседы обсуждали детали истории, приведший к отставке и ссылке Сперанского. Главным виновником произошедшего оба называли графа Г.М. Армфельда (Сперанский М.М. Дневник // В память графа М.М. Сперанского. СПб., 1872. С. 98).

[13] Архив СПб. ИИ РАН, ф. 16, оп. 1, д. 217, л. 88.

[14] РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 189, л. 264, 265; д. 217, л. 98–98 об.; ПСЗ-1. Т. XXXVII. № 28106.

[15] Архив СПб. ИИ РАН, ф. 16, оп. 1, д. 217, л. 100–100 об. Отношение его недоброжелателей к этому назначению передают высказывания В.П. Кочубея. «Балашов отправился в прежнем своем духе и правилах. Давно потерявший здесь в общем мнении, он, кажется, собирается дать себе большой вид важности в провинциях, между тем перед отъездом не оставил он заняться маленькими интригами своими. Как-то: прогонами, столовыми деньгами и прочими. Всего просил – все получил, и все дали, и как не дать, лишь бы избавиться. Новые генерал-губернаторы думают, что они должны быть род министров в губерниях, кои должны поверять некоторым образом министров столичных». (Кочубей В.П. Письмо М.М. Сперанскому. 3 апреля 1820 г. // В память графа М.М. Сперанского. С. 293–294). Сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель и генерал-губернатор Волынский М.И. Камбурлей были удалены от должности по обвинению в злоупотреблениях.

[16] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 113–114.

[17] Там же. С. 120.

[18] Архив СПб. ИИ РАН, ф. 16, оп. 1, д. 217, л. 99.

[19] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 117.

[20] Там же. С. 115.

[21] Журналы комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. // Сборник РИО. Т. 74. СПб., 1891. С. 120.

[22] Архив СПб. ИИ РАН, ф. 16, оп. 1, д. 242, л. 5, 3–3 об.

[23] ОР РГБ, ф. 231/III, картон 7, ед. хр. 65, л. 4 об. Среди состоявших при генерал-губернаторе чиновников для особых поручений наиболее известной фигурой был уволенный в 1821 г. с поста директора Петербургского университета Д.А. Кавелин (1778–1851), отец знаменитого ученого и общественного деятеля К.Д. Кавелина.

[24] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 118.

[25] РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 329, л. 1 об. Полностью это красноречивое письмо приведено в кн.: Мироненко С.В. Указ. соч. С. 200–201.

[26] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 117. О взаимоотношении этих учреждений в более позднюю эпоху см.: Ш у м и л о в М.М. Губернские канцелярии и губернские правления в России 50–80-х гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории XIX–XX вв. СПб., 1999.

[27] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 144–145.

[28] Там же. С. 147.

[29] Там же. С. 146–148.

[30] Там же. С. 121.

[31] Там же. С. 114–115.

[32] ПСЗ-1. Т. XXXVII. № 28106.

[33] РГИА, ф. 1167, оп. т. XVI, д. 140. л. 7; Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 134–135, 140. Очевидно, с генерал-губернаторской деятельностью А.Д. Балашова связано появление сенатского указа 18 марта 1825 г., который предоставлял генерал-губернаторам и военным губернаторам право учреждать в подчиненных им губерниях опеки над имением помещиков за жесткость и расточительство (ПСЗ-1. Т. XXXX. № 30297).

[34] Г а л а х о в А.Д. Записки человека. М., 1999. С. 57–58. Он же приводил следующий эпизод, характеризующий генерал-губернатора. По его просьбе директор гимназии подал записку о книгах, в которых нуждается учебная библиотека: «Сочинения Шиллера, или сочинения Гете, или сочинения Корнеля и Расина». «Балашов понял смысл записки и заменил союз "или" союзом "и", так что библиотека наша зараз получила книг рублей на шестьсот».

[35] О проекте А.Д. Балашова об устройстве дорог (1822) см.: Историческое обозрение деятельности Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902. С. 512–513. О проекте издания в Туле газеты см.: Г л а г о л е в а О.Е. Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии. XVIII–первая половина XIX в. Тула, 1993. С. 103–104.

[36] К а л а й д о в и ч К.Ф. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунком найденных там в 1822 году древностей. М., 1823; ОР РГБ, ф. 231/III, картон 7, ед. хр. 65, л. 1 об.-2; ПСЗ-1. Т. XXXVII. № 30040.

[37] РГИА, ф. 1167, оп. т. XVI, д. 140, л. 57 об. Указ об учреждении в Рязани Дома трудолюбия см.: ПСЗ-1. Т. XXXVII. № 28809. Проекты открытия обществ см.: ОР РГБ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 12.

[38] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 147, 128–129.

[39] ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 29334; Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 146.

[40] Там же. С. 154.

[41] ОР РНБ, ф. 637, оп. 1, ед. хр. 18, л. 1,43; Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 152.

[42] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 216. Здесь же опубликованы все эти документы. О содержании проектов см.: Т о т Ю.В. Полицейские учреждения в проектах преобразования местного управления А.Д. Балашова // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998.

[43] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 220–221; ПСЗ-1. Т. XXXX. № 30301.

[44] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 221.

[45] РГИА, ф. 1263, оп. 1, ед. хр. 423, л. 241–242. Можно предположить, что у министра юстиции были и личные претензии к Балашову, поскольку его племянник кн. А.А. Лобанов-Ростовский, рязанский гражданский губернатор в 1821–1824 гг., ушел в отставку с этого поста в возрасте 38 лет, очевидно, в связи с каким-то конфликтом с генерал-губернатором.

[46] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 221.

[47] О деятельности Ревизионной комиссии см.: Ф е д о р о в В.А. «Своей судьбой гордимся мы…». М., 1988. С. 222–229. О Балашове в качестве члена этой комиссии вспоминали декабристы Н.В. Басаргин (Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 50–51) и Н.И. Лорер, который отмечал, что «после его визита видно улучшение к лучшему» (Л о р е р Н.И. Записки декабриста // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 373).

[48] Сборник РИО. Т. 74. СПб., 1891. С. 116–121, 139–147. Помимо В.П. Кочубея и М.М. Сперанского в состав комитета входили А.Н. Голицын, И.И. Дибич, П.А. Толстой, И.В. Васильчиков. См. также: ПСЗ-2. Т. II. № 1170; РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 720, л. 1–74.

[49] См.: С т у д е н к и н Г.И. Время кончины А.Д. Балашова // Русская старина. 1892. № 11.

[50] Р о с т и с л а в о в Д.И. Записки // Русская старина. 1894. № 12. С. 57.

[51] Там же. С. 61.

[52] О существовании группы Союза Благоденствия в Туле, организованной директором гимназии С.Д. Нечаевым, сделал показания один из учителей Д.И. Альбицкий (См.: М у х и н а С.Л. Безвестные де-

кабристы (П.Д. Черевин, С.Д. Нечаев) // Исторические записки. Т. 96. М., 1975). В самой Рязани был арестован в январе 1825 г. поручик кн. К.П. Оболенский, член Московской управы Северного общества. Обширные родственные связи среди декабристов имел воронежский губернатор Н.Н. Кривцов. В январе 1826 г. в его доме был арестован приехавший в отпуск его брат подпоручик С.И. Кривцов, член петербургской ячейки Южного общества. Тогда же в Орле арестовали их дальнего родственника поручика А.А. Плещеева, члена петербургской ячейки Южного общества. Братьями жены С.И. Кривцова были члены Южного общества подпоручик А.Ф. Вадковский и прапорщик Ф.Ф. Вадковский. Члены тайного общества обращали внимание на деятельность А.Д. Балашова в качестве генерал-губернатора. К.П. Оболенский показывал: «Многие из членов предлагали мне в Рязани иметь управление генерала Балашова и делать краткие письменные замечания» (Восстание декабристов. Т. 18. М., 1984. С. 246). Члены Северного общества В.И. Штейнгель и Г.С. Батеньков упоминали о деятельности Балашова на следствии, отзываясь о ней отрицательно. (Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 87–88).

[53] Барятинский С.С. Объяснение заседателю Ранненбургского земского суда. 26 июня 1824 г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1988. Т. III. № 1. С. 5. Барятинский до отставки с военной службы в 1817 г. был близок к декабристским кругам, в 1812 г. служил в кавалерийском полку графа М.А. Дмитриева-Мамонова.

[54] Там же. С. 3.

[55] ОР РНБ, Ф. Н.К. Шильдера, картон 17, д. 6, л. 24–25. Судя по хорошему знанию деталей, к ближайшему окружению генерал-губернатора относился и неизвестный автор записки «На учреждение должности начальника губернской полиции», критиковавший преобразования А.Д. Балашова по полицейской части (Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии… С. 224).

[56] Гр. Н.С. Мордвинов, А.А. Закревский, П.Д. Киселев, кн. А.Г. Голицын, А.Д. Балашов и А.И. Ермолов в доносе на них в 1826 г. // Русская старина. 1881. № 1. С. 190.

[57] Ростиславов Д.И. Указ. соч. С. 65.

[58] О непосредственном влиянии Государственной грамоты Российской империи 1818–1820 гг. на разрабатываемые при П.А. Столыпине планы реформирования административно-территориального устройства России см.: Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 123; Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 233.

© 2004 г. А.Ю. КОНЕВ*

НАРОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX СТОЛЕТИИ: ОБЫЧНОЕ ПРАВО И ИМПЕРСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В последнее десятилетие на волне возросшего интереса к истории вхождения в состав России различных народов особое внимание историков, этнографов и правоведов привлек процесс административно-правового «освоения» так называемых национальных окраин. Особую актуальность в этой связи приобретает изучение юридического быта аборигенных народов и, прежде всего, процессов трансформации традиционной мононорматики в условиях воздействий на него государственной системы. Обращает на себя внимание тот факт, что сегодня наряду с теоретическими проблемами[1] ставятся и решаются прикладные задачи. Обычное право стало рассматриваться не только как феномен исторического прошлого, но как инструмент и возможный элемент современного законодательства, призванного защитить интересы малочисленных народов[2].

Отечественное сибиреведение имеет давние традиции в изучении вопросов, связанных с кодификацией юридических обычаев народов сибирского севера и историей государственной политики в соответствующей сфере. Усилиями нескольких поколений исследователей собраны, проанализированы и частично опубликованы уникальные материалы по юридической этнографии обских углов, сибирских ненцев и татар[3]. Тем не менее многие аспекты проблемы остаются пока мало изученными. В настоящей статье на материалах севера Тобольской губ. вто-

* **Конев Алексей Юрьевич,** кандидат исторических наук, директор Тобольского индустриального института Тюменского государственного нефтегазового университета, заведующий лабораторией социально-исторических исследований Института проблем Севера СО РАН.

рой половины XIX столетия исследуется вопрос о роли институтов обычного права обских угров в системе местных административных учреждений, о соотношении писаного и неписаного права в судопроизводственной практике органов так называемого косвенного управления. Одним из объективных результатов интеграции аборигенов сибирского Севера в административно-правовую систему России был процесс трансформации их нормативно-регулятивной сферы: выделение из нее норм обычного права с их последующей кодификацией государством.

Процесс этот происходил уже в первые десятилетия после начала русской колонизации Сибири и включения ее территорий в состав России. Первоначально он протекал стихийно, в ответ на просьбы представителей местного населения, которые, не удовлетворившись решениями своих судов, иногда обращались в ближайшие административные инстанции (воеводские и управительские канцелярии). Оказываясь в роли арбитров при разборе конфликтов между «ясашными», русские власти весьма часто санкционировали «традиционный» способ их разрешения, так как апеллировавшие к ним аборигены требовали разбирать их претензии по «закону предков». Тем самым воеводские суды создавали прецеденты для повторения аналогичных решений и закрепляли соответствующие нормативно-ценностные поведенческие стереотипы в качестве правовых норм. Таким образом, практика обращения аборигенного населения в русские судебные инстанции и соответствующая практика решения этих дел объективно способствовали становлению того, что в современной науке принято именовать термином «обычное право». «Получается, – отмечает В.В. Карлов, – что первым кодификатором (для сибирских народов, не имевших собственных кодексов права. – *А.К.*) стали русское правительство или русские административные органы, в задачи которых входило управление вновь присоединенными землями… и складывалась эта система юридического регулирования поначалу на прецедентной основе»[4].

Законодательство XVIII в. санкционировало передачу части функций по первичному управлению аборигенным населением (административная и судебная власти на низовом уровне тогда не были отделены друг от друга) от воевод и ясачных сборщиков в руки представителей местной элиты – князцов, старшин, сотников, мурз и т.п. Исследование реальной судопроизводственной практики показывает, что, несмотря на формальное наделение старшин всей полнотой власти в рамках традиционных общин, единолично они решали только мелкие дела. Там, где речь шла о нарушении прав собственности, а также при определении меры наказания они обязательно советовались с коллективом или, как правило, с его наиболее авторитетной частью – собранием «лучших людей»[5]. Обычной была практика решения дел на сугланах (ярмарках), во время уплаты ясака, при общих сходах инородцев. Начиная с Инструкции С.Л. Владиславича-Рагузинского (1728)[6], государство пытается определить формы и сферу компетенции аборигенных судов, но делает это весьма непоследовательно[7]. Вначале рекомендовались шестичленные суды родоначальников, потом вообще предлагалось оставить аборигенов при их собственных правах и обычаях. Определялся особый порядок разбора дел между новокрещенными. В компетенцию родоначальников передавались маловажные, затем гражданские и «неважноуголовные» дела. Местная администрация наделялась правом рассмотрения апелляций на решения суда родоначальников, однако потом такие дела запрещалось пересуживать. Если аборигены не удовлетворялись собственным судом при разбирательстве важных уголовных дел, а также тяжб и споров, то их выносили на рассмотрение русских властей, которые, не зная родовых обычаев, «решения свои всегда основывали на общих государственных узаконениях, так что инородец оправдывался или обвинялся против общего его понятия о справедливости»[8].

Данное обстоятельство подтолкнуло власти еще в конце XVIII столетия начать работу по сбору и письменной фиксации норм традиционного права местных народов. С этого момента процесс кодификации обычного права сибирских народов вступает в новую фазу, высшей точкой развития которой стала реализация «Устава об управлении инородцев» 1822 г., разработанного М.М. Сперанским. В главе VIII части 1 этого документа предусматривалось «собрать полные и подробные… сведения» о законах и обычаях инородцев, «смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими установлениями и,…, представить на утверждение». Своды «степных законов» должны были стать основой «в суждениях о делах кочующих и бродячих инородцев». Устав 1822 г., определяя компетенцию местных судебных инстанций, реорганизует и сами формы судоустройства и судопроизводства. У разряда «кочевых» вводится трехстепенный суд по обычаям (словесная расправа): родовое управление – инородная управа – местная земская полиция, у разряда «бродячих» – двухстепенный: родовое управление – местная земская полиция (§ 122–128).

Каким образом реализовывались соответствующие положения Устава у народов Сибири? Чем руководствовались местные чиновники, применяя статьи современного им законодательства? Как функционировали инородческие суды? Изучению этих вопросов посвящены работы Н.А. Миненко, В.Г. Марченко, В.А. Зибарева[9]. Результаты, полученные этими исследователями, стали прочным фундаментом для дальнейшей разработки интересующей нас темы. В фондах Тобольского филиала Государственного архива Тюменской обл. мне удалось обнаружить новые материалы, уточняющие и дополняющие сложившиеся представления об истории реализации судебной политики «Устава об инородцах» на территории Северо-Западной Сибири.

Во второй половине 40-х гг. XIX в. идея М.М. Сперанского о законодательном оформлении правовых обычаев народов Сибири была окончательно отвергнута рядом высокопоставленных правительственных и местных чиновников, участвовавших в обсуждении «сводов степных законов». Кодексы обычного права, появившиеся в результате деятельности специальных комитетов, созданных в сибирских губерниях в 1823 г., к тому времени уже более 20 лет находились на обсуждении (сначала в Сибирском комитете до его закрытия в 1838 г., а с 1841 г. – в Государственном совете). Нецелесообразность введения сводов в состав действующего законодательства аргументировалась наличием в них существенных недостатков, заключавшихся в механическом соединении норм права различных племен, неполнотой сведений, но главное тем, что сила обычаев «при действии общих русских законов» ослабла[10].

Не отрицая определенной обоснованности этих замечаний, следует подчеркнуть, что за рассуждениями об отмирании обычного права и несовершенстве результатов его кодификации просматривалось отчетливое стремление к пересмотру основных принципов реформы 1822 г., закрепившей особый статус сибирских инородцев.

Весьма интересным в этой связи представляется мнение коллежского советника Оболенского. В 1853 г., осуществляя по заданию генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда проверку «дел учреждений, кои имеют целью попечение о благосостоянии инородцев» в Березовском округе, он обнаружил в бумагах земского суда дело «о составлении свода инородческих обычаев и законов», которое велось, по-видимому, с 1823 г. Оболенский пришел к выводу, что «по мере сближения с русскими инородческие обычаи уничтожаются и чрез это самое и суд по преданиям изменяется». Однако он не высказался против создания подобного свода, главная задача которого, по его мнению, – служить «руководством» для местного русского начальства в ситуациях, когда «многие инородцы, недовольные судом родовых своих управлений», просят, «чтоб рассудили их дело». Именно поэтому Оболенский считал, что «совершенно бесполезно составлять этот свод в том виде, в каком до сего времени он составлялся», фиксируя мелочные заметки о жизни аборигенов, а не «коренные их обычаи, могущие служить разъяснением их настоящего быта». По его мнению, в первую очередь следовало бы определить обязанности и права родовых начальников «как в отношении земского начальства, так и к своим родовичам», а также «права семейные, …по имуществу, по владению угодьями, права судные в разбирательстве ссор и тяжб», при этом «сообразив», какие законоположения «из сельско-полицейского и сельско-судебного уставов могут быть с пользою распространены на сих инородцев»[11].

Таким образом, Оболенский понимал основную задачу кодификации обычного права в полном соответствии с § 70 и 259 «Устава об управлении инородцев», предписывавших местной полиции (в качестве третьей степени словесной расправы) и уездным судам решать исковые (гражданские) дела аборигенов по их законам и обычаям. Более того, он считал необходимым и при определении виновности инородцев в делах уголовных, которые полагалось разбирать по общегосударственным законам (§ 256), «иметь верное понятие об обычаях и преданиях», подчеркивая особенности правопонимания коренного населения: «Что у русского считается за зло, то у инородца может считаться и непредосудительным»[12].

Фактически в своем отчете генерал-губернаторский ревизор указал на правовую неразрешенность и двусмысленность ситуации, в которой оказались местные административные и судебные инстанции, призванные осуществлять соответствующие функции в отношении нерусского населения. Тем не менее все это не означало, что отправление суда как по гражданским, так и по уголовным делам аборигенов было парализовано. Практические нужды формировали свою систему (нормативную и институциональную), в чем-то соответствующую законодательной модели 1822 г., в чем-то дополняющую, а в чем-то отступающую от нее. Юридические обычаи, законодательно не оформленные, но признанные и санкционированные государством, легли в основу судопроизводственной деятельности органов сословного самоуправления коренных народов Сибири – инородных управ и родовых управлений.

По замечанию В.А. Зибарева, документы судопроизводства инородных управ, несмотря на то, что они велись на русском языке волостными писарями, должны рассматриваться как юридические памятники, созданные самими аборигенами[13]. Инициативные документы – жалобы, прошения, заявления, – составлявшиеся по просьбе коренных жителей, выражают их желания, мысли и настроения. Протоколы, постановления, акты дознания «родовых судов» фиксируют порядок судопроизводства, применение в нем традиционного права. Информация, содержащаяся в такого рода источниках, незаменима для исследования юридического быта бесписьменных народов, сохранявшего архаичность форм, многообразие специфических черт социальной жизни мелких и мельчайших сообществ людей. В то же время она дает представление о механизмах влияния государственного права на нормативную культуру аборигенов, показывает моменты ее недостаточности. В отличие от записей обычного права, где зафиксированы определенные «стандарты» социального поведения (к тому же эти записи не свободны от искажений, обобщений, допущенных кодификаторами), рассматриваемые материалы позволяют увидеть живую практику применения обычноправовых норм, действия реальных людей в процессе разрешения конкретных конфликтных ситуаций.

К сожалению, круг этих источников весьма узок. Наиболее известными являются: обнаруженная А.А. Дуниным-Горкавичем и опубликованная в 1970 г. В.А. Зибаревым «Обдорской управы книга для записей приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881–1901)», а также материалы, извлеченные А.А. Дуниным-Горкавичем из дел Березовского окружного суда и некоторых инородных управ Березовского уезда и помещенные им в приложениях к III тому его капитального труда «Тобольский Север». Аналогичные же документы, сохранившиеся в архивных фондах, до сих пор не привлекали сколько-нибудь значительного внимания исследователей.

Я обнаружил в ТФ ГА ТО (ф. 421) не вводившиеся ранее в научный оборот материалы, характеризующие судопроизводственную деятельность Юганской инородной управы (более десятка архивных дел).

В отличие от судопроизводственных материалов Обдорской управы (это преимущественно протокольные записи), заносившихся в специальную, выданную Березовским окружным полицейским управлением тетрадь-«книгу», листы которой были разбиты типографским способом на графы, аналогичные документы Юганской инородной управы, во-первых, разрозненны, нередко представляют собой переписку по определенному случаю, во-вторых, более разнообразны по охвату вопросов, в-третьих, велись на простой бумаге, часто разного формата. Вместе с тем по своей информативности и временному охвату (начало 1880-х г. – 1910 гг.) они сопоставимы с «книгой» Обдорской управы. Следует отметить, что, по сведению сургутского окружного исправника, особые книги «на записку приговоров по разбирательству тяжб и споров между инородцами» были выданы управам Сургутского округа еще в 1879 г., но до 1884 г. «оставались совершенно белыми»[14]. Использовались ли они по своему назначению позднее, не ясно, по крайней мере среди сохранившихся делопроизводственных документов Юганской управы таковой книги не выявлено. Как уже говорилось, интересующие нас материалы рассредоточены в составе нескольких дел, часть из которых находилась в россыпи, и в архивной описи соответствующего фонда они были зафиксированы только в 1991 г. (эти дела имеют в номере литеру «а»). В одних случаях единица архивного хранения содержит материалы лишь по одному конкретному разбирательству (например: «Переписка по жалобе инородца Александра Лянкина на свою жену Анну…», д. 125 а.), в других – собраны материалы по различным тяжбам и спорам за несколько лет, направленные, например, из вышестоящей инстанции («Прошения в Сургутское полицейское управление и постановления инородной управы», д. 37 а). В особую группу можно выделить дела с «жалобами и постановлениями по ним родовых старост» (д. 260). В последнем случае заголовок не всегда точно называет инстанцию, выносившую решение по тем или иным исковым заявлениям. Так, дело № 260 содержит материалы как «родового суда» первой степени, осуществлявшегося родовым старостой, так и второй степени, т.е. суда инородной управы. Объясняется это, по-видимому, тем, что в начале XX в., к которому относится указанное дело, в Юганской инородной управе судебные разбирательства чаще всего производились не начальниками инородных управ (старшиной и его кандидатами) единолично или в согласии с обществом, а при участии подчиненных управе глав родовых управлений – родовых старост. Можно предположить, что такой же состав «инородческого суда» практиковался в это время и в других управах Сургутского уезда.

Следует пояснить, что инородные управы Сургутского ведомства, организованные лишь в самом конце 70-х гг. XIX в., имели определенную специфику. Они объединяли под своим началом от 3 до 5 волостей, возглавляемых родовыми управлениями, и выполняли функции вто-

рой ступени «действительного степного» управления и суда, в то время, как в остальных округах (уездах) Тобольской губ. каждая управа соответствовала административно-территориальным границам одной волости и не имела в своем подчинении предусмотренных «Уставом об инородцах» родовых управлений, соединяя функции первой и второй инстанций инородческого управления и суда. Прежние (до 1879 г.) остяцкие волости Сургутского округа после административной реорганизации сохранили статус самоуправляющихся коллективов, выступая первичной административно-фискальной единицей по отношению к управам. Неудивительно поэтому, что местные жители долгое время предпочитали обращаться для разбирательства своих дел либо к родовому старосте своей волости, либо, минуя начальников инородной управы, напрямую к сургутскому окружному исправнику.

Кратко охарактеризуем судопроизводственную деятельность Юганской управы как второй степени «словесной расправы» лишь за 10 лет – с 1886 по 1895 г. Судя по сохранившимся документам[15], за этот период в управу поступило 6 исковых заявлений в устной и письменной формах, рассмотрено – 3 (по оставшимся неизвестно, разбирались ли они и какое решение по ним было принято).

4 раза местные жители обращались с исками в Сургутское окружное полицейское управление. Причем в трех случаях истцы сделали это «через голову» всех степеней инородческого суда, а Петр Каюков вынужден был подать прошение сургутскому исправнику после того, как обращение в Юганскую инородную управу с жалобой на инородца Рускина, «испортившего» его оленя, было оставлено, по словам Каюкова, без внимания. Интересен тот факт, что в двух случаях (оба связаны с ссорами, сопровождавшимися драками, в том числе – между отцом и сыном) истцы просили полицейское управление поступить с их обидчиками «по закону». Эти жалобы и прошения исправник переадресовал инородной управе для разбирательства. Таким образом, в четырех из шести случаев исковые заявления инородцев были направлены в управу через полицейское управление.

Лишь дважды за этот период жители юганских волостей, обратившись с исками непосредственно в свою управу, получили решение своего дела. Так, в начале ноября 1891 г. старшина управы в присутствии 12 инородцев юрт Неволойкиных и двух остяков Локосовской управы разобрал жалобу остяка вышеназванных юрт Александра Лянкина на свою жену Анну, вышедшую из повиновения, и по требованию одноюрточных жителей Александра вынес решение о наказании Анны пятью ударами розг. 27 июня 1895 г. старшина Юганской инородной управы при общем сходе инородцев выслушал личное заявление остяка Семена Купландеева о самовольном поселении на окортомленных им у демьянских хантов угодьях инородца Алексея Кельмина и присвоении последним лося, застреленного «на луку» Купландеева. Было присуждено взыскать с Кельмина за нанесенные убытки 15 руб. в пользу Купландеева. Интересно, что Кельмин от подписи объявленного ему старшиной управы Иваном Ачимовым постановления отказался, не признав тем самым правомерность судебного решения управы, вынесенного в соответствии с мнением 14 представителей всех подчиненных ей волостей.

Кроме того, дважды инородцы привлекались к ответственности по инициативе самих инородческих начальников за учинение буйств, пьяных драк, оскорбления действием и словами священника, русского крестьянина и старшины инородной управы. Наказания по этим делам были определены в соответствии со статьями «Устава о благоустройстве в казенных селениях». Разбирательства производились в одном случае старшиной и кандидатами управы, в другом – старшиной в присутствии и согласии с 12 инородцами управы.

Симптоматично, что в целом ряде случаев инородцы не считали целесообразным обращаться к инородной управе или родовому (волостному) старосте с просьбами произвести судебное разбирательство и наказать обидчика, отдавая предпочтение русским судебным инстанциям и нормам общегосударственных законов, что отражало кризисные явления в обычноправовой системе аборигенов региона.

В заключение отметим, что выявленный источниковый комплекс существенно расширяет документальную базу для изучения первичного звена управления инородцами края и дополняет сведения об обычном праве и традиционном суде остяков Сургутского уезда, а в отношении группы юганских хантов является уникальным. Весьма ценно, что материалы Юганской управы дают представление о степени влияния русских властей в судопроизводственной сфере по делам аборигенного населения. Можно с уверенностью констатировать, что местные административно-полицейские органы заняли в этом вопросе позицию невмешательства, строго выполняя требование действующего законодательства о том, что никакое исковое заявление инородца не может быть принято к рассмотрению «в высшей степени словесной расправы, ежели в низшей не было рассмотрено»[16]. Есть основания полагать, что после создания инород-

ных управ при отсутствии соответствующей нормативно-правовой базы местная полиция вообще стремилась самоустраниться, если это было возможно, от принятия каких-либо решений по спорам и тяжбам коренного населения. Она не столько осуществляла функции третьей степени словесной расправы, сколько контролировала правильность исполнения инородными управами и родовыми управлениями соответствующих обязанностей.

Примечания

[1] См., напр.: Семенов Ю.И. Обычное право в доклассовом обществе: возникновение, сущность, эволюция // Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). М., 1997. С. 9–46; Обычное право и правовой плюрализм (Материалы XI Международного Конгресса по обычному праву и правовому плюрализму). М., 1997.

[2] Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 2002.

[3] Наиболее крупные работы и публикации: Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876; Андреев А.И. Описания о жизни и упражнениях обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах // Советская этнография. 1947. № 1. С. 84–99; Миненко Н.А. Материалы по обычному праву народов Северо-Западной Сибири 1-ой половины XIX в. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 30–46; Рабцевич В.В. Неопубликованные записи обычного права сибирских народов последней четверти XVIII – первой половины XIX вв. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 115–134; Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера. Томск, 1990; Материалы по юридической этнографии малых народов Севера / Составитель В.А. Зибарев. Томск, 1993.

[4] Карлов В.В. Обычное право народов Сибири и его изучение // Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, шорцы). С. 52–53.

[5] См. подробнее: Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М., 1995. С. 55–56.

[6] Текст инструкции см., напр.: Сычевский. Историческая справка о китайской границе, составленная советником Троицкосавского пограничного управления Сычевским в 1846. М., 1875. С. 32–36.

[7] Тобольский филиал Государственного архива Тюменской обл. (ТФ ГА ГО), ф. 156, 1761 г., д. 17, л. 1–1 об.; ПСЗ-1. Т. 11. № 8236, Т. 21. № 15630; Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 27.

[8] Обозрение главных оснований… С. 27.

[9] Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975; Марченко В.Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Томск, 1985; Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990.

[10] Дамешек Л.М. Кодификация норм обычного права народов Сибири как источник по истории внутренней политики самодержавия в XIX веке // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. Иркутск, 1983. С. 29–41.

[11] ТФ ГА ТО, ф. 152, оп. 32, д. 5, л. 351–352, 358 об. – 360.

[12] Там же, л. 352 об.

[13] Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881–1901) / Подготовка к печати, предисловие, примечания В.А. Зибарева. Томск, 1970. С. 5–6.

[14] ТФ ГА ТО, ф. 421, оп. 1, д. 33, л. 8.

[15] Там же, д. 37а, 53, 125а, 172а.

[16] Положение об инородцах. Ст. 89 // Свод законов Российской империи. Т. 2. 1892.

Письма в редакцию

М. И. КУТУЗОВ И ЕГО КРИТИКИ

Отечественная война 1812 г. отражена в обширной литературе, в которой почетное место всегда занимал главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов. Нет в нашей стране ни одного человека, который не знал бы этого выдающегося полководца, а уж если говорить о профессиональных историках, то какой бы областью исторической науки они ни занимались, равнодушия к этому историческому деятелю у них никогда не было и не будет. Всякий новый документ о Кутузове и о его деятельности вызывает неподдельный интерес и порождает множество комментариев. Историография войны 1812 г. продолжает пополняться все новыми и новыми работами. Только в последнее время появились труды В.Н. Балязина, А.А. Васильева, В.Н. Земцова, Л.Л. Ивченко, В.Г. Сироткина, А.Г. Тартаковского, В.П. Тотфалушина, А.В. Шишова, А.И. Попова и многих других историков. Привлек внимание читателей «круглый стол» под названием «Спаситель Отечества. Кутузов – без хрестоматийного глянца», проведенный в редакции журнала «Родина» в 1995 г. (№ 9). И, конечно же, особое место в историографии занимает последняя книга известного саратовского историка Н.А. Троицкого «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты», вышедшая в Москве в 2002 г.

Троицкий – автор многочисленных исследований, в том числе и по истории войны 1812 г., поставил перед собой задачу показать, каким был русский полководец в жизни, а не только на поле брани. В его книге приводятся факты, обычно не выносившиеся ранее на суд широкой читающей публики. Так, честно говорится о тысячах русских раненых, сгоревших в огне московского пожара, о некоторых просчетах Кутузова как военачальника, больших потерях наших войск на заключительном этапе войны и т.д. Но от этого книга Троицкого отнюдь не превратилась в некий пасквиль на Кутузова, русскую армию и Россию, а остается серьезным академическим исследованием. Конечно, в нем можно было бы усилить или ослабить некоторые акценты, уделить больше внимания отдельным этапам военной карьеры полководца, например его участию в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., но в целом монография Троицкого – это событие в историографии войны 1812 г. Тщательно изучив биографию Кутузова, Троицкий, не скрывая ряда негативных черт его характера, в частности склонности к интригам и женолюбию, тем не менее пишет о Кутузове как о выдающемся русском военном и государственном деятеле, снискавшем себе неувядаемую славу не только на военном, но и на гражданском и дипломатическом поприщах.

Иной характер носит публикация «А был ли Кутузов?» в газете «Аргументы и факты» (№ 38, сентябрь 2003 г.). Уже на первой странице ее тема проанонсирована следующим образом: «Фельдмаршал Кутузов. А был ли спаситель?» Далее следует рубрика: «Фельдмаршал, который проспал всю войну», а также комментарии редакции газеты к двум статьям, одна из которых носит антикутузовский, а другая – прокутузовский характер. В редакционном вступлении к первой из них говорится, что «гениальность Кутузова как полководца в последнее время подвергается все большим сомнениям», а во вступлении ко второй указывается на парадокс, суть которого состоит в том, что Наполеон, якобы, «не проиграв ни одного сражения, …проиграл кампанию. А Кутузов, не выигравший ни одной битвы, выиграл войну. Что важнее?»

И анонс на первой странице, и название рубрик, и комментарии выдают действительную позицию редакции газеты до такой степени, что игра в объективность становится излишней. Однако обратимся к самим статьям. Суть первой из них, поданной в виде беседы корреспондента «АиФ» с М. Горностаевым, заключена в следующих словах автора: «…Гениального полководца Кутузова не существовало, был лишь неплохой, но и не слишком талантливый военачальник, человек, не обремененный высокой моралью». Сразу скажем, что с таким заключением Горностаева мы категорически не согласны. Прежде всего, в его материале бросается в глаза ряд умышленных умолчаний о важных фактах биографии Кутузова, которые носят принципиальный характер. В самом деле, как можно писать об Отечественной войне 1812 г. и не упомянуть о блистательном Тарутинском марш-маневре, о котором очень высоко отозвался сам Наполеон? Маневре, означавшем начало перелома в ходе войны, когда Кутузов, прибыв в Тарутино, заявил:

«Теперь ни шагу назад!» Во время этого маневра французы на 9 дней потеряли из виду главные силы русской армии. Тарутинский маневр Кутузова был столь дальновидным по замыслу и совершенным по исполнению, столь судьбоносным по своему влиянию на последующий ход войны, что вошел во все учебники для будущих военачальников как выдающееся достижение военного искусства. В результате этого маневра стратегическая обстановка коренным образом изменилась в пользу русской армии, получившей широкие возможности для всесторонней подготовки и развертывания контрнаступления. Одно лишь это обстоятельство могло бы дать Кутузову право называться выдающимся полководцем.

Фельдмаршал понимал, что в открытом полевом сражении, особенно на первых этапах войны, когда в Россию вторглась самая могущественная армия того времени во главе с талантливейшим полководцем, русской армии, состоявшей в основном из бывших крепостных крестьян, трудно будет победить врага. Поэтому противника надо было перехитрить, и «толстый, старый, одноглазый» (это редакция газеты не преминула подчеркнуть) Кутузов действительно перехитрил лучшего полководца Европы[1]. Заметим, что выдающийся ум и военную хитрость Кутузова ценили в свое время не только императрица Екатерина II, но и такие военные авторитеты, как П.А. Румянцев, А.В. Суворов, а также другие сподвижники Кутузова. В частности, его непосредственный начальник, главнокомандующий Молдавской армией генерал-фельдмаршал А.А. Прозоровский в декабре 1808 г. писал о Кутузове Александру I, хотя не мог не знать, что тот недолюбливал Кутузова: «…Признаю его в искусстве военном из лучших генералов государя императора»[2].

До Тарутинского маневра Кутузов втянул Наполеона в Москву и устроил ему там самую настоящую ловушку. Да, оставление Москвы без сражения у ее стен – это наиболее драматический акт войны 1812 г., великая жертва великого города. Но это и свидетельство большой силы воли, мужества и мудрости Кутузова, считавшего вместе с Барклаем де Толли, что с потерей Москвы не потеряна еще Россия и что главное – сохранить армию и дождаться подхода подкреплений. «Самым уступлением Москвы, – сказал Кутузов, – приготовим мы неизбежную гибель неприятелю… Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор остается надежда счастливо завершить войну, но по уничтожении армии и Москва, и Россия потеряны…»[3] Поистине пророческие слова. В свете этих исторических слов Кутузова утверждение Горностаева о том, что «Кутузов до последнего дня не знал, что предпринять», просто не соответствует действительности. Ведь Кутузовым были приняты меры, направленные на то, чтобы деморализовать, истощить и затем выдавить противника из Москвы. Твердо решив истребить наполеоновскую армию, Кутузов неуклонно направлял свои усилия к достижению этой цели. Генерал-квартирмейстер русской армии К.Ф. Толь, разделявший с Кутузовым его труды по управлению войсками, так отзывался в 1825 г. о деятельности фельдмаршала: «Он, с твердостью и постоянством, предводительствуя всеми нашими армиями, при свете обширного и опытного ума своего, придумывал общие планы действий, долженствовавших неминуемо привести неприятеля к погибели, и назначал время и место для исполнения сих планов… Соединяя в себе все пружины нашей воинской силы, он руководил ею так, чтобы она наносила неприятелю наиболее гибельные удары…»[4] Так что и сдача Москвы, и Тарутинский марш-маневр были этапами на пути к разгрому Наполеона, и об этом нужно прямо говорить, а не рассуждать о равенстве сил русских и французов и возможности остановить интервентов у стен первопрестольной, ибо и второе сражение под Москвой явно не гарантировало русским победы.

С недомолвками говорится в интервью Горностаева и о Тарутинском бое 6 (18) октября 1812 г., который по сути дела знаменовал собой переход русской армии от обороны к активным действиям. И хотя он завершился лишь тактическим успехом – частичным поражением 26-тысячного французского авангарда маршала И. Мюрата, его значение для подъема боевого духа русских войск, укрепления их веры в окончательную победу над Наполеоном трудно переоценить. Точно так же трудно переоценить, но уже в стратегическом плане, и значение боев под Малоярославцем 12 (24) октября, о которых, кстати, Горностаев вообще не сказал ни слова. Эти бои, вошедшие в историю как сражение под Малоярославцем, явились кульминационным пунктом борьбы за стратегическую инициативу, поворотным моментом в ходе Отечественной войны 1812 г., предопределившим судьбу «Великой армии». Здесь, у стен древнего русского города, у французов в упорной, ожесточенной борьбе была окончательно вырвана стратегическая инициатива, отсюда началось изгнание захватчиков из России. После этого сражения Наполеон вынужден был отказаться от плана обходного движения своей армии через хлебородные южные губернии Российской империи и повернуть войска, как этого и добивался Кутузов, на Старую Смоленскую дорогу, начав отступление по разоренной самими же французами местности. И если Горностаев признает частичную победу в Тарутинском бою, говоря, что окончательному разгрому Мюрата

якобы помешал сам Кутузов, хотя действия последнего определялись полученными им сведениями о предстоящем уходе Наполеона из Москвы и неясностью последующих действий противника, то умолчание о Малоярославце может рассматриваться только как желание автора еще раз сознательно принизить роль фельдмаршала в войне. О какой объективности может после этого идти речь? Но, кроме умолчаний, в интервью Горностаева мы видим еще и ряд спорных утверждений. Отнюдь не является общепризнанной указанная им численность войск обеих сторон, принимавших участие в Бородинском сражении 26 августа (7 сентября) 1812 г. (у русских 154.8 тыс. человек при 640 орудиях, у французов – 134 тыс. человек при 587 орудиях). То же можно сказать и о потерях в битве при Бородино (55 тыс. русских и 34 тыс. французов)[5]. Да и сама оценка этого сражения грешит односторонностью. Нельзя забывать, что самая сильная, свыше 10 лет не знавшая поражений армия Западной Европы не смогла сломить сопротивление русских войск. Французы и их союзники понесли большие потери, особенно в коннице, восполнять которые им было значительно труднее, чем русским. Ни в коем случае нельзя говорить, что русские проиграли Бородинское сражение («наша армия оставила поле боя»)[6], причем не мешало напомнить о том, с какой армией пришел Наполеон в Россию и с какой ушел, точнее бежал из нее, ибо его отступление действительно превратилось в бегство. А самое главное, нужно было бы отдать должное Кутузову как победителю Наполеона, а не заключать статью обтекаемой фразой, что «лишь удачное сложение многих факторов позволило Кутузову именоваться победителем Наполеона».

Хотелось бы сказать и о высказывании Горностаева о том, что в Тарутинском лагере фельдмаршал ничего не делал, был деморализован и в основном спал (и эту версию, судя по рубрике, редакция газеты разделяет). При этом Горностаев ссылается на какие-то «воспоминания современников» войны 1812 г. Интересно, на чьи? Уж не на генерала ли Л.Л. Беннигсена – начальника Главного штаба русской армии, который широко известен как ненавистник Кутузова, стремившийся посредством интриг и доносов сместить фельдмаршала и самому занять должность главнокомандующего? Чтобы показать несостоятельность утверждения Горностаева, приведем свидетельство лишь одного из многих участников войны с Наполеоном – известного военного историка, генерал-лейтенанта А.И. Михайловского-Данилевского, бывшего в 1812 г. одним из адъютантов Кутузова. В 1840 г. он писал: «Пребывание в Тарутине было для Кутузова одною из блистательных эпох его достославной жизни. Со времен Пожарского никто не стоял так высоко в виду всей России… В Тарутине в неимоверно короткое время Кутузов привел в самое стройное положение армию, утомленную тысячеверстным отступлением и кровавыми сражениями, вручил народу оружие, осадил Наполеона в Москве и… извлекал все выгоды из нового рода войны»[7].

Вторая статья в газете вроде бы призвана была дать иную точку зрения. Ее автор – В.М. Безотосный, написавший ряд работ по истории войны 1812 г., вполне для этого подготовлен. Но его статья, во-первых, в 2 раза меньше по объему, чем материал Горностаева, а, во-вторых, также не может не породить полемику. Из его статьи следует, что чуть ли не все историки имеют претензии к Кутузову за оставление Москвы и за плохую расстановку сил на Бородинском поле. Но такого единодушия среди историков нет и не было. Наоборот, большинство из них не осуждают Кутузова ни за Москву, ни за Бородино. Да и вообще, какие могут быть претензии у отечественных историков к победителю Наполеона? Безотосный пишет, что возвеличивание Кутузова началось в 1945 г., и здесь он вступает в противоречие с утверждением Горностаева, отметившего «канонизацию» Кутузова уже сразу после войны 1812 г., что, на наш взгляд, больше соответствует действительности. Но разве Кутузов этого не заслужил? Ведь в любой другой стране победитель лучшего полководца того времени и, добавим, лучшей армии Западной Европы был бы возвеличен и канонизирован.

Безотосный тоже почему-то не пишет ни о Тарутинском маневре, ни о Тарутинском бое, ни о сражении под Малоярославцем. И это вызывает удивление. Как историк такого класса мог умолчать о важнейших поворотных событиях войны? Вместе с тем позиция Безотосного заметно отличается от позиции Горностаева. Безотосный признает, что «Кутузов был умным, хитрым и опытным военачальником». Но, несмотря на это, редакция «АиФ» явно склоняется к оценке Горностаева, с чем решительно нельзя согласиться. Напомним, что Кутузов воевал против польских конфедератов еще в 60-х гг. XVIII в., участвовал в трех русско-турецких войнах, сражался с Наполеоном в 1805 г., будучи главнокомандующим русской и австрийской армиями. Неужели посредственный или, как пишет Горностаев, не слишком талантливый полководец мог быть назначен на такой важнейший пост? И неудачный Аустерлиц – это не только его вина. Кутузов был тонким дипломатом и государственным деятелем. Он последовательно являлся литовским, петербургским, киевским и вновь литовским военным губернатором, готовил военные кадры в Дворянской артиллерийской и инженерной школе, в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, причем многие его ученики впоследствии прославились как защитники Отечества, в том чис-

ле и в Отечественной войне 1812 г. Нельзя также забывать, что еще в марте 1811 г. Кутузов назначается главнокомандующим Молдавской (Дунайской) армией, которая уже 22 июня (4 июля) одержала блестящую победу под Рущуком, а затем в октябре – ноябре и под Слободзеей. Кутузов буквально выманил турецкую армию на левый берег Дуная, окружил ее и остатки взял в плен, за что получил графский титул. В мае 1812 г. он вовремя заключил в Бухаресте мир с Турцией и высвободил для войны с Наполеоном более чем 50-тысячную Молдавскую армию. Этот мир, как известно, был назван Богодарованным. Если бы Кутузов преподнес своей стране только этот подарок, он уже вошел бы в историю, в том числе и в историю Отечественной войны 1812 г. Не случайно в июле того же 1812 г. он награждается и титулом светлейшего князя. Другой такой пример в истории России найти трудно.

Уже летом 1812 г. Кутузов был самым популярным человеком в государстве, надеждой и «верхов», и «низов» общества. И это не преувеличение. В начале Отечественной войны в конкурентной борьбе он избирается дворянством начальником сначала Московского, а затем и Петербургского ополчений, а также назначается командиром так называемого Нарвского корпуса, предназначенного для защиты столицы. Когда летом 1812 г. встал вопрос о назначении главнокомандующего русской армией, были и другие кандидатуры на этот пост, но общественность предпочла Кутузова, и Александр I вынужден был уступить[8]. Генералы от инфантерии М.Б. Барклай де Толли и П.И. Багратион были выдающимися полководцами. Первый командовал 1-й Западной армией и как военный министр уже являлся фактическим главнокомандующим, второй стоял во главе 2-й Западной армии. Но ни тот, ни другой не подходили на роль вождя нации. Больше того, между этими двумя незаурядными личностями сложились крайне напряженные отношения. Нужен был кто-то третий, более опытный и уважаемый и, конечно, русский человек. Здесь не подходил ни одногодок Кутузова бывший ганноверский пехотинец Л.Л. Беннигсен, ни П.Х. Витгенштейн, преградивший путь французам к Петербургу и даже снискавший имя «защитника Петрова града», но оказавшийся, кстати говоря, явно не на высоте положения, когда возглавил русскую армию после смерти Кутузова в 1813 г. Не подходил на эту роль и еще один заслуженный генерал, командующий 3-й армией А.П. Тормасов, исполнявший некоторое время обязанности главнокомандующего, когда весной 1813 г. Кутузов заболел. В русской армии было тогда много боевых командиров, но для борьбы с Наполеоном общественность выбрала Кутузова и не ошиблась. По словам А.С. Пушкина, «слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала Святой Елены!… Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!»[9] Неплохо было бы нам всем прислушаться к этой оценке. Ведь Кутузов решил главные задачи, а детали, представляющие интерес для нас, историков, не должны заслонять основное.

И последнее, хотя и немаловажное. Газета «АиФ» выходит тиражом в 3 млн экз. Насколько нам известно, это самое массовое издание в России. Тираж газеты в 1 000 раз бóльший, нежели тираж монографии Троицкого или журнала «Отечественная история». Она воздействует на миллионы читателей. И когда речь заходит о национальных святынях, надо сотни раз подумать, прежде чем затевать кампанию дискредитации. По существу газета приняла участие в походе, направленном на дегероизацию русской истории, походе, начатом лет 15 назад и прежде всего ставившем своей целью развенчание советского периода истории Отечества. Это коснулось и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., во время которой был проявлен массовый героизм такого масштаба, с которым не может сравниться ни одна другая историческая эпоха. Затем была предпринята попытка дегероизации дореволюционной русской истории. Известны нападки на Александра Невского, Дмитрия Донского и др. Сейчас мы столкнулись с походом против Михаила Илларионовича Кутузова. Горькие испытания выпали на долю старого полководца после сдачи им Москвы, но уже в октябре 1812 г. вновь ослепительным светом засияла его звезда, и мы уверены, что она никогда не померкнет. Нет для этого никаких оснований.

В.Я. Гросул, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН),
В.Т. Иминов, кандидат исторических наук,
генерал-лейтенант запаса
(Институт военной истории МО РФ)

Примечания

[1] Наполеон, критически осмысливая русский поход, вынужден был признать: «Хитрая лиса – Кутузов – меня сильно подвел своим фланговым маршем». Цит. по: Жилин П.А. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов: Жизнь и полководческая деятельность. Изд. 3, доп. М., 1988. С. 187.

[2] М.И. Кутузов. Сб. док. В 5 т. / Под ред. Л.Г. Бескровного. Т. 3. М., 1952. С. 90.

[3] Там же. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 221.

[4] Цит. по: Жилин П.А. Указ. соч. С. 352.

[5] По последним данным, опубликованным в 1-м томе Военной энциклопедии (М., 1997. С. 551), к началу Бородинского сражения русская армия имела 120 тыс. солдат и офицеров и 624 орудия, а французская – 130–135 тыс. человек и 587 орудий. В отношении потерь в статье сказано, что армия Наполеона потеряла свыше 50 тыс. человек убитыми и ранеными (по французским данным, около 30 тыс. человек), в том числе 49 генералов; русская армия – свыше 44 тыс. человек, в том числе 29 генералов.

[6] С наступлением темноты Наполеон отвел свои войска на исходные позиции. По свидетельству французского офицера Вентурини – участника Бородинского сражения, «с наступлением ночи каждая сторона заняла опять те места, с которых поутру начала битву» (цит. по: Липранди И.П. Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня»? М., 1867. С. 7).

[7] Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1840. Ч. 3. С. 142; Ч. 4. С. 378–379.

[8] В письмах к сестре Александр I сообщал: «...Вообще Кутузов пользуется большой любовью у широких кругов населения здесь (в Петербурге. – *Авт.*) и в Москве». И далее: «В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было общее желание... Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий голос» (см.: Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 82, 87).

[9] Пушкин А.С. Полн. соб. соч. Т. 12. М., 1949. С. 133.

ЧЕСТНО ГОВОРЯ...

Книга А. Ваксберга «Из ада в рай и обратно» (М., 2003. 486 с.) повествует об антисемитизме Советской власти, прежде всего при Сталине. Критически анализировать такую книгу, значит, согласитесь, идти на определенный риск. Можно легко приобрести ярлык «сталиниста». Но это еще полбеды. Можно заполучить и клеймо «антисемита»: оно запросто ставится почти за любое нелояльное замечание. Вот, например, Ваксберг увидел в таких выражениях книги А. Солженицына «Двести лет вместе», как «еврейская энергия», «еврейский практицизм», «еврейская выживаемость» и т.п. стремление представить евреев «неким единым целым», а это, видите ли, «типичный образец расистского мышления» (с. 49). Впрочем, в дальнейшем он забывает об этом упреке и сам говорит о евреях как чем-то едином...

Правда, Ваксберг пишет, что готов принимать возражения. Но тут же предупреждает, что с порога будет отметать «лай и вой патриотов». «Эти вольны выть и лаять сколько угодно» (с. 11). Патриот – не патриот, но быть причисленным к «лающим и воющим» – не удовольствие. А если даже обойдется с этим, того гляди угодишь в другую компанию. «Наличие еврейских выродков – шавок, стремящихся перещеголять своими антисемитскими укусами великодержавных хищников, – утверждает А. Ваксберг, – отнюдь не новость» (с. 486).

Так что «идущий против Ваксберга» действительно идет на некий риск. Но что делать?... Кто-то из старых историков говорил, что у взявшегося писать о прошлом «нет Бога, нет царя, нет Отечества». Это, конечно, максима, которую не надо понимать буквально, но смысл ее очевиден: «летописец» обязан следовать правде, одной только правде. Ну, а ради поисков правды стоит и рискнуть. К тому же у меня «надежные верительные грамоты». Я имею в активе тот самый «5-й пункт»; родственники были репрессированы в 37-м; пострадал в студенческие годы за «космополитизм»; был отлучен от аспирантуры и направлен в «глубинку»; наконец, оказался среди тех, кто, по мнению Ваксберга, вынужден был сделать «единственный выбор» и отбыть в «свободный мир». В чем же меня можно заподозрить?

А. Ваксберг нередко в своей книге прибегает к выражению «честно говоря». Попробуем отвечать тем же. Так, честно говоря...

Был ли антисемитизм присущ Сталину? Многие «сталиноведы» склонны считать: был. Но в отличие от зоологического антисемита Гитлера Сталин, по их мнению, использовал антисемитизм как политическое орудие для достижения своих целей. С точки зрения Ваксберга, такое различие «принципиального значения не имеет», и в его глазах Сталин такой же «нутряной» антисемит, как Гитлер, если не хуже, не страшнее. Ваксберг полагает, что у Сталина это пошло, как и у многих антисемитов, от комплекса неполноценности. Еще в дореволюционных партийных кругах было много людей, в том числе евреев, превосходивших и подавлявших этого кавказца образованностью и эрудицией (с. 108). Такое не проходит бесследно, и антисемитизм Сталина, по выражению А. Ваксберга, «эскалировался» с течением времени. Он, Сталин, искал основу для «окончательного решения» все никак не решавшегося «еврейского вопроса» (с. 379). И в конце концов нашел: «Заветная цель Гитлера должна была быть осуществлена руками Сталина. Он спас евреев от тотального уничтожения нацистами, чтобы уничтожить их самому» (с. 395). Пожалуй, сам сатана не придумал бы такое!

Но как мог он так долго копить в себе антисемитскую ненависть, сдерживая себя? Он, который не «тянул» с тем, чтобы пустить под нож так называемую ленинскую гвардию, целое поколение октябрьских революционеров? Он, который не откладывал коллективизацию, ломавшую хребет крестьянству? Он, который не колебался, создавая ГУЛАГ? Почему же он сдерживал свою «людоедскую мысль сожрать всех евреев» (с. 426)?

«Кремлевский горец обладал уникальным терпением, – объясняет А. Ваксберг. – Он умел ждать» (с. 120). Фарисейство – вот еще одна его черта. Он делал заявления и писал статьи, резко осуждавшие антисемитизм, он двигал евреев на высокие и руководящие посты в разных ведомствах, он награждал их орденами и премиями, т.е. делал все то, что А. Ваксберг называет «государственным покровительством российскому еврейству» (с. 106), у которого был при Советской власти (это Ваксберг признает) даже свой «золотой век» – 1920-е – первая половина 1930-х гг. Но все это предпринималось Сталиным, как убежден Ваксберг, в целях маскировки, камуфляжа, сокрытия антисемитизма, а иногда и с провокационными целями. Так, Сталин намеренно «вводил» евреев в чекистское и гулаговское начальство, рассчитывая «подогреть» антисемитизм масс и отвести его от себя. Здесь, пожалуй, следует заметить, что Ваксберг (между прочим, смыкаясь с ненавидимыми им «патриотами») жестко осуждает большевиков за то, что, придя к власти, они повели «семитофильскую» политику. Для этого, считает он, им надо было совершенно утратить чувство реальности (имеется в виду широко бытовавший тогда антисемитизм в «низах») и обладать «самодовольством невежд» (с. 63). Ведь ни к чему, кроме дальнейшего роста антисемитизма, такие «наглые эксперименты» привести не могли. Это очень любопытная логика, если учесть, что Ваксберг жестко осуждает царские власти, но за противоположную политику: ограничения и «сдерживания» евреев.

Позднее, в конце Отечественной войны, Сталин и другие «кремлевские интриганы», утверждает Ваксберг, подбросили лидерам ЕАК «утку насчет возможностей… передачи Крыма евреям» (с. 255). Они же попались на этот крючок, проявив «чарующее простодушие», за что и поплатились головами. По Ваксбергу, вот, оказывается, как все было просто с «крымским проектом». Но не так просто было на самом деле. А с «чарующим простодушием» в большой политике вообще делать нечего…

Не все, конечно, Сталину удавалось скрыть и закамуфлировать. Ваксберг полагает, в частности, что Сталин бросил евреев «на произвол судьбы» (с. 189), не приняв особых мер для срочной эвакуации еврейского населения в начале войны с Гитлером. Это было следствием «вырвавшегося» наружу его антисемитизма. Но если, допустим, можно проигнорировать катастрофическую ситуацию начального периода войны, то как быть с лидерами «гуманных западных демократий», отнюдь не поспешившими спасать своих европейских евреев от нацистского «окончательного решения»? Это признавали и самые суровые обличители советского антисемитизма. К примеру, крупный политический деятель США Г. Моргентау писал: «Мы знали о намерении нацистов стереть с лица земли всех европейских евреев. Несмотря на это, в течение 18 месяцев госдепартамент не предпринял никаких шагов в отношении этого чудовищного плана» (цит. по: К о с т ы р ч е н к о Г. Тайная война Сталина. М., 2001. С. 434). Впрочем, давно известно: что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Теперь говорят: двойной стандарт.

Впрочем, все это – отдельные «проколы» в сталинской фарисейской политике. По сути же дела, по определению Ваксберга, Сталин был Великим Драматургом. Он приберегал героев готовившейся им «еврейской драмы» для финала своего конечного политического замысла. «Еврейскую карту» предполагалось пустить в ход тогда, когда должен был подняться «Девятый вал Большого террора»: взращенное Сталиным советско-российское великодержавие

всей мощью обрушится на капитализм. В этот момент евреям и отводилась главная роль, связующая врагов внутренних и внешних.

Есть, однако, событие, которое трудно «уложить» в «камуфляжную концепцию» «людоедского» сталинского антисемитизма. Действительно, как быть с теми поддержкой и помощью, которые Сталин оказал созданию Израиля и без которых, по признанию некоторых израильских лидеров тех дней, оно могло оказаться под вопросом? Ведь позиции США и особенно Англии тогда, мягко говоря, не были такими же однозначно произраильскими. Если на минутку представить себе, что Советский Союз вел бы тогда подобную «линию», А. Ваксберг, надо думать, решительно приписал бы ее антисемитизму, продиктованному Сталиным.

Никто, естественно, не может сказать, какое продолжение могла иметь советская поддержка Израиля. Но Сталин проиграл политическую игру на Ближнем Востоке. Проиграл потому, что, как пишет Ваксберг, «тем, кто возглавлял новое государство (Израиль. – *Г.И.*), Белый дом был гораздо ближе, чем Кремль». Они не были лишены «трезвого расчета» (с. 377).

На «еврейское счастье», это произошло в обстановке непрерывно ухудшавшегося внешнеполитического положения и обострявшейся борьбы за власть в Кремле перед перспективой близкого ухода дряхлеющего Сталина. Ни то, ни другое ни в малейшей степени не может, конечно, оправдать государственного антисемитизма, проявившегося в злобной «космополитической кампании», кровавой истории ЕАК, позорного «дела врачей».

Оправдать, разумеется, не может, но помочь разобраться в случившемся – да.

«Холодная война» с Америкой, переход Израиля на ее сторону, рост произраильских, национальных чувств многих евреев, переживших гитлеровский холокост, задействованность КГБ в политических играх наследников Сталина, боровшихся за власть, болезненная мнительность Сталина, заподозрившего лидеров ЕАК, а потом и врачей кремлевской элиты, в шпионаже – вот некоторые главные шаги на пути государственного антисемитизма.

Но все же последний шаг на этом пути сделан не был.

А. Ваксберг же считает, что нашел бесспорное свидетельство подготовки Сталиным нового холокоста. Он цитирует «Дневник В. Малышева» – зампреда Совмина и члена ЦК, который для себя записывал высказывания вождя во время личных встреч с ним, но чаще в ходе совещаний и заседаний. 1 декабря 1952 г. после заседания президиума ЦК Малышев записал такую реплику Сталина: «Любой еврей – националист, агент американской разведки. Евреи считают, что их нацию спасли США (там можно стать богатым, буржуа и т.д.). Они считают себя обязанными американцам» (с. 394).

«Одна лишь реплика, но она дорогого стоит!» – комментирует А. Ваксберг (с. 394). Дорогого ли? Беглый источниковедческий взгляд ставит под сомнение значимость малышевской записи как документа. Даже с формальной стороны. В записи нет ничего, что хоть отдаленно напоминало бы специфику сталинских текстов или устных выступлений. Малышев, надо думать, бегло записывал по памяти какие-то отрывочные «моменты» реплики, что, конечно, не могло придать ей точности. Но и по своему содержанию запись вызывает вопросы. Сам Ваксберг в книге иронизировал над «теоретиком национального вопроса» Сталиным, отказавшим евреям в праве считаться нацией (с. 57). Что же, выступая на партийном ареопаге, Сталин (согласно Малышеву) меняет свою точку зрения? Трудно, а вернее сказать, просто невозможно представить себе, чтобы Сталин был так глуп, чтобы причислять поголовно всех евреев к американской агентуре. А утверждение, что, по мнению евреев, их спасли в годы войны американцы? Никто, в том числе, конечно, и евреи, в те годы не подвергал ни малейшему сомнению тот факт, что Советский Союз внес решающий вклад в разгром гитлеризма.

Как бы ни относиться к Сталину, невозможно игнорировать то, что идеологической основой его менталитета был марксизм-ленинизм с присущим ему классовым подходом ко всем общественным проблемам, в том числе и национальным. И вдруг он отбрасывает этот подход и заявляет, что вся «еврейская нация» буржуазна, стремится к обогащению и т.п. Короче, повторяет широко бытующее обывательское мнение. Больше похоже, что Малышев записал то, что хотел слышать. Такое случается. Впрочем, нельзя исключить, что, говоря о «буржуазности», Сталин имел в виду определенную часть еврейства. Через несколько десятилетий его слова подтвердились широкой еврейской эмиграцией на Запад. Это – честно говоря…

Таким образом, запись Малышева лишь при большом желании следует рассматривать как документ, но, по Ваксбергу, она имеет «поистине историческую ценность» и, более того, свидетельствует о том, что Сталин должен был «уже иметь план действий» (с. 394).

Готовились публичная казнь арестованных «убийц в белых халатах» на Красной и Манежной площадях в Москве и последующая массовая депортация еврейского населения в Восточную Сибирь. Сопровождаемая крушениями эшелонов в пути, голодом и холодом в лагерных

бараках, она, – считает Ваксберг, – и должна была реализовать «безумный план сталинского (модифицированного гитлеровского) холокоста». Этот план, во всяком случае, замысел такого плана – «не миф, а реальность» (с. 418).

Обвинение – сверхсерьезное. Масштабность такого плана, его последствия требуют доказательств. Лучшее доказательство – документы, фиксирующие факты. Но их, документов, нет. Автор на сегодняшний день наиболее фундаментального исследования «еврейского вопроса» в политике Сталина Г. Костырченко пишет: «Несмотря на тотальное предание гласности после августа 1991 г. всех самых секретных политических архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и инициирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка» (К о с т ы р ч е н к о Г. Указ. соч. С. 677). Но если считать, что какие-то документальные материалы все же утаивались от историков, то трудно допустить, чтобы они относились к «еврейской проблеме», представлявшейся так называемым демократам одной из самых «выигрышных» для компрометации советского режима. Такие документы пошли бы в ход «с колес». Надо полагать, что Ваксберг понимает это. Но он в принципе выступает против «фетишизации документа», считая ее «болезнью», распространенной среди историков-архивистов (с. 420). Сталин, кстати сказать, в свое время, в письме в журнал «Пролетарская революция» тоже отчитывал «архивных крыс», пытающихся докопаться до факта вместо того, чтобы руководствоваться «единственно верной» идеологией. И Ваксберг против тех, кто «восклицает» о недоказанности события из-за отсутствия документов. «Пусть восклицают, – замечает он, – а караван пойдет своей дорогой» (там же). Куда идет его караван, мы сейчас увидим. Он задает «убийственные» вопросы: «А приказ убить Сталина Троцкого – он что, задокументирован? А документ… об убийстве Михоэлса существует? Где документ о приказе Сталина расстрелять Зиновьева, Бухарина, Пятакова, Рыкова?» (там же).

Поймал, ай, поймал Ваксберг Костырченко и других «фетишизирующих» документы! Неужто, однако, непонятна разница в масштабности и значимости названных замыслов и деяний? Вот ведь сам А. Ваксберг пишет, что свидетельства о страшном замысле и начале его реализации исходят «от людей разного общественного положения и отделенных друг от друга подчас тысячами километров» (с. 419). Как же, – задает он вопрос, – можно «чохом» считать их всех «распространителями слухов»? Действительно, трудно. А коли так, должны были существовать разосланные документы: указания, инструкции и т.п. А их нет…

Тогда, может быть, замыслы лучше считать домыслами? Домыслы и слухи распространяются быстро… Но если даже допустить, что у самого Сталина или у кого-то из его окружения туманные замыслы и будоражили мозг, то внезапное (1–2 марта 1953 г.) прекращение антисемитской кампании в средствах массовой информации – не есть ли свидетельство того, что они были очень далеки от стадии «оформления»? Некоторые историки не исключают, что кампанию мог остановить и сам Сталин. Это было время, как говорил Иван Грозный, «перебирания людишек», и Сталин «убирал» свою гвардию. Торможение «дела врачей» давало ему возможность расправиться с двумя «гвардейцами», непосредственными организаторами «дела» – Маленковым и Берией, становившимися в его глазах все более опасными. Впрочем, это – лишь версия, хотя и допустимая.

Если, однако, А. Ваксберг абсолютно верит записи В. Малышева, то почему в таком случае считать сталинским фарисейством мемуарное свидетельство композитора Т. Хренникова. Он пишет, что в те же дни (декабрь 1952 г.), к которым относится сталинская реплика о евреях как агентах США, Сталин сказал: «У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразие!» (с. 388).

Как тут при всем желании не ослушаться А. Ваксберга и не впасть даже в «фетишизацию документа»? А если уж документов нет, то… То будь осторожен, историк! Не будь категоричным, не уверяй: я знаю, как было! Не спеши выносить приговор.

Последняя глава книги А. Ваксберга называется «Избавление». Не очень ясно, избавление от чего: от возможного «сталинского холокоста» или от страны, в которой и после Сталина не «утих» государственный антисемитизм? Скорее, видимо, второе. «Честно говоря, – пишет Ваксберг, – советским евреям было уже не до национальной культуры: речь шла просто о физическом выживании, о перспективе существования и самопроявления последующих поколений» (с. 479). Вот как, оказывается, стоял вопрос при Хрущеве и дальше! Болтливый Хрущев проговаривался. Однажды он заявил: «Если теперь евреи захотели бы занимать первые места в наших республиках, это, конечно, вызвало бы недовольство среди коренных жителей… Если еврей назначается на высокий пост и окружает себя сотрудниками-евреями, это, естественно, вызывает зависть и враждебные чувства по отношению к евреям» (с. 465). Ваксберг характеризует это как антисемитские «бредовые идеи Хрущева»! (там же). Думается, этот «бред»,

произнесенный перед делегатами французских социалистов и канадских коммунистов, не очень-то ошеломил их. Они знали, что и в их демократических странах существуют разного рода ограничения для евреев, например, при приеме в университеты и на работу. Когда С. Михоэлс в 1943 г. уверял А. Эйнштейна, будто в СССР антисемитизма нет, тот с горечью отвечал, что антисемитизм, как тень, следует за евреями во всех странах.

Допустим, однако, что Хрущев находился в антисемитском бреду. Следует ли отсюда, что перед советскими евреями стоял вопрос о «физическом выживании»? Да или нет, снова (как и у Ваксберга) честно говоря?

Но раз, как убежден А. Ваксберг, советские евреи лишались «перспективы существования», им «необходимо было делать выбор» (с. 479). И они, гонимые, потерявшие всякую надежду, сделали «тот единственный выбор, который еще существовал» (с. 482): Исход.

А. Ваксберг приводит в книге слова Л.К. Чуковской, которая говорила, что «искусственное пробуждение… национальных чувств вбили в (русское) еврейство сапогом». Действительно, понадобился «сапог» государственного антисемитизма при «позднем Сталине», чтобы пробудить в некоторой части советских евреев, казалось бы, давно забытый национализм. Действовал, однако, еще один «сапог», правда, мягкий, о котором Ваксберг не упоминает. В течение ряда лет на Западе, особенно в США, проводились мощные пропагандистские кампании за выезд советских евреев из СССР под библейским лозунгом «Отпусти народ мой!» Давление, оказываемое ими, нарастало и не могло пройти бесследно. Только самый наивный человек может думать, что организаторы этих кампаний, новоявленные «моисеи», руководствовались исключительно гуманитарными мотивами. А. Солженицын прав, когда в своих «Двести лет вместе» пишет, что Америку «сами по себе евреи из Союза не интересуют» (т. 2, с. 489). Существовала сверхзадача в «холодной войне», и, увы, очень многие советские евреи стали картой в большой политической игре.

Так что (опять повторим А. Ваксберга), честно говоря, о свободном выборе Исхода говорить трудно…

* * *

Это письмо ни в коем случае не является апологией Сталина. У него полно тяжких грехов и без антисемитизма. Да и не в Сталине, в сущности, дело. Нетрудно видеть, что «уравнивание» Сталина с Гитлером (пусть только в «еврейском вопросе») – лишь часть «концепции» отождествления фашизма с коммунизмом. Она была запущена в пропагандистский и «научный» оборот в дни крушения Советского Союза и имела задачей тотальную политическую компрометацию советского режима. Не исчезла она и поныне. Все еще пишутся книги и статьи, «обосновывающие» ее. Но как понять некоторых бывших советских евреев, кощунственно утверждающих то же? Ведь как бы там ни было, но капитальный факт состоит в том, что именно Советская страна спасла еврейство от полного уничтожения фашизмом. Что значат в сравнении с этим даже самые мрачные проявления антисемитизма в годы «позднего Сталина», не говоря уже об антисемитизме при более «мягких» его преемниках? В конце концов, разве судьба самого господина Ваксберга не дает ответа на такой вопрос? Страшно подумать, как бы она сложилась, имей он несчастье родиться в довоенной Германии…

Г. Иоффе
(Канада)

Критика и библиография

П.В. ЛИЗУНОВ. БИРЖИ В РОССИИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА (XVIII – начало XX вв.). Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2002. 244 с. Тир. 500

В монографии исследуется история биржи как важнейшего, наряду с кредитно-банковской и транспортной системами, элемента экономической инфраструктуры дореволюционной России. Будучи крупным оптовым рынком для торговли товарами по образцам (товарная биржа) и ценными бумагами (фондовая биржа), эта форма товарообмена является порождением западноевропейского капитализма, перенесенным на российскую почву.

Однако история биржевой торговли в дореволюционной России остается наименее изученной. В советской историографии можно назвать лишь монографию Л.Е. Шепелева «Акционерные компании в России» (Л., 1973), в которой история биржевой торговли ценными бумагами была затронута в контексте исследования акционерных корпораций. Работы последнего десятилетия, когда возродились биржевые торги, носят в целом компилятивный характер и отмечены духом конъюнктуры.

В России биржа выполняла не только собственно торговые функции, но и служила органом представительства интересов предпринимательских кругов. Автор рецензируемой монографии вполне резонно ограничивает исследовательскую задачу, сосредоточившись на первом аспекте истории биржи, поскольку изучение представительной деятельности бирж во всероссийском масштабе представляется отдельной крупной проблемой, для решения которой необходимы усилия коллектива историков.

Практически в историографии остаются неисследованными вопросы формирования биржевой торговли (товарами и ценными бумагами) во взаимосвязи с правительственной политикой, и автор справедливо ставит во главу угла своего анализа именно этот аспект истории отечественных бирж. Основное внимание в монографии уделено Петербургской бирже, что вполне оправданно в связи с той доминирующей ролью, которую играла эта старейшая биржа страны на всем протяжении исследуемого периода. Об остальных российских биржах в работе приведены обобщенные данные и обстоятельные очерки по истории некоторых биржевых организаций, в частности в Архангельске.

Слабое историографическое освоение темы не в последнюю очередь связано с ограниченной источниковой базой, которой располагали историки. В России не было официальной статистики биржевой торговли, поэтому исследователь проблемы должен обращаться к такому трудоемкому пласту первичных материалов, как делопроизводство правительственных органов, ведавших биржевой торговлей, и самих биржевых комитетов. Для решения поставленной исследовательской задачи автору удалось привлечь репрезентативный круг архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Отметим среди них материалы многочисленных правительственных комиссий по разработке биржевого законодательства, а также обширный фонд Петербургского Биржевого комитета, хранящийся в ЦГИА Санкт-Петербурга, материалы которого автор сделал достоянием научной общественности.

Содержательная часть авторского анализа включает рассмотрение биржевого законодательства и реализацию его на практике, основной круг биржевых операций, проблему формирования фондового рынка в середине XIX в. и дальнейшего его функционирования.

В первой главе рассматривается начальный период истории российских бирж (XVIII – начало XIX в.). Изучив обширный круг источников, автор приходит к убедительному выводу об искусственности насаждения биржевой организации Петром I, желавшим превратить Петербург во «второй Амстердам». Российские же торговцы еще не нуждались в этой форме торговли, и насильственное внедрение западных образцов («буде волею не похотят, хоть в неволю») не принесло ожидаемого эффекта. В послепетровский период биржи фактически не развивались, и не случайно вплоть до начала XIX в. в этой области коммерции продолжали действовать явно архаичные указы петровского времени.

Основанная Петром Петербургская биржа до конца XVIII в. оставалась единственной в России (вторая была учреждена в Одессе в 1796 г.). Она специализировалась на обслуживании экспортно-импортной торговли через Петербургский порт, и, видимо, поэтому столичная биржа до середины XIX в. находилась в ведении Департамента внешней торговли Министерства финансов. Внешняя торговля России этого периода контролировалась иностранными по происхождению коммерсантами. Автор справедливо отмечает в этой связи преобладание иноземцев на Петербургской бирже, не преувеличивая роли русских купцов во внешнеторговом обороте страны, что было свойственно советской историографии.

Только в начале XIX в. российские торговцы «дозрели» до биржевой торговли, и в истории отечественной биржи начался новый этап, которому в монографии отведена вторая глава, охватывающая период с 1816 до середины 1870-х гг. В это время было осуществлено законодательное регулирование биржевой торговли (приняты уставы ведущих бирж во главе с Петербургской), появились специальные органы биржевого купечества (биржевые комитеты). Особое внимание автор уделяет разработке акционерного законодательства и связанному с ним появлению рынка ценных бумаг.

В обстоятельном очерке рассмотрена «учредительская горячка» рубежа 1850–1860-х гг., превратившая Петербургскую биржу из чисто товарной в фондовую. Первый в истории России акционерный бум вызвал перелив капиталов в новый вид ценных бумаг и создал почву для биржевой игры. При этом, как подчеркивает автор, биржевое законодательство, отставшее от реалий времени, запрещало заключение сделок с акциями на срок, но оно фактически не соблюдалось.

Новый биржевой ажиотаж наметился на рубеже 1860–1870-х гг. в связи с бурным железнодорожным строительством частными компаниями и созданием сети акционерных коммерческих банков и также завершился биржевой паникой. Автор справедливо, на взгляд рецензента, оценивает биржевой кризис 1869 г. как признак становления фондового рынка в России, приобретавшего ту же, что и на Западе, цикличность развития. Фондовый рынок располагал уже значительным объемом ценных бумаг, которых в России к началу 1870-х гг. было выпущено на номинальную сумму около 3 млрд руб. (С. 140).

С начала 1860-х гг. наряду с фондовой биржей бурно росли и товарные (Киев, Казань и др.), что свидетельствовало о приобщении провинциального делового мира к новейшим формам товарообмена. Законодательная же база по-прежнему отставала от экономических процессов. В монографии прослежены безуспешные попытки петербургских биржевиков добиться у правительства обновления юридической базы операций с фондами, получившие отклик в правительственных сферах лишь в конце XIX в. при министре финансов С.Ю. Витте.

Меры, предпринятые Витте в области биржевого законодательства, предопределили развитие российских бирж на последнем, предреволюционном этапе их эволюции, о котором повествует заключительная, третья глава монографии. Политика Витте диктовалась его общим курсом на государственное регулирование экономического развития и выразилась в попытке установить прямой контроль за фондовыми операциями бирж. В монографии убедительно показано, что меры по «обузданию» биржевой спекуляции проводились сначала в контексте подготовки денежной реформы 1895–1897 гг. Успех ее в немалой степени был обеспечен тем, что Витте удалось прекратить «судорожные колебания» русского рубля и стабилизировать валютные курсы перед введением золотого обращения. «Репрессивное» законодательство этого периода сопровождалось легализацией ряда традиционных биржевых операций. Так, в 1893 г. были разрешены, наконец, биржевые сделки на срок за исключением операций, имевших целью разницу в курсе валют.

Прекращение биржевой игры на курсе рубля стало одним из факторов перелива капиталов в акции частных компаний и последовавшего затем биржевого бума 1890-х гг. Несомненной заслугой автора является живое, красочное описание этого очередного биржевого ажиотажа, охватившего на этот раз достаточно широкие слои состоятельной российской публики. Впервые в историографии столь подробно изложена работа комиссий П.П. Цитовича и В.И. Ковалевского по реформированию акционерно-биржевого законодательства. Результаты деятельности обеих комиссий, стоявших на позиции автономного развития бирж, не устроили Витте, стремившегося подчинить своему влиянию фондовые операции для стабилизации государственного кредита. Автор точно акцентирует внимание на том, что Витте интересовала именно фондовая биржа, проблемы же товарных бирж законодателя не занимали.

Проведенная в 1900–1902 гг. в контексте антикризисных мер правительства биржевая реформа, обстоятельно проанализированная автором, привела к появлению особого фондового отдела Петербургской биржи, переданного в ведение Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. Тем не менее эта мера не предотвратила

резкого падения курсов государственных фондов в период революции 1905–1907 гг.

Полоса биржевого оживления наступила в годы предвоенного промышленного подъема, что свидетельствовало о превращении в начале XX в. биржи в чуткий барометр экономического роста. Автор с большим знанием предмета живописует очередной биржевой бум, раскрывает механизм биржевой игры (развитие неофициальных биржевых торгов – «американки», роль коррумпированной биржевой прессы, борьба «паркета» и «кулиссы» и др.). В связи с этим возникает вопрос, насколько курс акций отражал реальное положение акционерной компании и в какой мере он был результатом биржевых махинаций, т.е. вопрос о соотношении факторов, влиявших на биржевые котировки торгово-промышленных и финансовых компаний. Судя по материалам монографии, на настроение биржи подчас влияли внешние политические факторы (например, Балканская война 1912 г.), превалировавшие над собственно экономическими (успешный в целом промышленный рост). Вопрос этот, впрочем, в монографии лишь обозначен и нуждается в дополнительном исследовании.

П.В. Лизунов также рассматривает проблему функционирования российского фондового рынка во взаимосвязи с западноевропейским. Отметим содержательный раздел о котировке российских бумаг на иностранных биржах. Эта тема является составной частью более общей проблемы внешней задолженности российского государства и иностранных инвестиций в экономику страны. Автор справедливо отмечает, что основное отличие российского фондового рынка от западноевропейского заключается в запрете котировки иностранных ценных бумаг на российских биржах. Такая ситуация ставила российский денежный рынок в неравноправное положение с европейским, так как в случае падения курсов российских бумаг за границей Петербургская биржа не в состоянии была адекватно отреагировать. Думается, впрочем, что в данном случае юридическая норма фиксировала реальное положение дел, поскольку Россия в этот период выступала почти исключительно в роли реципиента зарубежных капиталовложений и вряд ли могла стать сколько-нибудь значительным «донором» для европейского денежного рынка.

В заключении к книге автор адекватно суммировал итоги проведенного исследования, наметив пути дальнейшего изучения проблемы. Особо стоит выделить вывод о том, что российская биржа прошла те же этапы эволюции, что и западноевропейская, хотя и со стадиальным отставанием. Одним из факторов этого отставания, помимо общеэкономических причин, являлась неразработанность системы биржевого права. Эффективность законодательных мер правительства в этой области оказалась в целом невысока, так как экономические процессы в значительной мере проходили под влиянием внутренних стимулов и часто вопреки стремлению законодателя.

Одним из проявлений этого органического роста стало формирование с середины XIX в. фондового рынка как инструмента концентрации и перераспределения внутренних капиталовложений и привлечения внешних инвестиций. Можно согласиться с выводом Лизунова о том, что в канун Первой мировой войны биржа являлась центром хозяйственной жизни, и этого положения, подчеркнем, она достигла не столько под влиянием правительственной политики, сколько в результате объективного экономического роста страны. Монография П.В. Лизунова вносит существенный вклад в разработку проблемы «экономика и власть в России» – одного из кардинальных направлений исследования дореволюционного общества в современной историографии.

Высоко оценивая в целом работу, считаю необходимым высказать ряд общих соображений и замечаний. Автор обошел вниманием проект реформы биржевого дела, связанный с разработкой в начале 1900-х гг. плана создания торгово-промышленных палат как единых представительных органов предпринимателей. Хотя этот сюжет в основном связан с представительной функцией бирж (в монографии, как отмечалось, не рассматриваемой), однако в ходе подготовки введения торгово-промышленных палат сформировался интересный комплекс источников об особенностях развития бирж в России (соответствующие документы есть в архивном фонде Московского Биржевого комитета в Центральном историческом архиве Москвы).

Не вполне доказанным представляется тезис автора о взаимоотношениях коммерческих банков и фондовой биржи в начале XX в. П.В. Лизунов полагает, что в данном случае имело место не поглощение банками биржи, а их партнерское взаимодействие. В обоснование этого вывода в работе не приведено достаточного материала, из самого же текста явствует, что реальные рычаги контроля за биржей находились все же в руках ведущих петербургских банкиров. Наконец, сосредоточив внимание на Петербургской бирже, автор не всегда учитывает региональную специфику биржевых операций с ценными бумагами. В частности, приводимое в монографии противопоставление биржевой спекуляции в Петербурге (для получения разницы на курсе) и в Москве (для установления контроля за компанией) лишь намечает реальную проблему.

Особенности предпринимательской деятельности в Московском районе, к которым относятся узкосемейная, корпоративная организация фирмы, финансирование предприятия из внутренних накоплений, отсутствие интереса к рискованному привлечению внешних инвестиций за счет эмиссии акций на бирже, во многом определяли негативное отношение московских «хозяев» к петербургским «спекулянтам» и в целом к биржевой игре акциями своих компаний. Поэтому, в частности, Московская биржа не достигла уровня Петербургской по объему биржевых сделок с бумагами торгово-промышленных предприятий и играла заметную роль в котировке не столь доходных, но более надежных государственных фондов, в которые помещались свободные капиталы.

Впрочем, региональная специфика предпринимательской деятельности – отдельное направление в изучении российской буржуазии, и всестороннее исследование этой проблемы под силу лишь коллективу ученых. Монография П.В. Лизунова безусловно содержит ценный материал о своеобразии предпринимательского мира Петербурга и вносит существенный вклад в историографию экономической истории дореволюционной России. Остается лишь пожелать автору переиздать книгу более внушительным тиражом, чтобы сделать ее доступной не только узкому кругу специалистов, но и всем интересующимся экономической историей нашего Отечества.

Ю.А. Петров, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Р. У Э Й Д. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА. Кэмбридж. 2000. 337 с.*

Могли ли в свое время творцы «первой в мире социалистической революции» вообразить, что со временем на «буржуазном Западе» ее изучение замкнется в рамках отвлеченного академизма, в то время как в России ее начнут проклинать? Нечто подобное, однако, произошло. Свидетельство тому – рецензируемая книга, выпущенная в издаваемой Кэмбриджским университетом серии «Новые подходы к европейской истории». Автор предлагает своеобразный итог длительного освоения темы англоязычными советологами, но не напоминает о вихре антикоммунистических страстей, некогда кипевших на Западе, а в последнее десятилетие переместившихся в Россию.

Профессор истории университета Джорджа Мейсона (Вирджиния, США) Рекс Уэйд известен в первую очередь монографическими исследованиями «поисков мира» русскими социалистами в 1917 г. (1969) и действий Красной гвардии (1984). Впрочем, сюжеты, связанные с его прежними интересами, в данной книге не превалируют, ибо автор задался целью представить сбалансированную картину событий 1917 г., опираясь на новейшие работы своих западных коллег и опубликованные документы. Ссылок на исследования советских и российских историков немного – это главным образом их переводные труды. Нет, впрочем, ни одной ссылки и на популярного у нас Р. Пайпса – на Западе его работы считаются анахронизмом.

Р. Уэйд подчеркивает, что русская революция остается центральным событием мировой истории XX в., определившим главные векторы ее развития. Крах Советского Союза облегчил осмысление ее значения и избавил от необходимости оглядываться на существующую в России власть, а коллизии борьбы за демократию еще более актуализировали вопросы, впервые поставленные в 1917 г. Современность, считает автор, подтверждает непреходящую значимость революции: исход происходящего сегодня столь же важен для судеб России и окружающего ее мира, как и события начала XX в. С этим нельзя не согласиться.

Оценивая общую направленность авторских новаций, следует иметь в виду и фигуру современного американского студента с его политкорректно-интернетовским мировосприятием. В связи с этим понятно стремление автора обеспечить «вживание» в эпоху 1917 г. с помощью современных «аналогов». Отсюда терминологическая модернизация социальной структуры России – в книге фигурируют, в частности, сложно стратифицированные «средние классы» (вместо привычных для 1917 г. «буржуазных элементов»). Однако, несмотря на сюжетное многообразие, по композиции работа достаточно проста.

По мнению Р. Уэйда, пора реанимировать политическую историю революции, обновив ее трудами социальных историков (подобные мнения высказывались и ранее, но масштабной реализации не получили). События 1917 г., полагает автор, могут и

* Wade R.A. The Russian Revolution. 1917. Cembridge University Press. Cambridge, 2000.

должны быть поняты во взаимосвязи политических и социальных ее элементов – для этого следует ориентироваться на политические блоки (особенно «оборонцев» и интернационалистов), а не на отдельные партии и учитывать устремления всех сегментов общества как в центре, так и на местах. Особого внимания заслуживают окраины с нерусским населением. Необходимо также принципиально отделить «советскую» революцию от ее восприемницы – революции большевистской.

Увы, подобные предложения не очень понятны нашему читателю, продолжающему ощущать историю через политику. Еще труднее объяснить ему, что бесконечные поиски в историческом пространстве как «врагов», так и «альтернатив» – свидетельство не просто непрофессионализма, но и ограниченности мировосприятия. Рецензируемая книга важна уже тем, что автор пытается выстроить прошлое на его естественных основаниях – от народа к власти, а не наоборот.

Р. Уэйд определенно не жалует антикоммунистов, подчеркивая важность окончательного изживания созданных ими мифов и псевдоконцепций. Так, считает он, не выдерживают критики представления о большевиках как циничных манипуляторах невежественными массами, а равно и домыслы о тщательно спланированном Лениным захвате власти. Особое значение, по его мнению, приобретает вопрос о сроках завершения революции. Нет смысла растягивать ее хронологические рамки до 1921 или даже 1930 г., считает он: роспуск Учредительного собрания – отчетливая грань, отделяющая революцию как таковую от Гражданской войны, когда исход борьбы за будущее России зависел не от политиков, а от силы оружия (с. IX–XI, 282, 298).

Уэйд поставил перед собой непростую задачу. После краха СССР позиции «ревизионистской» школы советологии, указывавшей на социальную обусловленность успеха большевиков, пошатнулись – победа Октября кажется более эфемерной, что требует иной логики ее объяснения. С другой стороны, приверженцы социальной истории, на которых опирается Уэйд, едва ли не демонстративно «ушли» из российских столиц с их верхушечной политической борьбой и погрузились в локальные сюжеты и историко-антропологические разработки, поскольку воссоздать события в их целостности стало технически сложно. Тем не менее автор со своей задачей – показать новую конфигурацию революции и описать логику ее развития в стандартных политических терминах – справился. Посмотрим, однако, насколько убедительно соотносится его концепция с некоторыми историческими реалиями.

Историки до сих пор стыдливо умалчивают (в современной России это особенно заметно), каким предпосылкам революции отдавать приоритет – генетическим или ситуационным. Поэтому выяснение причин потрясений 1917 г. чаще подменяется событийной прелюдией к ним. Нечто подобное случилось и на сей раз. На первый план выдвигаются факторы, связанные с личностью слабовольного Николая II, хотя особо отмечаются и катастрофичность аграрного перенаселения, и острота рабочего вопроса. Но примечательнее другое. В расшатывании самодержавной системы автор особую роль отводит «среднему классу» (учителям, врачам, юристам, агрономам, инженерам, техникам, управляющим, мелким предпринимателям и т.д.) и «образованному обществу», охватывающему как «новый средний класс», так и часть дворянского сословия и даже бюрократии. Указывается, что из образованной среды выделилась интеллигенция, доктринально и функционально обеспечивавшая как радикальные, так и либеральные партии. Особо подчеркивается, что именно из интеллигентской среды исходили импульсы «антибуржуазности», которые с помощью левых партий достигли рабочей массы.

Важнейшим фактором, характеризующим Россию как стремительно меняющееся общество, автор называет распространение образования. Именно оно прямо или косвенно размывало как существующие социальные структуры, так и людские установки. Влияние этого фактора действительно должным образом еще не оценено, ибо мы забываем, что для трансформирующегося общества нет ничего опаснее полуграмотного неофита, прикидывающегося пророком. Неудивительно, подмечает Уэйд, что одни авторы оптимистично описывают модернизирующуюся Россию, а другие, напротив, склонны считать, что общество неумолимо шло к катастрофе (с. 4–9).

Как видим, для Уэйда характерны несколько необычных для западной советологии приемов. Во-первых, подчеркивается подвижность и даже зыбкость российской социальной среды, многослойность и многомерность ее идентификационных параметров. Во-вторых, это связывается не с пресловутой самобытностью России, а, напротив, – с ускоренной ее модернизацией. В-третьих, автор полагает, что данная ситуация не столь уникальна и ее можно описать в современных социологических терминах. Наконец, акцент сделан на показе общей – а не просто «классовой» – логики взаимодействия массовых ожиданий и политических коллизий, что проявило себя еще до 1917 г.

Мировую войну автор считает особенно важной для понимания революции и ее итога: военные поражения и неспособность власти эффективно управ-

лять страной вызвали недовольство во всех слоях общества. На этом фоне многозначительным выглядит принципиальный отказ Ленина от сотрудничества с либералами и защиты «буржуазного» Отечества, и теперь осталось только ждать, когда общественное недовольство начнет резонировать с этими бескомпромиссными установками. В этой связи автор обращает внимание на протестно-погромные акции солдаток-казачек в июле–августе 1916 г. (на деле женское возмущение проявило себя много шире), предшествовавшие петроградским «бабьим бунтам», связанным с нехваткой продовольствия и топлива (с. 24). Отмечается также, что крестьяне и рабочие, оказавшиеся в армии, рассматривали службу как возвращение крепостничества, из-за чего противоречия между ними и офицерами (среди которых было немало либералов и социалистов) оказались весьма велики. Распространению недовольства солдат столичного гарнизона способствовало и то, что среди них было много местных рабочих, имевших опыт стачечной борьбы (это звучит довольно наивно). В конечном счете к 1917 г. предпосылки социального взрыва были налицо: «Некомпетентное правительство, дискредитированная и упрямая монархия, раскол внутри политической элиты, отчуждение образованного общества от режима, ухудшение экономической ситуации, возрождение предвоенной социально-экономической напряженности и забастовки в промышленности, предельная усталость от войны, негодование солдат, оживление деятельности политических партий, всеобщая тревога и ощущение того, что скоро что-то произойдет» (с. 28) поставили старую Россию на грань катастрофы.

Размах рабочих стачек конца февраля 1917 г. тем не менее стал неожиданностью и для оппозиции, и для правительства. Еще большим сюрпризом для них явился солдатский бунт. Тем не менее консолидация революционных сил произошла быстро – боялись контрреволюционных выступлений, спешили сформировать новое правительство и заручиться поддержкой мест. «Романовская монархия, начавшаяся с первого Михаила, боязливого 16-летнего мальчика, принявшего корону тремя столетиями ранее, закончилась, когда второй перепуганный Михаил отказался принять ее», – заключает Уэйд (с. 52).

Революция изменила партийно-политическую ситуацию в стране. И дело не только в том, что правые сошли со сцены, а либералы попали в положение «новых консерваторов». И либералы, и социалисты оказались поражены своеобразным «двоецентрием» – одни предпочитали ориентироваться на чисто национальные задачи России, другие больше надеялись на международные изменения. В итоге образовалась широкая коалиция из представителей левого, представленного наиболее умеренными социалистами, и правого, либерально-буржуазного «центра». Сотрудничество этих двух центристских групп определяло политическую жизнь России с февраля до сентября–октября 1917 г. Временное правительство, со своей стороны, упорно считало себя именно временным, призванным взрастить русскую демократию для созыва Учредительного собрания. При этом в правительственных кругах господствовало убеждение, что все образуется само собой.

Итак, автор считает, что все партии, неожиданно для себя став «победителями», потеряли привычное внутреннее равновесие и оказались под мощным давлением «снизу». По этой логике приход к власти «интернационалистов» был по-своему закономерен. Думается, однако, что это только часть правды. Нельзя забывать, что для российской партийно-политической системы было характерно более чем своеобразное соотношение доктрин и эмоций, а потому, когда программа той или иной партии находила воплощение, ее лидеры утрачивали чувство реальности. В этих условиях доктринальный коллапс умеренных партий западнического типа увеличивал шансы партий левых и особенно тех из них, которые показались «низами» «своими». В такой ситуации оборонческий меньшевистско-эсеровский блок стал якорем спасения, поскольку он до поры до времени обеспечивал единство логики, нравственности и темперамента. Последующая победа большевизма, в полном смысле «спасенного» Лениным, а точнее – Апрельским кризисом, подтвердила, что политический успех сопутствует тем, кто скорее эмоционально, чем доктринально выражает рост массового негодования.

В прошлом социальные историки выделяли несколько независимых и деструктивно равнозначных социальных потоков 1917 г.: рабочую, крестьянскую, солдатскую и национальные революции. В отличие от них, Уэйд описывает движение рабочих, солдат и матросов, «среднего класса» и женщин (последним по известной современной моде отведен особый раздел, и в данном случае это выглядит оправданно) в одной главе, как бы складывая их в мозаику городской – все же управляемой политиками – революции. Напротив, крестьянское и национальное движения, описанные в самостоятельных главах, скорее приобретают статус основных государственно-дезорганизующих факторов. Но в заключении к этому перечню добавляются общенародная революция против старого режима (Февральская), борьба представителей среднего класса и образованного общества за гражданские права и парламентарную систему, восстание большинства населения против войны (с. 283). Получается скорее не набор

революций, а цикл разнородных социально-политических возмущений, увенчавшийся приходом к власти Советов, а затем большевиков.

Справедливо мнение Уэйда, что в 1917 г. гражданская (точнее сказать протогражданская) идентичность носила сложносоставной характер, складываясь из принадлежности к профессии, национальности, религии, полу, уровню доходов, а также политических и прочих пристрастий. Но именно это делает «блоковую концепцию» Уэйда уязвимой: когда врачи не находят общего языка с фельдшерами и прочим низшим персоналом (с. 125–126), это чревато не просто ступором органов здравоохранения, но и забвением судеб страны. А между тем подобные явления становились типичными (в качестве курьеза можно рассказать даже о дьяконах, противопоставлявших себя «буржуям»-попам). С другой стороны, опыт революционной идентификации представителей «низшего среднего класса» обернулся упорным отождествлением себя с «пролетариатом», а это значит, что революция развертывалась не в привычном политико-рационалистическом, а в особом революционно-символическом пространстве, до отказа наполненном химерами псевдоклассового воображения.

Нельзя не согласиться с заявлением автора о том, что в деревне революция «носила не просто экономический характер», а имела также «моральное и культурное измерение, ибо крестьяне вознамерились полностью изменить порядок вещей, сфокусировавшись на своих собственных интересах» (с. 138, 142). Точным является также замечание о том, что «чистых» национальных движений в 1917 г. не было и успех имели политики, сочетавшие национальные требования с социальными (с. 168). Но автор словно забывает о том, что социальная вражда повсеместно перерастала в этнофобию. И это не единственный индикатор тотальной архаизации всего социального пространства, исключавший разумное следование каким бы то ни было политическим доктринам или блоковым соглашениям.

Политики 1917 г., отмечает Уэйд, все чаще действовали под влиянием импульсов извне. Так, распространившаяся в апреле–мае по всей Европе волна антивоенных настроений подтолкнула российских социалистов к поискам мира путем переговоров. Но история Великой французской революции соблазнила их прямо противоположной идеей наступления. Результатом такого противоречивого настроя и действий оборонцев стал провал июньского наступления, превратившегося в «тотальное несчастье – военное и политическое» (с. 171, 174, 180). Отсюда июльские события – это не попытка большевистского переворота, а «естественный взрыв народного недовольства» (с. 184), скорее напоминающий Февральскую революцию, чем репетицию Октября (с. 289). Примечательно, что, опровергая известные конспирологические теории, Уэйд показывает, что в 1917 г. вся страна жила страхами всевозможных заговоров «темных сил» – особенно «евреев, германцев и капиталистов» (с. 192). Напрашивается вопрос: может быть, и современные политологические теории революции также порождены политическими суевериями прошлого?

Привлекает внимание и замечание автора о том, что корниловское выступление фактически спровоцировал В.Н. Львов, считавшийся вечно лезущим не в свое дело человеком (с. 203). Похоже, однако, что политкорректность на сей раз подвела автора. Львова не просто отличал избыток дурной активности (таких людей среди политиков 1917 г. было предостаточно) – при медицинском освидетельствовании у него обнаружилось наличие «тяжелой истеро-неврастении при наличности некоторых симптомов начинающейся органической болезни нервной системы» (см.: ГА РФ, ф. 1780, оп. 1, д. 28, л. 225, 256 об.). В известной степени всю проблему осмысления событий 1917 г. можно свести к трудностям объяснения того, какие непредсказуемо роковые последствия имели тогда стихийные поступки подобных людей.

Автор прав и в том, что дело генерала Корнилова получило мощнейший резонанс: как левые, так и правые заподозрили А.Ф. Керенского в заговорщичестве с последующим предательством своего сообщника; позиции умеренно-социалистических лидеров Петроградского Совета ослабли; дисциплина в армии упала, а антиофицерские настроения усилились. В итоге настоящими победителями вышли крайне левые. Но стоит ли после этого доказывать, что лозунг «Вся власть Советам!» обрел свою реальную силу, если в действительности большевики, воспользовавшись очередной активизацией «низов», «упростили» политическую ситуацию, возбудив их подозрительность по отношению к «враждебным» действиям «буржуазии» и других привилегированных элементов (с. 206–207)? Стоит ли рассуждать о падении авторитета Временного правительства и Петроградского совета, о развале коалиции, обеспечиваемой партийным «двоецентрием», если в условиях левения социалистических партий и большевизации Советов оставалось просто ждать: «Что предпримут большевики?» (с. 215). Ведь в конце концов и сам автор подчеркивает, что Керенский своими карательными приготовлениями (точнее их словесной имитацией) вынудил Ленина осуществить захват власти руками Военно-революционного комитета до ожидаемого съезда Советов (с. 271).

В общем рассуждения автора о «советской» революции, которая была преобразована в «больше-

вистскую» многотрудными стараниями Ленина (с. 296), выглядят странновато. Возникает вопрос: а не проще ли интерпретировать события в иных терминах? Справедливо, что вопрос о власти решился на II съезде Советов. Но сам же автор изрядно поиронизировал над этим событием, показав, в какой политически зыбкой и парадоксальной атмосфере все это происходило. И кто бы в ноябре 1917 г. поверил, что к власти пришли не большевики, а пресловутый коалиционный Совнарком? Неужели обыватель тех дней всерьез задумывался над перипетиями переговоров большевиков с Викжелем, дележа ими министерских портфелей с левыми эсерами или верил в существование Временного рабоче-крестьянского правительства, если ему было уже ясно, что все решает теперь голая сила?

Много ли было людей, сомневавшихся в том, какая судьба ожидает Учредительное собрание? К тому же на саму российскую Конституанту можно взглянуть с совсем иной стороны. То, что в ней преобладали эсеры и большевики, более чем закономерно, ибо именно эти партии наиболее соответствовали поэтапным и непосредственным ожиданиям масс. Но события разворачивались еще круче: Ленин не случайно признавал, что массы куда левее большевизма. Так почему же автор забывает о том, что после Октября пришла полоса пьяных погромов и аграрного беспредела, когда буйство масс попросту накрыло весь псевдовластный партийно-политический спектр, включая большевиков? И в терминах привычной политики невозможно объяснить, как большевикам вообще удалось удержаться у власти, поскольку застрельщики мировой революции и сами сомневались на этот счет.

Р. Уэйд проявил немало изобретательности, описывая происходившее в политкорректных формулировках национальной революции. Вероятно, поэтому общий вывод получился весьма куцым: разгон Учредительного собрания – знак окончания русской революции 1917 г. и начала жесточайшей Гражданской войны, которой суждено было теперь определять судьбу России (с. 282, 298). А между тем большевиков последний вопрос интересовал исключительно в контексте перспектив мировой революции. И, может быть, понять итог событий 1917 г. вообще невозможно без учета резонирования кризисных ритмов российской и мировой истории?

Итак, что можно сказать о книге Р. Уэйда в целом? Представляется, что это продуманная и сбалансированная работа, весьма логично (в терминах современной западной политической культуры) излагающая ход и исход событий 1917 г. Книгу можно предложить в качестве учебного пособия и в России, ибо она в любом случае лучше благоглупостей, предлагаемых сегодня в многочисленных учебниках. Можно спорить с автором по частностям, можно подвергнуть сомнению его концепцию в целом, но нельзя не признать, что на сегодняшний день это именно та работа, которая логично примиряет многие расходившиеся в прошлом крайности интерпретаций русской революции.

В.П. Булдаков, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОМИТЕТ РСДРП В 1917 ГОДУ. ПРОТОКОЛЫ И МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЙ. Санкт-Петербург: «Бельведер», 2003. 685 с., илл.

Не нужно доказывать, что серьезное изучение истории большевизма сейчас практически свернуто. Научный анализ, как правило, заменяют разного рода крепкие выражения в адрес большевиков типа фанатики, авантюристы, а то и просто бандиты, которые замордовали народ и завели всю страну в исторический тупик. Лишь изредка можно встретить попытки вывести мотивацию стратегии и тактики большевизма из специфической обстановки в России в первые десятилетия XX в. и из некоторых психоментальных характеристик россиян, проследить эволюцию большевизма, причины его перерождения и т.д. При этом большинство историков полагают, что воссоздание объективной картины деятельности Ленина и его сторонников – дело отдаленного будущего, когда уляжется наконец идеологическая «пыль», поднятая вокруг КПСС и социализма на рубеже 1980–1990-х гг. И лишь немногие готовы уже сейчас сделать первые шаги в этом направлении, начав с публикации новых или переиздания уже известных документальных источников, раскрывающих «анатомию» таких исторических феноменов, как русская революция и большевизм.

К последней группе ученых относятся составители рецензируемого сборника Т.А. Абросимова, Т.П. Бондаревская, Е.Т. Лейкина и В.Ю. Черняев, с которыми сотрудничали известный американский историк Александр Рабинович (автор предисловия) и рецензент издания Н.Н. Смирнов (С.-Петербургский институт истории РАН). Издание сборника

спонсировали РГНФ и генеральное консульство США в Петербурге, а осуществило его на высоком полиграфическом уровне издательство «Бельведер», выпустившее в последние годы интересные книги по истории, археологии, литературоведению и несколько учебных пособий.

Высокой оценки заслуживают обширнейшие и очень профессионально составленные комментарии к документам, из которых могла бы получиться целая монография, а также приложения (аннотированный список 142 членов ПК РСДРП(б), перечень всех известных нам заседаний этого руководящего органа столичных большевиков в марте–декабре 1917 г., адреса ПК). Петербургских (ленинградских) историков всегда отличала и отличает высокая культура работы с документальными источниками, и рецензируемый сборник не составляет исключения, достойно продолжая увидевшую свет еще в 1986 г. и подготовленную практически тем же коллективом историков и архивистов публикацию протоколов и материалов заседаний ПК РСДРП за период с июля 1903 по февраль 1917 г.

Надо сказать, что протоколы ПК за 1917 г. публикуются не впервые. Почти 80 лет назад, к 10-летию Октябрьской революции Истпарт издал сборник документов «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году». Однако судьба этой книги, как и многих ее героев, репрессированных и погибших во времена сталинщины, оказалась очень печальной: в середине 1930-х гг. сборник изъяли из обращения, запрятали в спецхраны, а значительную часть тиража просто уничтожили. Вот почему с конца 1980-х гг. началась растянувшаяся почти на 15 лет работа по подготовке нового издания протоколов ПК за 1917 г. Была проведена сверка опубликованных текстов с их подлинниками, выявлены купюры и неточности, допущенные в первом издании, заново тщательно изучены многие архивные документы, воспоминания участников событий, их переписка, периодическая печать, листовки и т.д. В ходе этой кропотливой работы были выявлены и ныне впервые опубликованы протоколы и материалы 15 заседаний ПК и его исполнительной комиссии, внесены уточнения и дополнения в уже известные исследователям документы.

Любителям сенсаций сразу же могу сказать, что в новом издании протоколов их нет, да, пожалуй, и не могло быть. Однако значение протоколов ПК как исторического источника трудно переоценить, поскольку без них нельзя представить себе масштабы деятельности большевиков-ленинцев и понять причины их феноменального успеха в 1917 г. Не будем забывать, что Петроград находился тогда в эпицентре всех главных событий политической жизни России, а в его большевистской организации было несколько десятков тысяч членов. Среди тех, кто работал в ПК РСДРП(б) после Февральской революции, были многие видные большевики, на его заседаниях выступали в 1917 г. Ленин, Сталин, Свердлов, Зиновьев, Троцкий, а в самые острые моменты члены ЦК и ПК большевиков собирались вместе.

Даже те, кто осуждает ныне большевиков, после ознакомления с 82 документами сборника должны будут отдать должное их твердости, целеустремленности и умению налаживать организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу в массах. У сторонников Ленина были такие необходимые любому политику качества, как смелость, решительность, трезвый расчет, ощущение темпа и ритма жизни, умение уловить настроения простых людей. Они смогли, находясь весной 1917 г. в менее выгодном положении, чем их давние соперники – меньшевики и эсеры, – не только удержаться на гребне политической волны, но и взлететь на ней к вершинам власти, даже не прибегая в момент октябрьского переворота к какому-то неординарному по меркам того времени насилию. На фоне того тяжелейшего положения, в котором оказались в постсоветский период десятки миллионов россиян, мы лучше можем понять сейчас, перед решением каких сложнейших задач оказались тогда большевики, оценить в полной мере их исторический оптимизм. И еще один очень важный для современных политтехнологов вывод вытекает из анализа протоколов петербургских большевиков 1917 г.: для тех, кто хочет победить, не может быть мелочей, пренебрежения будничной, рутинной работой, беспечного отношения к кадровым и организационным вопросам. А чего стоит умение быстро изживать неизбежные в любом большом деле разногласия в «верхах» и «низах» партии, которое продемонстрировали большевики и лично Ленин в предоктябрьский и послеоктябрьский периоды. Напомним, что в начале апреля 1917 г. вернувшийся из эмиграции в Петроград Ленин фактически оказался в ЦК созданной им партии на положении диссидента, но затем быстро утвердился в роли единоличного лидера большевиков, добившись поддержки своей стратегической и тактической линии.

Протоколы ПК свидетельствуют о том, что Апрельские тезисы Ленина не встретили сначала в руководстве питерской партийной организации полного понимания. На заседании 8 апреля Ленину оппонировал С.Я. Багдатьев, позиция которого сформулирована в протоколах так: тезисы Ленина правильны в основе, но практически они не подходят (с. 182). Багдатьев не принимал, например, призыва к созданию в России республики Советов в противовес про-

декларированному в программе РСДРП парламентско-республиканскому строю, отверг предложения Ленина о перемене названия партии (коммунистическая вместо социал-демократическая) и организационном оформлении III Интернационала и т.д. Когда на голосование были поставлены тезисы Ленина в целом, то за них высказались лишь двое, против – 13, воздержался один (с. 186).

В 1927 г. в письме в Ленинградский истпарт видный большевик В.Н. Залежский (он поддерживал на заседании 8 апреля 1917 г. Ленина) излишне прямолинейно, на мой взгляд, отождествил позиции Багдатьева и Каменева, не принявшего ленинский курс на социалистическую революцию, и заявил, что «громадное большинство членов комитета высказалось против основных мыслей и предложений тов. Ленина» (с. 192). Но прошло 7 лет, и в марте 1934 г. в связи с несостоявшимся тогда переизданием протоколов ПК тот же Залежский вместе с Багдатьевым сообщили в Ленинградский институт истории партии, что в издание 1927 г. вкралась якобы «грубая ошибка» и 8 апреля 1917 г. ПК принял тезисы Ленина в целом и, наоборот, отклонил 13 голосами поправки к ним, предложенные Багдатьевым (с. 194).

Понятно, что протокольная запись – это не стенограмма и в ней могут быть «темные», не поддающиеся расшифровке места. Но согласитесь, что «забывчивость» Залежского, писавшего в 1927 г. одно, а в 1934 г. «вспомнившего» вдруг нечто прямо противоположное, наводит на очень грустные мысли о «технологии» фальсификации истории в период культа личности Сталина, когда партийные верхи могли менять ее по собственному усмотрению. Не случайно в многотомной «Истории КПСС» фигурировала обтекаемая формула, согласно которой лишь «некоторые (?) члены Петербургского комитета по существу не разобрались в Апрельских тезисах» (История КПСС. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 59), хотя в вышедшей в том же году книге очень компетентных ленинградских историков «Октябрьское вооруженное восстание семнадцатого года в Петрограде» под редакцией С.Н. Валка прямо говорилось, что «большинство членов ПК не смогло еще полностью отрешиться от старых взглядов и представлений» (ч. 1. С. 192).

Поэтому можно лишь пожалеть о том, что данный эпизод остался в рецензируемом сборнике без надлежащего комментария: составители ограничились публикацией в виде приложения к протоколу от 8 апреля двух упомянутых выше писем Залежского, а автор очень ценной во многих отношениях вводной статьи А. Рабинович просто обошел данный эпизод молчанием, хотя он привел там несколько фактов, показывающих, что в ряде случаев взгляды членов ПК и большевика № 1 расходились.

В дальнейшем в ходе апрельского политического кризиса 1917 г. Багдатьев занял ультрарадикальную позицию, поддержал лозунг «Долой Временное правительство!», осужденный большевистским руководством во главе с Лениным. Багдатьева обвиняли в провокации, его дело рассматривала специальная комиссия ПК, полностью его, однако, оправдавшая, что и отмечено в рецензируемом издании. Все это говорит за то, что по крайней мере в течение какого-то отрезка времени Багдатьев в 1917 г. все же являлся членом ПК, как это было в 1908–1910 и 1915 гг. О членстве Багдатьева и Залежского в ПК РСДРП(б) говорится и в книге «Октябрьское вооруженное восстание семнадцатого года в Петрограде» (ч. 1. С. 105, 223). Однако в рецензируемом издании упоминания об этом нет.

Возвращаясь к списку членов ПК, хотелось бы отметить, что в 1986 г. при публикации его протоколов за 1903 – февраль 1917 г. приведенная там информация о видных большевистских партийных работниках была полнее и включала в себя такие сведения, как их социальное положение, образование, деятельность после октября 1917 г. Думается, что эту линию следовало бы продолжить и в рецензируемом издании.

Очень интересны материалы, проливающие свет на конфликт между Лениным и ПК РСДРП(б) по вопросу о том, нужна ли была столичным большевикам, наряду с «Правдой», собственная газета, отражающая жизнь их городской организации. Ленин не очень убедительно пытался доказать, что подобное издание совершенно излишне, а ПК и районные партийные организации Петрограда отстаивали свою, прямо противоположную точку зрения (с. 233–241, 255–262, 272 и др.). Вопрос был снят с повестки дня только после июльских дней, когда большевики, как известно, вновь фактически оказались на полулегальном положении. Характерно, что Ленин в данном случае продолжал ту же линию, которую он вел в 1915 г. в отношении Бухарина, пытавшегося отстаивать свою, отличную от ленинской, точку зрения на страницах проектировавшейся им газеты «Звезда», которая должна была стать неким противовесом органу ЦК большевиков заграничной газете «Социал-демократ». При этом и в 1915, и в 1917 гг. Ленин в этом вопросе добился своего, хотя сейчас подобная диктаторская позиция в отношении инакомыслящих членов собственной партии сочувствия уже не встречает.

К сожалению, не сохранились тексты протоколов заседаний ПК за первую декаду июля 1917 г., когда перед большевиками фактически впервые встал вопрос о захвате государственной власти. Их заменяют

в сборнике «приглаженные» и отредактированные тексты аннотационного характера (с. 361–368), которые, на мой взгляд, следовало бы поместить в примечаниях, поскольку они ни в малейшей степени не передают накаленную атмосферу дискуссий, шедших в тот критический момент в высшем большевистском руководстве, и не могут быть приравнены к протоколам. Зато трудно переоценить значение протоколов ПК за октябрь 1917 г., т.е. за период, непосредственно предшествовавший вооруженному восстанию большевиков и левых эсеров в Петрограде, а также за начало ноября, когда Ленину и Троцкому с трудом удалось отбиться от сторонников образования однородного социалистического правительства, что имело далеко идущие последствия и утвердило в конечном счете монопольное положение большевизма на российской политической арене.

В целом же можно только приветствовать появление нового издания протоколов Петербургского комитета большевиков, которое даст возможность российским и зарубежным историкам более конкретно и объективно представить себе и проанализировать положение дел в большевистской партии в историческом 1917 г.

С.В. Тютюкин, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Б. ПАТЕНОДЕ. БОЛЬШОЕ ШОУ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ. АМЕРИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПОМОЩИ В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ В РОССИИ 1921 Г. Стэнфорд, Калифорния: Изд-во Стэнфордского университета, 2002. 817 с.*

В 1921 г. в Советской России произошла одна из самых страшных катастроф XX в. – разразившийся голод унес, по некоторым оценкам, более 5 млн человеческих жизней. Трагедия могла приобрести еще более устрашающие размеры, если бы не гуманитарная деятельность Американской администрации помощи (АРА) во главе с Гербертом Гувером, доставившая и распространявшая тысячи тонн продовольствия, медикаменты и одежду, причем в период ее пика 300 американских волонтеров при поддержке 120 тыс. российских граждан ежедневно кормили более 10 млн людей. Однако деятельность АРА в России, названная Ф. Нансеном «благородным поступком двадцатого столетия», в Америке сейчас почти забыта, а в России игнорируется или почти полностью извращена. Поэтому рецензируемая книга научного сотрудника Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете Б. Патеноде является важным вкладом в изучение данной проблемы.

Автор решил воспроизвести историю борьбы с голодом глазами самих сотрудников АРА. Книга написана на основе дневников, писем и мемуаров участников экспедиции и состоит из 4 больших частей. В первой излагается история миссии с августа 1921 г. до ее завершения летом 1923 г. Вторая рассказывает об американских участниках экспедиции, а также о тех, кто получал американскую помощь. Следующий раздел повествует о политической конфронтации между американцами и большевистскими властями, стремившимися поставить гуманитарную деятельность АРА под свой контроль. Наконец, последняя часть описывает американо-российские взаимоотношения в процессе борьбы с голодом как первую встречу двух культур.

Большинство рядовых участников экспедиции – это молодые люди в возрасте 20 лет, бывшие участники войны, ковбои, искатели приключений в экзотической стране. Американцы испытали настоящее потрясение от увиденного в России – масштабы голода, отсталость страны, подозрительность и невежество населения, его пассивность и фатализм. Им было непонятно, например, почему «болоши» (так они называли большевиков) не относились к ним с большей терпимостью. Ведь вернувшись домой аровцы могли изменить имидж большевиков, что, в свою очередь, привело бы к их скорому признанию западными державами. С другой стороны, сами россияне впервые соприкоснулись с передовой цивилизацией, и это оставило у них неизгладимое впечатление. Их поразили оптимизм американцев и эффективность поставленной на деловую основу «машины помощи». В то же время поражала «нечувствительность» спасателей к спасаемым: аровцы действовали, словно роботы, лишенные эмоций, хотя работали весьма продуктивно и оперативно. Появление АРА воспринималось как чудо, ниспосланное Всевышним в трудный час. Изумление вызывали такие

* The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. By Bertrand M. Patenaude (Stanford, California: Stanford University Press, 2002, 817 pp).

предметы, как сгущенное молоко, о котором жители русской провинции не имели ни малейшего представления, кукуруза и т.д.

Американцам, уже имевшим опыт аналогичной работы в Европе, предстояло действовать в совершенно иной обстановке. Если в других странах АРА сохраняла полный контроль за своей деятельностью, то в России ей приходилось действовать под «зонтиком» большевизма, и требовалось время, чтобы адаптироваться к новой, во многом отличавшейся от западноевропейской среде и наладить сотрудничество с «комиссарами».

В свете материалов, найденных автором рецензируемой книги, прежняя крайне идеологизированная трактовка конфликтов между АРА и советскими властями, доставшаяся нам от эпохи «холодной войны», теряет сейчас свою научную и политическую значимость. Конфликты были обусловлены региональными особенностями (например, в Татарии и Башкирии отношения сложились самым благоприятным образом, тогда как в Оренбурге и в Самаре дело доходило до критического их состояния), уровнем культуры принимающей стороны и особенно местных властей. Многие в Советской России просто не могли понять, почему после стольких лет борьбы против «буржуев» надо снова с ними сотрудничать. Очень часто источником конфликтов были даже не местные власти, относившиеся к АРА порой довольно позитивно, а полномочные представители, направленные из Москвы для наблюдения за деятельностью аровцев. Интересно приводимое автором высказывание одного из американских участников экспедиции: «…98% трудностей, неудобств, грубости и невежества, препятствий и расхождений, с которыми им (американцам. – *Р.А.*) приходится мириться, имея дело с советскими чиновниками, возникают не из-за того, что они советские, но из-за того, что они российские правительственные чиновники. Так было, так есть и так будет всегда» (с. 583).

Давало о себе знать и взаимное недопонимание из-за языкового барьера. В книге показано, как неправильный перевод мог привести к конфликтным (серьезным и комичным) ситуациям. Надо учесть, что переводчиков не хватало, многие из них были противниками большевиков, а другие «толмачи» знали английский язык из рук вон плохо. Конфликты происходили и по более «прозаичным» причинам, например из-за многодневных большевистских праздников, когда желание американцев продолжать работу среди голодающих воспринималось центральными и местными властями как откровенный вызов и оскорбление российского народа. Источником конфликтов была и разница в трактовке понятия «политика»: американцы были склонны сужать его, тогда как советские власти – расширять его пределы. Поэтому у АРА возникали проблемы с тем, кого рекрутировать в свой персонал, кого и как кормить, за что и как поднимать тосты, куда и как ехать на машине и т.д. Для русских, как это видилось американцами, была характерна боязнь ответственности, тогда как американский подход строился как раз на инициативности и отсутствии страха перед ответственностью. Американцев раздражала «азиатская медлительность», «русская неспособность работать с американской быстротой», некомпетентность и забюрократизированность. Иначе говоря, налицо было столкновение американской и русской культур.

Б. Патеноде сравнивает деятельность АРА в различных регионах России. Башкирия («Малая Башкирия» со столицей в г. Стерлитамаке и Уфимская губ.) является одним из объектов его пристального внимания. Во-первых, это был самый крупный регион, получавший американскую помощь. К сентябрю 1922 г. здесь ежедневно кормились 1.6 млн детей и взрослых и работали 2 750 кухонь, при которых состояли 7–8 американцев и 30 тыс. местных сотрудников. При этом нужно учитывать, что в Башкирской республике не было железных дорог и только одна судоходная река. Во-вторых, здесь был самый высокий коэффициент заболеваемости аровцев от тифа и других болезней. Вместе с тем в Башкирии у американцев сложились самые благоприятные отношения с местным руководством. В решающей степени успех гуманитарной миссии зависел здесь от личности Уолтера Белла – руководителя местного отделения АРА. Ему удалось установить гибкие взаимоотношения как с местными властями, так и с полномочными представителями Москвы. Авторитет Белла был непререкаем для населения и даже для местной власти. Показателем этого служит факт приглашения Белла летом 1922 г. на собрание мусульманского руководства всей России для избрания нового муфтия. Белл получил звание почетного мэра Уфы, почетного председателя Уфимского городского совета и даже пожизненного почетного члена добровольной пожарной охраны города Миасса. Это была поистине великая честь и одновременно высшая оценка деятельности АРА, особенно если учесть, что в первые месяцы своей деятельности в Башкирии АРА местному населению казалось, что за гуманитарными целями миссии стоят иные мотивы – получить свободный доступ к природным ресурсам Урала, получение концессий на золотые и платиновые прииски.

Интересен еще один аспект проблемы, никогда прежде не рассматривавшийся в литературе. Автор показывает, насколько серьезным были конфлик-

ты внутри АРА в России. Ему удалось снять табу со многих ранее не разглашаемых фактов в деятельности американской гуманитарной миссии в России, и в этом отношении книга Б. Патеноде – полная противоположность официальной истории АРА в России, написанной Гарольдом Фишером в 1927 г. В ней ничего не сказано ни о конфликтах, ни о скандальных похождениях многих аровцев в России (незаконный вывоз ценностей, спекуляция, пьянство, дебоширство и т.д.). В силу тогдашних обстоятельств Фишер не мог писать о негативных аспектах деятельности АРА, которые не вписывались в оптимистическую версию руководства АРА о масштабах гуманитарной помощи, улыбающихся россиянах, бесперебойной доставке грузов и т.д. Руководство ничего не сообщало миру о нервных срывах и психологическом перенапряжении многих аровцев, которые они пытались преодолеть с помощью алкоголя.

Патеноде, в отличие от Фишера, затрагивает и деликатную проблему взаимоотношения руководства АРА с американскими политиками и общественностью. В США очень сильны были позиции критиков миссии в России, и руководство АРА приходилось порою скрывать некоторые негативные факты, чтобы не испортить свою репутацию. И здесь автор по-новому характеризует фигуру Герберта Гувера, «подперчивая» реноме «великого гуманитариста». Гуверу и его «команде» приходилось порою поступать нестандартно ради сохранения «дороги жизни» для голодающей России. Читателю будет интересно узнать, например, что Гувер не только с раздражением относился к другим американским благотворительным организациям, но и принципиально не соглашался с их методами работы.

В России за последнее десятилетие тоже появились некоторые работы и новые документы о деятельности АРА в годы голода[1]. В них заметен значительный прогресс в направлении более объективного освещения проблемы. Авторы отмечают, что АРА внесла значительный вклад в борьбу с голодом. Однако эти работы отличаются скорее сменой знаков, чем глубиной исследования. Еще дают о себе знать некоторые стереотипы советской историографии о «шпионской» деятельности АРА, что не соответствует действительности. Известно, что среди американцев работали чекистские сексоты, но ни одного американского шпиона им поймать не удалось. АРА помогла России, несмотря на то, что Америка не признавала большевистскую власть и даже относилась к ней очень враждебно. Сам ее организатор Г. Гувер отличался радикальным антибольшевизмом. И тем не менее ему принадлежит заслуга в организации помощи голодавшей стране.

К числу недостатков содержательной и увлекательно написанной книги Б. Патеноде можно отнести то, что иногда автор вкрапляет в изложение сюжеты, уводящие в сторону от непосредственного предмета исследования. Такова, например, глава о «сумасшедшем монахе» Илиодоре, в которой заслуживает внимания лишь та часть, где говорится о конфискации церковных ценностей и попытках властей объяснить ее необходимостью расплатиться с АРА. Читатели могут быть введены в заблуждение тем, что в заглавие книги вынесена дата 1921 г., хотя известно (и автору тоже), что голод продолжался до 1923 г. Б. Патеноде можно было бы четче и полнее объяснить, почему данная проблема извращалась в советской историографии. Хотелось бы узнать также, что содержится в российских архивах о деятельности АРА в России. К сожалению, автору не удалось использовать уникальные документы из архива ФСБ, недавно опубликованные в России[2].

В целом же представляется, что рецензируемая книга не только заслуживает перевода на русский язык, но и будет способствовать улучшению взаимопонимания между Россией и Америкой.

Р.А. Латышов, кандидат исторических наук, докторант Эссекского университета (Колчестер, Великобритания)

Примечания

[1] Цихелашвили Н. Американская помощь народам России в начале 1920-х гг. Дисс. … канд. ист. наук. М., РГГУ, 1998; Американский ежегодник. 1995. С. 191–213; Кондрашин В.В. 1922-й год в советской деревне глазами ГПУ (http://www.fsb.ru/history/read/1999/kondrashin.html).

[2] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. М., 1998.

Научная жизнь

МАКАРИЕВСКИЕ ПРЕМИИ 2003 ГОДА

18 ноября 2003 г. в Конференц-зале Президиума Российской академии наук состоялось вручение премий памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова, 1816–1882), известного богослова и историка, автора многотомной «Истории Русской церкви». Премия была учреждена Макарием в 1867 г. на средства, полученные им в качестве гонораров, и вручалась в 1882–1917 гг. Императорской Петербургской Академией наук и Св. Синодом. В 1994–1995 гг. по инициативе Св. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II совместно с Российской академией наук и правительством Москвы был создан Фонд по премиям памяти митрополита Макария (нынешним его председателем является архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий), возродивший традицию вручения наград за лучшие научные труды по церковной и светской истории. Нынешнее вручение премий – уже четвертое с момента ее возрождения (предыдущие состоялись в 1997, 1999 и 2001 г.).

Премия традиционно присуждается по трем номинациям: «История Православной церкви», «История России», «История Москвы». В нынешнем году премии вручали Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и президент Российской академии наук Ю.С. Осипов. Оглашая имена лауреатов, председатель экспертного совета, декан исторического факультета МГУ член-корр. РАН С.П. Карпов отметил высокий уровень поступивших на конкурс работ (всего их было 112). Лауреатами стали:

По номинации «История Православной церкви»:

первой премии – **А.М. Пентковский** (Московская духовная академия) за труд «Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси»;

второй премии – член-корр. РАН, д. филолог. н. **А.М. Молдован** (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) за труд «Житие Андрея Юродивого в славянской письменности»;

третьей премии – к.и.н. **А.И. Сидоров** (Московская духовная академия) за труд «У истоков культуры святости. Памятники древнецерковной аскетической и монашеской письменности» и д. филолог. н. **Е.М. Юхименко** (Гос. исторический музей) за двухтомный труд «Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература»;

дополнительной молодежной премии – к.и.н. **О.В. Лосева** (Церковно-научный центр «Православная энциклопедиция») за труд «Русские месяцесловы XI–XIV вв.»

По номинации «История России»:

первой премии – к.и.н. **И.А. Христофоров** (Институт российской истории РАН) за труд «"Аристократическая" оппозиция Великим реформам (конец 1850–середина 1870-х гг.)»;

второй премии – д.и.н. **А.Б. Мазуров** (Коломенский госпединститут) за труд «Средневековая Коломна в XIV– первой трети XVI в.: комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства»;

третьей премии – д.и.н. **В.А. Федоров** (МГУ им. М.В. Ломоносова) за труд «Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1721» и к.и.н. **О.В. Новохатко** (ИРИ РАН) за труд «Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в.»;

дополнительной молодежной премии – к.и.н. свящ. **А.В. Постернак** (Православный Свято-Тихоновский богословский институт) за труд «Очерки по истории общин сестер милосердия».

По номинации «История Москвы»:

первой премии – д. искусствоведения **М.В. Нащокина** (НИИ теории архитектуры и градостроительства) за труд «Московский модерн»;

второй премии – д.и.н. **Ю.А. Петров** (ИРИ РАН) за труд «Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика»;

третьей премии – д.и.н. **Н.В. Козлова** (МГУ им. М.В. Ломоносова) за труд «Городская семья XVIII в. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы»;

дополнительной молодежной премии – **М.Ю. Коробко** (РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева) за труд «Московский Версаль: Кузьминки–Люблино».

Специальной премии «За выдающийся вклад в развитие отечественной исторической науки» удостоен д.и.н. **С.О. Шмидт** (ИРИ РАН) за рукопись труда «История Москвы и проблемы москвоведения» и за совокупность работ по истории России и Москвы.

Почетной благодарности за высокие достижения в конкурсе работ, представленных на Макариевскую премию, удостоены: **Александр (Могилев),** архиепископ Костромской и Галичский, иеромонах **Митрофан (Баданин),** д.и.н. **А.Н. Боханов,** к.и.н. **О.В. Бердова, М.В. Иванов,** к. искусствоведения иерей **Борис Михайлов,** к.и.н. **Ю.В. Колова,** д.п.н. **М.Н. Костикова, А.А. Королев,** к.и.н. **Л.В. Мельникова, Е.Б. Французова,** д.и.н. **И.Н. Юркин.**

* * *

От редакции. Сердечно поздравляя всех лауреатов и дипломантов, редакция журнала «Отечественная история» хотела бы особо отметить среди них своих сотрудников.

Одну из первых премий получил редактор отдела историографии, источниковедения и методов исторического исследования Игорь Анатольевич Христофоров, ученик известного специалиста по дореволюционной истории профессора Л.Г. Захаровой. Он является ярким представителем нового поколения российских обществоведов, свободных от идеологических догм, динамичных и инициативных, хорошо знакомых с самыми современными методами исторического исследования. Став пионером в разработке одного из важных аспектов истории Великих реформ 1860–1870-х гг., Христофоров поднял целые пласты новых архивных документов, показал прекрасное владение приемами работы с разнообразными источниками, тонкое понимание самого духа изучаемой исторической эпохи.

Юрий Александрович Петров более 13 лет работал заведующим отделом редакции нашего журнала и продолжает оставаться членом его редколлегии. Воспитанник научной школы В.И. Бовыкина, он получил широкую, в том числе и международную, известность как автор глубоких и оригинальных работ по истории российского предпринимательства и банковского дела XIX – начала XX в. Кроме того, Петров является одним из авторов нового учебника по истории России XX в. для средней школы, удостоенного первой премии на всероссийском конкурсе. Творческую манеру Юрия Александровича отличают основательность суждений, доскональное знание предмета, постоянные поиски новых граней исследовательских проблем.

Радует нас и диплом нашей новой сотрудницы Любови Владимировны Мельниковой, специализирующейся в области истории Русской православной церкви XIX в. Нам очень приятно также видеть среди лауреатов Макариевской премии известного российского историка, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Федорова, который многие годы работал в составе редколлегии журнала «Отечественная история». Почетным дипломом награждена и бывшая сотрудница редакции Е.Б. Французова.

От души желаем всем нашим коллегам здоровья, счастья и новых творческих успехов.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Ломоносовские чтения 2003 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова

Ежегодные Ломоносовские чтения, прошедшие на кафедре истории Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей социальных и гуманитарных наук (ИППК) МГУ им. М.В. Ломоносова в апреле 2003 г. традиционно вызвали большой интерес. В них приняли участие более 20 преподавателей из 14 вузов Российской Федерации и Казахстана. Это предопределило разнообразие проблематики прочитанных докладов и сообщений.

Чтения открыл доклад заведующего кафедрой истории ИППК МГУ д.и.н., профессора А.И. У т к и н а «Проблемы войны и мира в XX–XXI вв.» Докладчик проследил развитие взглядов на проблемы войны и мира мыслителей, общественных и политических деятелей от эпохи античности до наших дней, подчеркнув, что за последние 5 тыс. лет истории человечества было свыше 15 тыс. войн и лишь 300 лет мира. Согласно данным, говорящим о распределении ответственности за войны и вооруженные конфликты в XX в. между основными группами госу-

дарств, на долю западных стран приходится 60–70% всех развязанных вооруженных конфликтов. Молодые независимые государства, освободившиеся от колониальной зависимости и очутившиеся в тисках неоколониализма, несут ответственность за 25–27% таких конфликтов, и лишь 2–3% их возникали по вине социалистических государств. Показательно также, что резкое сокращение зоны социализма в конце 1980-х –1990-е гг., ознаменовалось увеличением числа вооруженных конфликтов, очагов напряженности и военных угроз в мире, прежде всего на постсоциалистическом пространстве. Следует также подчеркнуть, что львиная доля войн и военных конфликтов XX в. приходится на такие страны, как США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Япония, Израиль. Уткин привел уточненные подсчеты профессора А.И. Степанова, согласно которым лишь в годы Первой мировой войны погибло свыше 48 млн солдат и мирных граждан. В их число вошли жертвы гражданских войн и пандемии гриппа 1918 г. В годы Второй мировой войны погибло свыше 60 млн человек, а в годы «холодной войны» – 35 млн солдат и мирных граждан. Сопоставляя жертвы войн, революций, природно-экологических катаклизмов, ломки социально-экономических и политических отношений, голода, докладчик сделал вывод о взаимосвязи и взаимозависимости этих процессов и о необходимости пересмотра старых подходов к подсчетам жертв вооруженных конфликтов.

К.и.н. З.С. Бочарова (ИППК) логически продолжила обсуждение поднятых в докладе Уткина вопросов, рассмотрев проблему «холодной войны», которая закончилась насильственным переделом мира в пользу победителей и крушением проигравших государств. Вместе с тем это была нетрадиционная война, и шла она преимущественно в идеологической, политической, экономической, технологической и информационной сферах. В результате перераспределения зон геополитического влияния после Второй мировой войны существенно менялась расстановка сил во всех стратегически значимых регионах мира. Бочарова отметила, что продолжавшееся почти полсотни лет «холодное» противоборство закончилось развалом СССР, фрагментацией центральноевразийского пространства и образованием на территории бывшего Советского Союза независимых государств с суммарным геополитическим потенциалом, намного уступающим соответствующему потенциалу СССР. Произошло разрушение мировой социалистической системы; образование единой Германии и перераспределение почти всех зон традиционно российского геополитического влияния в пользу США и НАТО. Мировое сообщество оказалось перед лицом качественно новых проблем, эффективное решение которых в основном силовыми методами становится невозможным. Примирение вчерашних противников породило надежды на партнерство, демократизацию международных отношений, доминирование права и общечеловеческих ценностей, создание подлинно глобального человеческого сообщества.

Несколько забытый аспект истории международных отношений в начале XX в. затронул к.и.н. А.В. Морозов (Академия ФСБ) в докладе «Россия и Боснийский кризис 1908–1909 гг.». После поражения в войне с Японией правительство России переориентировалось на более активные действия в Европе и на Ближнем Востоке, сосредоточив свои усилия на решении вопроса о проливах Босфор и Дарданеллы и укреплении влияния России на Балканах путем создания антиавстрийского и антитурецкого блока балканских государств. Особую роль в процессе их объединения сыграли события, происходившие на Балканах в 1908–1909 гг. и вошедшие в историю международных отношений как Боснийский кризис. Он показал, что единство стран Антанты оказалось в тот период слабее, чем единство стран Тройственного союза. Более полной консолидации сил мешали те противоречия, которые существовали между Россией и Англией в районе Черноморских проливов, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. В то же время кризис привел к активизации внешнеполитической деятельности балканских государств и способствовал объединению их усилий для борьбы как против Османской империи, так и против германо-австрийского блока. Стремление балканских народов к единению было давним. Однако различия во внешнеполитической ориентации, экономическая зависимость от ведущих европейских государств затрудняли реализацию политического соглашения в рассматриваемый период. Это позволило затем осуществить идею Балканского союза, в создании которого главную роль сыграла Россия.

Ассистент Ингушского государственного университета Л.И. Гетогазова представила современное видение опыта и уроков преодоления экономического кризиса 1929–1933 гг. В центре внимания оказались мероприятия, осуществленные в рамках так называемого нового курса президента Ф. Рузвельта. Правительству США пришлось пойти на значительные уступки рабочим. Важным следствием политики «нового курса» явилось усиление влияния демократических и либеральных элементов в жизни общества. В итоге именно тогда были заложены

основы современного регулируемого капитализма и испробованы механизмы его самообновления, которые полностью заработали в 1970–1980-е гг.

К.и.н. Н.Л. Зайцева (Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева) сделала доклад «Русский Генеральный штаб в Первую мировую войну», подготовленный ею совместно с О.Г. Некрасовым.

В сообщении к.и.н. Н.В. Макаровой (Московский институт коммунального хозяйства) была раскрыта роль Крестьянского банка в осуществлении столыпинской аграрной реформы. Банк скупал помещичьи земли и перепродавал их крестьянам на льготных условиях, предусматривавших предоставление долгосрочного кредита в размере до 90% стоимости земли из 4.5% годовых. Результатом этой меры было то, что в 1914 г. более 30% пахотной земли в Европейской России оказалось в руках крестьян. Причем, если до 1906 г. основную массу покупателей земли составляли крестьянские общества, то к 1913 г. это были уже единоличные крестьяне (79.7%). Деятельность отделений банка распространялась на 66 губерний и 3 области. Всего за 1907–1915 гг. из фонда банка было продано 3 909 тыс. дес., разделенных примерно на 280 тыс. хуторских и отрубных участков. Итоги аграрной реформы показывают, что в целом удалось сделать землю объектом внедрения капиталистических отношений, причем без практической деятельности Крестьянского банка, как считает Макарова, решать эту задачу было бы намного труднее.

Д.и.н. А.А. Штырбул (Омский государственный педагогический университет) выступил с докладом «Многопартийность в политической системе "первой советской власти" в Сибири (октябрь 1917 – август 1918 гг.)». Под «первой советской властью» понимается начальный период утверждения власти большевиков в Сибири, где затем произошел полуторагодовой перерыв в ее существовании. При этом здесь была особенно заметна разница между «первой советской властью» и советской властью, принесенной в регион Красной армией в конце 1919 – начале 1920 гг. «Первая советская власть» отражала русские демократические традиции, в том числе и некоторые элементы буржуазно-демократического режима весны–осени 1917 г. (относительная мягкость по отношению к политическим противникам, широкое социальное творчество трудящихся масс, многопартийность и др.). Все партии социалистической ориентации принимали советскую власть, однако расходились в понимании ее сущности. Едины они были в неприятии ею коалиции с буржуазными партиями, отрицательном отношении к продолжению войны, признании Советов единственно возможными в той политической ситуации органами власти, в стремлении радикально решить аграрный вопрос и ликвидировать частную собственность на основные средства производства. Позитивно решался ими и вопрос о социалистической перспективе развития Сибири. Даже после падения «первой советской власти» ее опыт использовался в партизанско-повстанческих республиках Сибири периода режима Колчака, а затем отчасти во время сопротивления сибирских крестьян политике «военного коммунизма» в 1920–1921 гг.

К.и.н. Л.А. Боева (Московский городской педагогический университет) раскрыла роль органов ВЧК–ОГПУ в укреплении новой политической власти в 1921–1924 гг. Большевики очень быстро отказались от идеи народовластия и стали эволюционировать к диктаторскому режиму партийно-государственной верхушки. Борьба с противниками нового режима легла на плечи ВЧК, которая с момента своего создания (декабрь 1917 г.) стала контрольно-карательным инструментом в руках партийного аппарата. С окончанием Гражданской войны рамки правового регулирования общественных отношений в Советской России несколько раздвинулись, что предопределило реорганизацию деятельности ВЧК–ОГПУ в 1922–1924 гг. Реформирование этих органов вселяло надежды на развитие демократических основ государства, однако уже через месяц после начала реформы в марте 1922 г. принципы перестройки спецслужбы были нарушены. Спецслужба развила и укрепила систему тотального политконтроля за всеми группами населения страны. Органы ВЧК–ОГПУ значительно расширили набор гласных и негласных карательных средств и методов борьбы с нелояльными гражданами.

К.и.н. Е.А. Кровяков (МЭИ) рассказал об участии Н.И. Бухарина в выработке основ политико-просветительной и образовательной работы среди молодежи в 1920-е гг. Бухарин указывал на сложный характер отношений между властью и подрастающим поколением, на недопустимость администрирования в учительской среде, хотя, с другой стороны, учителя также должны были пойти навстречу комсомолу, отбросив «культурное высокомерие». Несмотря на растущий догматизм в методах и содержании политического просвещения, Бухарин призывал всячески разнообразить идеологическую «пищу», поскольку политграмота с трудом усваивалась молодыми людьми. Неудовлетворительность состояния политобразования объяснялась многими причинами, но главная из них заключалась в нежелании основных масс молодежи

вникать в сущность марксистских догм. С усилением централистских тенденций внутри ВКП(б) и ВЛКСМ оставалось все меньше свободы для самостоятельного критического осмысления действительности, а политучеба все чаще сводилась к прямой идеологической обработке юношества в духе решений и мнений властных группировок внутри руководящих органов партии.

К.и.н. В.В. Алексеев (ИППК) сделал доклад на тему «Проблемы межконфессионального диалога в политике Советского государства». Он отметил, что на всем протяжении существования советской власти в регулировании религиозной жизни общества прослеживаются две явно выраженные линии: 1) агрессивная, т.е. стремление к насильственному искоренению любых проявлений религии, и 2) прагматическая, т.е. более гибкий подход применительно к ситуационным обстоятельствам, чтобы использовать материальные и людские ресурсы верующих и обеспечить их относительную лояльность и сотрудничество с государством. Гонения на религию, закрытие храмов, репрессии в отношении священнослужителей и религиозных общин создавали трудности для налаживания нормального взаимодействия различных конфессий.

Самостоятельный блок составили доклады, освещавшие историю национальных окраин России. Темой доклада к.и.н. С.Н. Брежневой (Тольяттинский государственный институт сервиса) стал процесс подготовки к присоединению Туркестанского края к России и его освещение в письменных источниках. Дело в том, что в 1850-х гг. произошел ряд событий, которые коренным образом изменили отношение правящих кругов России к Средней Азии, ускорив процесс ее завоевания. Изученные письменные источники позволили сделать вывод о том, что первоначально наступление на Среднюю Азию было предпринято с целью строительства оборонительных сооружений для защиты от нападений кочевников. Однако затем возникла потребность в новых рынках сбыта и плацдарма для давления на Англию. Инструментом такого давления стала перспектива утверждения России в Индии, путь к которой пролегал через Среднюю Азию. Однако русское наступление на этот регион велось нерешительно и проходило во многом стихийно и без прямых указаний из Петербурга. Архивные документы свидетельствуют о неподготовленности русских войск к наступлению и об отсутствии у русского военного командования определенных задач и планов.

К.и.н. Ж.Б. Кундакбаева (Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби) обозначила новые подходы к изучению политики России на национальных окраинах в XVII–XIX вв., подчеркнув необходимость использования историками исследовательских методов других гуманитарных наук. Темой доклада к.и.н. И.К. Семенова (Карачаевский педуниверситет) была концепция отечественной историографии о причинах депортации карачаевского народа. Накануне войны его численность достигала 80 тыс. человек, из которых 15 600 (практически все мужское население) ушли затем на фронт 2 ноября 1943 г. Карачаевцы первыми из кавказских народов были репрессированы и депортированы в Среднюю Азию и Казахстан. Ныне существуют шесть основных точек зрения на причины депортации: 1. Обвинение в поголовном сотрудничестве карачаевцев с фашистами; 2. Попытка М.А. Суслова переложить на карачаевцев вину за провал партизанского движения в Ставропольском крае; 3. Расширение этнической территории Грузии; 4. Создание более надежной пограничной зоны на случай войны с Турцией; 5. Потребность в дешевой рабочей силе на «стройках коммунизма»; 6. Желание покарать карачаевцев за якобы изначальное неприятие ими советской власти. Как показано в докладе, не все эти версии убедительно аргументированы и научно обоснованы, хотя все они имеют право на существование.

Значительное внимание было уделено основным тенденциям развития отечественной исторической науки. К.и.н. А.В. Бармина из Московского авиационного института (Технический университет) подготовила совместно со своим коллегой Л.А. Шлыковой доклад на тему «Исторические источники и основные тенденции в их публикации». Реформирование архивного дела на рубеже XX–XXI вв. существенным образом повлияло на публикацию исторических источников, особенно по истории России XX в. Вышли в свет документальные публикации, работа над которыми началась еще в доперестроечное время и зачастую по конъюнктурным соображениям была прервана. Началась публикация принципиально нового, закрытого ранее для исследователей корпуса источников. В типологии документальных изданий всех уровней традиционно преобладают тематические и повидовые публикации. В развитии форм документальных изданий обозначилось новое явление (публикации в виде микрофильмов, микрофиш и в электронной форме). Задача профессиональных историков в настоящее время состоит в том, чтобы сохранить историческую и археографическую культуру, которая всегда была отличительной чертой русской исторической науки, признанной во всем мире. Л.Э. Ларионов (МГУ сервиса) сделал сообщение «Становление церковной историографии в России». Он от-

метил, что в конце XVIII – первой половине XIX в. в условиях интенсивной секуляризации общественного сознания православному мировоззрению приходилось утверждать себя в конкурентной борьбе с иными духовными течениями, находившимися под влиянием западноевропейского Просвещения. Поэтому Православная церковь должна была отстаивать свои позиции путем развития церковно-исторического образования и сугубо церковной историографии. Краеугольным камнем последней стали двухтомная «Краткая церковная российская история» митрополита Платона (Левшина) и «Свободная история христианской Церкви...» тверского архиепископа Мефодия (Смирнова). В дальнейшем большой вклад в становление церковной историографии внесли труды митрополита Евгения (Болховитинова).

Значительную группу составили доклады, в которых речь шла об историках и деятелях русской культуры, а также отечественного образования. Д.и.н. В.А. З м е е в (ИППК) рассказал о роли Московского университета в становлении личности такого видного историка, переводчика, архивиста и библиографа, как Н.Н. Бантыш-Каменский. После окончания в 1762 г. полного университетского курса Бантыш-Каменский поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел, где занимался разборкой и описанием древних государственных актов. В 1766 г. молодой ученый составил для императрицы Екатерины II шесть рукописных трактатов по различным историко-дипломатическим вопросам. В 1767 г. Бантыш-Каменский описал и привел в порядок старинные грамоты новгородских и великих князей, а в 1769 г. занимался разбором дел Киево-Печерской лавры с приписанными к ней монастырями. В 1769–1770 гг. ученый составил обширную «Историческую выписку из всех дел, происходивших между Российскою и Турецкою империями с 1512 по 1700 год», подготовил аналитический документ «О братских в Сибири калмыках» и написал другие научные работы. За несколько дней до вступления французских войск в Москву ученый вывез ценнейшие архивные материалы сначала во Владимир, а затем в Нижний Новгород. Знания, полученные в университете, позволили в дальнейшем Бантыш-Каменскому руководить Московским архивом Коллегии иностранных дел и осуществлять научные изыскания в области археографии.

Д.и.н. О.И. М и т я е в а (ИППК) выступила с докладом «А.С. Пушкин как историк». Доцент Л.И. К о р о л е в а (Академия труда и социальных отношений) избрала темой своего доклада проблему «Символизм и творческие поиски российской художественной интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.». Г.А. Б е л о у с о в а представила доклад на тему «В.И. Невский: государственная и научная деятельность (1920–1924 гг.)». Ею была раскрыта активная и плодотворная работа В.И. Невского по созданию структур Истпарта, собиранию и изучению документов, освещающих историю революционного движения в России и Октябрьской революции.

В ряде сообщений были затронуты проблемы современной российской действительности. О.В. Л о б з а избрала темой своего сообщения практику применения избирательных технологий в Саратовской обл. в 1991–2000 гг. Н.К. О х а п к и н а (РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина) представила доклад на тему «Трудовая мотивация промышленных кадров в современных условиях». Ею было указано на качественное изменение современной технологической инфраструктуры, обусловленное тем, что главным производителем ресурсов сегодня становятся знание и информация. Структурные перестройки в национальной экономике в конце XX в., к сожалению, привели к тому, что работа в общественном производстве во многом утратила свой престиж, перестала быть значимой социальной ценностью. Отсюда вытекает задача формирования нового типа инициативного и предприимчивого работника, берущего на себя ответственность за судьбу общего дела, знающего свои права и рассчитывающего на собственные силы.

В.В. Алексеев, З.С. Бочарова, кандидаты исторических наук
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ИСТОРИКИ САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кафедра российской истории (первоначально – истории СССР) была создана в Куйбышевском (ныне Самарском) государственном университете в 1969 г., когда он был основан. Ее первым руководителем был доктор исторических наук, профессор Е.И. Медведев. В 1976 г. кафедра была преобразована в кафедру дореволюционной отечественной истории и кафедру истории советского общества. В 1993 г. оформилась в кафедру российской истории. С 1983 г. ее

возглавляет заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, ныне первый проректор СамГУ, вице-директор Института истории и археологии Поволжья П.С. Кабытов.

На кафедре работают 4 доктора и 5 кандидатов наук, существуют докторантура и аспирантура (около 30 человек).

О росте научного потенциала кафедры российской истории за последнее десятилетие можно судить по следующим фактам. Если в 1980-е гг. на кафедре была защищена только одна диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук (диссертация П.С. Кабытова на тему «Аграрные отношения в Поволжье периода империализма»), то в 1990-е гг. докторами исторических наук стали 7 сотрудников: П.И. Савельев («Пути аграрного капитализма в России. XIX век. По материалам Поволжья»), М.И. Леонов («Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг.»), Н.Н. Кабытова («Власть и общественные организации Поволжья в 1917 г.»), Ю.Н. Смирнов («Народ и власть в освоении Российского Заволжья. XVIII – середина XIX в.»), Э.Л. Дубман («Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI–XVII в.»), Н.Ф. Тагирова («Рынок Поволжья. Вторая половина XIX – начало XX в.»), Л.М. Артамонова («Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в.»).

Научно-исследовательская работа на кафедре ведется в нескольких направлениях. Традиционной является разработка тематики, связанной с региональной историей и археологией. Новые подходы к регионоведению наметились с конца 1970-х гг., когда преподаватели, аспиранты и студенты кафедры в своих научных работах обратились к истории земств поволжских губерний, органов городского самоуправления, городской и губернской администрации XIX – начала XX в. С использованием традиционных и математических методов исследования работники кафедры занимаются изучением социально-экономического строя помещичьих и крестьянских хозяйств, а также направлений и путей становления аграрного капитализма. На кафедре ведется научная разработка различных аспектов хозяйственного освоения Поволжья. Результаты этой работы отражены в 8-томном издании «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», включающем 3-томную «Археологию Самарского Поволжья» и «Хрестоматию по истории Самарского Поволжья». Издание подготовлено совместно с Самарским государственным педагогическим университетом и Отделом истории и археологии Поволжья при СНЦ РАН и вышло в свет в Москве в издательстве «Наука» в 2000–2001 гг.

С начала 1990-х гг. проблематика научных исследований на кафедре заметно расширилась. Предметом изучения стали вопросы социально-экономической истории, общественно-политической мысли дореволюционной России, истории политических партий и движений XX в., взаимоотношений власти и общества в российской истории, историографии и методологии исторической науки. В практику научной жизни кафедры вошли клиометрические исследования с использованием компьютерных технологий.

Плодотворно развивается сотрудничество кафедры с американскими историками. В частности, совместно с учеными университета штата Мэриленд было осуществлено издание 3-томной антологии «Американская русистика: вехи историографии последних лет» (Самара, 2000–2001). Этот опыт получил высокую оценку посла США Дж.Ф. Коллинза во время его визита в Самарский государственный университет в июне 2001 г. В числе научных инициатив кафедры – организация российско-американского симпозиума по проблемам преподавания российской истории, проведение ежегодных всероссийских Платоновских «Чтений», посвященных памяти выдающегося российского историка С.Ф. Платонова. «Чтения», являющиеся межвузовским форумом научной молодежи России, проводятся в рамках федеральной целевой программы «Интеграция науки и высшего образования» при активном содействии ученых Санкт-Петербургского института истории РАН. По итогам «Чтений» издается сборник статей. Под эгидой кафедры ежегодно проводятся Алабинские чтения для студентов и школьников Самарской обл. Сотрудники кафедры принимают также деятельное участие в организации краеведческой конференции «Самарский край в контексте российской истории», которая проводится в рамках международной культурологической акции «Самарская ассамблея» (2001, 2002 гг.) совместно с департаментом культуры Администрации Самарской обл. Кафедра имеет устойчивые связи с ведущими научными центрами Москвы, Санкт-Петербурга, университетами республик и областей Поволжья.

Н.Н. Кабытова, доктор исторических наук,
Ю.С. Васильева, кандидат исторических наук
(Самарский государственный университет)

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, УТВЕРЖДЕННЫЕ ПРЕЗИДИУМОМ ВАК МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МАЕ–ОКТЯБРЕ 2003 г. (специальность 07.00.02 – отечественная история и 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования).

1. *Петровичева Елена Михайловна.* «Земское самоуправление Центральной России в 1906–1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете. Соискательница работает во Владимирском государственном педагогическом университете.

2. *Ибрагимов Муса Муслиевич.* «Формирование и реализация государственной миграционной политики России в 1990-е гг.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете. Соискатель работает в Грозненском государственном нефтяном институте им. М.Д. Миллионщикова.

3. *Королев Владимир Николаевич.* «Босфорская война». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Ростовском государственном университете, где работает соискатель.

4. *Салтык Галина Александровна.* «Неонароднические движение в губерниях Черноземного центра России: 1901–1923 гг.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете, соискательница работает в Курском государственном университете.

5. *Зикриёева Малика Файзиевна.* «Историография проблемы женщин Таджикистана». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Таджикском государственном педагогическом университете им. К. Джураева, где работает соискательница – гражданка Республики Таджикистан. Защищена в Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан.

6. *Розикзода Абдулхакими Шерали.* «История формирования и деятельности милиции Таджикистана». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Академии МВД Республики Таджикистан, где работает соискатель – гражданин Республики Таджикистан. Защищена в Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан.

7. *Гончаров Юрий Михайлович.* «Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Алтайском государственном университете, где работает соискатель. Защищена в Томском государственном университете.

8. *Пляскин Владислав Петрович.* «Государственная национальная политика России на Кавказе (1864–1917 гг.): военно-исторический аспект». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Военном университете Министерства обороны РФ, где работает соискатель.

9. *Каримов Осим Косимович.* «История исторической науки Таджикистана». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена и защищена в Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан. Соискатель – гражданин Республики Таджикистан работает в аппарате Хукумата Согдийской обл.

10. *Белоусов Игорь Викторович.* «Власть и казачество: эволюция взаимоотношений и политического курса в XX в.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете, где работает соискатель.

11. *Крюков Николай Петрович.* «Исторический опыт социальной поддержки населения России и его использование в 90-е годы XX века (На материалах Нижнего Поволжья)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Саратовском государственном социально-экономическом университете. Соискатель работает в Поволжском межрегиональном учебном центре.

12. *Беляев Сергей Геннадьевич.* «П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Санкт-Петербургском институте истории РАН, где работает соискатель.

13. *Якунин Вадим Николаевич.* «Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Самарском государственном университете, соискатель работает в Самарском филиале Института современного бизнеса.

14. *Вилинбахов Георгий Вадимович.* «Государственная геральдика в России: теория и практика». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Государственном Эрмитаже, где работает соискатель. Защищена в Санкт-Петербургском институте истории РАН.

15. *Кругликов Александр Леонидович.* «Текстильная промышленность России: организованный капитал и профессиональные организации рабочего класса (конец XIX – начало XX вв.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном социальном университете Министерства труда и социального развития. Соискатель депутат Государственной Думы Российской Федерации с 1995 г.

16. *Соловьев Константин Анатольевич.* «Проблема власти в Древней и Средневековой Руси (XI – 1 пол. XV в.): отечественная историография». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, где работает соискатель.

17. *Третьяков Валерий Григорьевич.* «История сотрудничества России и Монголии в сфере железнодорожного транспорта (1890-е – 1990-е гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Иркутском государственном университете путей сообщения, где работает соискатель. Защищена в Иркутском государственном университете.

Составлено по Протоколам Президиума ВАК
Министерства образования РФ

НОВЫЕ КНИГИ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
(по материалам «Книжного обозрения» за июль–сентябрь 2003 г.)

Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 304 с.

Абрамов В.К. Мордвины вчера и сегодня: Крат. очерки истории мордов. государственности и нац. движения. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. 240 с.

Аксенова А. Суздаль. XX век: Страницы истории. Владимир: Аркаим, 2003. 287 с.

Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М.: Молодая гвардия, 2003. 573 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. М.: Молодая гвардия, 2003. 463 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

Анисимов Е.В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 364 с.

Аннотированная опись дел саратовской конторы иностранных поселенцев: Т. 2/Под ред. И.Р. Плеве. М.: Готика, 2002. 480 с.

Антонов-Овсеенко А. Напрасный подвиг? М.: АСТ, 2003. 477 с.

Арсентьев Н.М., Дубодел А.М. Во славу России...: Трудовая мотивация и образ отеч. предпринимателя конца XVIII – первой половины XIX века. М.: Наука, 2002. 288 с.

Арш Г.Л. Иоанн Каподистрия в России. 1809–1822. СПб.: Алетейя, 2003. 349 с. (Новогреч. исследования).

Асов А. Атлантида и Древняя Русь. М.: АиФ-Принт, 2003. 320 с. (Кто мы?).

Байрамова Ф. Михаил Худяков и история татарского народа. Казань: Аяз, 2003. 120 с.

Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938–2002: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2003. 540 с.

Башкирцева М. Дневник. Изд. 3, доп. М.: Захаров, 2003. 688 с. (Биографии и мемуары).

Белоруссия и Украина: История и культура: Ежегодник. 2003/Гл. ред. Б.Н. Флоря. М.: Наука, 2003. 414 с.

Бердинских В. Уездные историки: Рус. провинц. историография. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 528 с. (Historia Rossica).

Бикбулатов Р. Казань: Знаменитые люди: **Кн. 1.** Казань: Заман, 2003. 272 с.

Благотворители и меценаты прошлого и настоящего: Словарь-справочник от А до Я/Авт.-сост. М.Л. Макальская, Н.Н. Бобровская. М.: Дело и Сервис, 2003. 256 с. (Б-ка журн. «Некоммерч. организации России»).

Ближневосточный конфликт: Из документов Архива внешней политики Российской Федерации: 1947–1967: В 2 т./Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: МФД, Материк; Изд-во Йельского ун-та (США), 2003. (Россия. XX век. Документы). **Т. 1:** 1947–1956. 608 с. **Т. 2:** 1957–1967. 704 с.

Брачев В. Масоны и власть в России. М.: Алгоритм, Эксмо, 2003. 640 с. (История России. Соврем. взгляд).

Бубенников А.Н. История земли Можайской Руси святой. 512 г. до н.э. – 1812 г.: Кн. рус. истории. М.: Парад, 2003. 464 с.

Бурим Л.Д. Колпино. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 201 с. (Города Петра Великого).

Бурлак В. Москва таинственная: Легенды вечного города. М.: АиФ-Принт, 2003. 480 с. (Русь многоликая).

Бурлак В. Таинственный Петербург: Легенды сев. столицы. М.: АиФ-Принт, 2003. 397 с. (Русь многоликая).

Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущев. Изд. 2. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 352 с. (Законы власти).

Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо-Западный Кавказ в 90-е годы XVIII – 90-е годы XIX века. Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 2002. 208 с.

Бухарин В.И. Дни и годы: Памятные записки. М.: АИРО-XX, 2003. 216 с.

Быт пушкинского Петербурга: Опыт энцикл. словаря: А – К/Редкол. А.А. Конечный и др. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. 304 с.

Ватейшвили Д.Л. Грузия и европейские страны: Очерки истории взаимоотношений. XIII–XIX века: В 3 т. М.: Наука, 2003. **Т. 1. Кн. 1:** Грузия и Западная Европа XIII–XVII века. 527 с. **Кн. 2:** То же. 581 с.

Великие россияне: Биогр. б-ка Ф. Павленкова: Писатели, художники, ученые, полководцы, государственные, церковные и общественные деятели/Ред. Е.Р. Штейнберг. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 639 с. (Жизнь замечательных людей).

Верховный правитель России: Документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака/Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ России; Ред. Г.А. Трукан. М., 2003. 702 с.

Возникший волею Петра: История С.-Петербурга с древних времен до сер. XVIII в./Авт.-сост. П.А. Кошель. М.: Рубежи XXI, 2003. 630 с. (История городов мира).

Вострышев М. Московские обыватели. Изд. 2, доп. М.: Молодая гвардия, 2003. 369 с. (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.).

Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков/Вступ. ст., коммент., подгот. текста А. Зейде. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 512 с. (Россия в мемуарах).

Выскочков Л. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. 694 с. (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр.).

Галенович Ю.М. Россия – Китай: Шесть договоров. М.: Муравей, 2003. 408 с.

Генис В. Вице-консул Введенский: Служба в Персии и Бухарском ханстве. 1906–1920: Рос. дипломатия в судьбах. М.: Соц.-полит. мысль, 2003. 416 с.

Грей М. Мой отец генерал Деникин/Пер.; Сост., авт. предисл., подбор ил. Ю.В. Мухачев; Под общ. ред. А.Я. Дегтярева. М.: Парад, 2003. 376 с.

Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX – начале XX века: Вторые Крушановские чтения, 2001 г./Отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток: Дальнаука, 2003. 199 с.

Демин В.Н. Гиперборея: Ист. корни рус. народа. М.: ФАИР-ПРЕСС, Гранд, 2003. 624 с.

Демин В.Н., Назаров В.Н., Аристов В.Ф. Загадки русского Междуречья. М.: Вече, 2003. 448 с. (Тайны земли русской).

Димитриев В.Д. Чебоксары: Очерки истории города конца XIII–XVII в. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. 178 с.

Дмитриевский С. Сталин. Предтеча национальной революции. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 384 с. (Сталиниана).

Документы по истории и культуре евреев в архивах Беларуси: Путеводитель/Науч. ред.-сост. М.С. Куповецкий, Э.М. Савицкий, М. Веб. М.: РГГУ, 2003. 607 с.

Ежов В.В. Самые знаменитые заговоры и перевороты России. М.: Вече, 2003. 416 с. (Самые знаменитые).

Екатеринбург: Главы гор. самоуправления: Ист. очерки/Гл. ред. Е.С. Тулисов. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 264 с.

Забвению не подлежит: Книга памяти жертв полит. репрессий Омской обл.: **Т. 7:** Р – С/Гл. ред. А.И. Казанник. Омск: Кн. изд-во, 2003. 424 с.

Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М.: ИНСАН, 2003. 496 с.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне: Биогр. энциклопед. словарь. М.: Астрель, АСТ, 2003. 894 с.

Звездный Петербург: Начало XIX в.: Город и люди/Авт.-сост. Р.П. Костылев, Г.Ф. Пересторина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 303 с.

Зенькович Н. Россия. Избавление от талантов. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 511 с. (Досье).

Иловайский Д. Новая династия. М.: АСТ, Астрель, 2003. 749 с. (Ист. б-ка).

Иловайский Д. Царская Русь. М.: АСТ, Астрель, 2003. 738 с. (Ист. б-ка).

Ингерайнен Д.В. Отечественная история: Учебное пособие. М.: РИОР, 2003. 208 с. (Шпаргалка).

История и культура ленинградской земли с древнейших времен до наших дней/Под общ. ред. С.А. Лисицына. СПб.: Спец. Лит., 2003. 367 с.

История России. IX–XX вв.: Учебник/Под ред. А.Ю. Дворниченко, В.С. Измозика. Изд. 2, испр., доп. М.: Гардарики, 2003. 530 с.

История России. IX–XX вв.: Учебное пособие/Под ред. Н.П. Ионичева. М.: ИНФРА-М, 2003. 368 с.

Каганович Л. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: ВАГРИУС, 2003. 671 с.

Казанский А.М. Сородичи воеводы древнего города Кашина: История и родословие Носовых-Казанских. XVI–XX вв. М.: Логос, 2003. 296 с.

Калашников М. Охотники на черных птиц. М.: АСТ, Астрель, 2003. 397 с. (Великие противостояния: Америка против России: Битва за небеса).

Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. М.: Мир книги, 2003. **Т. 1.** 400 с. **Т. 2.** 432 с. **Т. 3.** 400 с. **Т. 4.** 432 с.

Кара-Мурза С. Столыпин – отец Русской революции. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 288 с. (Новейшая история).

Картер П.М. Шеф-идеолог: М.А. Суслов и «наука» о коммунизме в СССР/Пер. с англ. М.: ТЕИС, 2003. 199 с.

Киселев А.В. Сталинский фаворит с Лубянки. СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 192 с. (Люди особого назначения).

Ключевский В. История России: Спец. курсы. М.: АСТ, Астрель, 2003. 479 с. (Ист. б-ка).

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: АСТ, Астрель, 2003. 395 с. (Ист. б-ка).

Ключевский В.О. О государственности России. М.: Мысль, 2003. 606 с.

Книга Памяти: Т. 34: Самарская область РФ/Сост. В. Мясников. Самара: Дом Печати, 2003. 384 с.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Изд. 2, доп. М.: Наука, 2003. 486 с.

Коровицына Н. С Россией и без нее: Восточноевроп. путь развития. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 288 с. (Новейшая история).

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2003. 1024 с.

Котляр Н.Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб.: Алетейя, 2003. 300 с. (Славян. б-ка).

Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917–1918: Документы и материалы/Сост. В. Данилов и др.; Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с. (Крестьянская революция в России: 1902–1922: Документы и материалы).

Крылов-Толстикович А. Быть русской императрицей. М.: Гала Пресс, 2003. 432 с.

Кузнецов И.Н. Отечественная история: Учебник. М.: Дашков и Ко, 2004. 800 с.

Ларина-Бухарина А. Незабываемое. М.: ВАГРИУС, 2003. 447 с.

Леонов Н.С. Крестный путь России. М.: Рус. Дом, 2003. 376 с.

Лившин А., Орлов И. Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с. (Соц. история России XX века).

Лопатников В. Пьедестал: Время и служение канцлера Горчакова. М.: Молодая гвардия, 2003. 343 с. (Жизнь замечательных людей; Сер. биогр.).

Лубянка: Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Янв. 1922 – дек. 1936/Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. 912 с. (Россия. XX в. Документы).

Любош С. Последние Романовы. СПб.: Полигон, 2003. 271 с. (Ист. б-ка).

Ляшевский С. Русь доисторическая: Ист.-археолог. исследование. М.: ФАИР-ПРЕСС, Гранд, 2003. 240 с.

Ляшенко Л. Александр II, или История трех одиночеств. Изд. 2, доп. М.: Молодая гвардия, 2003. 359 с. (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.).

Малиновский П.А. Советская цивилизация: Непреходящие ценности и причины ее разрушения: Будущее России. М.: Грааль, 2003. 108 с.

Мальсагов Ах.У. Ингуши: История и века родословий. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 421 с.

Маннергейм К.Г. Мемуары/Пер. с фин. М.: ВАГРИУС, 2003. 575 с.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту: Заговоры перед революцией 1917 г. М.: Бородино-Е, 2003. 254 с. (Избр. соч. С.П. Мельгунова).

Мемуары Великой княгини Ольги Александровны/Зап. Я. Ворреса. М.: Захаров, 2003. 272 с. (Биографии и мемуары).

Мещерский В.П. Воспоминания. Изд. 2. М.: Захаров, 2003. 864 с. (Биографии и мемуары).

Мизун Ю. и Ю. Русь ведическая. М.: АиФ-Принт, 2003. 528 с. (Россия в прошлом, настоящем, будущем. Русь многоликая).

Мордовское национальное движение в XX веке: Материалы республ. науч. конф. 14 марта 2002 г., посвящ. 10-летию I съезда мордов. народа, г. Саранск/Отв. ред. В.К. Абрамов. Саранск: Кр. Окт., 2003. 180 с.

Мультатули П.В. Строго посещает Господь нас гневом своим...: Император Николай II и революция 1905–1907 гг. СПб.: Держава, Сатисъ, 2003. 383 с. (Правосл. самодержцы России).

Мурашев Г. Титулы, чины, награды. СПб.: Полигон, 2003. 347 с. (Ист. б-ка).

Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербург. Востоковедение, 2002. 272 с. (Ин-т истории материальной культуры. Тр.: **Т. 5**).

На пути к регулярной армии России: Армия и флот в эпоху дворцовых переворотов/Ю.А. Алексеев и др. СПб.: Искусство России, 2003. 256 с.

Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608: Сб. документов/Сост. Р.В. Овчинников и др. М.: Наука, 2003. 491 с.

Нации и регионы в истории и культуре России: Материалы VI–VII Сафаргалиевских науч. чтений/Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 352 с.

Не предать забвению: Книга памяти жертв полит. репрессий: **Т. 14:** Псковская область РФ/Псков. обл. Собр. депутатов; Гл. ред. Н.П. Корнеев. Псков, 2003. 440 с.

Невалайнен П. Изгои: Рос. беженцы в Финляндии. 1917–1939/Сокр. авториз. пер. с фин. СПб.: Журн. «Нева», 2003. 368 с.

Немцы в России: Три века науч. сотрудничества/Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 604 с.

Нечволодов А. Сказания о Русской земле: В 2 кн. М.: Изд-во В. Шевчук, 2003. **Кн. 1: Ч. 1–2**. 848 с. **Кн. 2: Ч. 3–4.** 1021 с.

Нольте Э. Европейская гражданская война. 1917–1945. Национал-социализм и большевизм. М.: ЛОГОΣ, 2003. 528 с.

Носов К. Русские крепости и осадная техника. VIII–XVII вв. М.: Полигон, 2003. 176 с. (Воен.-ист. б-ка).

Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Рим: Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии?: В 5 кн.: **Кн. 5:** Русско-ордынская империя и Библия. М.: Олимп, АСТ, 2003. 393 с.

Ольденбург С. Царствование императора Николая II. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 608 с. (Полит. биографии: История в лицах и фактах).

Ольденбург С. Царствование Николая II. М.: АСТ, Астрель, 2003. 764 с. (Ист. б-ка).

Окороков А.В. Русская эмиграция: Полит., воен.-полит. и воинские организации. 1920–1990 гг. М.: Авуар Консалтинг, 2003. 336 с.

Орлов А. Сталин: в преддверии войны. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 416 с. (Сталиниана).

Осбринк Б. Империя Нобелей: История о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России/Пер. со швед. М.: Текст, 2003. 287 с.

Осипов В. Свидетельства очевидца: Книга воспоминаний о замечательных современниках и о событиях – радостных и горестных – в жизни издателя и писателя. М.: Раритет, 2003. 640 с.

Павленко Н.И. Екатерина Великая. Изд. 3. М.: Молодая гвардия, 2003. 495 с. (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.).

Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. СПб.: Сатисъ, Держава, 2003. 160 с.

Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний/Редкол.: Т.А. Абросимова и др. СПб.: Бельведер, 2003. 686 с.

Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология/Редкол. Д.К. Бурлака и др. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2003. 1024 с. (Рус. путь).

Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. 1827–1914. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 556 с. (Historia Rossica).

Петухов Ю.Д. Норманны: Русы Севера. М.: Метагалактика, 2003. 320 с. (История).

Петухов Ю.Д. Русы Древнего Востока. М.: Вече, 2003. 432 с. (Тайны земли русской).

Письма и бумаги императора Петра Великого: Т. 13. Вып. 2: 14 июня – дек. 1713 г./Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Древлехранилище, 2003. 678 с.

Покаяние: Материалы правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Рос. Императора Николая II и членов его семьи: Избр. документы/Сост. В. Аксючиц. М.: Выбор, БОСТ-К, 2003. 320 с.

Полянский А.И. Ежов. История «железного» наркома. М.: Вече, 2003. 416 с. (Досье без ретуши).

Поморский летописец: Альманах: **Вып.1**/Сост. В.А. Волынская. Архангельск: Помор. гос. унт-т, 2002. 244 с.

Попов В.Г., Хаиров А.Р. Ярославцы – кавалеры ордена Александра Невского. Рыбинск: Рыбинск. подворье, 2003. 352 с.

«По решению правительства Союза ССР...»/Сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 927 с.

Прудникова Е. Сталин. Второе убийство. СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 448 с. (Тайны великих).

Пушкарев С.Г. Обзор русской истории: Учебное пособие для вузов. Изд. 5, стереотип. СПб.; М.: Лань, 2003. 432 с. (Мир культуры, истории, философии).

Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде: Большевики приходят к власти/Пер. с англ. Изд. 2, испр., доп. М.: Весь Мир, 2003. 448 с. (Тема).

Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: **Т. 2:** Февр. 1956 – нач. 80-х гг./Сост. А. Артизов и др. М.: МФД, Материк, 2003. 960 с. (Россия. XX век. Документы).

Резник С. Вместе или врозь? Заметки на полях книги А.И. Солженицына. М.: Захаров, 2003. 432 с.

Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М.: Международные отношения, 2003. 432 с.

Русский Берлин/Сост. В.В. Сорокина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 368 с.

Рыбас С. Столыпин. М.: Молодая гвардия, 2003. 421 с. (Жизнь замечательных людей: Сер. биографий).

Рыбинские эвакогоспитали в документах истории Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг./Науч. ред. Ю.И. Чубукова. Рыбинск: Дом печати, 2003. 128 с.

Сафронов В.П. СССР – США – Япония в годы «холодной войны». 1945–1960. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 422 с.

Семанов С. Александр II: История Царя-Освободителя, его отца и его сына. М.: Алгоритм, Эксмо, 2003. 416 с. (Полит. биогр. История в лицах и фактах).

Семанов С.Н. Андропов. Семь тайн генсека. М.: Вече, 2003. 416 с. (Досье без ретуши).

Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Екатеринбургская гранильная фабрика. 1861–1917. Екатеринбург: ИГЕММО «Lithica», 2003. 496 с. (Старый Екатеринбург. **Кн. 4**).

Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в ист. процессе. М.: Наука, 2003. 286.

Синдаловский Н.А. Петербург: От дома к дому... от легенды к легенде...: Путеводитель. СПб.: Норинт, 2003. 400 с.

Синдаловский Н.А. Хроника Санкт-Петербурга: годы, события, легенды. СПб.: Норинт, 2003. 320 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг.: **Т. 5:** 1927 г./Сост. Ю.Л. Дьяков и др. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2003. 798 с.

Соловьев С. История падения Польши. Восточный вопрос. М.: АСТ, Астрель, 2003. 364 с. (Ист. б-ка).

Соловьев С. Труды по истории России. М.: АСТ, Астрель, 2003. 349 с. (Ист. б-ка).

Соловьев С. Учебная книга русской истории. М.: АСТ, Астрель, 2003. 477 с. (Ист. б-ка).

СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: В 3 т. **Т. 3:** СССР и германский вопрос, 6 окт. 1946 г. – 15 июня 1948 г./Ист.-докум. департамент МИД России; Центр изуч. новейшей истории в Потсдаме; Сост. Г.П. Кынин. Й. Лауфер. М.: Международные отношения, 2003. 856 с.

Страницы росссийской истории: проблемы, события, люди: Сб. ст. в честь Б.В. Ананьича/Отв. ред. В.М. Панеях. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 322 с.

Сурмина И.О. Самые знаменитые герои России. М.: Вече, 2003. 432 с. (Самые знаменитые).

Сухарев Ю.Н. Материалы по истории русского научного зарубежья: В 2 кн.: **Кн. 2.** М.: ТРИТЭ, Рос. архив, 2002. 560 с.

Табов Й. Когда крестилась Киевская Русь? СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 416 с. (Досье новой хронологии).

Татищев В. История российская: В 3 т. М.: АСТ, 2003. (Классич. мысль). **Т. 1.** 568 с. **Т. 2.** 732 с. **Т. 3.** 860 с.

Тобольский биографический словарь/Авт.-сост. В.Ю. Софронов, Ю.П. Прибыльский. Тобольск: ТГПИ, 2003. 208 с.

Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб.: Алетейя, 2003. 224 с. (Славян. б-ка).

Толочко П.П. Русские летописи и летописцы. X–XIII вв. СПб.: Алетейя, 2003. 296 с. (Славян. б-ка).

Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. **Т. 1:** Осьмнадцатое столетие: В 2 кн./Отв. ред. П.Е. Бухаркин. Изд. 2, испр. СПб.: Филолог. фак. СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2003. **Т. 1. Кн. 1:** А – М: 672 с. **Кн. 2:** Н – Я: 640 с.

Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т.: **Т. 2. Кн. 1:** Девятнадцатый век: А – В/Редкол. А.В. Берташ и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 680 с.

Труайя А. Александр II/Пер. с фр. М.: Эксмо, 2003. 288 с. (Рус. биогр.).

Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы/Сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. М.: РОССПЭН, 2003. 624 с. (Полит. партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Докум. наследие).

Угрюмов А. Кокщеньга: Ист.-этногр. очерки. Вологда: Полиграфист, 2003. 192 с.

Уткин А. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 608 с. (История России: Соврем. взгляд).

Филатов Н. Три века Макарьевско-Нижегородской ярмарки. Н. Новгород: Книги, 2003. 512 с. (Нижегород. были).

Филимон А.Н. Яков Брюс. М.: Чистые Воды, 2003. 464 с. (300 лет Санкт-Петербургу).

Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России: Вторая пол. XIX – нач. XX в. Иваново: Иваново, 2003. 256 с.

Хисамутдинов А.А. После продажи Аляски: Русские на Тихоокеанском побережье Сев. Америки. 1867–1980-е гг.: Материалы к энциклопедии. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. 264 с.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 360 с.

Холодная война. 1945–1963: Ист. ретроспектива: Сб. ст./Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 640 с. (Архив).

Хоскинг Д. Россия и русские: В 2 кн./Пер. с англ. М.: АСТ, Транзиткнига, 2003. (Ист. б-ка). **Кн. 1.** 494 с. **Кн. 2.** 492 с.

Чавчанидзе Н.П., Вашакидзе К.В. Грузины в России: Биогр. очерки: В 3 кн.: **Кн. 3.** Саранск: Кр. Окт., 2003. 368 с.

Человек и общество: социально-экономические аспекты развития в интерпретациях историков: Сб. науч. ст. по ист. демографии, экон. и соц. истории, посвящ. памяти проф. А.В. Клеянкина/Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. 308 с.

Чиков В. Русские нелегалы в США. М.: Эксмо, Алгоритм-Книга, 2003. 448 с. (Для служеб. пользования).

Чистов К.В. Русская народная утопия: генезис и функции социально-утопических легенд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 539 с.

Шамбаров В. За веру, царя и Отечество! М.: Алгоритм, 2003. 656 с. (История России. Соврем. взгляд).

Шафаревич И. Русский вопрос. М.: Алгоритм, 2003. 544 с. (Менталитет).

Шахматов А.А. История русского летописания: **Т. 1:** Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды: **Кн. 2:** Раннее русское летописание. XI–XIII вв. СПб.: Наука, 2003. 1022 с. (Рус. б-ка).

Шереметев П.С. Карамзин в Остафьеве. 1811–1911: Репринт. воспроизведение изд. 1911 г./Пер. с англ., фр.; Предисл. Л.М. Карнишина. М.: Новый Ключ, 2003. 168 с.

Шерих Д. Петербург: 300 лет день за днем. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2003. 412 с.
Шерих Д. По Невскому без скуки. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2003. 255 с.
Шипка и Плевна – слава русского оружия: Из истории Балкан. войны. 1877–1878 гг./Сост. Ю.Н. Сенчуров, В.А. Серганова. М.: Современник, 2003. 287 с. (Мир познания).
Шмелев А. Люди долга и чести. **Кн. 3.** М.: Рус. история, 2003. 480 с.
Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археолог. изучения южнорус. края: **Вып. 3:** Советское краеведение в провинции: взлет и разгром. 1920-е – 1950-е гг. Курск: КГМУ, 2002. 200 с.
Элтентон Д. Как весело жилось в Ленинграде: История жизни англ. семьи в России в 1933–1938 гг./Пер. с англ. СПб.: Балтийские сезоны, 2003. 208 с.
Этнокультурная мозаика Оренбуржья/Гл. ред. В.В. Амелин. Изд. 2, доп. Оренбург: Юж. Урал, 2003. 228 с.
Якеменко Б.Г. Быт и традиции Москвы XII–XIX веков: В 2 ч. М.: Центр гуманитар. образования, 2003. **Ч. 1.** 271 с. **Ч. 2.** 351 с.
Яковлев Н. 3 сентября 1945. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 416 с. (Новейшая история).
Яковлев Н. ЦРУ против СССР. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 512 с. (История России. Соврем. взгляд).
Ямилинец Б.Ф. Россия и Палестина: Очерки полит. и культурно-религиозных отношений. XIX – нач. XX в. М.: Ин-т Востоковедения РАН; СПб.: Летний сад, 2003. 256 с.

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge etc., 1999. XVI, 329 p.
Braun P.J. Der Molotschnaer Mennoniten-Schulrat, 1869–1919: Zum Gedenktag seines 50-jahrigen Bestehens. Göttingen, 2001. 150 S.
Caspart W. Gorbatschow als Partner des Westens: Geschichte-Sozialphilosophie, politische Psychologie. Frankfurt am Main, 2001. 146 S.
Contemporary Russian Politics: A Reader/Ed. by A. Brown. Oxford; New York, 2001. XVI, 574 p.
EU Enlargement and beyond: The Baltic States and Russia/Hrsg. von H. Hubel. Berlin, 2002. XVIII, 469 p.
Ferrand J. Noblesse Russe: Portraits d'exil. Paris, 2001. 446 p.
Filtzer D. Soviet Workers and de-Stalinization: The Consolidation of the modern System of Soviet production Relations, 1953–1964. Cambridge etc., 2002. XV, 318 p. (Soviet and East European studies; 87).
Goldman W.Z. Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia. Cambridge etc., 2002. XVII, 294 p.
Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in revolutionary Russia. Pittsburgh, 2000. XII, 474 p.
Hillyar A., McDermid J. Revolutionary Women in Russia. 1870–1917: A Study in collective Biography. Manchester, 2000. 232 p.
Lass K. Vom Tauwetter zur Perestrojka: Kulturpolitik in der Sowjetunion (1953–1991). Köln etc., 2002. 448 S.
Legiec J. Armia Ukrainskiej Republiki Ludowej w wojnie polsko-ukrainsko-bolszewickiej w 1920 roku. Torun, 2002. 207 c.
Novgorod: Markt und Kontor der Hanse/Hrsg. von N. Angermann. Köln etc., 2002. VIII, 246 S. (Quellen u. Darstellungen zur hansischen Geschichte: Neue Folge; Bd. 53).
Politik und Religion in der Sowjetunion, 1917–1941/Hrsg. von Ch. Gassenschmidt, R. Tuchtenhagen. Wiesbaden, 2002. 260 S. /Schriften zur Geistesgeschichte des ostlichen Europa; Bd. 23/.
Ratchinski A. Napoleon et Alexandre I-er: La guerre des idees. Paris, 2002. 403 p.
Richter K. Osudovy omyl generala Vlasova: Literarne dokumentarni kolaz. Praha, 2003. 356, (2) c.
Russische Kultur und Gender Studies / Hrsg. von E. Cheaure, C. Heyder. Berlin, 2002. 525 S. (Osteuropaforschung; Bd. 43).
Seely R. Russo-Chechen Conflict, 1800–2000: A deadly Embrace. London, 2001. XI, 333 p.
Вербицкий Г.Г. Остарбайтеры: история россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию (Вторая мировая война): Док. и восп. Изд. 2, доп. Vestal, 2002. IV, 294 с.

Составлено по материалам
Государственной публичной
исторической библиотеки

СОДЕРЖАНИЕ

Писарькова Л.Ф. – Российская бюрократия в эпоху Петра I. Условия службы и характерные черты. *Окончание* 3
Козлов С.А. – Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XVIII – начале XX века (основные этапы) 20
Андреев А.Ю. – «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века 37
М.Т. Лорис-Меликов: путь к власти. *Окончание*
Твардовская В.А. – На посту генерал-губернатора в Астрахани и Харькове: победа над чумой и усмирение крамолы 55
Разманова Н.А. – Общественная инициатива торгово-промышленных кругов России и материальное обеспечение коммерческих училищ 74
Омельянчук И.В. (Украина) – Социальный состав черносотенных партий в начале XX века 84
Савченко В.Н. – Восточная Галиция в 1916–1920 годах (этнополитическая ситуация в крае) 96
Осокина Е.А. – Советская жизнь: обыденность испытания (на примере истории Торгсина и ОГПУ) 113
Быстрова И.В. – Советский военный потенциал периода «холодной войны» в американских оценках 124

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Ряжев А.С. (Тольятти) – Неизвестные проекты русского «просвещенного абсолютизма» по делам религии 143
Цветков В.Ж. – Новые публикации источников по истории Белого движения в России (1917–1922 гг.)... 155
Лаптева Е.В. – Некоторые характерные тенденции в развитии американского россиеведения 1990-х годов 159

Сообщения

Акульшин П.В. (Рязань) – Генерал-губернатор А.Д. Балашов..... 170
Конев А.Ю. (Тобольск) – Народы Северо-Западной Сибири в XIX столетии: обычное право и имперское законодательство 180

Письма в редакцию

Гросул В.Я., Иминов В.Т. – М.И. Кутузов и его критики 186
Иоффе Г. (Канада) – Честно говоря... 190

Критика и библиография

Петров Ю.А. – П.В. Лизунов. Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII – начало XX вв.) 195
Булдаков В.П. – Р. Уэйд. Русская революция 1917 года 198
Тютюкин С.В. – Петербургский комитет РСДРП в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. 202
Латыпов Р.А. (Обнинск) – Б. Патеноде. Большое шоу в большевистской России. Американская экспедиция помощи в борьбе с голодом в России 1921 г..... 205

Научная жизнь

Макариевские премии 2003 года..... 208
Алексеев В.В., Бочарова З.С. – История российской государственности и глобальные проблемы мирового развития. Ломоносовские чтения 2003 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова 209
Кабытова Н.Н., Васильева Ю.С. (Самара) – Над чем работают историки Самарского университета... 213

Докторские диссертации по отечественной истории 215
Новые книги по отечественной истории..... 216
Новые поступления зарубежной литературы по отечественной истории 221